Пьеръ Дюфуръ.

Исторія проституціи

романскихъ,
германскихъ
и славянскихъ
народовъ.

С.-Петербургъ.
„Центральная" тип. М. Я. Минкова, 3-я Рожд., 26.
1907.

Италія.

ГЛАВА I.

Христіанство. — Римъ. — Θеодора, — Мароція. — Сергій Іоаннъ. — Возрожденіе. — Борджіа. — Александръ VI. — Цезарь Борджіа. Лукреція Борджіа. — Юліанъ II. — Констанцскій соборъ. — Римъ въ XIX столѣтіи. — Вліяніе духовенства. — Римскія проститутки и бракъ. — Духовенство и семья. — Кардиналъ Сильвестръ. — Ханжество. — Монастыри. — Римъ, какъ столица Италіи.

Рухнуло римское государство подъ напоромъ полныхъ жизненной силы варваровъ—и въ Италіи воцарилось христіанство. Страстную борьбу вело христіанство во имя торжества нравственности противъ сластолюбія и разврата, но результаты этой борьбы были крайне незначительны. Слишкомъ велика была власть традиціи, освящавшей потворство грубымъ инстинктамъ, чтобъ ее возможно было сломить и общество зажило бы новой, цѣломудренной, или хотя-бы только сколько-нибудь нравственной жизнью. Исторіей отмѣчены, правда, отдѣльные случаи аскетизма, даже фанатическаго аскетизма—въ родѣ увѣчья, которое причинилъ себѣ отецъ церкви Оригенъ (185—254 г. п. Р. Хр.); но наряду съ такими случаями, исторія свидѣтельствуетъ о жалобахъ, раздававшихся противъ царившаго среди духовенства разврата—даже въ эпоху Деція, когда

христіанство еще подвергалось преслѣдованіямъ. Григорій Ниссейскій (333—394) предостерегаетъ противъ паломничества въ Іерусалимъ, въ виду того, что тамъ «добродѣтели разставлено множество силковъ и порокъ располагаетъ многообразными прелестями». Въ общемъ мы видимъ, что учителя церкви ревностно ратуютъ противъ плотскихъ вожделѣній, и самыя раннія церковныя кары обрушиваются противъ цѣломудрія, въ которомъ повиннымъ оказывается множество служителей церкви.

Власть церкви утвердилась, какъ извѣстно, при Пипинѣ Короткомъ, въ 755 г. Впервые настоящій обрядъ коронованія былъ совершенъ надъ папой Николаемъ I (858—867). Въ X столѣтіи Римъ отличался необыкновенной безнравственностью и порочностью, и къ этой эпохѣ особенно подходитъ общая характеристика, которую даетъ папскому городу Августъ Бебель въ своей книгѣ «Женщина и соціализмъ».

«Римъ былъ не только христіанской столицей и папской резиденціей; вѣрный своему прошлому, въ эпоху цезарей, онъ сталъ еще новымъ Вавилономъ, европейскимъ университетомъ безнравственности—и папскій дворъ сталъ его высшимъ центромъ. Римская имперія при своемъ паденіи завѣщала христіанской Европѣ свои пороки несравненно больше, чѣмъ свои добродѣтели. Пороки эти особенно культивировались въ Италіи и проникли оттуда, — главнымъ образомъ, благодаря общенію между собой духовенства,—въ Германію. Безчисленное духовенство, состоящее изъ здоровыхъ и крѣпкихъ мужчинъ, половая потребность которыхъ возростаетъ, благодаря праздной и полной излишествъ жизни, до огромныхъ размѣровъ, — вслѣдствіе вынужденнаго безбрачія, предоставляется полному воздержанію или удовлетворенію этихъ потребностей противоестествен-

нымъ путемъ; это духовенство разноситъ безнравственность во всѣ круги общества и представляетъ самую страшную опасность для женскаго населенія городовъ и деревень. Нерѣдко обнаруживалось, что монастыри — мужскіе и женскіе — только тѣмъ и отличались отъ публичныхъ домовъ, что жизнь въ нихъ была разнузданнѣе и распутнѣе, и многочисленныя преступленія — въ особенности дѣтоубійства—въ нихъ еще легче удавалось скрывать, уже потому, что въ монастыряхъ правосудіе отправлялось самими виновными, стоявшими въ главѣ преступности»...

Обрисованное здѣсь положеніе проявилось, однако, отнюдь не только въ эпоху среднихъ вѣковъ; такимъ оно было еще гораздо раньше, вѣчно подавая поводъ къ жалобамъ и предписаніямъ. Такъ напримѣръ въ 802 г. Карлъ Великій издалъ слѣдующее постановленіе: «Надъ женскими монастырями долженъ былъ учрежденъ строгій надзоръ. Монахини отнюдь не должны разгуливать свободно, а должны жить взаперти, не допуская никакихъ ссоръ и сваръ между собою, въ послушаніи и безпрекословномъ повиновеніи своимъ настоятельницамъ и аббатисамъ и въ строгой покорности монастырскому уставу. Не любодѣйству, не чревоугодничеству, не своекорыстію должны онѣ служить, но жить жизнью праведной и трезвой. И въ монастыри ихъ не долженъ входить мужчина иначе, какъ для богослуженія, и тотчасъ по окончаніи таковаго, долженъ уходить». Другое постановленіе 869 г. предписываетъ: «Если священнослужители держатъ нѣсколько женъ, либо если они проливаютъ кровь христіанина или язычника, либо если они нарушаютъ правила закона,— они должны быть лишены священическаго сана, ибо они хуже міряянъ»...

Въ X вѣкѣ, какѣ уже было упомянуто, папскій

Римъ отличался особенной безнравственностью. Θеодора, супруга консула Θеоѳилакта, была владычицей надъ папой, надъ Римомъ и, слѣдовательно, надъ церковью. Дочь ея, Мароція, была любовницей папы Сергія III (904—911), отъ котораго она родила сына, взошедшаго впослѣдствіи, по достиженіи имъ 20-лѣтняго возраста, подъ именемъ Іоанна XI (931—932), на папскій престолъ. Его предшественникъ и тезка, Іоаннъ X (914—928), былъ еще въ молодости любовникомъ Θеодоры, содѣйствовавшей также его восшествію на престолъ. Когда Мароціи понадобилось отдѣлаться отъ него, она приказала его задушить. Іоаннъ XI же былъ низверженъ своимъ братомъ, Альберихомъ, и заключенъ въ темницу, гдѣ онъ и умеръ въ 936 г. Слѣдующій папа, носившій это имя, Іоаннъ XII (955—964), былъ сыномъ Альбериха; онъ вступилъ на престолъ 18 лѣтъ и хотя процарствовалъ всего 8 лѣтъ съ небольшимъ, но «жилъ съ женщинами разныхъ званій и во дворцѣ его гремѣли оргіи и во время игръ въ кости раздавались безстыдныя клятвы Юпитеромъ, Венерой и духами ада *)». Императоръ Оттонъ Великій, котораго этотъ папа вѣнчалъ на царство, созвалъ церковный соборъ, который и лишилъ его папскаго сана и изгналъ изъ лона церкви за «убійство, прелюбодѣяніе, клятвопреступленіе и распутство».

Но еще хуже его былъ Бенедиктъ IX, достигшій также почти еще мальчикомъ папскаго достоинства (1033—1056), жизнь котораго, полная убійства и разврата, показалась нестерпимой даже римлянамъ. Григорій VII, Гильдебрандъ, поставилъ папское достоинство на высоту, подобающую его власти, ввелъ безбрачіе (бракъ для священнослужи-

*) «Herzog u. Plitt—Theolog. Encyclop.».

телей казался многимъ еще раньше неподходящимъ) и съ безплодной строгостью провелъ это требованіе въ интересахъ власти церкви. Духовные должны были покидать женъ и дѣтей, но во многихъ случаяхъ женѣ разрѣшалось все-же оставаться въ домѣ, хозяйкой котораго она была до тѣхъ поръ только въ качествѣ экономки. Это послѣднее установленіе привело впослѣдствіи къ узаконенію «поповскихъ кухарокъ», что является часто обыкновенной проституціей.

Д-ръ Гюгель сообщаетъ, что «въ Римѣ былъ учрежденъ, папской буллой Бенедикта IX отъ 1033 г., публичный домъ. Спустя пять столѣтій, въ царствованіе папы Павла II, для города Рима былъ изданъ особый проституціонный уставъ, согласно которому, между прочимъ, виновные въ продажѣ публичной женщины приговаривались къ лишенію гражданскихъ правъ и къ денежному штрафу въ 200 ф. *). Не уплатившій означенный штрафъ въ десятидневный срокъ подвергался отсѣкновенію ноги» **). «Виновный въ принужденіи публичной женщины къ разврату приговаривался, сообразно ея поведенію и размѣру проступка, къ ампутаціи правой руки, къ тюремному заключенію, къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ, или-же къ денежному штрафу въ 200 дукатовъ. За дурное обращеніе съ публичной женщиной, виновные, если они принадлежатъ къ простому званію, наказываются пыткой, плетьми и клейменіемъ лба, — если же они благороднаго происхожденія, то пыткой и однимъ годомъ тюремнаго заключенія».

*) „En monnaie de Province"

**) „Statuta et novae reformationes urbis Romae in sex libris novissime compilata, Romae 1558, in fol. lib. III, cap. LIX.

Папа Юліанъ II буллой, изданной въ 1510 г., отвелъ для проститутокъ опредѣленные кварталы города. Папа Левъ X подвергъ проституціонный уставъ Павла II пересмотру. Папа Климентъ VII постановилъ, чтобы половина имущества проститутокъ переходила послѣ ихъ смерти въ наслѣдство конвенту «de santa Maria de la Penitenza». Римскій маршалъ, на обязанности котораго лежало завѣдываніе публичными домами, обложилъ ихъ владѣльцевъ налогомъ *).

Папы Юліанъ III, Павелъ IV и Пій IV вновь издали во второй половинѣ XVI столѣтія отмѣненные прежде эдикты объ особомъ одѣяніи проститутокъ **). Папа Сикстъ IV устроилъ публичный домъ и взималъ съ арендаторовъ его значительный налогъ ***). Сикстъ V, большой врагъ проститутокъ, отмѣнилъ всѣ эти налоги, которые были установлены и Авиньонскими папами. Въ Авиньонѣ предсѣдательница дома, именовавшаяся аббатисой, назначалась городскимъ совѣтомъ ****).

Еще большей безнравственностью, если это только возможно, отличалась эпоха Возрожденія, принесшая такой пышный расцвѣтъ искусству и такую порчу нравамъ; моментомъ самой крайней порочности въ эту эпоху было владычество испанскаго рода Борджіа. Въ 1455 г. Аллонзо Борджіа, бывшій секретарь короля Арагонскаго, сдѣлался папой подъ именемъ Каликста III. Всего 3 года длилось господ-

*) *Bourquelot.* Mss. du XVI Siècl. — Bibl. Vot. Suppl. français, № 2036.

**) Labbe Sacrosancta Concilia t. I col. 1265 B.

***) *G. Franci*, tract. quo lupanaria ex principiis medicis improbautur. Heidelberg. 1674 § 3. Just. Lipsii Op. T. II, de magnitudine Romana, libr. II ct. VI.

****) *Balurci.* Vitae paparum Avenionensium notae p. 810.

ство этого 77-лѣтняго старца, но это время было полно гнусностей всякаго рода. Еще безграничнѣе, чѣмъ когда либо до него, практиковались при немъ злоупотребленія по замѣщенію видныхъ должностей родственниками, по протекціи, и самъ онъ возвелъ въ кардинальское достоинство своихъ двухъ молодыхъ племянниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ 22-лѣтній Родриго Ланцоль. Этотъ послѣдній сумѣлъ вскорѣ воспользоваться своимъ вліяніемъ (особенно съ помощью сокровищъ, которыя семья его захватывала всякими способами) до того, что послѣдующіе папы выбирались по его волѣ. Такъ были выбраны Пій II, Павелъ II и Сикстъ IV (1471-1484): имя послѣдняго связано съ введеніемъ инквизиціи въ Испаніи, съ необыкновеннымъ усиленіемъ свѣтской власти папъ съ исключительнымъ господствомъ непотизма и симоніи т. е. замѣщенія должностей по протекціи, по родственнымъ связямъ и за деньги, подкупомъ. Грегоровіусъ говоритъ въ своей «Исторіи города Рима»: «Непоты, бывшіе въ эту эпоху большей частью незаконными дѣтьми папъ, то и дѣло появляются и исчезаютъ съ каждой смѣной папъ, быстро овладѣваютъ властью и обрекаютъ въ жертву своей тираніи весь Римъ и даже самихъ папъ». О Сикстѣ было извѣстно, что одинъ публичный домъ приносилъ ему 20.000 дукатовъ дохода. Послѣ смерти Сикста IV, Родриго Ланцоль счелъ, что наступила его очередь въ родѣ Борджіа занять папскій престолъ; но выбраннымъ оказался кардиналъ Цибо, принявшій имя Иннокентія VIII (1482-1492) и прозванный также въ насмѣшку «Отцомъ отечества», такое множество дѣтей онъ имѣлъ.

Умеръ и Иннокентій, вспыхнула ожесточенная выборная борьба и побѣда оказалась, наконецъ, на сторонѣ Родриго, не поскупившагося на золото; онъ сдѣлался папой—Александромъ VI (1492—1503).

Это былъ воплощенный порокъ, человѣкъ «неистощимой чувственности», который вызывалъ упреки за безудержный развратъ даже со стороны папы, обязаннаго ему своимъ избраніемъ,—какъ Пій II—когда безнравственность жизни въ церковныхъ кругахъ стала переходить всякія границы. Отъ одной изъ своихъ любовницъ, римлянки Ваноццы де-Катанеи онъ имѣлъ пятерыхъ дѣтей, получившихъ всѣ имя Борджіа, изъ которыхъ сынъ Цезарь и дочь Лукреція прославились безстыднымъ развратомъ еще больше, чѣмъ ихъ отецъ. Не меньшую извѣстность пріобрѣли и многія другія дѣти Александра, а также и матери ихъ.

Нельзя сказать, чтобъ этотъ папа не былъ заботливымъ отцомъ: онъ щедро обогащалъ своихъ дѣтей, какъ себя самого, не забывалъ награждать ихъ и высокими должностями и всевозможными почестями,—не останавливаясь ради этого и передъ преступленіями. Въ день коронованія въ папы своего отца, Цезарь, бывшій тогда въ 16-лѣтнемъ возрастѣ, былъ произведенъ въ архіепископы, а однимъ годомъ позже—въ кардиналы. Правда, этотъ высокій духовный санъ не былъ, по закону, доступенъ незаконнорожденному, но это постарались обойти: лжесвидѣтелями было клятвенно подтверждено, что Цезарь—законный сынъ Доминика Ариньяно, одного папскаго секретаря, котораго принудили, еще задолго до того, вступить въ фиктивный бракъ съ Ваноццой. Но Цезарь былъ равнодушенъ къ своему высокому духовному сану, мечтая о свѣтскомъ и для этой цѣли прибѣгъ къ радикальному средству. Руками наемныхъ убійцъ онъ убилъ своего старшаго брата, Хуана, любимца папы, сдѣлавшаго его герцогомъ Гандіи, и сталъ фактически царственнымъ любимцемъ отца, который, впрочемъ, могъ знать, какъ произошло убійство. При этомъ надо замѣтить

еще, что Цезарь, такъ же, какъ и братъ его, Хуанъ, пользовался благосклонностью своей невѣсты Санчіо, супруги ихъ младшаго брата Джофрэ—обстоятельство довольно поразительное, если принять во вниманіе, что папа Александръ также повиненъ былъ въ кровосмѣшеніи, состоя въ связи съ собственной дочерью, Лукреціей, въ чемъ увѣрялъ ея мужъ, Джіованни Сфорца. Подобныя отношенія приписывались Лукреціи и съ ея двумя братьями, Хуаномъ и Цезаремъ,—утверждали, что и самое братоубійство было актомъ ревности. Когда Цезарь сдѣлался кардиналомъ, папа произвелъ въ кардиналы и Александра Фарнезе—ради «ширмы», какъ посмѣивались римляне—отчаяннаго кутилу, брата одной изъ ея любовницъ Александра VI, Юліи, супруги Урсина Орсини, мать котораго исполняла при этомъ почетную роль сводни. Безпутный кардиналъ Фарнезе сдѣлался впослѣдствіи (1534—1549) папой подъ именемъ Павла III и пріобрѣлъ извѣстность своей борьбой съ реформаціей.

Лукреція, супруга Джіованни Сфорца, родомъ изъ извѣстной миланской княжеской фамиліи, была дважды обручена раньше своего замужества, но заботливый отецъ на папскомъ престолѣ оба раза разстраивалъ налаживавшійся бракъ, какъ недостаточно блестящій для своей дочери. Вскорѣ, однако, его пересталъ удовлетворять и состоявшійся бракъ, онъ сталъ добиваться для своей дочери престола. Цезарь взялъ на себя заботу объ отправкѣ на тотъ свѣтъ зятя,—но тотъ былъ своевременно предупрежденъ и успѣлъ скрыться. Предупредила ли его дѣйствительно сама Лукреція, какъ утверждаютъ нѣкоторые—этотъ вопросъ для насъ остается открытымъ. Александръ объявилъ ея бракъ расторгнутымъ и повѣнчалъ ее съ герцогомъ Альфонзо Арагонскимъ. Вскорѣ и новый супругъ, узнавъ объ опас

ности, грозившей его жизни, вынужденъ былъ бѣжать; но былъ схваченъ и подвергнутъ нападенію со стороны нанятыхъ Цезаремъ бандитовъ. Отъ полученныхъ при этомъ нападеніи ранъ онъ, правда, вскорѣ выздоровѣлъ, но Цезарь, вмѣстѣ съ наемнымъ палачомъ, ворвался въ спальню, удаливъ оттуда предварительно Лукрецію, которая была, повидимому, противъ этого злодѣйства,—и молодой герцогъ былъ удушенъ. Убійство это надо было совершить потому, что Александру и Цезарю нужна была свобода Лукреціи, чтобъ отдать ея руку достойнѣйшему. Лукреція стала потомъ супругой наслѣдшаго принца Альфонзо Феррарскаго.

Убійства такого рода были вообще явленіемъ повседневнымъ; сплошь и рядомъ исчезали и наиболѣе высокопоставленныя духовныя особы, если это оказывалось выгоднымъ лицамъ, власть имущимъ. Утверждаютъ, что и самъ папа Александръ VI погибъ жертвой имъ самимъ задуманнаго убійства. Разсказываютъ, что онъ послалъ однажды увѣдомить богатаго кардинала, Адріана Корнето, о томъ, что онъ съ Цезаремъ будутъ у него обѣдать и яства принесутъ съ собой; это было принято въ то время. Кардиналъ былъ достаточно хорошо знакомъ со всѣми обстоятельствами, чтобъ догадаться безъ труда, что готовится замыселъ отравить его и овладѣть его казной. Онъ подкупилъ посланнаго слугу и подговорилъ его подать за столомъ отравленныя конфекты самому папѣ и его сыну, а кардиналу другихъ. Оба гостя заболѣли, но Цезарю удалось выздоровѣть, а папа умеръ. Другіе говорятъ, впрочемъ, что папа погибъ жертвой внезапной лихорадки.

Намѣстникомъ его былъ Пій IV, обладавшій также множествомъ дѣтей, но совершенно дряхлый старикъ, процарствовавшій всего двадцать шесть

дней. Послѣ него папскій престолъ перешелъ къ кардиналу Юліану Роверу, противнику семейства Борджіа, державшемуся, однако, изъ соображеній благоразумія, очень дружественно съ ними, пока они были у власти. Это былъ знаменитый воинственный Юліанъ II, бросившій, какъ говорятъ, однажды въ Тибръ знакъ своего папскаго достоинства съ слѣдующимъ гнѣвнымъ восклицаніемъ: «Если намъ не помогаетъ ключъ Петра,—пусть поможетъ намъ мечъ Павла!»

Со смертью Александра погибла вся власть рода Борджіа, низведшаго Римъ до самой низшей ступени порочности. «Ни одна самая мрачная эпоха Рима не сопровождалась такимъ ужаснымъ упадкомъ нравовъ, какой создали Борджіа, при которыхъ еще чудовищнѣе вырисовывалась черная тѣнь Ватикана въ яркомъ свѣтѣ возрождавшейся гуманности. Подъ развалинами старой церкви и, въ то же время, старой свободы Рима, возсѣдали въ великолѣпномъ одѣяніи отецъ и сынъ, неограниченные властелины»...

Съ владычествомъ Александра VI связано также сильное распространеніе сифилиса, занесеннаго войскомъ Карла VIII изъ Франціи при вступленіи его въ Италію и при осадѣ Неаполя; въ ту эпоху сифилисъ быстро привился въ странѣ и оттого носитъ до сихъ поръ названіе «неаполитанской» или «французской» болѣзни. Этому-же папѣ принадлежитъ честь введенія книжной цензуры; по его-же повелѣнію былъ сожженъ монахъ Савонарола, рѣзко выступившій противъ разврата Рима.

Цезарь Борджіа, девизомъ котораго было, какъ извѣстно, «Aut Caesar, aut nihil», бѣжалъ отъ преслѣдованій энергичнаго Юліана II сначала въ Испанію, затѣмъ къ своему зятю, королю Наваррскому, ведшему въ это время войну; въ этой войнѣ

Цезарь принялъ участіе и въ ней же погибъ, едва достигнувъ 30 лѣтъ, 12 марта 1507 года.

«Кровопійца» Юліанъ II, какъ называлъ его Лютеръ, былъ при достиженіи имъ власти старцемъ, зараженнымъ сифилисомъ; половымъ излишествамъ онъ предавался не такъ безудержно, какъ его предшественники, но они носили зато часто противоестественный характеръ; утверждали, по крайней мѣрѣ, что у него существовала безнравственная связь съ назначеннымъ имъ кардиналомъ Алидози.

Многое еще можно было бы привести для освѣщенія того, какая ужасающая испорченность нравовъ и порочность царила до и послѣ этой эпохи среди духовенства. Папа Іоаннъ XXIII (1410—1415) имѣлъ преступную связь, какъ укоряли его на Констанцскомъ Соборѣ, но только со своей невѣсткой, но еще и съ тремя стами монахинь. На Констанцскомъ Соборѣ было установлено существованіе семи сотъ публичныхъ женщинъ, не считая тайныхъ. Тріентскій Соборъ насчитывалъ триста «honestas meretrices, quas Cortegianas vocant»—а сколько было inhonestae, неизвѣстно. Не надо, однако забывать при этомъ, что, кромѣ духовныхъ особъ, присутствовало много и свѣтскихъ.

Приведемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній по поводу литературныхъ произведеній, связанныхъ съ развратомъ и проституціей. Остальное приведемъ въ слѣдующей главѣ. Веберъ-Демокритъ пишетъ:

«Кто повѣрилъ-бы что самыми безправственными книгами оказываются книги высокочтимыхъ теологовъ, называемыхъ казуистами. Никто такъ хорошо не зналъ тайнъ ночи, какъ эти неженатые господа и, благодаря этому контрасту, всѣ изрекаемыя ими съ чувствомъ и съ толкомъ непристойности выходятъ еще болѣе смѣшными и производятъ большее впечатлѣніе, чѣмъ новѣйшія наши сочиненія,—комическія, юмористическія или сатирическія. Петроній и его секта и въ сравненіе не могутъ пойти съ этими геніями опыта и изобрѣтательности, со всѣмъ богатымъ кругомъ идей этихъ толкователей шестой заповѣди. Врачи и физіологи бываютъ часто вынуждены, по профессіональной необходимости, называть вещи своими именами, чтобы быть понятыми,—и все же всѣ они, включая и знаменитую книгу доктора Венетта «О происхожденіи человѣка»—ничто въ сравненіи съ отцами-іезуитами Санкецомъ, Эскобаромъ, Бони, Бузенбаумомъ, и др. Эти грубые казуисты, неженатые навозные жуки являются самымъ жестокимъ и, въ то же время, самымъ восхитительнымъ пасквилемъ на институтъ безбрачія и безспорно заслуживаютъ, предпочтительно передъ всѣми другими церковными фоліантами, быть переплетенными въ свиную кожу!

Испанецъ Санкецъ, прозванный по заслугамъ ingens cloaca impuritatum, Bibliotheca Veneris, Ilias impuritatum, докторомъ науки сладострастья,—Санкецъ тридцать лѣтъ высиживалъ этотъ кодексъ Пріапа, свой фоліантъ «De S. matrimonii sacramento» (Антверпенъ 1607), заслуживающій быть поставленымъ во главѣ литературы такого рода. Изумительнѣе всего надпись теологическаго цензора, одобрившаго книгу: «legi et perlegi maxima cum voluptate («читалъ и перечитывалъ съ величайшимъ наслажденіемъ»)—величайшая наивность попа, воображеніе котораго подсказываетъ ему негодованіе противъ заглавія другой книги, по геометріи, и онъ предпочитаетъ перемѣнить слово «о *коническихъ* сѣченіяхъ» на *хроническое* сѣченіе.

Рѣдкая монастырская библіотека, почти ни одна не обходилась безъ этой книги,—а какое множество темныхъ грѣховъ должна она была порождать! Я спросилъ разъ эту скандальную книгу—и мнѣ бро-

силось въ глаза, что больше всего читались оба отдѣла «de impedimentis et de debito»; эти страницы были зачитаны до пятенъ, до того, что листы слипались! Но даже тщательный перечень Debiti ratione modi s. situs показался мнѣ не такимъ скандальнымъ, какъ слѣдующее мѣсто: «Pollutio praeter intentionem e. g. ex audentia confessionum, non est culpa lethalis—experientia enim compertum est, quantum doloris et molestiae ille pruritus in partibus verendis offerat et esse difficillimum, ne dicam, moraliter impossibile a refricatione abstinere!—Nemo damnat mundantem verenda a lanugine, sanguineque menstruo, quamvis inde subsequatur pollutio, ergo si necessitas in hoc casu excusat, excusabit pariter in illo»!..

Бенци ясно поучаетъ: «Vellicare genas et mammilas Monialium tanquam est tactus sub impudicus et de se venialis».—Busenbaumii Medulla Theologiae moralis (1652), бывшая въ рукахъ каждаго студента-католика, до такой степени вся полна непристойностей, что самъ авторъ, предвидя результаты своей морали, заканчиваетъ книгу буквально такъ: «Non obstante periculo pollutionis licet studere casibus conscientiae—и такіе рѣдкіе случаи заключаются въ особой главѣ! «an aliquando liceat procurara pollitionem? Licet ob finem honestum v. g. minuendae tentationis, sanitatis tranquillitatis animi, exonerationes naturae optare, modo desiderium non sit causa efficax»!

Голландецъ Беверландъ на-ново развиваетъ въ своемъ сочиненіи: Peccatum originale kat exochen 1678—старую теорію о томъ, что первородный грѣхъ есть въ сущности половой инстинктъ,—и распространяется объ этомъ въ безудержно-непристойныхъ выраженіяхъ. Онъ былъ изгнанъ изъ страны, но потомъ снова сталъ священникомъ въ Англіи

и умеръ въ 1712 г. Еще и въ наши эпохи Петеръ Басси въ Италіи ратовалъ за институтъ чичисбеевъ, соглашаясь считать дозволеннымъ только Larga, а Stretta—грѣховнымъ. Теперь смѣются только надъ его святою ревностью, и дѣти міра сего освѣдомляются шутя другъ у друга, съ чѣмъ имѣютъ дѣло—съ larga или съ stretta? Казуисты возсѣдали въ исповѣдальняхъ, ухо ихъ привыкало ex officio къ тысячамъ непристойностей, — и духовенство утратило всякое чувство приличія и пристойности, являясь величайшими сквернословами въ книгахъ и даже въ обществѣ. Сомнѣваюсь, былъ-ли простымъ насмѣшникомъ тотъ, кто написалъ въ Парижѣ четверостишіе, посвященное выгнаннымъ іезуитамъ:

Vous ne savez pas même le Latin,
Ne criez pas trop au destin!
Car vous mettez au masculin,
Ce qu'on ne met qu'au feminin!..

Книги «Легендъ», читаемыя народомъ, отличаются нерѣдко сквернословіемъ, не уступающимъ казуистамъ. «Maria Sanctimonialis in exstasi rapta vidit Dominum cum duobus fratribus ante lectum, qui de sub capa unguentum mirae fragrantiae proferens, tibiam ejus inunxit, quam unctionem dilectionis esse signum dixit»! Это мѣсто одной «легенды» стоитъ всѣхъ другихъ. И эти казуисты и пачкуны легендъ, задающіе въ своихъ исповѣдняхъ вопросы безстыднѣе всякаго безстыдства, являлись нашимъ старымъ юристамъ par nobile fratrum, когда доходили до главы Matrimonium (бракъ) или Delicta carnis (преступленіе плоти). Я самъ зналъ одного профессора права, умѣвшаго увеличивать число своихъ suavissimorum Dominorum auditorum тѣмъ, что смаковалъ свой предметъ, какъ циникъ древности.

Самымъ достойнымъ собратомъ Санкеца по свинству былъ и остается итальянскій юристъ Невиціанъ, съ своей книгой Sylva nuptiali 1521 года, полной комическихъ нападокъ на красавицъ. Онъ различаетъ mulier и mollis и приписываетъ имъ семь свойствъ: «Святыя въ церкви, ангелы при приближеніи къ нимъ, бѣсы въ домѣ, ночныя совы у окна, сороки на порогѣ двери, козы въ саду, зловоніе въ кровати»—и соотвѣтственно этому онъ и дѣла ихъ дѣлитъ на семь видовъ: матери-сводни, дѣвы—одержимыя любовью, вѣдьмы и т. д.

Юристъ Тираквеа, подарившій міру столько же книгъ, сколько и дѣтей—по тридцати тѣхъ и другихъ—былъ не менѣе безстыдный сквернословъ.

Интересное описаніе состоянія проституціи въ Римѣ въ серединѣ XIX столѣтія даетъ Теодоръ Мундтъ въ своей книгѣ: «Римъ и Неаполь».

«Съ добродѣтелью и цѣломудріемъ въ Римѣ все обстоитъ такъ же благополучно, какъ и съ благочестіемъ, которое превосходно уживается даже съ ремесломъ бандитовъ. Вѣдь и убійцы вполнѣ благочестивы и никогда не пропускаютъ церковнаго богослуженія; такъ же и добродѣтель и цѣломудріе. Кто же въ Римѣ не добродѣтеленъ и не цѣломудренъ,—особенно и преимущественно въ тѣхъ кругахъ, гдѣ исповѣдуется египетскій культъ проституціи? Тѣ сферы проституціи, которыя стали въ другихъ городахъ дьявольскимъ ауто-да-фе общественныхъ страданій, духовенство и полиція скрываютъ густымъ покровомъ, проникнуть за который могутъ только они одни, какъ истинно-посвященные и свои люди. Невольно вспоминается мѣткое выраженіе Казановы, сравнивавшаго священниковъ съ чиновниками по табачному акцизу, которые даромъ нюхаютъ тотъ табакъ, за который заставляютъ дорого платить другихъ.

«Это происходитъ отъ того, что проститутки, которыя въ теократіи никакъ не могли бы, конечно, составить привилегированный классъ, держатся по внѣшнему вполнѣ добродѣтельными и благонравными дочерьми церкви, въ глазахъ людей остаются благочестивыми и почтенными женщинами, которыхъ развѣ чрезмѣрное обиліе дѣлъ могло бы принудить пропустить обѣдню. Это можетъ приводить къ самымъ сквернымъ послѣдствіямъ, такъ какъ уличеннаго въ связи съ женщиной духовенство и полиція могутъ принудить,—во избѣжаніе непріятностей и дурного примѣра,—повѣнчаться съ соблазненной и войти съ нею въ тихую и благодатную пристань брака. Что она проститутка, — это препятствіемъ служить не можетъ: въ Римѣ проституція—больше частное дѣло, чѣмъ общественный промыселъ; и кромѣ того, суть въ томъ, что церковь не покидаетъ никого изъ своихъ вѣрныхъ и послушныхъ дѣтей; она принимаетъ снова даже совсѣмъ совратившихся, если только они вновь усердно прибѣгаютъ къ церковной благодати; какъ Христосъ превратилъ воду въ вино, такъ можетъ и она, церковь, превратить проститутку въ достойную уваженія и добродѣтельную мужнюю жену.

«Поэтому проституція представляетъ въ Римѣ кругъ, такъ строго и таинственно ограниченный, что онъ почти никогда не можетъ соприкоснуться съ остальной жизнью города и общества, и оттого Римъ представляется по внѣшности образцомъ строжайшей нравственности и пристойности. Однако, недавно французскимъ войскамъ въ Римѣ отлично удалось приподнять покровъ, скрывавшій римскую проституцію и выгнать ее изъ всѣхъ закоулковъ, пополнивъ даже ея составъ новыми элементами. Жертвою французской цивилизаціи, вторгшейся снова въ Италію, стала въ особенности женская

прислуга, игравшая до сихъ поръ очень мало замѣтную роль въ Римѣ,—и результаты этого тотчасъ обнаружились, до того замѣтные, что римскій воспитательный домъ San Spirito пришлось перестраивать и расширять, чтобы онъ могъ вмѣщать наплывъ множества новыхъ питомцевъ.

«Въ Римѣ управленіе дѣлами нравственности находится въ вѣдѣніи духовенства,—въ самомъ городѣ въ вѣдѣніи кардиналъ-викарія и его ассесоровъ, а по епархіи—въ вѣдѣніи мѣстныхъ епископовъ. Такимъ образомъ, духовенство стоитъ въ непосредственной и интимнѣйшей близости къ проституціи и обязано производить разслѣдованія и преслѣдованія такого рода, которыя отнюдь не подобаютъ пастырскому достоинству, но которыя не причиняютъ. повидимому, никакихъ непріятностей обѣимъ сторонамъ. Объединеніе духовной и свѣтской власти въ рукахъ римскаго духовенства приводитъ къ тягчайшимъ и опаснѣйшимъ испытаніямъ.

«Священослужители слоняются, наравнѣ съ полицейскими, среди занимающихся проституціей женщинъ и дѣвушекъ, они ближайшимъ образомъ посвящены во всѣ тайны грязнаго разврата, они знаютъ всѣхъ, занимающихся сводничествомъ и всѣхъ, пользующихся ихъ услугами, мужчинъ, выводящихъ на рынокъ собственныхъ женъ и дочерей, женщинъ, пополняющихъ своими тайными средствами получаемыя отъ мужа суммы. Къ этому надо прибавить опасность соблазна для нихъ самихъ, такъ какъ опасность эта можетъ приблизиться и къ пастырской плоти — которая, согласно святому Августину, еще больше воспріимчива къ грѣху, чѣмъ иная грѣховная человѣческая природа—на разстояніи ружейнаго выстрѣла, а порой и еще ближе.

Священники обязаны представлять въ викаріатъ

спеціальные доклады о состояніи нравственности по своимъ епархіямъ—а при этомъ строптивицы и упрямицы, не умѣющія, какъ слѣдуетъ, повиноваться духовнымъ увѣщаніямъ своихъ пастырей, легко могутъ быть аттестованы, какъ проститутки и посажены въ исправительный домъ Св. Михаила прясть шерсть. Наименованіе проститутокъ онѣ получаютъ только тогда, когда попадаютъ въ заключеніе; до тѣхъ же поръ, пока онѣ живутъ на свободѣ и въ добромъ согласіи съ пастыремъ своего прихода, онѣ могутъ пользоваться всѣми гражданскими правами и полнымъ почетомъ, какой бы враждебный общественнымъ правамъ и нравственности образъ жизни онѣ ни вели. Своихъ посѣтителей онѣ могутъ принимать совершенно открыто и днемъ, не подвергаясь за это ни малѣйшей опасности, и канарейки въ клѣткахъ, которыя онѣ обыкновенно вывѣшиваютъ, какъ символъ своего ремесла, передъ окнами своихъ домовъ, звонко и непринужденно зазываютъ своимъ свистомъ прохожихъ.

«Все это имѣетъ по внѣшнему въ высшей степени приличный и благопристойный видъ, и часто духовенство и полиція идутъ дружно рука объ руку въ общемъ стараніи обезпечить вѣрное и благожелательное покровительство позору. Разсказываютъ, напримѣръ, что кардиналъ Габріэль установилъ порядокъ, чтобы въ одной улицѣ, гдѣ жила одна падшая красавица, фонари зажигались только послѣ 2 часовъ пополуночи—для того, чтобы его преосвященство, привыкшее въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посѣщать эту улицу каждый вечеръ, могло покидать арену своихъ духовно-свѣтскихъ дѣйствій въ безмолвіи ночного мрака.

«Благодаря тому, что и духовенство, и полиція всячески стараются помочь проституткамъ сохранить тотъ странный уважаемый внѣшній обликъ,—

проститутки сохраняютъ и въ душѣ нѣкоторыя романтическія иллюзіи; и это придаетъ немалую опасность всякимъ отношеніямъ къ нимъ и также особый характеръ правосудію въ этой области. Дамы изъ парижскихъ заведеній вродѣ Mabille или Château de fleurs, имѣютъ внѣшній видъ не менѣе нравственный и приличный, чѣмъ тѣ красивыя, крѣпкія и широкоплечія римлянки, которыя торгуютъ своей добродѣтелью подъ епископскимъ жезломъ. Но парижская императорская лоретка, это истое дитя банкирской буржуазіи, питаетъ при всѣхъ своихъ авантюрахъ единственную цѣль—денежную,—и во всякомъ случаѣ совершенно далека отъ мысли о возможности для себя замужства... Въ священномъ же Римѣ существуетъ, напротивъ, проституція съ стремленіями къ законному браку, и этому диковинному стремленію покровительствуютъ всѣми имѣющимися въ ихъ распоряженіи средствами духовенство и полиція.

«Римская блудница заговариваетъ о законномъ бракѣ при всѣхъ обыкновеннѣйшихъ связяхъ, въ которыя она вступаетъ, и умѣетъ придать такой оборотъ дѣлу, что и текущія отношенія совершаются подъ романтической дымкой интриги, начинаясь таинственной авантюрой, чтобы закончиться благословеніемъ добродѣтельной пастырской руки, законнымъ союзомъ. Поповскій элементъ, присущій римской проституткѣ и глубоко вкоренившійся въ ея душѣ, благодаря благожелательному покровительству господъ духовныхъ, не только сосредоточиваетъ ея помыслы на солидномъ замужствѣ, но и придаетъ самой проституціи іезуитскій характеръ, сказывающійся въ особенности въ ухищреніяхъ, съ помощью которыхъ она домогается брака. На всякаго, появившагося у нея посѣтителя она смотритъ, прежде всего, какъ на кандидата въ супруги, кото-

рому она постарается всѣми силами навязать эту роль,—и потому она строитъ сложныя интриги, направленныя къ тому, чтобы пріятель возможно сильнѣе запутался, скомпрометтировавъ себя. Для этого она старается показываться съ нимъ почаще, публично здороваться съ нимъ и называть его всюду по имени, попадаться на глаза полиціи въ двусмысленной и запрещенной близости, вырвать у него, хотя бы только въ шутку данное, но при другихъ свидѣтельницахъ, обѣщаніе жениться; свою канарейку она способна призывать въ свидѣтели того, что пріятель овладѣлъ ею внезапно и насильственно.

«Безконечно разнообразны сцены этой опасной проституціонной комедіи, стремящейся, чего бы это ни стоило, къ развязкѣ въ видѣ законнаго брака. Когда дѣло доведено, въ концѣ концовъ, до суда кардиналъ-викарія въ Римѣ или епископа въ епархіи (что подготовлялось съ самаго начала), судебный приговоръ можетъ быть только самый безпощадный въ отношеніи несчастнаго подсудимаго, и съ его стороны благоразумнѣе будетъ сразу же примириться съ неизбѣжной женитьбой, чѣмъ перенести предварительнй унизительный процессъ надъ собой духовнаго трибунала. Трибуналъ располагаетъ тремя формулами, въ которыя облекаетъ въ подобныхъ случаяхъ свой приговоръ: 1) обвиняемый долженъ снабдить истицу приданымъ (aut dodet), 2) онъ долженъ жениться на ней (aut nubat), или 3) онъ долженъ быть сосланъ на галеры (aut ad triremes).

«Благодаря этому, римское духовенство превращаетъ бракъ въ своего рода ссылку, выбрасывая въ общество преступные элементы Римское духовенство заинтересованно въ томъ, чтобъ въ обществѣ не оставалось ни одной области, не подчинен-

ной ему и не захваченной имъ всецѣло. Вотъ почему оно съ одной стороны, легко и охотно вводя проститутокъ въ семью, въ которую оно вторглось со всѣмъ своимъ всеобъемлющимъ и гибельнымъ вліяніемъ,—съ другой стороны, швыряетъ семью въ проституцію, благодаря той роли, которую играетъ пастырь въ домѣ своихъ духовныхъ дѣтей, а также благодаря исключительно блестящей карьерѣ, которую дѣлаютъ на духовномъ поприщѣ преимущественно мужья красивыхъ женщинъ; такимъ образомъ разрушается и разлагается самая сердцевина организма брака.

«Вѣрное основному принципу церкви, духовенство, стремящееся повсюду къ объединенію и связи духовной и свѣтской власти, старается вогнать внутрь общественнаго организма его ядовитые элементы, и эти яды пропитываютъ собой всѣ самыя благородныя части соціальнаго тѣла. Поэтому проститутка сдѣлалась самымъ яркимъ и самымъ полнымъ символомъ этого духовно-свѣтскаго режима церковнаго государства; она есть истинная нимфа въ этой священной рощѣ, которая, увлекая и призывая, указываетъ въ то же время, гдѣ находятся опасныя мѣста, подъ зеленымъ пестрымъ покровомъ которыхъ притаилась смертоносная топь. Прекрасныя соблазнительныя нимфы древняго міра были первобытныя божества, жившія въ рѣкахъ, пещерахъ, на деревьяхъ и бывшія ихъ ангелами-хранителями. Правда, бывали и у нихъ приключенія всякаго рода съ проѣзжими чужестранцами, нерѣдко платившимися за нихъ своимъ имуществомъ и самой жизнью,—но ихъ нельзя было укорить въ томъ, что они работали исключительно на жрецовъ, хотя онѣ будто-бы собственной грудью кормили Зевса. Ихъ преемницы на классической почвѣ современной проституціи въ Римѣ Зевса, правда, не вскармливали,

но онѣ сдѣлались истинными нимфами римскаго поповскаго хозяйства и питаютъ всю систему своей доступной грудью.

«Участіе духовенства въ жизни семьи и руководительство ею, выражающееся въ томъ, что оно является утѣшителемъ во всѣхъ скорбяхъ мужа и жены, совѣтчикомъ въ дѣлахъ обученія и воспитанія дѣтей и вообще опекаетъ широкимъ вмѣшательствомъ всевозможныя стороны и отрасли супружеской жизни—все это представляетъ оборотную сторону его духовной дѣятельности въ области проституціи. Всего ярче сказывается деморализующая и растлѣвающая роль духовенства въ низшихъ кругахъ населенія Рима, гдѣ домашній духовникъ является полнымъ опекуномъ жизни семьи. Прежде всего, это сказывается въ томъ, что глава семьи, бѣдный ремесленникъ, чувствуетъ себя совершенно застрахованнымъ отъ вѣчной муки и отъ всякой кары, церковной и небесной,—разъ молодой духовникъ такъ часто посѣщаетъ его домъ, даетъ ему во всякое время свое благословеніе и неизмѣнно печется о его женѣ и его потомствѣ. Обезпеченный съ этой стороны, онъ вскорѣ начинаетъ пренебрегать трудомъ, проводитъ много времени внѣ дома, предается удовольствіямъ, увлекается играми въ общественныхъ мѣстахъ.

«Вскорѣ его благосостояніе падаетъ, но вслѣдъ за тѣмъ оно вдругъ снова подымается, оттого что жена его молода и хороша и домашній духовникъ самъ порекомендовалъ ее нѣсколькимъ кардиналамъ, съ которыми онъ близокъ. И вотъ бѣдному ремесленнику обильнымъ потокомъ нахлынули деньги, работа, подарки, протекція. Онъ спасенъ; но что сталось съ его молодой и красивой женой? Если-бы отпущеніе и благословеніе отцовъ духовныхъ не могли исправить во всякое время все, даже содѣян-

ное ихъ собственными руками,—она давно, разумѣется, стала бы отверженной, несмотря на свои темные пламенные глаза мадонны и на другія обольстительныя чары, также общія у нея съ пресвятой дѣвой. Но очевидно, съ ней ничего дурного не случилось,—одно только бросается въ глаза мужу, что число духовныхъ господъ, посѣщающихъ его жену, все возрастаетъ и что они вскорѣ начинаютъ являться въ его домъ уже не въ своемъ почтенномъ духовномъ одѣяніи, а въ изящныхъ свѣтскихъ костюмахъ, какъ будто замаскировываясь, какъ будто начавъ находить неприличнымъ—показываться въ своемъ одѣяніи.

«Нерѣдко бываетъ, однако, и такъ, что духовный завсегдатай его дома, именно благодаря своимъ правильнымъ посѣщеніямъ, какъ ширмою укрываетъ кое-что недоброе, что совершается въ домѣ, особенно женской его половиной. Офицеры французскихъ оккупаціонныхъ войскъ не мало способствовали совершенію такихъ темныхъ дѣлъ, растлѣвавшихъ римскую семью, но монсиньоры, всегда готовые къ услугамъ прекрасныхъ римлянокъ во всякой бѣдѣ, помогаютъ имъ часто справиться и съ подобнымъ скандаломъ и со всѣмъ дипломатическимъ искусствомъ, всѣми средствами своей власти умѣютъ набросить покровъ благоприличія и на эти дѣла. «Еще и поэтому, изъ соображеній удобствъ обладанія такими друзьями, римлянки относятся съ такой любовью къ духовникамъ. Никто въ мірѣ не можетъ быть милѣе и роднѣе ихъ сердцу, чѣмъ аббатъ, отправляющій всѣ общественныя функціи, для которыхъ въ другихъ странахъ существуютъ поручики. Остается удивляться поэтому непослѣдовательности разговорнаго языка, который оставляетъ въ употребленіи условную шутку: «она обзавелась своимъ маркизомъ», какъ говорятъ итальянки о

дѣвушкѣ, вступившей въ регулярныя мѣсячныя отправленія: сообразно мѣстнымъ обычаямъ, гораздо умѣстнѣе было бы поминать въ этихъ случаяхъ аббата.

«Порой случается, однако, и самимъ духовнымъ особамъ попадать по такимъ поводамъ въ непріятныя исторіи публичнаго скандала. Былъ, напримѣръ, случай съ незадолго передъ тѣмъ посвященнымъ кардиналомъ де-Сильвестри—позорная исторія, какая могла произойти только въ Римѣ. Однимъ раннимъ утромъ на лѣстницѣ дворца, въ которомъ жилъ кардиналъ, былъ найденъ въ корзинкѣ мертвый ребенокъ,—по всѣмъ признакамъ, умерщвленный матерью. Поступокъ свидѣтельствовалъ не только объ отчаяніи горя, руководившемъ несчастной въ ея трагической рѣшимости, но и о страстной жаждѣ мести, такъ какъ трупикъ ребенка оказался завернутымъ въ крошечную красную кардинальскую мантію, очень аккуратно сдѣланную спеціально для этой надобности. Вниманіе окружающихъ осталось надолго прикованнымъ къ ужасающей сатирѣ, скрывавшейся въ этомъ происшествіи».

Приведенная выписка даетъ намъ превосходное, общее и исчерпывающее описаніе состоянія нравовъ папскаго Рима около половины девятнадцатаго столѣтія. Она рисуетъ намъ положеніе, въ которомъ вопросъ этотъ находился ранѣе и до самаго занятія Рима королевскими войсками Италіи—картину того, какъ обстоялъ и, частію, обстоитъ еще и теперь этотъ вопросъ, несмотря на почти полную перемѣну, происшедшую съ тѣхъ поръ въ политическихъ соціальныхъ условіяхъ страны.

Изумительную картину царящаго, наряду съ этимъ, лицемѣрія и ханжества рисуетъ намъ слѣдующее мѣсто названной книги.

«Въ странѣ, гдѣ въ теченіе многихъ столѣтій

всѣ боги и богини Олимпа пребываютъ нагими или безстрашно ввѣряютъ себя мрамору со всѣмъ, что имѣютъ,—въ этой странѣ студентъ, изучающій медицину, не можетъ добиться разрѣшенія препарировать совершенно обнаженное тѣло женщины, умершей въ госпиталѣ, а вынужденъ примириться съ необходимостью работать въ анатомическомъ театрѣ при наличности шлагбаумовъ, воздвигнутыхъ въ видѣ повязокъ и покрывалъ на извѣстныхъ мѣстахъ тѣла, признаваемыхъ духовенствомъ особенно опасными. Въ мѣстахъ, являющихся своеобразнымъ гнѣздилищемъ земной грѣховности, не можетъ хозяйничать и анатомическій ножъ студента безъ надзора церкви. Точно также, практическій курсъ акушерства можетъ проходиться на медицинскомъ факультетѣ только съ величайшей осторожностью,—и чтобы не приводить сразу студентовъ на территорію дьявола, студенты учатся родовспомогательному искусству сначала на куклахъ, и на нихъ упражняются во всѣхъ пріемахъ обращенія съ живымъ женскимъ тѣломъ».

Какъ о курьезѣ, упомянемъ еще объ указѣ, изданномъ директоромъ полиціи, по настоянію всемогущаго кардинала Антонелли, въ защиту кринолиновъ, когда царила мода на нихъ; іезуиты особенно ненавидѣли кринолины, и по ихъ наущенію чернь и уличные мальчишки преслѣдовали это одѣяніе.

Подобныя сообщенія мы находили и у многихъ другихъ писателей путешественниковъ. Анонимный авторъ книги «Reise-Fragmente» (1850) разсказываетъ: «Если свѣтское духовенство устраивается такъ, чтобы удовлетворять своему простительному, по законамъ природы, женолюбію за счетъ женатыхъ людей,—зато за крѣпкими стѣнами закрытыхъ мужскихъ монастырей, смотря на всѣ бичеванія

грѣховной плоти горячихъ итальянцевъ, царитъ порой Satyriasis, а въ нѣкоторыхъ женскихъ монастыряхъ распространена Nymphomanie, небезъизвѣстная еще во времена весталокъ въ Италіи».

Немало еще можно было бы привести образцовъ гибельности вліянія и примѣра духовенства на состояніе нравовъ современнаго населенія Рима; но съ другой стороны надо признать, что въ самое последнее время свѣтскаго господства папъ, въ Римѣ стало замѣтно по крайней мѣрѣ стремленіе къ нравственному оздоровленію; можно, разумѣется, усмотрѣть и въ этомъ лицемѣріе, но нѣкоторое почтеніе къ нравственности все-же нарождается.

20 сентября 1870 года вошли итальянскія войска въ Римъ, а 9 октября того-же года былъ изданъ королемъ Викторомъ-Эмануиломъ II декретъ, которымъ упразднялось существованіе церковнаго государства. Римъ сталъ отнынѣ столицей объединенной Италіи. Само собой разумѣется, что измѣнившееся во всѣхъ отношеніяхъ положеніе не могло не отразиться сильно и на состояніи нравственности. Но несмотря на это,—несмотря на крупныя ограниченія власти духовенства, несмотря на уничтоженіе большинства монастырей и пр.—Римъ сохранилъ еще большіе слѣды былого положенія вещей, зародыши прошлаго, которые не скоро еще, быть можетъ, искоренятся. Въ общемъ же, Римъ представляетъ въ послѣднія три десятилѣтія XIX столѣтія, въ отношеніи проституціи, картину, ничѣмъ не отличающуюся отъ большинства столицъ европейскаго материка,—и, пожалуй, даже нѣсколько болѣе благопріятную картину, чѣмъ Неаполь и нѣкоторые другіе крупные итальянскіе центры.

Въ эпоху папства Пія IX въ Римѣ насчитывалось семь домовъ терпимости, заключавшихъ 56 обитательницъ. Когда въ 1870 г. новое прави-

тельство ввело регламентацію проститутокъ,—ихъ оказалось на-лицо 180; четыре года спустя, ихъ насчитывалось 526. Во всей Италіи было зарегистрировано въ 1878 г. ровно 10.000 проститутокъ,—тогда какъ фактически въ одномъ только Римѣ ихъ было уже тогда больше. Изъ числа этихъ 10.000 оказалось 2.455 моложе 21 года и 251—старше 40 лѣтъ. Въ 1888 г. для Италіи составленъ былъ новый регламентъ публичныхъ домовъ, причемъ были отмѣнены регистрація и правильный санитарно-полицейскій надзоръ. Въ Италіи, какъ и повсюду почти, полиція вызвала упрекъ въ томъ, что она содѣйствовала разврату изъ видовъ собственной личной выгоды.

ГЛАВА II.

Нравственность въ Италіи.—Флоренція. Венеція.—Генуя.—Кондотьеры.—Королева Іоанна.—Неаполь.—Культъ Пріапа.—Литература.—Пьетро Аретино.—Ла Каза.—Танзильо.—Боккаччіо.—Касти.—Пульчи.—Аріосто.—Тассо.—Бойардо.—Фоленго.—Берни.—Лангобарды. Венеція.—Поясъ цѣломудрія.—Чичисбей.—Право первой ночи.—Содомизмъ.—Женщины.—Неаполь.—Руффіанъ.—Проституція въ новѣйшую эпоху.

Примѣръ Рима, сила традиціи, прирожденная страстность темперамента и способность легкаго отношенія къ жизни, жестокія внутреннія неурядицы и многія другія условія приводили къ тому, что состояніе нравственности другихъ частей Италіи было не лучше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже хуже, чѣмъ въ папскомъ городѣ. Распавшаяся на маленькія, другъ другу угрожающія государства, жертва и добыча хищныхъ кондотьеровъ съ ихъ ордами, арена всѣхъ европейскихъ войнъ, большею

частію также предоставленная произволу корыстныхъ домоганій и всяческихъ низкихъ страстей отдѣльныхъ фамилій, захватившихъ власть,—страна эта, этотъ прелестный уголокъ земли, еще меньше всякой другой страны, могъ сохранить надлежащую нравственную высоту.

Данте называлъ, правда, свой родной городъ Флоренцію—«трезвымъ и цѣломудреннымъ»,—что было, пожалуй, преувеличенной лестью и въ его время. Буркгардтъ называетъ Флоренцію городомъ вѣчнаго движенія, а Венецію—городомъ кажущейся неподвижности. Итальянцы дали этому городу цвѣтовъ простое, но выразительное прозвище «la bella»—красавица, а императоръ Карлъ V говорилъ о немъ: «Флоренція такъ прекрасна, что на нее слѣдовало бы позволять смотрѣть только по праздникамъ». Зато въ другихъ отношеніяхъ Флоренція пользовалась уже много вѣковъ тому назадъ довольно дурной славой. Выраженіе «florenzen» встрѣчается еще у Гейлера (въ XV столѣтіи) въ отношеніи педерастіи. Флорентинцы имѣютъ насмѣшливое прозвище «слѣпыхъ» на томъ основаніи, что у нихъ будто бы слабое зрѣніе вслѣдствіе неумѣреннаго служенія богинѣ Венерѣ. О состояніи нравственности въ XIV столѣтіи въ городѣ цвѣтовъ даютъ яркое представленіе новеллы Боккачіо «Декамеронъ».

Что касается Венеціи, ее характеризуетъ итальянская поговорка въ стихахъ, о томъ, что нужно венеціанцу:

La mattina una messetta,
La podisnar una bassetta
E la sera una donnetta

(утромъ—коротенькая обѣдня, днемъ—небольшая игра, вечеромъ—молодая женщина). Другая пого-

ворка заключаетъ предостереженіе противъ четырехъ *P* въ Венеціи: Pietra bianca (бѣлые камни мостовой), Prete (духовенство), Putana (непотр. женщины), Pantalone (дворяне). Подобная же поговорка существовала, какъ предостереженіе противъ Рима, гдѣ надо было опасаться четырехъ *F*: Famina (голодъ), Frigus (холодъ), Fructus (плоды), Femur (женщины).

Для Генуи, прозванной «гордой» существуетъ характеристика: въ ней «Monte senza legno, mare senza pisce, donne senza vergogna, gente senza fede»—(горы безъ деревьевъ, море безъ рыбы, женщины безъ стыда, мужчины безъ чести). О Луккѣ, прозванной «прилежной», идетъ, напротивъ, такая слава: «цѣломудренна, какъ женщина изъ Лукки», а Капую прозываютъ коротко «влюбленной».

Для характеристики нравственнаго состоянія Италіи въ XIV столѣтіи, приведемъ нѣсколько строкъ изъ одной старинной хроники: «Каждый день совершалось преступленіе. Кражи и грабежи происходили повсюду. Больше всего безобразій совершалось въ женскихъ монастыряхъ. Не щадили маленькихъ дѣвочекъ и женъ похищали изъ дома мужа». Безудержной грубостью отличались кондотьеры; это были кутилы и развратники, и эти качества приписывались также народному трибуну Кола ди Ріензи. Атаманъ одной шайки, Гоуквудъ, увидѣлъ однажды ссору двухъ своихъ адъютантовъ изъ-за обладанія монахиней. Чтобы наскоро положить конецъ борьбѣ, онъ всадилъ монахинѣ кинжалъ въ грудь.

Неаполь имѣлъ двухъ королевъ,—обѣ Іоанны и обѣ безнравственныя. Іоанна I (1343—1382), внучка Роберта Анжуйскаго и его наслѣдница, приказала удавить своего супруга Андреа Венгерскаго и впослѣдствіи сама подверглась той-же участи,—послѣ того какъ породила въ Неаполѣ большія

смуты,—отъ руки завоевателя Неаполя, Карло Дураццо. Іоанна II (1414—1435) слыла особенно безнравственной—это была Мессалина съ такой горячей кровью, что она должна была приказывать обливать себя холодной водой, «такъ какъ трава, на которую она садилась, превращалась—по словамъ хроники—въ четверть часа въ сѣно».

Въ Неаполѣ появились впервые законы противъ проституціи*), относящіеся къ эпохѣ Роджеровъ I и II (1071—1127) и Вильгельмовъ I и II (1154—1169). Въ первое время, согласно этимъ законамъ, женщины, соблазнявшія мужчинъ, наказывались, какъ виновныя въ нарушеніи супружеской вѣрности, отрѣзываніемъ носа, позднѣе-же ихъ наказывали плетьми и выжигали клейма на лбу. Первой изъ этихъ каръ подвергались также матери, склонявшія къ разврату своихъ дочерей. Лица, занимавшіяся продажей очень распространенныхъ въ то время «любовныхъ напитковъ», подвергались смертной казни въ томъ случаѣ, если употребленіе этихъ напитковъ имѣло вредныя послѣдствія.

Карлъ Анжуйскій (1266) утвердилъ законы своихъ предшественниковъ о сводничествѣ. Фердинандъ I (1485) установилъ смертную казнь за проституцію и высокіе денежные штрафы за содѣйствіе проституціи доставленіемъ убѣжища. Въ 1507 г. всѣмъ занимавшимся проституціей было предписано покинуть городъ въ десятидневный срокъ, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, ссылки на галеры. Въ 1577 г. лица, сдававшія квартиры проституткамъ, приговаривались къ тремъ годамъ галеръ (Pragmatica edicta etc. tit. LXXXVII. De meretricibus prag. IV et V). Для надзора за проституціей было открыто

*) *Hugel*- «Zur Geschichte, Statistik und Regelung der Prostitution», Wien, 1865, S. 34.

въ Неаполѣ особое судебное учрежденіе Corte sabella della meretrici, которое однако пришлось упразднить въ 1678 г. вслѣдствіе множества злоупотребленій. Въ царствованіе королевы Іоанны I изданъ былъ въ 1347 г. регламентъ для публичныхъ домовъ, который нѣкоторые изслѣдователи *) считаютъ мистификаціей.

Докторъ Юліусъ Кюнъ говоритъ по этому поводу: «Нельзя не отмѣтить, что и неаполитанская королева Іоанна, повидимому, издала эдиктъ противъ проституціи еще въ 1847 г. Но это были скорѣе уставы для учрежденія дома терпимости въ Авиньонѣ и мѣропріятій противъ распространенія сифилиса, пріобрѣвшіе крупную извѣстность, такъ что Astruc пользовался ими при своихъ изслѣдованіяхъ о сифилисѣ и его распространеніи. Впослѣдствіи обнаружилось, однако, что названный высокоученый изслѣдователь былъ введенъ въ заблужденіе нѣсколькими шутниками, которые при допросѣ ихъ объ этихъ уставахъ только и могли сообщить, что они сами составили ихъ на провансальскомъ нарѣчіи. Несмотря на плагіатъ, упомянутые уставы попали, въ качествѣ первоисточниковъ, во всѣ труды ученыхъ изслѣдователей, даже новѣйшаго времени».

Какъ бы тамъ ни было, самъ по себѣ уставъ этотъ настолько важенъ и оказалъ такое существенное вліяніе на всѣ дальнѣйшія изслѣдованія, что мы не можемъ не познакомить съ нимъ нашихъ читателей. Сдѣлаемъ только предварительно еще нѣсколько замѣчаній по поводу положенія проституціи въ Неаполѣ и другихъ городахъ Италіи.

Вопреки всѣмъ строгимъ узаконеніямъ противъ занимающихся проституціей, число ихъ до такой

**) *Rabutaux*—«De la prostitution en Europe», Paris, 1851.

степени продолжало возрастать въ Неаполѣ, что уже въ XVI столѣтіи оказалось необходимымъ допустить существованіе легальной проституціи. Забавныя вещи разсказываетъ объ этомъ городѣ Веберъ-Демокритъ. Въ Кастелло Нуово показываютъ такъ называемый самоговорящій гербъ. Оффиціально извѣстныя публичныя женщины исходатайствовали себѣ разрѣшеніе выстроить, взамѣнъ обложенія ихъ другими, болѣе обременительными пошлинами, бастіонъ и повѣсили на воротахъ его самоговорящій гербъ своего ремесла. Императоръ Карлъ V, человѣкъ чрезвычайно серьезный, только посмѣивался надъ этимъ. Къ чему однако были эти символическіе гербы, когда за воротами стояли сами эти дѣвицы и показывали in natura свои гербы?..

«Въ Ломбардіи—читаемъ мы въ упомянутомъ сочиненіи Гюгеля—послѣ изданнаго въ 1502 г. такъ называемаго «Миланскаго Статута», весь проституціонный промыселъ переданъ былъ въ вѣдѣніе подесты (городского головы, консула по полномочіямъ). Согласно этому статуту, публичнымъ домамъ были отведены опредѣленные городскіе кварталы, проституткамъ воспрещалось гулять въ общественныхъ мѣстахъ, продажа и переходъ по наслѣдству концессій по содержанію домовъ запрещались и нарушеніе этого статута наказывалось денежными штрафами, плетьми или изгнаніемъ изъ города.

«Когда въ XVII столѣтіи проституція достигла въ Ломбардіи своего кульминаціоннаго пункта, тогда и здѣсь были сдѣланы попытки легализаціи проституціи и публичныхъ домовъ, которыхъ было открыто множество въ Миланѣ, Падуѣ, Мантуѣ, Павіи, Бергамо, Флоренціи, Венеціи, Луккѣ и др. городахъ».

Венеція, обладавшая уже издавна нѣсколько болѣе высокой цивилизаціей, государственныя учрежденія которой долго служили образцомъ другимъ

средневѣковымъ государствамъ, имѣла еще въ XIII столѣтіи узаконенія, согласно которымъ публичнымъ женщинамъ было отведено опредѣленное мѣстопребываніе (всѣ Case Rampane). Публичные дома были государственными заведеніями, населенными, согласно закону 1412 г., привезенными изъ Германіи женщинами—для огражденія цѣломудрія туземныхъ женщинъ. Назначенныя правительствомъ содержательницы этихъ домовъ обязаны были взимать съ гостей плату по установленной таксѣ—обыкновенно считалось по 2 талера*), а излишекъ долженъ былъ ежемѣсячно выдаваться женщинамъ.

Въ Генуѣ половыя излишества приняли къ началу XVII столѣтія такое распространеніе, что публичныя женщины должны были совершенно исчезнуть изъ города, вслѣдствіе огромной конкурренціи, явившейся со стороны тайной проституціи. Содержаніе публичныхъ женщинъ въ баняхъ—обычай, бывшій въ большомъ распространеніи во всей Италіи,—былъ запрещенъ въ Генуѣ въ 1534 г. Подобно тому, какъ это бывало въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городахъ, здѣсь также была своя «королева публичныхъ домовъ», на обязанности которой лежалъ надзоръ за исполненіемъ всѣхъ предписаній.

Приводимъ содержаніе устава**), утвержденнаго для Авиньона уже упомянутой Іоанной I, королевой обѣихъ Сицилій и графиней Прованса. Учрежденныя ею заведенія носили названіе «дѣвичьихъ монастырей».

1. Августа 8-го 1847 года добрая королева наша Іоанна разрѣшила открыть дѣвичій монастырь въ

*) *Vicolo Doglioni*,—Delle cosi notabili della Cità di Venezia,—Venezia, 1857, p. 23.
**) *Peter Frank*,—Medizinische Polizei, Mannheim, 1780, II, 33.

Авиньонѣ для удовольствія публики. Ей не угодно дозволить, чтобы любезныя женщины расселялись по всему городу, а она приказываетъ имъ селиться исключительно въ домѣ, и желаетъ, чтобы эти женщины, дабы ихъ легко было отличить, носили на плечѣ красный бантъ.

2. Если какая-нибудь дѣвушка согрѣшила и обнаруживаетъ желаніе продолжать это и впредь, то служитель суда долженъ взять ее за руку, провести подъ барабанный бой и съ краснымъ бантомъ на плечѣ черезъ весь городъ и доставить ее въ домъ, гдѣ находятся ея будущія подруги. Онъ долженъ запретить ей показываться гдѣ-либо въ городѣ, подъ угрозой наказанія тайно плетьми въ первомъ случаѣ нарушенія этого предписанія, во второмъ-же случаѣ—публичнаго сѣченія розгами и высылки изъ страны.

3. Наша добрая королева повелѣваетъ, чтобы этотъ домъ былъ построенъ въ улицѣ don Pontroucat, близъ Августинскаго монастыря, простираясь до каменныхъ воротъ послѣдняго. Въ домѣ этомъ должна быть дверь, черезъ которую всякій могъ-бы войти въ него; но она должна быть такъ плотно заперта, чтобы ни одинъ мужчина не могъ посѣтить поселенныхъ въ немъ женщинъ безъ разрѣшенія начальницы-аббатиссы, ежегодно вновь избираемой городскимъ совѣтомъ. Начальница должна хранить ключъ при себѣ и серьезно предупреждать приходящихъ молодыхъ людей о томъ, чтобы они ни шуму не подымали, ни женщинъ не мучили; такъ какъ при малѣйшей принесенной на нихъ жалобѣ они будутъ уводимы въ башню и заключаемы подъ стражу.

4. Воля королевы такова, чтобы каждую субботу настоятельница, вмѣстѣ съ выбраннымъ городскимъ совѣтомъ хирургомъ, изслѣдовали каждую женщину и если найдутъ среди нихъ такую, которая схватила

происшедшую отъ ея ремесла болѣзнь (se ben trobo qualcuno, qu'abia mal vengut de paillardiso), то ее должны помѣстить въ отдѣльное отъ остальныхъ женщинъ помѣщеніе, дабы никто не могъ приблизиться къ ней и молодежь была-бы гарантирована отъ заразы.

5. Если-бы какая-либо изъ этихъ женщинъ забеременѣла, то начальница должна позаботиться о томъ, чтобы она не разрѣшилась младенцемъ преждевременно; поэтому она должна заявить объ этомъ совѣту, дабы совѣтъ могъ доставить ребенку все необходимое.

6. Начальница ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права разрѣшить мужчинѣ войти въ домъ въ дни страстной пятницы, страстной субботы и въ день Святой Пасхи—подъ страхомъ отрѣшенія отъ должности и публичнаго наказанія плетьми.

Равнымъ образомъ, королевѣ угодно, чтобы женщины жили между собой, не ссорясь и не ревнуя другъ друга, чтобы онѣ ничего другъ у друга не отымали и не дрались; она желаетъ, напротивъ, чтобы онѣ любили другъ друга, какъ сестры; въ случаѣ возникновенія спора, настоятельница должна примирить и успокоить ихъ,—при этомъ каждая изъ нихъ обязана подчиняться рѣшенію настоятельницы.

8. Если какая-нибудь изъ женщинъ провинилась въ кражѣ, настоятельница должна увѣщаніями побудить ее добровольно возвратить украденное; если виновная уклоняется подчиниться этому, настоятельница должна подвергнуть ее тѣлесному наказанію, съ помощью служителя, въ отдѣльной комнатѣ; если-же виновная уличается въ этомъ проступкѣ вторично, то подвергается публичному наказанію плетьми рукой палача.

9. Далѣе, королевѣ угодно, чтобы настоятельница

запрещала доступъ въ этотъ домъ евреямъ; если же, несмотря на это, путемъ какой-нибудь хитрости, еврей все-таки проникнетъ въ домъ и вступитъ въ сношенія съ одной изъ женщинъ—онъ долженъ быть взятъ подъ стражу и проведенъ по всѣмъ улицамъ города, подвергаясь ударамъ плетьми.

«Въ одномъ изъ уголковъ неаполитанскаго королевства, въ Изерніи, сохранился, говорятъ, культъ Пріапа и до нашего времени, только Пріапъ называется св. Козимо. Гамильтонъ привезъ съ собою въ Лондонъ много снимковъ, давшихъ случай издать рѣдкую англійскую книгу съ непристойными гравюрами. Племя, происходившее отъ греческой крови, приносило обыкновенно въ жертву, въ праздникъ св. Козимы, изображеніе части тѣла, носящей названіе большого пальца ноги св. Козимы,—и монахи вели крупный и прибыльный торгъ этими восковыми фигурами. Одна женщина, вполнѣ довольная своимъ жребіемъ, положила свою восковую жертву на алтарь св. Козимы со словами: «Ti ringrazio»! (благодарю тебя). Одна незамужняя женщина принесла жертву покрупнѣе и со вздохомъ проговорила: «St. Cosimo tale quale» (св. Козимо, пошли хоть что нибудь). Болѣе же скромныя дѣвушки клали свой даръ на алтарь, ничего не предписывая и заявляя просто: «St. Cosimo mi recommando» (поручаю себя св. Козимѣ») *).

Вѣрную картину состоянія нравовъ въ Италіи рисуетъ намъ, разумѣется, литература; упомянемъ еще о нѣсколькихъ образцахъ въ дополненіе къ ранѣе приведеннымъ. Если говорить о непристойной литературѣ, то въ первую очередь заслуживаетъ быть названнымъ Пьетро Аретино (1493—1557), сочиненія котораго усердно читались и извѣстны

*) Weber-Democrit.

еще и нынѣ. Аретино былъ очень талантливъ, но и циниченъ выше всякой мѣры; все-таки онъ не заслуживаетъ такого безпощаднаго осужденія, съ какимъ къ нему относится также несвободный отъ цинизма Веберъ. Вотъ что онъ говоритъ о немъ:

«Между итальянскими писателями болѣе поздняго періода первое мѣсто принадлежитъ безспорно Аретино, вся жизнь котораго была настоящимъ торжествомъ безстыдства, при отсутствіи какихъ бы то ни было принциповъ и серьезныхъ познаній. Даже самое рожденіе его было плодомъ нецѣломудренности, а своими скудными знаніями онъ былъ обязанъ переплетному ремеслу. Изгнанный изъ своего города, онъ отправился въ Римъ въ качествѣ слуги, Левъ X принялъ его подъ свое покровительство, а потомъ и Медичи, когда онъ долженъ былъ оставить Римъ за свои сонеты, къ которымъ Джуліо Романо изготовилъ непристойныя гравюры. Іоаннъ Медичи умеръ на его рукахъ, и Аретино отправился въ Венецію, гдѣ жилъ однимъ литературнымъ заработкомъ. Ни одно изъ его сочиненій не представляетъ никакой цѣны, а его безнравственнѣйшія «Raggionamenti» не имѣютъ даже цѣны, какъ непристойная, но талантливая вещь—и тѣмъ не менѣе онъ получалъ подарки отъ могущественнѣйшихъ монарховъ за лесть, а отъ лицъ менѣе высокопоставленныхъ—изъ страха. Этотъ безстыдный человѣкъ называлъ себя бичомъ вельможъ, «il divino» (божественнымъ), и даже мечталъ, говорятъ, о кардинальской мантіи. Тиціаномъ былъ написанъ его портретъ, существовала и медаль съ его изображеніемъ и надписью: «Divus Aretinus» (божественный Аретино) и «Veritas parit odium» (правда вызываетъ ненависть).

Вольтеръ, этотъ идолъ нашихъ временъ, и на половину не получилъ того множества отличій и

подарковъ, которыми былъ щедро осыпанъ этотъ невѣжественный, нахальный и бездарный писака. Зато онъ, правда, щедро получалъ и побои и даже кинжальные удары—и оттого тѣло его по словамъ Боккалини, походило своимъ пестрымъ видомъ на морскую карту; онъ называлъ свое тѣло магнитомъ для кинжаловъ и палокъ. Но еще чувствительнѣе ранили его Берни и Ник. Франко своими удачными насмѣшливыми стихотвореніями. Смерть его была похожа на всю его безпутную жизнь, посвященную поровну насмѣшкѣ, наживѣ, чревоугодію и непутевымъ женщинамъ,—онъ даже умеръ, въ сущности, отъ смѣха, такъ какъ во время смѣха надъ безпутными продѣлками своей сестры въ Венеціи, навзничь упалъ вмѣстѣ со стуломъ (156 в.) и получилъ оказавшійся смертельнымъ ушибъ. Самая остроумная изъ эпитафій на этого жалкаго героя гласитъ:

Qui giace, Poeta Tosco,
Che disse mal d'ognun che d'Iddio,
Scusandosi col dire: non lo conosco!

(Погребенный здѣсь поэтъ порочилъ всѣхъ, кромѣ Бога; о Немъ онъ говорилъ: я его не знаю).

Не меньшей извѣстностью пользовался Ла-Каза, папскій нунцій въ Венеціи и Беневентскій архіепископъ (ум. 1556) за свои грязныя писанія Capitol dei Baci, dell'Martello, della Stizza, de Nonne di Giovanni, преимущественно же del Forno. Однако, въ этой знаменитой вещи отнюдь нѣтъ восхваленія грязнаго національнаго порока итальянцевъ; его врагъ, Верджеріусъ, затѣявъ противъ него процессъ за ересь, совсѣмъ несправедливо обвинялъ его въ томъ, что имъ было написано сочиненіе во славу этого порока—de laudibus sodomiae,—между тѣмъ этому долго вѣрили. Три тома его Capitoli полны двусмысленностей и непристойныхъ аллегорій, очень

мало остроумныхъ и даже скучныхъ. Лучшимъ его сочиненіемъ слѣдуетъ признать Galateo; довольно невинная книжка, заключающая описаніе нравовъ и достоинствами не уступающая Декамерону и Костиджіану.

Танзильо (ум. 1570)—писатель такого же рода, но которому не удалось заслужить благоволенія папы Пія IV, несмотря на то, что вскорѣ послѣ изданія не понравившагося ему томика стихотвореній поэтъ написалъ священное стихотвореніе Le Lacrimae di St. Pietro, которымъ разсчитывалъ загладить впечатлѣніе. Въ большинствѣ изданій его стихотвореній выпущена Vindemiatore — пожалуй, самая удачная и красиво написанная, хотя и скабрезная вещица.

Новеллы итальянцевъ Банделло и Боккаччіо, Hecatomini—Чинтіо и Adone—Марино, вплоть до болѣе поздняго новеллиста Касти, вращаются преимущественно вокругъ мотивовъ любви и наслажденій, хотя они въ выраженіяхъ гораздо сдержаннѣе и приличнѣе.

Южане, гораздо болѣе живые и легко возбудимые, чѣмъ сѣверяне, отличаются и большимъ легкомысліемъ и гораздо большей свободой выраженій—такъ что по однимъ этимъ признакамъ неправильно еще заключать о менѣе удовлетворительной нравственности. Привычка дѣлаетъ то, что здѣсь иное слово не кажется такимъ неприличнымъ, какъ показалось-бы суровому сѣверянину—совершенно также, какъ и у древнихъ; такимъ образомъ кардиналъ Бамбо могъ написать свои Asolani—о природѣ любви—нисколько не оскорбляя требованій нравственности. Данте рисуетъ дьяволовъ своего «Ада» въ образѣ довольно комическомъ,—они показываютъ ему, правда, дорогу, но высовываютъ языки, скалятъ зубы, а предводитель ихъ дѣлаетъ и прямо неприличныя вещи.

Боккаччіо—самый знаменитый изъ новеллистовъ, и если ему иногда и случается быть скучнымъ, вслѣдствіе нѣсколько излишней итальянской болтливости, съ которой онъ вырисовываетъ свои исторійки,—зато нѣкоторыя изъ нихъ, особенно разсказанныя отъ лица монаховъ и монахинь, вызываютъ самый веселый смѣхъ. Лучшими его разсказами слѣдуетъ признать—они и самые вольные въ то же время—Il diavolo in inferno и Non voglio coda, вошедшіе въ поговорку. Банделло, доминиканецъ и епископъ,—еще гораздо скучнѣе, въ девяти томахъ его нельзя найти крупинки соли, и съ Бокаччіо его положительно сравнить нельзя. Знаменитый эпосъ несправедливо осужденнаго и забытаго Марино, его Adone въ двадцати пѣсняхъ, полный музыкальности и веселыхъ картинъ (за что онъ и попалъ въ число запрещенныхъ книгъ), заслуживаетъ вниманія еще и теперь; негодующій шумъ противъ него подняли, въ сущности, его неудачливые подражатели.

Касти превосходитъ ихъ всѣхъ,—его Novelle galanti—не только изящныя новеллы, но и безспорно самыя остроумныя и лучшія изъ всѣхъ, и при этомъ самыя короткія. Невозможно читать безъ улыбки удовольствія и трудно оторваться отъ его 48 новеллъ, въ числѣ которыхъ особенно приковываютъ новеллы о папской буллѣ Александра VI, о пражскомъ архіепископѣ, объ антихристѣ, о штанахъ святого Гриффона, о соловьѣ, объ архангелѣ Гавріилѣ и мн. др.

Итальянцы занимаютъ первое мѣсто въ комическомъ эпосѣ и «Secchia rapita» Тассони, секретаря кардинала Колонны (ум. 1635)—самый ранній эпосъ ихъ,—поэтому очень многаго отъ него ожи-

дать нельзя. Его «Похищенное ведро» представляетъ каррикатурное изображеніе итальянскихъ войнъ и распрей между маленькими городами въ средніе вѣка; но былъ ли и первоначально комическій элементъ этой вещи не слишкомъ силенъ, или же отъ времени для насъ многое стало непонятнымъ,—но особеннаго впечатлѣнія она не производитъ. Такое же слабое и тусклое впечатлѣніе производятъ теперь и Браччіолини, и Минуччи и мн. др. Нѣсколько выше комизмъ и остроуміе Margante maggiore (1480) Пульчи, хотя и онъ часто становится плоскимъ, благодаря тому, что онъ ищетъ комическое въ словахъ, а не въ вещахъ. Подобно Аріосто, онъ изображаетъ темныя стороны жизни и дѣяній рыцарства, и орудіемъ, которымъ онъ ополчается на него, Пульчи выбираетъ... догматику. Пульчи былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Лоренцо Медичи. Онъ еще кощунственнѣе Боккаччіо, но книга его все же никогда не вызывала запрещенія, такъ какъ онъ осмѣивалъ только самый культъ, а Декамеронъ—его высокочтимыхъ служителей. Каждый стихъ у него начинается по-духовному.

In principio era il verbo appresso a Dio.

(Вначалѣ было Слово рядомъ съ Богомъ)—и большею частію и оканчивается по духовному:

Comme io seguitterò nell'altro Canto
Colla virtù dello Spirito Santo.

(Перехожу теперь къ слѣдующей пѣснѣ съ благословенія Св. Духа).

Слѣдующая пѣснь снова начинается:

Non mi lasciare, o Vergine di gloria!
Tanto ch'io possa ordinar questa historia.

(Не оставляй меня, святая Дѣва, доколѣ я не

кончу свою повѣсть)—и снова рѣзкимъ контрастомъ звучатъ такіе стихи:

Or questo son trè virtù cardinale
La Gola, il Dada e l'Culo, come io t'o detto!

(Есть три кардинальныхъ добродѣтели, какъ я уже сказалъ тебѣ: ѣда, игра, вино).

Въ другомъ мѣстѣ, когда великаны привѣтствуютъ благочестивыхъ монаховъ камнями, игуменъ говоритъ имъ: «спасайтесь, манна падаетъ». Одинъ изъ его героевъ, Морганте, признается, что онъ вѣруетъ, во первыхъ, въ вино—и всякій въ него вѣрующій спасется; затѣмъ онъ вѣруетъ въ тортъ и въ пирожное—первый мать, а второе сынъ—и еще въ жаркое; все вмѣстѣ составляетъ триединое блаженство. Пульчи—истинный мастеръ флорентинскаго нарѣчія, это цѣлый архивъ областныхъ поговорокъ, и оттого онъ неудобенъ для перевода на другіе языки, но въ оригиналѣ интересенъ еще и теперь.

Очень высоко заслуживаетъ быть поставленнымъ національный итальянскій поэтъ, Аріосто. Его «Неистовый Роландъ» соединяетъ въ себѣ Иліаду, Одиссею и Донъ-Кихота. Аріосто родился въ 1474 г. въ Феррарѣ. По желанію старика отца, онъ посвятилъ себя изученію права, но томился этими науками, такъ какъ его влекло къ древности и къ поэзіи, за что старикъ ворчалъ. По окончаніи курса, онъ имѣлъ счастье поступить на службу къ кардиналу Эсте и оставался на этой службѣ 17 лѣтъ, получая 75 скуди въ годъ, которые даже неаккуратно уплачивались. Потомъ онъ разстался съ кардиналомъ, такъ какъ не хотѣлъ послѣдовать за нимъ въ Венгрію и почувствовалъ себя, повидимому, гораздо лучше на службѣ у герцога,—но дикая Графанья, куда послалъ его герцогъ губернеромъ, могла ему

такъ же мало понравиться, какъ и Оденвальдскія горы. Когда кардиналъ прочелъ «Роланда», онъ только спросилъ его: «Messer Ludovico! dove avete pigliato tante coglionnerie»! (откуда вы набрали столько нелѣпостей!). Папа Левъ X взялъ его, правда, подъ свое покровительство, но также ничего не сдѣлалъ для этого нетребовательнаго человѣка, самымъ горячимъ желаніемъ котораго была независимость,—которой онъ такъ и не достигъ всю жизнь. Онъ умеръ въ 1533 г. въ Феррарѣ въ собственномъ домѣ, который еще и донынѣ посѣщаютъ его почитатели.

Аріосто стоитъ особнякомъ въ современной ему литературѣ. Въ его «Роландѣ» перемѣшаны возвышенныя идеи съ комическими, смѣшныя и странныя съ высоко-моральными, чувственные образы съ ужасными,—все то, что назвалъ кардиналъ «нелѣпостями». Но достаточно прочесть «Роланда» на его родномъ божественномъ языкѣ,—чтобы почувствовать потребность снова и снова перечитывать его. Галилей зналъ наизусть «Роланда» и сатиры Аріосто. Самъ Тассо—единственный, кого можно сравнить съ нимъ, единственный достойный соперникъ, называетъ Аріосто своимъ господиномъ и учителемъ. Въ Италіи за Аріосто до сихъ поръ сохранилось прозвище il divino (божественный), и онъ дѣйствительно заслуживаетъ этого больше, чѣмъ Данте—какъ Микель-Анжело и Рафаэль въ искусствѣ; въ другихъ же странахъ Тассо ставятъ выше.

Тассовскій Gerusulema liberata («Освобожденный Іерусалимъ»)—эпосъ очень серьезный, какъ извѣстно, и къ нашему обзору не можетъ имѣть отношенія. Скорѣе здѣсь умѣстно упомянуть объ Adone Марино, чувственные стихи котораго слѣдуетъ приписать вліянію неаполитанскаго климата, но котораго стоитъ читать и теперь гораздо больше, чѣмъ но-

вѣйшія эпопеи этого рода, полныя остроумія—и онъ заслуживаетъ того, чтобы ему можно было простить его безумную вещь La strage degli innocenti (невинное дѣтоубійство). Тассо работалъ десять лѣтъ надъ своимъ твореніемъ и перерабатывалъ его всю жизнь. Аріосто не такъ творилъ, онъ и совсѣмъ не хотѣлъ признавать никакихъ законовъ искусства. Но я скажу вмѣстѣ съ итальянцами: «Che regole? e regola, quanto fa un tant uomo»! (Что тамъ правила! Правило—это то, что дѣлаетъ такой человѣкъ). И если-бы я увидѣлъ Аріосто, я бросился-бы ему на шею и воскликнулъ-бы, какъ кардиналъ: «И откуда вы только набрали столько нелѣпостей!»

Аналогичную тему избралъ Бойардо, графъ Скандіано, но умеръ въ 1494 году, не окончивъ поэмы и теперь она встрѣчается очень рѣдко, между тѣмъ какъ Orlando inamorato Берни, составляющій продолженіе и переработку Роланда Бойардо, можно встрѣтить всюду, хотя онъ гораздо ниже его достоинствами; но оба они составляютъ съ Аріосто одно цѣлое. Берни—флорентинецъ родомъ, секретарь одного епископа въ Римѣ, а позднѣе во Флоренціи, гдѣ онъ и умеръ въ 1543 г. въ званіи каноника—былъ безспорно однимъ изъ самыхъ блестящихъ умовъ своего вѣка; веселый чудакъ, онъ изъ за своихъ веселыхъ чудачествъ не достигъ и высшихъ ступеней въ духовной карьерѣ—довольно было, напримѣръ, основаннаго имъ веселаго общества, назвавшаго себя Vignajuoli (виноградарь). Берни—это итальянскій Скарронъ; по его имени, самый родъ поэзіи—шутливой, веселой и остроумной—Poésie burlesque—названъ Poesie bernesca, берніевской поэзіей. Вслѣдствіе этого читатели ожидаютъ обыкновенно найти у него больше комизма, чѣмъ находятъ въ дѣйствительности; но развѣ жизнь и

приключенія рыцарства недостаточно комичны сами по себѣ? Но что всѣ они—и Бойардо, и Берни, и самъ божественный Аріосто—въ сравненіи съ Сервантесомъ? Главная прелесть итальянцевъ коренится въ самомъ очарованіи гармоническаго языка Италіи.

Можно было-бы привести еще множество именъ менѣе крупныхъ талантовъ, изощрявшихся весело и остроумно въ звучныхъ и красивыхъ стихахъ на однѣ и тѣ же темы, осмѣянія духовенства и рыцарства—и все это, въ большинствѣ случаевъ, нескромности и непристойности въ приличной формѣ аллегорій и метафоръ. Драматическія сочиненія этого рода мы можемъ и совсѣмъ обойти молчаніемъ.

Позднѣйшая и новѣйшая итальянская литература представляетъ также множество болѣе или менѣе остроумныхъ образцовъ изъ той-же области скользкихъ двухсмысленностей. Но такъ какъ они особенно замѣтно не отличаются отъ аналогичныхъ сочиненій въ другихъ литературахъ и сами по себѣ также особенно крупнаго значенія не пріобрѣли, то намъ нѣтъ необходимости и останавливаться на нихъ. Вернемся къ исторіи нравовъ Италіи.

Помимо наслѣдія, оставленнаго древнимъ Римомъ, до крайности дурныхъ примѣровъ со стороны папъ и духовенства, и многихъ другихъ, приведенныхъ нами ранѣе причинъ,—были еще нѣкоторыя обстоятельства, гибельно вліявшія на состояніе народной нравственности. Въ числѣ этихъ вліяній значительную роль играло смѣшеніе съ различными другими народами,—главнымъ образомъ, съ восточными. Но даже смѣшеніе съ германцами, нравственность которыхъ пользуется доброй славой, не принесло хорошихъ результатовъ. Что касается лангобардовъ, давшихъ впослѣдствіи свое имя Ломбардіи,—трудно съ увѣренностью сказать, заимствовали-ли они свою

вѣтренность отъ итальянцевъ, или она была свойственна ихъ собственной натурѣ; несомнѣнно только, что особенность эта существовала. Мантегацца сообщаетъ въ своей «Психологіи любви»: «Лангобарды вручали свой подарокъ невѣстѣ, который они называли утреннимъ даромъ, въ первое-же утро послѣ брачной ночи, и эта награда за дѣвственность составляла иногда цѣлую четверть всего состоянія супруга. Нѣкоторыя предусмотрительныя женщины,—прибавляетъ злой критикъ,—выговаривали себѣ этотъ утренній даръ еще до вѣнца, такъ какъ онѣ были вполнѣ увѣрены, что заслужить его не смогутъ».

Упадку нравственности и развитію проституціи много способствовали и торговыя республики,—Генуя и, въ особенности сильно, Венеція. Венеціанцы, покидавшіе часто домъ, отлучаясь въ далекія страны на своихъ судахъ—къ слову сказать, носившихъ удивительный девизъ: «Siamo Veneciano e poi Christiani» (мы, прежде всего, венеціанцы, а потомъ уже христіане),—имѣли, благодаря этому, причины, а часто и основанія для ревности. Чтобы гарантировать физическую вѣрность своихъ женъ, они ввели такъ называемый поясъ цѣломудрія, который можно видѣть въ нѣкоторыхъ музеяхъ, а гдѣ-нибудь на Востокѣ онъ, вѣроятно, еще и сохранился. Эти изумительные стражи добродѣтели попали, вѣроятно, изъ Италіи и въ другія страны. По крайней мѣрѣ, Брантомъ разсказываетъ, что въ эпоху Генриха III эти изящные инструменты были привезены на Сенъ-Жерменскую ярмарку. Что касается утвержденія, что въ Восточной Индіи и въ Африкѣ мужья бывали вынуждены иногда заводить подобныя приспособленія для собственной защиты отъ неумѣренной чувственности женъ,—то на это встрѣчаются, правда, указанія въ болѣе старыхъ

сочиненіяхъ, но едва-ли это сколько-нибудь вѣроятно.

Своеобразнымъ явленіемъ въ Италіи были (теперь это не сохранилось,— по крайней мѣрѣ, какъ узаконенный обычай, этого больше не существуетъ), чичисбеи. Чичисбей—это другъ дома, вѣрнѣе, терпимый самимъ мужемъ другъ хозяйки дома,—обычай, имѣющій свое происхожденіе изъ Венеціи и нѣсколько напоминающій прежнія рыцарскія ухаживанія, которыхъ, впрочемъ, Италія совершенно не знала. Предполагалось, что чичисбей питаетъ къ своей дамѣ сердца только «платоническую любовь»,—и часто случалось даже, что въ брачномъ контрактѣ жена выговаривала себѣ право обзавестись такимъ другомъ. Но чичисбеатъ вырождался часто въ безстыднѣйшія формы и неоднократно являлся кинжалъ оскорбленнаго супруга или наемнаго убійцы мстителемъ за поруганную семейную честь.

Въ деревняхъ помѣщики осуществляли распространенное прежде, къ прискорбію, во всей Европѣ, право первой ночи; нѣкоторые утверждаютъ, что въ Сициліи это право существовало еще даже въ XVIII столѣтіи. Къ этой формѣ насильственной, принудительной проституціи мы еще подробнѣе вернемся при обзорѣ состоянія нравственности въ Германіи.

Какъ спеціальный порокъ итальянцевъ, извѣстны уже съ давнихъ поръ разнаго рода противоестественные пути удовлетворенія половой потребности; замѣтимъ кстати, что поселившіеся вмѣстѣ съ Екатериной Медичи при французскомъ дворѣ итальянцы оказали гибельное вліяніе на мѣстные нравы. Содомія считалась, правда, и въ Италіи, какъ во всѣхъ странахъ Европы, преступленіемъ, заслуживающимъ смертной казни; но здѣсь она каралась такъ снисходительно, что наказаніе почти походило на поощреніе—въ томъ смыслѣ, какой придавала запретности одна итальянка, когда горестно воскликнула, наслаждаясь фруктовымъ мороженнымъ: «Ахъ, отчего ѣсть мороженное не грѣхъ!» Для полноты блаженства ей недоставало только запрета. Межъ тѣмъ, какъ во Франціи виновный въ содомскомъ грѣхѣ сжигался на кострѣ, въ Италіи виновный могъ отдѣлаться денежнымъ штрафомъ въ 36 турн. и 9 дукатовъ *).

Но въ Италіи имѣли и имѣютъ распространеніе не только педерастія, содомія и подобныя противоестественности, которыя во всей Европѣ приняли, къ прискорбію, съ теченіемъ времени гораздо большее распространеніе, чѣмъ могутъ предположить простодушные люди, — даже на статуи тамъ была обращена безумная чувственная изобрѣтательность. Очень возможно, что не одна только лицемѣрная чопорность побудила кардинала Дорія заказать для своихъ античныхъ статуй гипсовыя панталоны, а папу Павла IV—предписать Даніелю де Вольтерра одѣть свои нагія произведенія искусства (за что онъ получилъ, какъ извѣстно, отъ Сальватора Розы, насмѣшливое прозвище «панталоннаго мастера»). Нерѣдко встрѣчались въ ту пору и одѣянія изъ жести. На итальянокъ, впрочемъ, видъ нагихъ фигуръ производитъ мало впечатлѣнія. «Нѣмка изумилась-бы, — говоритъ Веберъ, — если-бы слышала, какъ смѣло критикуютъ флорентинскія и римскія дамы, привыкшія созерцать произведенія искусства, подробности античной наготы. Мои соотечественницы были-бы возмущены, если-бы видѣли, какъ итальянку видъ какого-нибудь Пріапа смущаетъ не больше любой соломинки».

*) „Taxe de partie casuelles de la boutique du pape“, trad. par A. du Pinet, Lyon, 1564.

Послушаемъ уже цитированнаго нами автора «Fragmente» о положеніи этого вопроса въ Италіи въ серединѣ XIX столѣтія.

«Всякая молоденькая дѣвочка уже на двѣнадцатомъ году, — въ Италіи въ этомъ возрастѣ уже наступаетъ зрѣлость,—непремѣнно обзаводится возлюбленнымъ, съ которымъ общится устно и письменно, такъ что профессіональные писцы на площадяхъ или подъ навѣсами рынковъ пишутъ почти только любовныя письма. И несмотря на свой огневой темпераментъ, на южное пламя, сверкающее изнутри въ ихъ глазахъ, они умѣютъ сохранять цѣломудріе въ незамужнемъ положеніи, что доказывается всего вѣрнѣе тѣмъ, какъ рѣдки здѣсь сравнительно внѣбрачныя рожденія. Происходитъ-ли эта воздержанность отъ непоколебимой добродѣтели, или отъ страха передъ непріятными послѣдствіями — рѣшить трудно; болѣе вѣроятно, однако, послѣднее соображеніе въ виду того, что за эту дѣвическую воздержанность онѣ умѣютъ вознаграждать себя, становясь замужними женщинами. Тогда обыкновенно устраиваются такъ, что жена принимаетъ услуги какого-нибудь cavaliere servente, охотно исполняющаго обязанности мужа, такъ какъ супружеская вѣрность не подлежитъ изслѣдованію со стороны bocca della verità, — а супругъ вскорѣ беретъ себѣ подругу, и обѣ стороны счастливы въ супружествѣ. Ревность испытываютъ обыкновенно только влюбленный или влюбленная, въ бракѣ это чувство почти совершенно чуждо. А грѣхи такого рода со стороны благочестивыхъ женщинъ заботливые духовники вполнѣ отпускаютъ на исповѣди. Если при такомъ запрещенномъ общеніи съ женщинами, угроза кинжала ревниваго супруга и не часто предвидится, — тѣмъ болѣе приходится предвидѣть и опасаться elytritis troblennorrhoe, что

имѣетъ большое распространеніе на югѣ. Хотя платоническая любовь, какъ видно изъ всего сказаннаго, имѣетъ здѣсь мѣсто не такъ часто и гораздо больше ей предпочитается эпикурейская любовь, — все же итальянскія ночныя народныя развлеченія не такъ безстыдно неприличны и не такъ откровенны, какъ вечернія въ нѣкоторыхъ большихъ европейскихъ городахъ. Здѣсь ни одна проститутка, даже самая презрѣнная, не унизится до нахальной навязчивости, и житья нѣтъ только отъ бородатыхъ сводней, назойливо пристающихъ съ вопросами и предложеніями; даже въ церкви нельзя быть гарантированнымъ отъ ихъ предупредительнаго шопота».

Далѣе тотъ-же авторъ сообщаетъ, что, по сравненію съ генуэзскими женщинами, неаполитанки гораздо менѣе красивы отъ природы, но могутъ съ успѣхомъ соперничать съ ними, благодаря своему изяществу и уму. О Villa Reale въ Неаполѣ онъ разсказываетъ: «Въ этихъ увеселительныхъ мѣстахъ, дышащихъ свѣжимъ морскимъ воздухомъ и оживленныхъ звуками музыки, неапалитанское населеніе среднихъ слоевъ общества проводитъ свои итальянскія ночи въ развлеченіяхъ болѣе высокаго сорта, чѣмъ обычныя развлеченія южанъ. Внутри города, особенно въ Толедо и на Корсо, расположенномъ вдоль залива, всю ночь на-пролетъ веселятся низшіе круги населенія, представляя собой шумную, подвижную толпу, брызжущую внутреннимъ весельемъ и неисчерпаемой радостью, для которыхъ никакихъ внѣшнихъ поводовъ незамѣтно. Тѣ услужливыя женщины низшаго сорта, которыя даютъ тонъ ночной жизни во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ сѣверныхъ столицъ, живутъ здѣсь замкнуто въ своихъ домахъ, ожидая къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей, которыхъ имъ поставляютъ посредники.

«Но еще прискорбнѣе этой ничѣмъ непобѣдимой

проституціи другое явленіе: развращенность среди незрѣлыхъ дѣтей обоего пола, губящая въ конецъ ихъ физическое и духовное развитіе—такъ-же, какъ онанизмъ въ сѣверныхъ странахъ. Чаще всего наблюдается эта развращенность у дѣтей профессіональныхъ нищихъ, lazzaroni, какъ слѣдствіе того, что, за отсутствемъ одежды, они ходятъ почти совсѣмъ нагишомъ, и половой инстинктъ просыпается у нихъ преждевременно. Нерѣдко случается видѣть самыя ужасныя сцены на улицахъ среди малолѣтнихъ подростковъ. Еще въ древности молодыя дѣвушки отличались здѣсь такой развращенностью, что, по словамъ Тита Петронія, многія изъ нихъ не могли даже припомнить, когда онѣ были дѣвушками. Такія злоупотребленія. въ связи съ педерастіей и венерическими болѣзнями, приводятъ къ преждевременной асинодіи у мужчинъ и такой же ранней агенезіи у женщинъ и влекутъ за собой физическое вырожденіе и нравственное растлѣніе всей человѣческой расы. Этой полной развращенностью объясняется въ то же время и невѣроятная снисходительность, съ которой относятся другъ къ другу въ бракѣ къ нарушеніямъ вѣрности супруги».

Въ Сициліи обращаютъ вниманіе автора горящіе глаза пылкихъ женщинъ, неотразимо увлекающихъ мужчинъ за собой, и онъ припоминаетъ по этому поводу, какъ во время «Сицилійской Вечери» прабабушки этихъ дамъ, не менѣе, вѣроятно, обольстительныя, бросались, какъ фуріи, въ погоню за убѣгавшими французами. Посѣтилъ авторъ и Мальту и отмѣчаетъ, что здѣсь населеніе представляетъ собою смѣсь арабской и итальянской крови, по наружности больше похожее на мавровъ, а по нравамъ и языку—на итальянцевъ. «Между тѣмъ, какъ мужчины, по примѣру господствующихъ здѣсь британцевъ,

неутомимо заняты служеніемъ Маммону, — главное содержаніе жизни женщинъ составляетъ здѣсь грѣховная любовь, — подъ обязательной, впрочемъ, маской лицемѣрнаго благочестія. Надѣленныя такимъ темпераментомъ женщины, населяющія этотъ эротическій еще со временъ Калипсо островъ, развращались еще больше въ теченіе трехвѣкового господства монаховъ, прикованныхъ тройнымъ монашескимъ обѣтомъ къ безбрачію и, при благосклонномъ содѣйствіи многочисленнаго духовенства, деморализовались до остроманіи (полового бѣшенства). Даже въ настоящее время, по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ изгнанія разнузданнаго рыцарства, чувственность женщинъ еще такъ велика, что ее едва удовлетворяетъ многочисленный элементъ англійскаго гарнизона и духовенства, привлекаемаго вполнѣ открыто помахиваніемъ носового платка. Въ теченіе зимняго сезона въ избранныхъ кругахъ общества, совершенно англизированныхъ, царитъ безудержное веселье, и температура южной крови до того повышаетъ чувственность обычно холодныхъ англичанъ, что крѣпкіе молодые сыны Альбіона возвращаются часто домой послѣ этихъ зимнихъ кампаній очень исхудалыми и подкрѣпляются на лонѣ природы во время лѣтняго отдыха, чтобъ набраться новыхъ силъ для новыхъ любовныхъ сраженій».

Таково было состояніе нравовъ въ Италіи, въ первую половину XIX столѣтія и въ эпоху, предшествовавшую ему; болѣе питательной среды для проституціи нельзя себѣ и представить. Даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было вліянія дурныхъ примѣровъ сверху, состояніе нравственности не представляетъ болѣе отрадной картины. Частная жизнь королевской семьи въ Неаполѣ была въ моральномъ смыслѣ безупречна — «совершенно необычно

для Неаполя чиста», по признанію одного историка,— и это должны были признавать даже злѣйшіе враги ненавистнаго владычества Бурбоновъ; и все же нельзя утверждать, что этотъ хорошій примѣръ оказалъ хорошее вліяніе на населеніе. Король Фердинандъ II доходилъ въ своемъ ханжескомъ усердіи о чистотѣ нравовъ даже до смѣхотворныхъ мѣръ,—какъ свидѣтельствуетъ одинъ его рескриптъ, предписывающій норму длины юбокъ для балетныхъ танцовщицъ, или распоряженіе о томъ, чтобы онѣ носили вмѣсто трико зеленыя панталоны.

Сколько-нибудь замѣтнаго улучшенія нравственности не наблюдалось и во вторую половину истекшаго столѣтія въ Италіи, несмотря на благопріятное измѣненіе политическихъ условій, сложившихся во всякомъ случаѣ въ противовѣсъ ухудшенію матеріальныхъ условій. Вліяніе духовенства сохранило еще надолго дурныя послѣдствія, что вполнѣ понятно, впрочемъ, если принять во вниманіе, что проститутки всюду и всегда обнаруживаютъ особенную привязанность къ церкви. «Кому случалось быть въ Неаполѣ,—замѣчаетъ Ломброзо и Ферреро въ своей книгѣ «Женщина какъ преступница и проститутка», — и познакомиться съ неслишкомъ изящными кварталами его, тому не могло не броситься въ глаза, что тамъ нельзя найти ни одного публичнаго дома безъ изображенія Богоматери въ каждой комнатѣ и повѣшенной передъ нимъ лампадки. Когда въ комнату входитъ кліентъ, мадонну завѣшиваютъ вуалемъ, чтобы она не видѣла, что происходитъ».

Санитарно-полицейскій контроль надъ проституціей отмѣненъ въ Италіи въ 1888 году, что явилось результатомъ побѣды аболиціонистскаго движенія, перешедшаго сюда изъ Англіи; аболиціонисты не признаютъ за государствомъ права производить

подобный контроль, отъ упраздненія котораго можно ожидать улучшенія нравственнаго состоянія.

«Въ Италіи существовала въ XV столѣтіи,—какъ сообщаютъ Ломброзо и Ферреро въ вышеназванномъ сочиненіи,—эстетическая проституція, представлявшая, согласно описанію Графа *) возрожденіе греческаго гетеризма. Женщины эти называли себя, въ отличіе отъ обыкновенныхъ проститутокъ, «Meretrices honestae»; онѣ обладали широкимъ образованіемъ и ихъ общества, обаянія бесѣдъ съ ними искали знатнѣйшіе и интеллигентнѣйшіе люди — князья, прелаты, государственные дѣятели, художники. Между прочимъ, Графъ сообщаетъ о нихъ: «Знаменитая гетера Имперія читала латинскихъ писателей и научилась у Николо Кампиньо, прозваннаго «lo Strascino», писать стихи. Лукреція, прозванная «Madrema non vuole», была образцомъ изящества и корректности, о которой такъ отзывается одинъ изъ персонажей Аретино, въ его «Ragionamenti» извѣстный жуиръ Людовико: «Мнѣ кажется, она Цицеронъ,—она знаетъ наизусть всего Петрарку и всего Боккаччіо и безчисленное множество стиховъ изъ Виргилія, Горація, Овидія и многихъ другихъ латинскихъ поэтовъ. Лукрецію Скварчію заставали съ томикомъ Петрарки въ рукахъ, или съ Виргиліемъ, а иногда и съ Гомеромъ; она умѣло вела диспуты о чистотѣ итальянскаго произношенія. Преимущественной извѣстностью въ исторіи литературы пользовались Туллія Арагонская и Вероника Франка. Камилла Пизана написала книгу, просмотрѣнную Франческо Дельнеро и издала томъ своихъ писемъ, написанныхъ нѣсколько высокопарнымъ языкомъ, но не лишенныхъ изящества,—и въ нихъ часто встрѣчаются латинизмы и даже цѣлыя латинскія

*) Attraverso il Cinquecento, Turin, 1888.

фразы. О знаменитой Изабеллѣ де-Луна, объѣздившей полміра, бывшей въ Тунисѣ и долго сопровождавшей императора въ его поѣздкахъ въ Германію и во Фландрію, Банделло говоритъ, что она имѣла въ Римѣ репутацію самой умной и самой интересной женщины. Кавалеры и писатели, далеко не расположенные скрывать ея любовныхъ приключеній съ извѣстнѣйшими куртизанами, воспѣвали ее, гордились ея вниманіемъ, и соперничали изъ-за него между собой. Джіованни Медичи, знаменитый полководецъ, увезъ однажды Лукрецію («Madrema non vuole») насильственно, какъ нѣкогда была увезена прекрасная Елена, отъ Джіованни делла Стуфа, который былъ съ нею на празднествѣ въ Реканати. Въ 1531 г. шесть рыцарей объявили вызовъ всякому, кто не пожелаетъ признать Туллію Арагонскую дамой, достойной наибольшаго удивленія и поклоненія въ мірѣ. Когда подобная Аспазія покидала свое мѣстопребываніе,—ея поѣздка походила на путешествіе королевы: посланники возвѣщали объ ея отбытіи и прибытіи».

Испанія, Португалія, Румынія, Греція.

ГЛАВА III.

Мавры.—Испанія.—Женщины въ Испаніи.—Мода.—Кортехи.—Карлъ V.—Донъ-Жуанъ Австрійскій.—Внѣбрачныя дѣти.—Филиппъ IV.—Христина.—Изабелла II.—Проституція въ настоящее время.—Португалія.—Румынія.—Греція.

Пиренейскій полуостровъ представляетъ для исторіи проституціи меньше матеріала, чѣмъ всѣ остальныя европейскія страны. Подъ вліяніемъ рим-

скаго владычества, въ странѣ процвѣтали римскіе нравы и обычаи. Въ послѣдующую за этимъ эпоху господство пріобрѣли вскорѣ мавры, наложившіе на жизнь страны свой отпечатокъ, замѣтно сказывающійся еще и донынѣ въ нравахъ, въ образѣ жизни, въ языкѣ и во многомъ другомъ. Проституція въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова была такъ же мало развита среди мавровъ, какъ и среди другихъ восточныхъ народовъ, у которыхъ положеніе женщины было, и частію сохранилось и до сихъ поръ, чисто рабское. Вслѣдствіе этого, установилась точка зрѣнія, съ которой восточный брачный союзъ вообще разсматривается, какъ проституція.

Послѣ изгнанія изъ Испаніи мавровъ, которые оставили въ странѣ не только свои нравы, но и множество своихъ членовъ, обратившихся въ христіанство, наступило, какъ извѣстно, вскорѣ господство духовенства, захватившаго здѣсь большую власть, чѣмъ въ какой либо другой европейской странѣ, и это господство, какъ и возникшее позднѣе, благодаря ему, господство инквизиціи, отнюдь не оказало улучшающаго вліянія на нравственность, а только подавило всякое проявленіе жизнерадостности. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще большую прирожденную гордость испанцевъ, которая также не могла не сыграть большую роль въ томъ, что проституція приняла здѣсь меньшее распространеніе, чѣмъ въ другихъ южныхъ европейскихъ странахъ.

Характерный анекдотъ разсказываетъ Веберъ-Демокритъ. «Одна испанская блудница, которой Филиппъ IV далъ четыре пистоля, какъ это было предписано этикетомъ, обыкновенно требовала за доказательство своей благосклонности сто дублоновъ. Послѣ полученія этой скромной оплаты своего грѣха, она одѣлась въ мужское платье, попросила для себя аудіенціи, въ которой не было отказано мнимому

испанцу—и, представъ предъ королемъ, швырнула ему кошелекъ съ четырьмя стами пистолей, воскликнувъ при этомъ: «Такъ плачу я своимъ метрессамъ!»

Одинъ германскій писатель, Іоганнъ Іозефъ Абель, издалъ въ началѣ XIX столѣтія книгу о положеніи женщинъ во всѣхъ странахъ міра, отъ древнѣйшихъ эпохъ и до современной ему эпохи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи положенія испанскихъ женщинъ мы пользуемся отчасти заимствованными изъ этого сочиненія данными.

Испанскія женщины XVI и XVII столѣтій отличались почти всѣ маленькимъ ростомъ и худобой. У нихъ были блестящіе пышные волосы, смугловатая кожа, большіе огневые глаза, красивый овалъ лица, правильныя черты, изящныя руки и очень маленькія ноги. Такъ какъ кожа испанокъ не отличалась цвѣтущей окраской, то онѣ старались возмѣстить это блескомъ кожи—и натирали свою кожу до того, что она начинала блестѣть, словно покрытая лакомъ. Ничто не отталкивало ихъ такъ сильно, какъ пышныя формы. Развитію грудей онѣ старались препятствовать всѣми возможными средствами, особенно часто онѣ прибѣгали къ накладыванію на груди жестяныхъ пластинъ. Часто эти усилія увѣнчивались такимъ успѣхомъ, что грудь многихъ женщинъ не только не представляла возвышенія, а пріобрѣтала углубленія, впадины. Эти мнимыя чары старательно выставлялись на показъ, для чего испанскія дамы носили всегда шею и плечи открытыми. Но чѣмъ охотнѣе онѣ обнаруживали красоты верхней части тѣла, тѣмъ тщательнѣе онѣ скрывали отъ взоровъ остальную часть тѣла. Уважаемыя женщины тщательнѣйшимъ образомъ закрывали всю ногу по пальцы,—готовыя скорѣе жизнью поплатиться, чѣмъ открыть ихъ взорамъ чужихъ мужчинъ. Платья онѣ носили такія длинныя, что онѣ совершенно скрывали ноги при ходьбѣ; а въ каретахъ дѣлались спеціальныя подъемныя дверцы, которыя опускались при выходѣ дамы изъ кареты, чтобы скрыть ноги. Упоминаніе въ разговорѣ о ногахъ королевы считалось почти преступленіемъ. Когда принцесса Марія-Анна Австрійская, невѣста Филиппа IV, пріѣхала въ Испанію, одинъ городъ, особенно славившійся чулочной фабрикаціей, приподнесъ ей въ даръ шелковые чулки. Майордомъ будущей королевы бросилъ съ негодованіемъ чулки и заявилъ принесшимъ ихъ представителямъ города: «Знайте, что у испанскихъ королевъ нѣтъ ногъ!» Высочайшая невѣста разразилась горькими слезами и заявила, что хочетъ вернуться въ Вѣну, такъ какъ она не позволитъ себѣ отрѣзать ноги. Съ трудомъ удалось успокоить ее объясненіемъ. Когда объ этомъ случаѣ разсказали королю, онъ, говорятъ, улыбнулся. Это былъ одинъ изъ трехъ случаевъ, когда онъ за всю свою жизнь улыбнулся.

Нельзя себѣ представить ничего печальнѣе положенія женщины въ Италіи, совершенно отличнаго отъ положенія ихъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Жизнь ихъ была болѣе замкнута, чѣмъ жизнь монахинь, которымъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ разрѣшалось принимать у себя, при желаніи, мужчинъ. Замужнія женщины изъ общества никогда не смѣли принимать гостей мужчинъ безъ разрѣшенія мужа; а если мужъ приводилъ съ собой пріятеля или знакомаго, жены едва осмѣливались поднять на него глаза. Дамы изъ высшаго круга пользовались только въ первый годъ своего замужества правомъ и свободой кататься въ открытомъ экипажѣ въ обществѣ своего мужа. Менѣе знатныя дамы могли кататься въ опредѣленные дни въ закрытыхъ экипажахъ, снабженныхъ маленькими

оконцами, через которыя онѣ могли еще видѣть кое-что изъ внѣшняго міра, но сами совершенно не видны были никому. Женатые мужчины очень рѣдко удостаивали своихъ женъ своего общества, даже за одинъ столъ съ ними садились рѣдко. Вышиванія, разговоры со своей камеристкой или со своимъ домашнимъ карликомъ, молитвы и перебираніе четокъ—таковы были главнѣйшія средства развлеченія знатныхъ дамъ той эпохи.

Стѣсненія, которымъ подвергались испанскія дамы, были тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ выше было общественное положеніе ихъ мужей и потому они были наиболѣе нестерпимы для королевъ. Когда вторая супруга Филиппа IV разразилась однажды громкимъ смѣхомъ по поводу выходки придворнаго шута,—ей было поставлено на видъ, что королевѣ Испаніи смѣяться не подобаетъ. Испанскія придворныя дамы могли выслушивать отъ своихъ поклонниковъ, въ присутствіи королевской четы, самыя нѣжныя объясненія въ любви,—но самое благоговѣйное выраженіе преданности въ отношеніи королевы каралось ядомъ и кинжаломъ. Испанскія королевы не имѣли права объясняться даже съ иностранными принцами, домогавшимися руки инфантъ—иначе, какъ черезъ переводчика и ни на какомъ иномъ языкѣ, кромѣ испанскаго.

Несмотря, однако, на то, что испанцы держали своихъ женъ въ замкнутости почти восточной,—женщины пользовались, тѣмъ не менѣе, очень большимъ почетомъ у испанцевъ. Никто не принималъ чего-нибудь изъ рукъ дамъ и не передавалъ ей чего-нибудь—иначе, какъ преклонивъ колѣна, и если дама хвалила какую-нибудь вещь, обладатель ея считалъ своимъ долгомъ предложить ей эту вещь въ даръ.

Преданность и почтительность испанцевъ къ да-

мамъ обнаруживалась всего ярче въ тѣхъ способахъ, какими они добивались ихъ благосклонности. Любящій испанецъ посвящалъ своей возлюбленной все свое время, отдавался ей весь, душой и тѣломъ. Ночи напролетъ онъ проводилъ подъ ея окнами, а днемъ ходилъ взадъ и впередъ вокругъ ея дома, чтобы имѣть случай видѣть ее или послѣдовать за ней, когда она отправится въ церковь или еще куда-нибудь. Во время религіозныхъ процессій любящій оставался подъ окномъ своей дамы сердца и подвергалъ себя бичеваніямъ усерднѣе обыкновеннаго. Дама ободряла и поощряла его въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ взглядами, полными любви. Быть обрызганнымъ кровью такого самобичевателя—цѣнилось очень высоко. Особымъ испытаніемъ въ доказательство любви была борьба, во славу своей дамы сердца, съ дикимъ быкомъ,—предпріятіе, стоившее жизни не одному гидальго.

Испанскіе дворяне настраивали себя часто на романтическую любовь къ какой нибудь дамѣ, которой они почти не знали и склонность которой имъ, въ сущности, была безразлична. Подобной любви они способны были приносить въ жертву большую часть своего состоянія,—тѣмъ болѣе, разумѣется, въ такихъ случаяхъ, когда существовало дѣйствительное сердечное влеченіе. Когда испанцы любятъ,—мужчина-ли или женщина,—то они отдаются своей любви всецѣло, всѣмъ сердцемъ и всѣми помыслами. Мужья и любовники убиваютъ безъ колебанія и безъ сожалѣнія жену и ея возлюбленнаго или возлюбленную и соперника.

Что касается модъ,—создательницей новыхъ одѣяній считается, прежде всего, супруга Филиппа II, Елизавета, дочь Екатерины Медичи,—воспитанная, слѣдовательно, при самомъ безнравственномъ дворѣ того времени. Строгій этикетъ испанскаго двора

ставилъ, разумѣется, большія преграды ея капризнымъ вкусамъ въ отношеніи модъ,—но одно можно отмѣтить изъ ея нововведеній: ни одно изъ ея платьевъ не стоило дешевле 500—600 руб. на русскія деньги и ни одно не надѣвалось больше одного раза. Въ общемъ, туалетъ испанки отличался такимъ же своеобразіемъ, какъ и весь ея образъ жизни, какъ и внѣшнія проявленія ея любви. И знатныя дамы, и простыя женщины украшали себя до того неумѣренно, что иностранцу, не привыкшему къ такимъ излишествамъ, они казались противны. На щеки, губы, уши, руки, пальцы, лобъ и плечи онѣ накладывали румяна, а брови разрисовывали тушью и кисточкой. Болѣе пожилыя женщины носили платья изъ чернаго или сѣраго, болѣе молодыя—изъ бѣлаго или цвѣтного атласа. Рукава въ этихъ платьяхъ были узкіе и только на плечахъ были мѣшочки или крылья. Они плотно прилегали къ фигурѣ въ верхней части тѣла и застегивались спереди на пуговицахъ, причемъ пуговицы бывали часто изъ драгоцѣнныхъ камней. Длины они были такой, что не только закрывали ноги, но ихъ можно было плотно обернуть подоломъ, и испанокъ пріучали съ дѣтства ходить, наступая ногами на платье и не спотыкаясь. Поверхъ этого платья испанки носили длинную, достигающую колѣнъ мантилью. До эпохи царствованія Карла II носили обыкновенно еще фижмы, но съ этого времени фижмы начали носить только при дворѣ и при большихъ празднествахъ. Испанки того времени носили обыкновенно подъ платьемъ отъ 10 до 12 юбокъ зимою, а лѣтомъ—отъ 6 до 8, причемъ каждая юбка дѣлалась, по возможности, изъ дорогого матеріала.

Украшенія испанокъ были не менѣе тяжеловѣсны, чѣмъ ихъ платье. Поясъ состоялъ обыкновенно изъ соединенія медалей и реликвій. Знакъ какого-нибудь монашескаго ордена считался обязательнымъ.

Ожерелій изъ камней или жемчуга испанки не знали, но кольца, браслеты, серьги, медальоны и діадемы въ волосахъ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга носили всѣ. Серьги носили такія длинныя и тяжелыя, что уши должны были прорваться, казалось, подъ ихъ тяжестью. Нѣкоторыя носили даже въ видѣ серегъ часы, маленькіе колокольчики, изящно отдѣланные англійскіе ключи. Въ волосахъ торчало множество булавокъ съ головками изъ драгоцѣнныхъ камней, изображавшими мухъ, бабочекъ и подобное. Парики или иныя украшенія изъ чужихъ волосъ были во всеобщемъ употребленіи. Парадный туалетъ испанской дамы завершался еще высокими сапожками, одѣваемыми поверхъ ботинокъ, изъ парчи или бархата, — съ такими высокими каблуками, что дамамъ приходилось при ходьбѣ опираться на пажей или компаньонокъ.

Когда знатная испанская дама совершала свой туалетъ, ея камеристки окуривали ее благовонными травами, а старшая изъ камеристокъ должна была, сверхъ того, обрызгать ее душистой водой. Существовало убѣжденіе, что оранжевая вода становится душистѣе, когда ее набираетъ въ ротъ пожилая женщина и брызжетъ ею сквозь зубы на свою госпожу — отвратительный обычай, обязанный своимъ происхожденіемъ еще маврамъ.

Состояніе нравственности въ царствованіе Людовика XIV, оказывавшее свое вліяніе, какъ извѣстно, при всѣхъ дворахъ, отразилось также на жизни и нравахъ при испанскомъ дворѣ, когда внукъ «короля Солнца» взошелъ, подъ именемъ Филиппа V, на испанскій престолъ, оставшійся незанятымъ послѣ смерти послѣдняго испанскаго Габсбурга. Но это повлекло за собой гораздо меньше перемѣнъ, чѣмъ можно было бы предположить. Прибывшіе придвор-

ные французы дѣлали, правда, попытки преобразовать по своему старинный, неподвижный придворный этикетъ, но онъ оказался сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать, и Филиппъ, такъ же, какъ и его придворные французскіе кавалеры, вынужденъ былъ приспособиться мало по малу къ испанскимъ нравамъ и обычаямъ.

Однако, въ послѣднюю четверть XVIII столѣтія въ Испаніи совершились довольно крупныя перемѣны. Перевѣсъ пріобрѣли французскіе моды и нравы. Женщины начали пользоваться большей свободой, чѣмъ прежде, и мужья начали обнаруживать меньшую ревность. Итальянскій чичисбеатъ получилъ всеобщее распространеніе и въ Испаніи, и кортехи показали себя не менѣе своекорыстными, чѣмъ ихъ эротическіе итальянскіе собратья. У каждой испанки завелся свой кортехо, который всюду появлялся рядомъ съ ней, за которымъ она наблюдала бдительно и ревниво и который въ свою очередь обнаруживалъ неусыпную ревность. Разсказывали, что одинъ испанскій офицеръ, совсѣмъ не знатнаго происхожденія, оттаскалъ за волосы одну изъ высокопоставленнѣйшихъ при дворѣ герцогинь, въ ея собственной комнатѣ, за то, что она возбудила его ревность. Филиппъ V запретилъ публичные балы и маскарады, и это запрещеніе оставалось въ силѣ до самаго конца XVIII столѣтія.

Въ послѣдующую эпоху французское вліяніе сказалось сильнѣе и возростало все больше и больше въ теченіе всего XIX столѣтія. Старинный этикетъ сохранялся и поддерживался отчасти одними только грандами.

Вліяніе метрессъ при испанскомъ дворѣ никогда не принимало такихъ размѣровъ, какъ при другихъ европейскихъ дворахъ,—и глубокое растлѣніе нравовъ царствующаго дома наступило только въ болѣе позднія эпохи при двухъ королевахъ, отличавшихся неумѣренными эротическими склонностями.

У императора Карла V было, какъ извѣстно, двое внѣбрачныхъ дѣтей, имена которыхъ пріобрѣли громкую извѣстность: Донъ-Жуанъ Австрійскій, побѣдитель при Лепанто, и Маргарита Пармская, мудро и твердо правившая въ Нидерландахъ. «Вопросъ о томъ, кто именно была матерью Донъ-Жуана—читаемъ мы въ одномъ изслѣдованіи *)—остается до сихъ поръ нерѣшеннымъ; одни утверждали, что она была брюссельская булочница или прачка; другіе опровергаютъ эту легенду на основаніи добытыхъ данныхъ среди хорошо освѣдомленныхъ лицъ въ самой Испаніи, и утверждаютъ, что мать Донъ-Жуана была красивая и знатная фландрская графиня, по имени Барбара Бломбергская, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Регуэля Намурскаго или Люксембургскаго. Существуетъ еще и такая версія, что король Филиппъ II Испанскій сдѣлалъ будто-бы глубоко интимное признаніе своей собственной дочери, Кларѣ-Евгеніи, что матерью Донъ-Жуана была одна чрезвычайно высокопоставленная особа, репутацію которой Карлъ V хотѣлъ охранить во что бы то ни стало, для чего и понадобилось пустить слухъ о какой-нибудь другой женщинѣ— и на этотъ подмѣнъ и согласилась графиня Бломбергская. Страда, одинъ изъ придворныхъ императора Рудольфа II, называетъ, напротивъ, матерью Донъ-Жуана какую-то Екатерину, а въ изслѣдованіи одного анонимнаго ученаго она названа Екатериной Бордонской. Онъ увѣряетъ, что эта дама прибыла въ 1559 году въ Испанію вмѣстѣ съ принцессой Палермской и обратила на себя вниманіе Филиппа II до такой степени, что онъ указалъ на нее принцамъ Эболи, Рюи и Гомецу. Послѣдній,

*) „Die Gunstdamen und Kinder der Liebe des Hauses Habsburgs“.

какъ воспитатель королевскихъ принцевъ, Донъ-Карлоса и Донъ-Жуана, доставилъ ей возможность частаго общенія со своими воспитанниками, особенно съ послѣднимъ, который будто бы впослѣдствіи сталъ называть ее матерью,—и вотъ отсюда-то и возникъ будто-бы слухъ, что она и была его матерью; анонимный же изслѣдователь отрицаетъ это, полагая, что настоящее имя матери такъ и осталось неизвѣстнымъ изъ соображеній скромности въ отношеніи чрезвычайно высокаго положенія ея.

Съ этой догадкой согласуется и мнѣніе одного французскаго изслѣдователя, Варильяса, утверждающаго, что тайна рожденія Донъ-Жуана вполнѣ никогда не разоблачалась,—во вниманіе ли усиленно бережнаго отношенія къ высокому положенію его матери, или же во избѣжаніе жестокаго скандала. Другіе же, исходя изъ того соображенія, что знатныя дамы никогда не стѣснялись считаться предметомъ страсти великаго монарха, ищутъ въ этой тайнѣ болѣе серьезныхъ и важныхъ причинъ для скрытности и подозрѣваютъ императора въ томъ, что этотъ сынъ родился отъ сожительства его со своей любимой сестрой Маріей, вдовствующей королевой Венгерской, которая была подмѣнена, во избѣжаніе скандальныхъ толковъ, Барбарой Бломбергской.

Смѣлость другихъ изслѣдователей доходила до того, что они называли матерью Донъ-Жуана любимую дочь императора, Маргариту Пармскую. Но многіе справедливо отказываются навязывать императору преступленіе кровосмѣшенія, а держатся очень распространенной до самаго недавняго времени, хотя и ни на чемъ не основанной легенды, будто Карлъ V получилъ этого сына отъ сожительства съ красивой фландрской графиней—по имени Діаной, а чтобы пощадить ея репутацію, подмѣнилъ ея имя именемъ Барбары Бломбергской. Эта графиня Діана была будто бы незаконной дочерью короля Генриха II французскаго, а впослѣдствіи супругой кастрійскаго герцога, Гораціо Фарнезе. Изъ этого видно, что въ виду имѣется герцогиня Діана Ангулемская,—между тѣмъ она была еще ребенкомъ, когда родился Донъ-Жуанъ.

Недавнее изслѣдованіе называетъ матерью Донъ-Жуана одну фландрскую дворянку, мадамъ Пломбъ, жившую еще въ 1575 г. со своимъ мужемъ въ Антверпенѣ на крупную сумму, ежегодно получаемую отъ императора Карла V. Эта гипотеза утверждаетъ, что Эліодора (Барбара?) Пломбъ происходила изъ регенсбургской дворянской семьи и была будтобы направлена въ императору, во время его пребыванія въ Камбрэ въ 1544 году, своей собственной матерью, Екатериной, вдовой Фердинанда де Пломба—будто бы для исходатайствованія пособія,—вѣроятнѣе же, съ тою цѣлью, чтобы влюбить императора въ свою дочь, которой было тогда 22 года и которая была красива, привлекательна и свободна въ обращеніи. Монархъ не только не отказалъ въ пособіи, но и, будучи вдовцомъ, влюбился въ молодую барышню и, отправляясь въ Брюссель, приказалъ ей слѣдовать за собой. Она даже посѣщала его, переодѣвшись въ мужское платье, въ лагерѣ и ухаживала за нимъ, когда онъ заболѣлъ подагрой,—до тѣхъ поръ, пока ея беременность вынудила ее искать убѣжище у своей матери вблизи Регенсбурга, гдѣ она и умерла. Однако, точныя изслѣдованія, поскольку давали возможность довольно обильные матеріалы, отнюдь не могли установить самаго факта существованія дворянской фамиліи Пломбовъ ни въ Германіи, ни во Фландріи или въ Бельгіи; точно также имя Барбары Бломбергъ или Бломбергской, которую многіе теперь считаютъ уроженкой Нюрнберга, встрѣчается всюду особнякомъ, внѣ какихъ

бы то ни было родственныхъ отношеній къ членамъ германской фамиліи Бломбергъ, а нидерландской или фландрской фамиліи такой и совсѣмъ, повидимому, не существовало, такъ же какъ не подтверждено исторически и имя ея супруга, Регуэля или Реквэля.

Такимъ образомъ, въ виду невозможности установить съ увѣренностью, была-ли какая-нибудь мадамъ или мадмуазель Бломбергъ или Пломбъ дѣйствительной или вымышленной матерью незаконнорожденнаго Донъ Жуана,—мы должны примириться съ тѣмъ, что настоящее имя и общественное положеніе его матери, гораздо больше по желанію отца, чѣмъ по ея собственному желанію, окутаны мракомъ тайны,—и что, быть можетъ, обергофмейстеръ императора, Людвигъ Квиксада, или сынъ его король Филиппъ II Испанскій знали его, но никогда никому не открывали; что Карлъ V никогда при жизни оффиціально не упоминалъ объ этомъ мальчикѣ и только незадолго до своей смерти (въ 1558 г.), если не ранѣе еще, при своемъ отреченіи (въ 1855 г.), упомянулъ о немъ изустно.

Тотчасъ послѣ рожденія мальчика, которое могло имѣть мѣсто скорѣе въ какомъ-нибудь бельгійскомъ городѣ, чѣмъ въ Регенсбургѣ или вблизи него, онъ былъ отданъ—о чемъ знали очень немногіе—на попеченіе богатаго пастуха въ горной мѣстности близь Льежа (Люттиха), которому даны были инструкціи воспитывать ребенка вмѣстѣ съ его собственными дѣтьми въ духѣ подготовки къ трудовой жизни и закалять его; когда послѣ своего низложенія императоръ хотѣлъ вернуться въ Испанію, онъ приказалъ привезти ему Жуана и передалъ его своему сыну Филиппу на дальнѣйшее попеченіе, пастуху же назначена была пожизненная пенсія. Какъ разсказываетъ миланецъ Летти, императоръ

былъ глубоко обрадованъ рожденіемъ этого ребенка, наименовалъ его при неофиціальномъ крещеніи Жуаномъ (Иваномъ) и, озабоченный тѣмъ, чтобы ребенокъ получилъ тщательное и приличное воспитаніе, назначилъ матери, сверхъ посланныхъ подарковъ, сумму, которая могла бы ее надолго обезпечить. Многіе утверждаютъ, что еще раньше, чѣмъ мальчику минулъ годъ, онъ былъ переданъ въ надежныя руки Людовика Квиксада, который долженъ былъ поручить его тайное воспитаніе своей супругѣ Магдаленѣ, урожденной Уллоа въ имѣніи Villagarcia de Campos, близъ Валлалолида. Тайна была соблюдена такъ добросовѣстно, что мальчикъ самъ считалъ своихъ пріемныхъ родителей за дѣйствительныхъ отца и мать,—и они дѣйствительно ростили его съ такой преданностью, что когда однажды въ спальнѣ начался пожаръ, Квиксада бросился прежде спасать Жуана и только потомъ позаботился о безопасности жены.

Императоръ Карлъ, очень любившій мальчика, предназначалъ его къ духовной карьерѣ; но такъ какъ Квиксада воспитывалъ своего питомца, какъ знатное дворянское дитя, предоставляя ему возможность научиться всѣмъ рыцарскимъ занятіямъ и забавамъ, то честолюбіе мальчика направилось мало по малу на успѣхи въ области физическаго развитія, а научное обученіе было ему противно. При живости его темперамента, онъ очень искусно началъ владѣть оружіемъ и когда въ 1560 году его въ первый разъ увидѣлъ на охотѣ король Филиппъ, онъ рѣшился дать свободу преимущественнымъ склонностямъ брата, какъ ни искренно желалъ бы видѣть осуществленнымъ желаніе отца.

Извѣстна геройская біографія этого принца, столь же храбраго, какъ и разсудительнаго; извѣстно, что 1 Октября 1578 года—всего 33-хъ

лѣтъ отъ роду—онъ умеръ загадочной смертью въ лагерѣ въ Камурѣ, глубоко оплаканный своими друзьями, подчиненными и всѣмъ войскомъ. Сердце его оказалось высохшимъ, а кожа потемнѣвшей, какъ будто обожженной. Тѣло его было помѣщено съ большими церемоніями въ Намурскомъ соборѣ и могильная плита была снабжена надписью.

Филиппъ II отнесся съ большимъ огорченіемъ къ кончинѣ своего талантливаго полу-родного брата и приказалъ привезти его скелетъ въ Испанію. Шталмейстеръ Цунига раздѣлилъ кости на три части, упаковалъ ихъ въ три чемодана (по другимъ свѣдѣніямъ въ ящикъ) и тайно провезъ ихъ, привязанными къ сѣдламъ коней своей свиты, черезъ Францію въ Испанію,—гдѣ ихъ снова скрѣпили, выставили для публики и потомъ 24 мая 1579 года, похоронили съ подобающими почестями въ Эскуріалѣ, рядомъ съ останками его отца.

Не будучи женатъ, Донъ-Жуанъ однажды съ досады (въ то время, когда Филиппъ изъ ревности помѣшалъ ему принять участіе въ войнѣ противъ турокъ на о. Мальтѣ) далъ вовлечь себя въ Мадридѣ въ любовную связь съ Анной де-Мендоза и плодомъ этой связи явилась Анна Австрійская. Подобная же связь въ Неаполѣ съ Діаной Фаланга изъ Соренто сдѣлала его въ 1574 году отцомъ Жуаны Австрійской. Говорятъ, что пока живъ былъ Донъ-Жуанъ, существованіе обѣихъ дочерей осталось скрытымъ отъ короля Филиппа. Анна была воспитана Магдаленой Квиксада, пріемной матерью самого Донъ-Жуана, затѣмъ его помѣщали послѣдовательно въ нѣсколько различныхъ монастырей и впослѣдствіи, въ 1596 году ее запутали, благодаря ея духовному отцу, августинскому монаху Микаэлю де-лосъ-Сантосъ, въ исторію съ третьимъ лже-Себастіаномъ Португальскимъ. Появленіе лже-Себастіана было дѣ-

ломъ анти-испанской партіи въ Португаліи, а творцомъ самой партіи—коварный и пронырливый патеръ Микаэль.

Жуана, вторая незаконная дочь Донъ-Жуана, воспитывалась до 7-го года жизни Маргаритой Пармской, затѣмъ была помѣщена въ монастырь Св. Клары въ Неаполѣ, откуда была снова выпущена по прошествіи 20 лѣтъ и отдана въ супружество принцу Боторскому. Она умерла въ февралѣ 1630 года. Барбара Бломбергъ (или Пломбъ?),—была ли она дѣйствительной матерью Донъ-Жуана, или нѣтъ,—была вызвана въ 1578 г. въ Испанію, помѣщена въ королевскій монастырь, гдѣ провела четыре года, затѣмъ ее прилично устроили въ Ларедо, гдѣ она и умерла. Ея сына отъ законнаго супруга, котораго называютъ обыкновенно Конрадомъ Пирамусомъ, Донъ-Жуанъ отдалъ на воспитаніе въ Бургундію, но такъ какъ онъ ничему не хотѣлъ учиться и выросъ безпутнымъ негодяемъ, то его пришлось отдать въ солдаты подъ именемъ Александра Фарнезе. На смертномъ одрѣ Донъ-Жуанъ и его поручилъ королю. Пока онъ жилъ при дворѣ своего брата, у него, повидимому, не было близкихъ отношеній съ не очень и привлекательной одноглазой Эболи, которая старалась поймать его въ свои сѣти,—но увѣряютъ, что въ послѣдніе годы его жизни существовала любовь между нимъ и маркграфиней Паврекской.

Маргарита, незаконная дочь Карла V, родилась въ 1522 году отъ фландрской дѣвицы Маргариты Вомжестъ, которая вступила впослѣдствіи въ бракъ съ Вандендейкомъ. Амазонка высокаго ума и большой силы, она была дважды замужемъ,—въ первый разъ, еще неполныхъ 13 лѣтъ (въ 1535 г.) отъ роду, за Александромъ Медичи, герцогомъ Флорентійскимъ, убитымъ въ 1537 году, а во второй разъ

(въ 1538 г.) шестнадцатилѣтней вдовѣ былъ данъ ея отцомъ въ мужья тринадцатилѣтній Октавіо Фарнезе, котораго потомъ Карлъ V сдѣлалъ герцогомъ Пармскимъ и Піаченцскимъ. Первоначально она была недовольна этимъ бракомъ и шутя жаловалась: «небо предназначило меня въ жены такимъ мужьямъ, которые мнѣ совсѣмъ не подходятъ,—двѣнадцатилѣтней дѣвочкой я получила двадцатисемилѣтняго мужа, а теперь, когда я уже сдѣлалась женщиной, мнѣ даютъ въ мужья тринадцатилѣтняго мальчика». Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи она была очень довольна своимъ молодымъ супругомъ и подарила ему въ 1544 г. сына—Александра Фарнезе, ставшаго однимъ изъ величайшихъ военныхъ героевъ своего времени. Отъ 1559 до 1567 года она была намѣстницей Нидерландовъ; но когда тамъ появился герцогъ Альба, она почувствовала, что ея роль кончена и попросила отставить ее отъ регентства. Отставка ея была принята безъ сопротивленія, хотя и со всевозможной деликатностью, ей была подарена Aquila въ Неаполѣ и 22 декабря 1567 года она покинула Брюссель. Маргарита была правительницей рѣдкаго ума, она обладала многими мужскими свойствами, но при этомъ женской душой. Она любила охоту и обладала настолько закаленнымъ тѣломъ, что пренебрегала всѣми опасностями, сопряженными съ охотой. Въ своемъ благочестіи она доходила до самоотреченія,—такъ, напримѣръ, бѣднымъ, которымъ она въ страстную пятницу мыла ноги, было строго запрещено предварительно обмывать ихъ.

Молчаливый Филиппъ IV, предпослѣдній король испанскій изъ дома Габсбурговъ, который могъ часто въ теченіе цѣлыхъ недѣль не проронить ни одного слова, призналъ только одного сына изъ множества своихъ незаконныхъ дѣтей. Мать этого дитяти,

Марія Кальдерона примкнула въ 1627 г. къ сформировавшейся въ Мадридѣ труппѣ актеровъ и при своемъ выступленіи такъ очаровала пылкаго короля, что онъ тутъ же выразилъ желаніе обладать ею и поручилъ герцогу Оливарецу привести ее къ нему. Хотя она особенной физической красотой не отличалась, все же она была такъ молода, такъ привѣтлива въ обращеніи и такъ обаятельна своимъ голосомъ, когда пѣла, что стала его объявленной возлюбленной и 7 апрѣля 1629 года родила мальчика, котораго отецъ узаконилъ на тринадцатомъ году его жизни подъ именемъ Донъ-Жуана Австрійскаго. Марія Кальдерона, которая не хотѣла согласиться на разрывъ съ любимымъ ею герцогомъ Медина де-ласъ-Торресъ и которую французъ Морепа безъ всякаго основанія обвиняетъ въ томъ, что она заразила скверной болѣзнью короля, а потомъ черезъ него и королеву Марію-Анну,—вскорѣ впала въ немилость, а затѣмъ, наскучивъ и сама королемъ, удалилась въ монастырь, гдѣ и была пострижена папскимъ нунціемъ Іоаннъ-Баптистомъ де-Памфили (впослѣдствіи папа Иннокентій X). Сынъ ея отличился въ 1647 году въ борьбѣ съ возставшими неаполитанцами, въ 1652 году—съ мятежными каталонцами, позднѣе также въ войнѣ съ французами и съ Португаліей; но въ теченіе всей своей жизни онъ вынужденъ былъ бороться съ ненавистью и съ происками королевы Маріи-Анны, которая отправила его въ ссылку въ Консуэгру. Онъ умеръ 17 сентября 1679 года—не отъ яда, какъ думали тогда, а отъ 23-дневной болѣзни лихорадкой, которой онъ заболѣлъ отъ огорченій и уязвленнаго честолюбія. Онъ не былъ женатъ, но оставилъ послѣ своей смерти незаконную дочь Анну-Екатерину-Изабеллу, прелестную дѣвочку, рожденную отъ одной сицилійской принцессы, которая была пред-

назначена къ монастырской жизни, но была сдѣлана, также противъ его воли, кармелиткой въ Мадридѣ, а послѣ смерти отца была увезена въ Брюссель, гдѣ умерла въ монастырѣ 26 ноября 1714 года. Говорятъ, что Донъ-Жуанъ имѣлъ шахматный залъ, вымощенный большими квадратами изъ чернаго и бѣлаго мрамора, въ которомъ онъ употреблялъ для игры живыхъ людей.

Филиппъ VI имѣлъ, кромѣ Донъ-Жуана, много еще незаконныхъ дѣтей: изъ нихъ извѣстны: Фернандо де Вальдецъ, рожденный отъ Маріи Гонзалецъ, дочь Жозефа Гонзалецъ, начальника Кастильскаго Совѣта и третій сынъ, рожденный отъ сестры маркиза Мортарскаго, губернатора миланскаго, вступившій въ доминиканскій орденъ и сдѣлавшійся епископомъ Малаги и наставникомъ своего единокровнаго слабоумнаго брата, инфанта Донъ Карлоса, впослѣдствіи Карла II.

Знаменитый братъ Филиппа IV, Фердинандъ, архіепископъ Толедскій и кардиналъ, имѣлъ также незаконную дочь, Марію Анну Австрійскую, вступившую въ кармелитскій монастырь.

Мы неоднократно видѣли, что незаконныя королевскія дѣти носятъ, въ качествѣ фамиліи, прибавку къ имени слова «Австрійскій» или «Австрійская»; замѣтимъ, что первый, кому была присвоена эта фамилія, былъ одинъ изъ многочисленныхъ незаконныхъ сыновей императора Максимиліана I, о которомъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

При послѣдовавшей за Габсбургами династіи Бурбоновъ мы видѣли также широкое распространеніе фаворитизма,—и здѣсь мы уже даже встрѣчаемъ фавориток, занимающихся государственными дѣлами и вліяющихъ на нихъ; еще очень рѣдко, правда, такъ какъ придворный этикетъ воздвигалъ

для нихъ и здѣсь непроходимую стѣну. Къ тому же, и вліяніе духовенства было все время слишкомъ могущественно, чтобы потерпѣть рядомъ съ собой факторъ власти, созданной эротизмомъ. Придворный этикетъ предписывалъ испанскому королю всѣ подробности интимнѣйшихъ сторонъ жизни: въ какомъ видѣ онъ долженъ посѣщать по ночамъ королеву—въ туфляхъ, въ черномъ плащѣ, съ саблей въ правой рукѣ, съ фонаремъ въ лѣвой и... съ бутылкой воды подмышкой. Этикетъ же предписывалъ, далѣе, что король, какъ уже выше было упомянуто, долженъ оплачивать доказательства благосклонности женщинъ четырьмя пистолями, и что женщина, если она ему наскучила, должна удалиться въ монастырь. Вотъ почему, разсказываютъ, одна придворная дама воскликнула, когда король однажды хотѣлъ ей выразить свое благоволеніе: «Vaja! vaja con Dios! No quiero ser monja»! (Идите, идите съ Богомъ! Я не хочу постригаться въ монахини!)

Изъ исторіи XIX столѣтія, когда господство Бурбоновъ въ Испаніи подходило, казалось, къ концу,—заслуживаетъ быть отмѣченнымъ безнравственное поведеніе вдовствующей королевы Христины и ея дочери, королевы Изабеллы II, которыя не слишкомъ отличались разборчивостью въ выборѣ своихъ любовниковъ. Особенно королева Изабелла, насчитывавшая одновременно изрядное количество мужчинъ—отъ министра Серрано до Карло Марфори, сына одного итальянскаго повара—съ которымъ она состояла въ связи; вся Европа была повергнута въ изумленіе, когда въ 1868 году папа почтилъ отнюдь не добродѣтельную королеву Золотой Розой за добродѣтель.

Профессіональная проституція въ Испаніи наказывалась, согласно сообщенію д-ра Гюгеля, при Рекаредѣ (586—601), сынѣ послѣдняго аріанскаго ко-

роля въ Имперіи вестготовъ, 300 ударовъ плетьми и изгнаніемъ. Занимавшіяся проституціей рабыни наказывались такимъ же количествомъ плетей, сверхъ того, имъ обрѣзывали волосы на головѣ и хозяинъ ихъ долженъ былъ высылать ихъ изъ города и продавать. Судьи, оказавшіеся пристрастными въ разсмотрѣніи дѣлъ, касавшихся проституціи, приговаривались къ 100 ударамъ плетьми и къ денежному штрафу въ 30 су. Послѣ вторженія мавровъ, испорченные нравы ихъ распространились среди всего христіанскаго населенія.

Въ средніе вѣка, вслѣдъ за организаціей общинъ, проститутки наказывались также строжайшимъ образомъ на основаніи существовавшихъ еще съ XI столѣтія Municipal Conseils, руководимыхъ санитарной полиціей и Municipal Ordonanze, изданныхъ въ XV столѣтіи. Въ изданномъ въ 1641 году собраніи узаконенія Huesca, упоминается о лицѣ, назначаемомъ магистратомъ, называвшемся «отцомъ сиротъ», на обязанности котораго лежало наблюденіе за нравственностью и высылка изъ города проститутокъ. Согласно кодексу короля Альфонса Мудраго, съ 1260 г. каждый могъ передать въ руки правосудія лицо, занимавшееся сводничествомъ (alcahuete). Домовладѣльцы, сдававшіе свои дома внаймы для цѣлей профессіональнаго разврата, наказывались конфискаціей этихъ домовъ. Лица, уличенныя въ занятіи сводничествомъ, обязаны были отпускать на свободу женщинъ, сдѣлавшихся ихъ жертвами, выдавать ихъ замужъ, и возвращать имъ, въ качествѣ приданаго, деньги, полученныя путемъ ихъ эксплоатаціи; въ противномъ случаѣ виновные карались смертью. Къ смертной же казни приговаривались и мужья, склонявшіе къ разврату своихъ женъ и лица, доставлявшія замужнимъ женщинамъ или дѣвушкамъ возможность къ развратному поведенію. Лицамъ, занимавшимся сводничествомъ, церковь отказывала въ утѣшеніяхъ религіи. И тѣмъ не менѣе всѣ эти наказанія и кары оказывались безсильными передъ всевозраставшимъ распространеніемъ проституціи.

Генрихъ IV, король Кастильскій, издалъ въ 1469 году въ Оканѣ законъ *), согласно которому проститутки наказывались 100 ударами плетей и конфискаціей ихъ платья; занимавшіеся же сводничествомъ наказывались въ первый разъ 100 ударами плетей, второй разъ—изгнаніемъ, въ третій разъ—смертной казнью черезъ повѣшеніе.

Карлъ I издалъ въ 1552 году въ Музонѣ постановленіе противъ проституціи, утвержденное и Филиппомъ II въ 1556 году, подъ названіемъ «Увеличеніе наказаній за сводничество» **), согласно которому къ прежнимъ мѣрамъ наказанія прибавлялись еще выставленіе къ позорному столбу и ссылка на галеры. При Карлѣ проститутки были объявлены безчестными и безупречнымъ матерямъ было предоставлено право лишать своихъ безнравственныхъ дочерей наслѣдства. Но отецъ, безпутная дочь котораго прожила въ его домѣ до двадцатипятилѣтняго возраста, не имѣлъ права лишать ее наслѣдства, такъ какъ въ такомъ случаѣ ея безнравственность должна была быть приписана только дурному воспитанію.

Таково было положеніе проституціи въ Испаніи въ средніе вѣка. Съ началомъ современной эпохи возникла и распространилась «тайная проституція», наступило, правда, ослабленіе сводничества, но за то

*) Prohibicion de tonner ruffianes las mugeras, y pena de estas y de ellos (Ley I. Enriqui IV en Ocana ano de 1469 pet. 22).

**) Aumento de pena a los ruffianes, por. Pragm. de 25 de nov. de 1552.

покровительствуемая «дуэньями» (почетными надзирательницами). Дуэньи эти развели въ самихъ домахъ родъ промысла, отдавая за деньги въ жертву соблазна довѣренную ихъ попеченіямъ женскую молодежь.

Наконецъ, во второй половинѣ XV столѣтія проституція была сдѣлана отраслью администраціи; во многихъ городахъ—въ Андалузіи, въ Малагѣ, Лохѣ, Рондѣ, Саламандѣ, Альгамѣ, Марабеллѣ, Гранадѣ и др.—были выстроены внѣ городскихъ стѣнъ публичные дома. Съ этихъ поръ легальная проституція распространилась мало-по-малу въ большинствѣ городовъ южной Испаніи—до прибрежныхъ городовъ Валенціи, Кадикса и до самыхъ границъ Португаліи. Параграфомъ 37 Собранія узаконеній для города Севильи, изданнаго въ 1526 году и касающагося проститутокъ и незаконныхъ сожительницъ, (mugeras barraganas y deshonestas), устанавливается впервые принятое въ Испаніи для публичныхъ женщинъ особое одѣяніе.

Въ царствованіе Филиппа II и III существовали уже дома съ зарегистрованнымъ населеніемъ (monasteres), и если предсѣдательницы ихъ (mayorale) принимали и другихъ публичныхъ женшинъ, то они наказывались въ первый разъ 50 ударами плетей, во второй разъ—100, а въ третій разъ имъ отрѣзывали носъ. Согласно узаконеніямъ о публичныхъ домахъ,—гранадскимъ 1539 и севильскимъ 1570 года,—предсѣдатели (отцы дома) принуждались къ точному исполненію установленнаго регламента подъ страхомъ денежнаго штрафа въ 2000 мараведи и 100 ударамъ плетьми. Отцы дома обязывались не выдавать на руки женщинамъ денегъ, за исключеніемъ случаевъ болѣзни, и производить освидѣтельствованіе ихъ не рѣже, какъ въ 8-ми-дневные промежутки. Первоначально сами жен-

щины обязаны были оплачивать медицинское освидѣтельствованіе ихъ, но въ царствованіе Карла V, пересмотрѣвшаго гранадскія узаконенія «О публичныхъ домахъ и публичныхъ женщинахъ» и сдѣлавшій ихъ дѣйствіе обязательнымъ для всего государства,—плата врачамъ была возложена на муниципалитеты.

Въ царствованіе Филиппа IV, проституція была снова запрещена и дома было предписано закрыть *).

Въ 1696 году состоялось собраніе алькадовъ двора и города Мадрида для обсужденія вопроса о полезности или вредѣ проституціи; но о результатахъ этого обсужденія ничего не было обнародовано.

Въ концѣ XVIII столѣтія (въ 1795 г.) докторъ Кабарусъ представилъ на разсмотрѣніе Мануэля Гудуа свою программу регулированія проституціи, которая хотя и касалась медицински-полицейской стороны вопроса, наибольшее вниманіе удѣляла, однако, установленію мѣръ наказаній. Когда въ царствованіе Фердинанда VII сифилисъ пріобрѣлъ необыкновенно сильное распространеніе въ Испаніи, была назначена премія за лучшее рѣшеніе вопроса: «Какими мѣрами успѣшно пріостановить дальнѣйшее распространеніе сифилиса?» Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ постановкой альтернативы: «Либо совершенно воспретить проституцію и преслѣдовать ее строжайшимъ образомъ,—либо учредить раціонально поставленные публичные дома и отдать ихъ подъ надзоръ государственныхъ чиновниковъ». Въ 1822 году издана была выработанная Кортесомъ программа по вопросу общественнаго здравія, предложившая

*) Prohibicion de maucebia y casas publicas de mugras en dotoslos pneblos de's estos Reynos (Ley VII. D. Felipe IV en Madrid, par prag. de 10 febr. de 1623 en les cap de reformation).

снова регулировку проституціи и учрежденіе публичныхъ домовъ.

Въ концѣ концовъ, испанское правительство, утомившись множествомъ безплодныхъ попытокъ уничтожить проституцію, предоставило ее всецѣло самой себѣ. Въ настоящее время въ Испаніи царитъ проституція, до такой степени разнузданная и до такой степени растлѣвающе вліяющая на всѣ стороны жизни, что превосходство въ этомъ отношеніи принадлежитъ развѣ одной только Англіи.

Съ 1860 года въ Испаніи не существуетъ никакого надзора за проституціей. Въ 1854 году, по поводу новаго проекта регулировки проституціи, была еще разъ назначена комиссія, но труды этой комиссіи опубликованы не были. Въ настоящее время полиція выступаетъ со своимъ вмѣшательствомъ противъ проституціи только въ такихъ случаяхъ, когда она угрожаетъ нарушеніемъ общественнаго спокойствія и порядка. Въ испанскомъ уголовномъ кодексѣ нѣтъ никакихъ узаконеній по вопросамъ проституціи. Въ Мадридѣ женщины и дѣвушки могутъ заниматься безпрепятственно развратнымъ промысломъ. Въ Испаніи не существуетъ, правда, привилегированныхъ публичныхъ домовъ, но зато огромное множество тайныхъ.

Въ такихъ городахъ, какъ Малага, Лоха, Ронда, Альгама, Марбелла, публичные дома существовали еще въ началѣ XV столѣтія *), хотя организація проституціи была предпринята только въ 1486 году.

Д-ръ Гюгель сообщаетъ: «Послѣ взятія Малаги (въ 1847 г.) католическіе короли передали въ вѣдѣніе дворцоваго инспектора, Алонзо Іаней Файардо, всѣ публичные дома сѣверныхъ городовъ, къ которымъ они позднѣе присоединили еще такія же заведенія въ завоеванныхъ городахъ—Велецѣ, Малагѣ, Альмеріи, Альмунекарѣ, Гвадиксѣ, Базѣ и Гренадѣ. Отсюда-то получили свое происхожденіе публичные дома большей части городовъ южной Испаніи, распространившихся впослѣдствіи по всему побережью обоихъ морей до Валенціи, Кадикса и до границъ Португаліи. Всѣ публичные дома находились за городомъ. Въ царствованіе Филиппа II существовали такъ называемые monasteres, служившіе убѣжищемъ для тайной проституціи. Начальницы этихъ домовъ носили званіе эббатиссъ.

*) „De la prostitution en Espagne", par le docteur *Y. M. Guardia.*

По предписаніямъ Карла V, изданнымъ въ 1539 г. для Гранады и распространившихъ потомъ свою силу на все государство, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ расклеены были спеціальныя правила, состоявшія изъ 124 пунктовъ и озаглавленныя: «Объ отцахъ--надзирателяхъ публичныхъ домовъ». Отмѣченнымъ заслуживаетъ быть то обстоятельство, что «отецъ дома» заведенія въ Саламанкѣ, который долженъ былъ принять при своемъ назначеніи присягу, былъ назначаемъ консисторіей. Около этого же времени издано было постановленіе о томъ, что освидѣтельствованіе публичныхъ женщинъ должно производиться врачемъ, назначаемымъ городскимъ совѣтомъ.

Въ Валенціи существовалъ, по сообщенію одного изслѣдователя *) въ царствованіе Людовика Красиваго, короля Кастильскаго, въ 1501 году, одинъ публичный домъ,—вѣрнѣе, обширное заведеніе, въ которомъ помѣщалось 800 женщинъ. Это заведеніе составляло четыре улицы, застроенныя маленькими домиками и обнесенныя одной стѣной, въ которой была только одна входная дверь. Въ этихъ домахъ

*) *Antoine de Lalaing,*—Les merveilleaux bordeau.

помѣщались таверны и кабачки и тамъ же жили сами женщины, нѣсколько врачей, хозяинъ заведенія (hostalers) и прислуга. Такса за одну ночь равнялась 4 мараведи.—Въ царствованіе Филиппа IV, подъ вліяніемъ іезуитовъ, было постановлено (10 Февраля 1625 г.) закрыть всѣ публичные дома во всемъ испанскомъ государствѣ,—мѣропріятіе, неодобрявшееся даже многими теологами.

Жуанъ-дель-Ольмо, священникъ монашескаго ордена, издалъ даже «записку», въ которой онъ взывалъ о терпимости къ публичнымъ домамъ. Когда въ царствованіе Фердинанда VII сифилисъ распространился въ Испаніи въ ужасающей степени и общественные нравы подверглись страшному упадку,—въ 1822 году была опубликована программа, горячо, но напрасно отстаивавшая, въ интересахъ общественнаго здравія, регламентацію публичныхъ домовъ. Съ 1860 года прекратился всякій надзоръ за проституціей; средневѣковые законы, хотя и не отмѣненные, перестали приниматься къ руководству и полиція стала въ отношеніи проституціи въ положеніе празднаго зрителя, нисколько не озабоченнаго принципомъ «salus populi suprema lex esto». Слѣдуетъ замѣтить, что впослѣдствіи снова былъ введенъ извѣстный государственный надзоръ.

Что касается послѣднихъ лѣтъ, то, согласно изслѣдованіямъ одного испанскаго ученаго *), въ 1888 году въ Мадридѣ числилось 900 проститутокъ. Спустя одинъ годъ, ихъ насчитывалось 1131, а въ 1890 году это число упало приблизительно до 1000 и въ 1891 до 930. Но это кажущееся уменьшеніе происходитъ, повидимому, только отъ неудовлетворительно производившагося подсчета, потому что къ концу 1899 года ихъ снова было зарегистровано 2010 *). Разумѣется, въ это число не вошли тайныя — или вѣрнѣе, неофиціальныя — проститутки, значительный контингентъ которыхъ составляютъ здѣсь, между прочимъ, работницы на сигарныхъ фабрикахъ. По приблизительному разсчету въ «La mala vida en Madrid» **), число тайныхъ проститутокъ въ Мадридѣ доходило въ 1872 году до 17.000; между тѣмъ другой авторъ ***) утверждаетъ: «Не будетъ, я полагаю, преувеличеніемъ, если я скажу, что число женщинъ, живущихъ такъ или иначе эксплуатаціей своей женской природы и, слѣдовательно, болѣе или менѣе причастныхъ къ проституціи, доходитъ до 34.000. Въ такомъ же положеніи находится этотъ вопросъ и въ другихъ городахъ Испаніи, гдѣ публичные дома существуютъ повсюду,—и еще въ худшемъ въ портовыхъ городахъ. Нерѣдкое явленіе представляютъ здѣсь также трибадія и педерастія». Въ общемъ же слѣдуетъ сказать, что въ настоящее время проституція въ Мадридѣ представляетъ тѣ же явленія, что и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ.

Что касается испанской литературы, то въ ней нѣтъ ничего выдающагося, что заслуживало бы особаго обсужденія въ отношеніи интересующагося насъ вопроса.

Португалія.

Почти все, или по крайней мѣрѣ большая часть того, что мы сказали объ Испаніи, относится также и къ

*) *Gonzales Fragosa*,—La prostitucion en les grandes cuidades.

*) *Eslara*,—La prostitucion en Madrid.

**) *F. Nahillo*,—La prostitucion glas casas de juego, Madrid, 1872.

***) *Roderiaz Jolis*,—„La muyer defendida... etc.“

Португаліи,—съ тѣми только ограниченіями, которыя вытекаютъ изъ того, что послѣдняя страна меньше и бѣднѣе. Разумѣется, эта маленькая страна, которую Фридрихъ Великій называлъ въ насмѣшку «La chose de Portugal», ни въ одномъ отношеніи не могла бы выдержать сравненія со своимъ могущественнымъ сосѣднимъ государствомъ. «Португалія,—пишетъ Веберъ-Демокритъ,—уподобляется одному огромному монастырю..., въ которомъ въ 1750 г. францисканецъ Гаспаръ управлялъ государственнымъ рулемъ; въ которомъ государственные доходы употребляются на сооруженіе монастыря Матча, прокармливающаго 300 монаховъ и 150 свѣтскихъ братьевъ; въ которомъ повсюду царятъ іезуиты, и духовникъ королевы могъ заставить ее выдержать восьмидневный постъ за то, что она что-то сдѣлала безъ его разрѣшенія,—въ которомъ, наконецъ, королевскій домъ дѣлаетъ все, чтобы только достойно носить свой папскій титулъ Rex fidelissimus.

Едва ушла одна англичанка, проникшая въ мужскомъ платьѣ въ знаменитый монастырскій садъ въ Лиссабонѣ, какъ монахи бросились подметать всюду и даже полили всѣ растенія святой водой. И не смотря на этотъ фанатизмъ, всѣ церкви являются настоящими домами любви, въ которыхъ часто руки влюбленныхъ соприкасаются даже въ кропильницѣ, пожимая другъ друга и обмѣниваясь записками,—или мальчики, ударяя себя въ грудь, при чтеніи Ave Maria во время мессы, бросаются на земь, и въ это время подсовываютъ подъ платье дамы письмецо и перехватываютъ другое изъ ея рукъ. Внѣшнее благочестіе не вліяетъ на нравственность,—вотъ почему ревность мужей, очень хорошо знающихъ легкость права своихъ женъ,—ревность, неоднократно испытанная иностранцами самымъ трагическимъ образомъ,—побуждаетъ ихъ обзаводиться

домовыми церквами или часовнями,—такъ что инымъ дамамъ приходится посѣтить церковь только три раза въ жизни: при своемъ рожденіи, при вѣнчаніи и по смерти.

Монашество пріучило этотъ добрый и симпатичный народецъ къ жизни земного рая, и гордые британцы, дѣлившіе съ монахами богатую добычу отъ страны, совершенно несправедливо заклеймили самый народъ. Пользовавшееся одно время большимъ распространеніемъ сочиненіе Дюмурье «Etat présent du Portugal» также повинно во многихъ несправедливостяхъ, вплоть до шутки со словомъ «ficar». Король освѣдомился однажды у папскаго нунція о томъ, какъ поживаютъ его святѣйшество и нѣкоторые кардиналы, спросивъ объ этомъ по португальски: «Come fica o sanctissimo Padre? Come ficaon os Cardinales»? Нунцій отвѣтилъ, смѣясь, по итальянски: «Come ficano tutti gli uomini» *) (какъ всѣ мужчины).

Какъ и въ Испаніи, въ Португаліи также властно сказалось вліяніе римлянъ, германцевъ и мавровъ. Вліяніе послѣднихъ какъ будто даже сильнѣе еще отразилось на португальцахъ, чѣмъ на испанцахъ, и смѣшеніе расъ произошло здѣсь еще болѣе сильное.

Въ общемъ, все, что касается нравовъ и нравственности, находилось и находится и донынѣ почти въ томъ же состояніи въ Португаліи, какъ и въ Испаніи; можно отмѣтить только то, что французская мода и французскіе обычаи нашли доступъ въ Португалію позже, чѣмъ въ другія страны. Женщины жили почти до самаго недавняго времени въ

*) Непереводимая игра словъ, основанная на различномъ значеніи одного и того же глагола по португальски и по итальянски.—Перев.

уединеніи своихъ покоевъ, въ замкнутости почти восточной. Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, то окажется совершенно понятнымъ, что для собственной проституціи въ Португаліи не могло оказаться благопріятной почвы. А если мы примемъ, затѣмъ, въ соображеніе то обстоятельство: что эта страна очень мало посѣщается иностранцами, то станетъ понятнымъ и то, что въ Португаліи и въ настоящее время не существуетъ сильно развитой проституціи. Бѣдность страны можетъ, правда, съ одной стороны содѣйствовать разврату, какъ промыслу,— за то съ другой стороны, она не оставляетъ обширнаго поля развитію чувственности.

Организація проституціи такая же, какъ въ Испаніи.

Изъ фактовъ прошлаго слѣдуетъ упомянуть о томъ, что король Альфонсъ V строго запретилъ въ 1438 году сводничество и проституцію. Лица, виновныя въ вовлеченіи въ проституцію молодыхъ дѣвушекъ, вдовъ или замужнихъ женщинъ, были наказываемы плетьми и ссылкой въ Бразилію; лица же, вовлекавшія монахинь, наказывались смертной казнью и конфискаціей ихъ имущества. Первыя обязаны были, сверхъ того, носить въ теченіе всей своей жизни головной уборъ (polaïna) краснаго цвѣта.

Румынія.

Румынія, населенная потомками римскихъ колонистовъ, слившихся съ славянами, сдѣлалась независимымъ государствомъ только съ 1878 года; до того времени, начиная съ 1859 года, Румынія состояла подъ протекторатомъ Турціи, а еще ранѣе

представляла собой турецкую провинцію. Еще болѣе ранней исторіи страны мы здѣсь не имѣемъ надобности касаться. Такое этнографическое смѣшеніе, отразившееся до извѣстной степени и на языкѣ, не могло не отразиться, разумѣется, и на состояніи нравственности. Румынъ дѣйствительно соединяетъ въ себѣ большей частію чувственность, которой особенно отличаются романскіе народы, съ сладострастіемъ, свойственнымъ восточнымъ народамъ и съ жаждой половыхъ наслажденій, присущей славянскимъ народамъ. Испорченности нравовъ румынъ должно было содѣйствовать до нѣкоторой степени и то обстоятельство, что богатые бояре питаютъ особенное пристрастіе къ Парижу, куда ѣздятъ обыкновенно на продолжительное время и оттуда привозятъ на родину грѣхи и пороки, расцвѣтающіе здѣсь затѣмъ пышнымъ цвѣтомъ. Впрочемъ, благопріятную почву для пышнаго расцвѣта разврата представляютъ всѣ Балканскія государства, — но надо отдать должную справедливость славянскимъ народамъ, у которыхъ семейная жизнь отличается большею частью чистотой, тогда какъ о румынахъ этого часто нельзя сказать. Румынскія женщины страстно любятъ наряды и украшенія, а румяна здѣсь въ большомъ употребленіи даже среди низшихъ общественныхъ слоевъ.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ становится вполнѣ понятнымъ, что проституція находитъ въ Румыніи обширное поле для распространенія, — и Бухарестъ превосходитъ въ этомъ отношеніи, пожалуй, очень многіе крупные европейскіе города. Въ городахъ существуютъ публичные дома, находящіеся подъ полицейскимъ контролемъ и обитательницы которыхъ подвергаются еженедѣльно осмотру со стороны назначенныхъ врачей; но это мѣропіятіе представляетъ здѣсь въ моральномъ и санитарномъ

отношеніи еще меньшую цѣнность, чѣмъ гдѣ-либо, и часто приводитъ къ единственному результату — къ налогу на содержателей публичныхъ домовъ, или—какъ это практикуется и въ Парижѣ и въ другихъ городахъ—къ взяткамъ, которыя они вручаютъ въ знакъ признательности. Само собой разумѣется, что и тайная проституція имѣетъ здѣсь огромное распространеніе.

Греція.

Минуя исторію интересующаго насъ вопроса — состоянія нравственности и положенія проституціи— въ Греціи въ древній періодъ и въ эпоху византійскаго владычества, мы займемся періодомъ турецкаго владычества. Въ этотъ періодъ состояніе занимающаго насъ вопроса едва-ли чѣмъ-нибудь отличалось отъ состоянія его въ другихъ турецкихъ провинціяхъ; даже со времени новаго образованія греческаго государства, немногое можно отмѣтить, чѣмъ особенно отличалась бы Греція отъ другихъ Балканскихъ странъ. Надо еще и то сказать, что потомки древнихъ мудрецовъ и героевъ Афинъ и Спарты успѣли воспринять въ себя съ тѣхъ поръ столько чуждыхъ элементовъ, что вопросъ вообще является спорнымъ, можно ли разсматривать нынѣшній греческій народъ, какъ полнаго наслѣдника древней Эллады, чего ему такъ хотѣлось бы.

Надо признать, во всякомъ случаѣ, что нынѣшніе греки многое сохранили отъ испорченныхъ нравовъ прошлаго, и что среди нихъ восточная чувственность получила еще большее распространеніе, чѣмъ среди ихъ предковъ, хотя она все-таки не достигла пышнаго расцвѣта и утонченности своеобразной древней культуры.

Въ началѣ XIX столѣтія Веберъ-Демокритъ имѣлъ основаніе разсказывать такъ о новогрекахъ: «Склонность къ противоестественному сладострастію наблюдается среди нихъ до сихъ поръ... До сихъ поръ еще гречанки обнаруживаютъ къ мореплавателямъ такую же благосклонность, какъ во времена Калипсо, и покрывала свои онѣ носятъ не столько для того, чтобы скрыть свою красоту, сколько для того, чтобы придать ей большую цѣну. До сихъ поръ еще среди нихъ встрѣчаются образцы такой красоты, что онѣ могли-бы позировать художнику или скульптору для Венеры... Греки Іонійскихъ острововъ, которые составляютъ нынѣ (т. е. въ началѣ XIX столѣтія) отдѣльное государство подъ британскимъ протекторатомъ, обладаютъ многими итальянскими нравами, такъ какъ они жили долго подъ владычествомъ Венеціи, — и эти оказываются еще болѣе испорченными, чѣмъ ихъ собратья, воспитанные подъ турецкимъ владычествомъ».

Объ эпохѣ сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтія неоднократно цитированный нами авторъ-путешественникъ сообщаетъ слѣдующее:

«Такъ какъ женщины достигаютъ здѣсь зрѣлости очень рано, уже на десятомъ году, а на четырнадцатомъ году уже вступаютъ въ бракъ,—зато и отцвѣтаютъ уже на двадцатомъ году, становясь вскорѣ безплодными,—тѣмъ усерднѣе стараются онѣ вслѣдствіе этого искусственными средствами сохранить подольше свою наружность, чего они воображаютъ возможнымъ достигнуть употребленіемъ румянъ для щекъ и подрисовываніемъ бровей и рѣсницъ. Осанка почти всѣхъ гречанокъ совершенно лишена граціи и походка ихъ,—вслѣдствіе восточной манеры сидѣть, подложивъ подъ себя ноги,— тяжела, а у полныхъ женщинъ, встрѣчающихся нерѣдко, даже развинченная».

Семейную жизнь грековъ онъ нашелъ въ большинствѣ случаевъ счастливой. «Мужья, занятые большей частію полевыми работами или слоняющіеся по улицамъ, предоставляютъ своимъ женамъ заниматься въ теченіе дня чѣмъ и какъ имъ угодно въ своихъ дымныхъ, неопрятныхъ и дурно-пахнущихъ хижинахъ. Общатся они съ женами больше по ночамъ, чѣмъ днемъ — и жены, повидимому, вполнѣ довольны такимъ порядкомъ, такъ какъ по утрамъ женщины встрѣчаются веселыя, выражающія свое довольство громкими пѣснями, тогда какъ утомленные мужья медленнымъ шагомъ уходятъ изъ дому. Вѣдь еще три тысячи лѣтъ назадъ писалъ старикъ Гезіодъ: «Только десятая доля этого удовольствія достается мужчинѣ, женщинѣ-же все сполна».

Наряду съ этимъ фривольнымъ замѣчаніемъ, мы находимъ и слѣдующее суровое осужденіе автора: «Правда, и древніе греки, при всѣхъ ихъ высокихъ достоинствахъ и великихъ добродѣтеляхъ, были, въ сущности, народомъ легкомысленнымъ, хвастливымъ и неблагодарнымъ. Еще въ средніе вѣка эллинская вѣрность, какъ и греческая любовь, пользовались одинаково дурной славой. Тѣмъ не менѣе своей полной моральной испорченностью и паденіемъ эта нація обязана только четырехсотлѣтнему вліянію османской деспотіи... Избѣгая всякой дальнѣйшей злой критики, мы должны признать, что остается одна только надежда: что достигнутая свобода повлечетъ за собой и нравственное освобожденіе этого опустившагося народа,—хотя до сихъ поръ, вопреки всѣмъ сангвиническимъ ожиданіямъ филантроповъ-неофитовъ, возможные виды еще очень слабы». Во всякомъ случаѣ, можно, значитъ, сказать, что нравственность въ новомъ королевствѣ Греціи все-же улучшается, хотя и оставляетъ еще желать многаго.

Объ эспланадѣ въ Корфу нашъ авторъ сообщаетъ: «Въ тѣнистыхъ аллеяхъ этого парка подъ покровомъ темноты, жизнерадостные іонійцы предаются такому разврату, что даже безпутный Казанова разражается цѣлыми іеремиадами, — и даже не столько по адресу женщинъ, публично отдающихся, сколько по адресу знатныхъ дамъ». У береговъ Пелопонеса авторомъ овладѣваютъ классическія воспоминанія по поводу общественныхъ игръ, во время которыхъ спартанскія дѣвушки, въ присутствіи геронтовъ и педономовъ, выступали на конкурсъ совершенно нагими, чтобы юноши, не обманутые какими бы то ни было покровами, могли бы свободно избирать себѣ женъ.

Возвратимся, однако, къ эпохѣ, не столь отдаленной. Объ Афинахъ и ихъ окрестностяхъ авторъ между прочимъ разсказываетъ: «Въ долинѣ, въ которой нѣкогда Сократъ собиралъ вокругъ себя учениковъ, все еще бьетъ, правда, источникъ, выбрасывая свои свѣжія воды, но нѣтъ уже болѣе тѣни лавровыхъ и кипарисовыхъ рощъ надъ нимъ. Въ настоящее время здѣсь во множествѣ рѣзвятся подъ покровомъ ночи другіе наряды для сбора жатвы своихъ прелестей, такъ какъ этому пламенному, кипучему народу и теперь, какъ 2300 лѣтъ тому назадъ, эти ощущенія представляются высшей радостью, какая только дана человѣческой натурѣ... На нижнемъ склонѣ скалистаго холма (къ западу отъ Акрополиса) стоялъ нѣкогда храмъ Ilithyia, отъ котораго теперь уцѣлѣлъ только скалистый катокъ, выдолбленный и выглаженный потомками тѣхъ древне-афинскихъ женщинъ, которыя бѣгали здѣсь въ надеждѣ поддержать свою способность къ материнству или легче разрѣшиться отъ бремени. Теперь сюда стекаются

дѣвушки въ стремленіи къ замужеству, въ поискахъ за мужчинами».

Довольно, однако, историческихъ воспоминаній. Изъ всѣхъ приведенныхъ сообщеній мы можемъ заключить о томъ, что чувственность, основной источникъ проституціи, у грековъ очень сильна, и развитію ея, какъ промысла, ставитъ въ настоящее время нѣкоторыя ограниченія то обстоятельство, что страна очень бѣдна и очень мало посѣщается иностранцами.

ГЛАВА IV.

Анатомическія и антропометрическія данныя о проституціи. — Татуированіе у проститутокъ.—Пороки проститутокъ.—Причины проституціи. — Половое равнодушіе.—Проститутки случайныя и прирожденныя.—Соціалъ-демократія и проституція. — Другія мнѣнія.— Статистическія данныя.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію положенія проституціи у славянскихъ народовъ, будетъ умѣстно остановиться на нѣсколькихъ пунктахъ, очень важныхъ при характеристикѣ проституціи, на которыхъ мы до сихъ поръ не могли останавливаться подробно,—частію во избѣжаніе нарушенія связности изложенія, частію же потому, что они имѣютъ международное значеніе и не подлежатъ національнымъ или географическимъ разграниченіямъ.

Знаменитый ученый Ломброзо вмѣстѣ съ Ферраро приводятъ въ своей книгѣ, о которой мы уже упоминали, интересныя анатомическія и антропометрическія данныя о проституткахъ, изъ которыхъ мы должны здѣсь кое-что позаимствовать.

При измѣреніи череповъ 26 проститутокъ, получены были слѣдующія цифры:

	Кубич. сант.	Процентовъ.
Вмѣстимость	1000—1100	3,8
»	1101—1200	15,3
»	1201—1300	42,3
»	1301—1400	23,0
»	1401—1500	11,5
»	1501—1600	3,8

У 26 проститутокъ, подвергнутыхъ изслѣдованію, лицевой уголъ оказался равнымъ: наибольшій 82 градусамъ, наименьшій 72° и средній — 74,6°. Установленъ былъ также другой признакъ — большій вѣсъ нижней челюсти.

Произведенными измѣреніями 47 череповъ проститутокъ установлены слѣдующіе нормальные признаки въ процентахъ:

		По сравненію съ обыкновенными женск. черепами.
Большія лобныя пазухи	16	19
Низкій лобъ	16	10
Прогнатизмъ	36	10
Аномаліи затылочной кости	23	—
Выдающіяся скулы	16	6,9
Увеличенная нижн. челюсть	3	16,5
Мужской типъ лица	4	—
Простые черепные швы	16	—
Затян черепные швы	16	13,3
Плагіоцефалія	22	17,2
Склерозъ черепа	22	17,2
Атлассипостовъ	3	—
Увеличенная spina nasalis	3	—
Аномаліи носовыхъ костей	19	—
Аномаліи зубовъ	5,1	0,5

При этомъ было установлено,— насколько такія числа позволяютъ дѣлать рѣшительные выводы,—

что черепъ проститутокъ представляетъ болѣе рѣзкія уклоненія, чѣмъ черепъ нормальной женщины и даже чѣмъ черепъ преступницы.

Антропометрическія данныя были получены путемъ измѣреній, произведенныхъ у 685 живыхъ проститутокъ. Согласно выводамъ пр. Тарновскаго, 19% проститутокъ обнаруживаютъ вѣсъ ниже средняго; воровки 20%, крестьянки 20%, образованныя женщины 18% (соотвѣтствующія числа, приближающіяся къ среднему вѣсу, составляютъ 56, 7%, 51%, 46%, 58%,—выше же средняго вѣса 22, 9%, 28%, 34%, 24%). Измѣренія роста показали ниже средней нормы: у проститутокъ 28%, у воровокъ 14%, у крестьянокъ 7%, у образованныхъ женщинъ 10%. Изслѣдованія показали еще множество аномалій у проститутокъ. Вопросъ только въ томъ, въ какой мѣрѣ подобнымъ даннымъ можетъ быть вообще приписана научная цѣнность и не могутъ ли онѣ легко привести къ ошибочнымъ заключеніямъ, которыя больше повредили бы изслѣдованію, чѣмъ могутъ принести пользы подобные результаты и въ лучшемъ случаѣ. Точка зрѣнія названнаго автора, съ которой онъ разсматриваетъ проституцію вообще, какъ одну изъ разновидностей преступности, быть можетъ, приводитъ его къ слишкомъ распространенному толкованію и можетъ вовлечь его въ противорѣчія.

Интересны приводимыя авторомъ дальнѣйшія свѣдѣнія о татуированіи у проститутокъ; слѣдуетъ только не упускать изъ виду, что наблюденія эти были сдѣланы не во всѣхъ направленіяхъ.

Случаи татуированія у проститутокъ, особенно низшаго разряда, встрѣчаются значительно чаще, чѣмъ у преступницъ вообще,—и число ихъ оказалось бы втрое большимъ, если бы причислить къ нимъ и «мушки» или пластыри, наклеиваемые изъ

соображенія кокетства. Изслѣдователь Де-Альбертисъ нашелъ 28 татуированныхъ въ числѣ изслѣдованныхъ имъ въ Генуѣ 300, 7—въ числѣ 1561 въ Туринѣ, одну въ Миланѣ въ числѣ 300; всего вмѣстѣ оказалось 36 татуированныхъ въ числѣ 2161 подвергнутыхъ изслѣдованію,—слѣдовательно, 2,5%». Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что наибольшее число случаевъ оказалось въ одномъ только портовомъ городѣ Генуѣ; а вѣдь извѣстно, что моряки особенно любятъ этотъ родъ украшенія кожи и очень часто склоняютъ къ татуированію и женщинъ, съ которыми находятся въ близкихъ отношеніяхъ,—очень часто даже сами татуируютъ ихъ, научившись дѣлать эту операцію въ теченіе своего плаванія—на самомъ-ли кораблѣ, или во время пребыванія въ дальнихъ странахъ.

«Татуировка у женщинъ отличается отъ татуировокъ у мужчинъ преимущественно отрицательными свойствами, какъ, напримѣръ, сравнительно большей рѣдкостью (1 въ числѣ 36) изображенія религіозныхъ символовъ. Чаще всего изображенія заключаютъ воспоминанія о любовникахъ (и именно 24 въ числѣ 36), два раза были обнаружены изображенія, относившіяся къ памяти о родителяхъ, четыре раза—къ памяти о подругахъ. Въ четырехъ случаяхъ оказались знаки памяти о двухъ или болѣе любовникахъ, какъ свидѣтельства небольшого постоянства.

По своей формѣ случаи татуированія отличались изображеніемъ:

Именъ и иниціаловъ . . .	въ 31 случ.
Пронзенныхъ сердецъ . . .	» 6 »
Мужскихъ головъ	» 3 »
Девизовъ	» 2 »
Женскихъ собств. именъ .	» 3 »

У одной пятнадцатилѣтней дѣвушки, отличавшейся особенной разнузданностью поведенія, дочери занимавшагося сводничествомъ отца, оказались на обоихъ плечахъ вытатуированныя пронзенныя сердца съ якорями подъ ними и съ иниціалами именъ ея подругъ.

Де-Альбертисъ нашелъ на рукѣ одной 84-лѣтней женщины въ Генуѣ иниціалы C. D. и между обѣими буквами портретъ какого-то зуава. У другой оказались на правомъ предплечіи два пронзенныхъ сердца и надъ ними надпись въ двѣ строки W. Il mio amore (мой возлюбленный). Въ одномъ случаѣ на груди оказалась фигура мужчины, нарисованная искусной рукой моряка, съ подписанными подъ ней иниціалами E. I. M. B., что означало Eviva il mio Bruno (да здравствуетъ мой Бруно). Обладательница этого знака была женщиной до извѣстной степени образованной и подписью этой хотѣла почтить память человѣка, которому она отдалась впервые и которому была вѣрна отъ своего 14-го до 16-го года.

«Парижскія женщины ограничиваются также въ большинствѣ случаевъ изображеніемъ иниціаловъ или именъ любовниковъ, подъ которыми подписываютъ часто увѣренія pour la vie (на всю жизнь),— помѣшая ихъ иногда между двумя цвѣтками или двумя сердцами, и почти всегда только на плечѣ или на груди. Непристойныя изображенія встрѣтились только въ двухъ случаяхъ. Среди старыхъ трибадинокъ въ Парижѣ наблюдались часто вытатуированныя на тѣлѣ между лобкомъ и пупкомъ имена ихъ подругъ и такіе знаки считаются несомнѣннымъ доказательствомъ этого порока. У нѣкоей Lacesny все тѣло было покрыто татуировкой изъ именъ или иниціаловъ ея любовниковъ и даты начала каждой новой связи...

«Еще Парранъ Дюшатлэ замѣтилъ, что татуированіе практикуется чаще всего самыми падшими изъ проститутокъ, привыкшими запечатлѣвать на своемъ тѣлѣ имена своихъ покровителей по порядку; у одной оказалось 15 такихъ именъ. Старыя развратницы вытатуировываютъ рядомъ съ этими именами и женскія имена. По наблюденіямъ Альбертиса, татуированныя отличаются среди остальныхъ особенной злостью характера...

«Всѣ эти явленія наблюдалъ и Бергъ по матеріаламъ своихъ изслѣдованій въ Копенгагенѣ. Здѣсь этотъ обычай распространилъ среди проститутокъ одинъ морякъ, превосходный рисовальщикъ и спеціалистъ искусства татуированія, эксплуатировавшій этимъ ремесломъ извѣстное легкомысліе проститутокъ...

«Здѣсь татуировались, такъ же какъ и въ Парижѣ и въ Генуѣ, преимущественно проститутки самаго низшаго разбора. Непристойныхъ рисунковъ ни разу не встрѣчалось.

«Копенгагенскіе случаи татуированія отличались отъ парижскихъ только рѣже встрѣчавшимися намеками на эротическія отношенія съ женщинами».

Въ примѣчаніи къ приведенному нами мѣсту книги авторъ замѣчаетъ, что въ Парижѣ, согласно изслѣдованіямъ Парранъ-Дюшатлэ, трибадіи предается приблизительно четвертая часть всѣхъ проститутокъ и что приблизительно такое же отношеніе принимаетъ и Бергъ для Копенгагена. Къ этому можно прибавить, что оно подходитъ также для большинства другихъ большихъ городовъ, если только они еще не превзойдутъ. Вѣдь данныя Парранъ-Дюшатлэ представляютъ результатъ изслѣдованій, произведенныхъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, а трибадія пріобрѣла съ тѣхъ поръ въ Парижѣ, да и въ другихъ мѣстахъ, ужасающее распространеніе.

Нерѣдко встрѣчается татуированіе среди проститутокъ и въ Германіи,—главнымъ же образомъ среди тѣхъ изъ нихъ, которые занимались своимъ позорнымъ промысломъ въ Гамбургѣ и другихъ германскихъ приморскихъ городахъ. Иногда татуировка представляетъ и непристойные рисунки, разсчитанные на возбужденіе въ зрителѣ спеціальнаго волненія. Нѣкоторыя подобныя порнографическія изображенія описаны Лораномъ въ его сочиненіи о преступницахъ, изданномъ въ 1890 г. *).

Карлье отмѣчаетъ три главныхъ порока проститутокъ: обжорство, пьянство и лживость,—что можетъ подтвердить каждый и на основаніи личнаго опыта. Едва-ли существуетъ хоть одна проститутка въ цѣломъ мірѣ, которая не предавалась бы сильно хоть одному изъ этихъ пороковъ. «Страстная склонность къ игрѣ не такъ сильно развита у проститутокъ, какъ у преступниковъ; тѣмъ не менѣе игральныя карты являются въ публичныхъ домахъ главнымъ средствомъ развлеченія. Парранъ-Дюшатлэ наблюдалъ очень живую склонность къ игрѣ въ лотто. Въ Монте-Карло можно всегда видѣть множество кокотокъ, обращающихъ на себя вниманіе особенной смѣлостью и упрямствомъ въ игрѣ. Чрезвычайно характерно также тщеславіе проститутокъ, выражающееся въ самыхъ различныхъ формахъ и тѣмъ рѣзче, чѣмъ глубже пала данная женщина. Карлье разсказываетъ, что въ Парижѣ неизящныя и неопрятно одѣтыя проститутки дали своимъ элегантнымъ конкурренткамъ презрительное прозвище «panache», а эти въ свою очередь отплачиваютъ имъ прозвищемъ «pierreuse». Многія изъ нихъ считаютъ себя самымъ серьезнымъ образомъ большими барынями, въ увѣренности, что ихъ лѣнивое ничегонедѣланіе и отвращеніе къ физическому труду составляютъ характерныя черты высшей организаціи. Женщина, отдающаяся за плату въ 5 франковъ, считаетъ себя смертельно оскорбленной въ своемъ самолюбіи, если какая нибудь конкуррентка обзоветъ ее «однофранковой дѣвкой».

*) «Les habituées de prisons de Paris».

Самое большое удовольствіе доставляетъ проституткамъ ничегонедѣланіе. «Скука—чувство, совершенно имъ чуждое; онѣ способны проводить цѣлые дни, растянувшись на кровати или на диванѣ, не пошевельнувъ пальцемъ и никогда не утомляясь отъ такого абсолютнаго ничегонедѣланія, которое для всякой нормальной женщины утомительнѣе самой тяжелой работы; трудъ и работу онѣ, напротивъ, смертельно ненавидятъ—и вотъ это-то и бываетъ въ большинствѣ случаевъ главной причиной того, что онѣ становятся проститутками; къ этому надо прибавить еще характерное пристрастіе къ развлеченіямъ, къ шуму и оргіямъ». У проститутокъ, оплачиваемыхъ дороже, эта страсть къ оргіямъ соединяется часто еще съ совершенно безумной расточительностью.

Интересны изслѣдованія, произведенныя Парранъ-Дюшатлэ, причинъ, побуждающихъ обыкновенно женщинъ вступать на путь проституціи. Данныя эти, таблицу которыхъ мы ниже приводимъ, относятся, правда, только къ Парижу, но и въ любомъ другомъ мѣстѣ результаты изслѣдованія были-бы почти точно такими же. Дѣло только въ томъ, что такія данныя имѣютъ одинъ роковой недостатокъ: обыкновенно свѣдѣнія такого рода почерпаются изъ разсказовъ самихъ проститутокъ, характерной чертою которыхъ является, какъ мы уже упоминали, лживость; и именно на этомъ пунктѣ ихъ пристрастіе ко лжи сказывается обыкновенно особенно рѣзко. Все-таки, значительную долю вѣроятности за этими числами слѣдуетъ признать.

ПРИЧИНА.	Парижанокъ.	Жительн. большихъ городовъ.	Жительн. малыхъ городовъ.	Деревенскихъ дѣвушекъ.	Иностранокъ.	Всего.
Нужда и нищета . . .	570	504	182	222	62	1,441
Смерть родителей, изгнаніе изъ дому, безпріютность и безпризорность .	647	201	157	211	39	1,055
Необходимость кормить и воспитывать младшихъ братьевъ и сестеръ . . .	29	—	—	—	—	29
Необходимость кормить старыхъ или больныхъ родителей	37	—	—	—	—	37
Вдовы, обремен. дѣтьми.	23	—	—	—	—	23
Вдовы, оказавшіяся на чужбинѣ безпомощными.	—	187	29	64	—	280
Увезенныя въ Парижъ студентами, комми-вояжирами или солдатами .	—	185	75	97	47	404
Соблазненныя хозяевами и выгнанныя потомъ прислуги	123	97	29	40	—	289
Брошенныя любовниками послѣ долгаго сожительства	559	314	180	302	70	1,425
Вмѣстѣ . . .	1,988	1,389	652	936	218	5,183

Какое глубокое состраданіе должны пробудить человѣка съ сердцемъ эти цифры, если онѣ даже только приблизительно вѣрны! Ломброзо и Ферреро толкуютъ о какихъ-то «прирожденныхъ проституткахъ», устанавливая такимъ образомъ извѣстное предназначеніе,—судьбу, такъ сказать. Съ этимъ не вполнѣ можно согласиться. Что истерія является часто почвой для проституціи, какъ утверждаютъ вышеназванные авторы, это, пожалуй, вѣрно; но вѣдь прежде надо было бы изслѣдовать, въ какой мѣрѣ и какъ часто истерія оказывается продуктомъ побѣжденной чувственности или полового инстинкта вообще, и тогда, быть можетъ, въ *этомъ* оказалось бы объясненіе значительнаго количества случаевъ. То самое «половое равнодушіе», которое названные авторы будто бы часто наблюдали у проститутокъ,—такъ что даже считаютъ его господствующимъ признакомъ,—вѣдь его-то навѣрное надо было-бы отнести въ огромномъ большинствѣ случаевъ на счетъ «профессіональнаго» пресыщенія, или же на счетъ предшествовавшей мастурбаціи и другихъ эксцессовъ. По нашему мнѣнію, главная роль въ происхожденіи проституціи принадлежитъ именно чувственности, какъ бы ни усиливались такіе авторитеты, какъ Ломброзо и Ферреро, доказывать путемъ физіологическаго анализа, что первопричину ея слѣдуетъ искать въ «нравственномъ идіотизмѣ». Стоитъ намъ вникнуть поглубже въ это напыщенное научное опредѣленіе, и мы убѣдимся, что въ сущности (т. е. если отбросить всѣ постороннія психологическія и другія научныя, а порой и псевдо-научныя соображенія) подъ этимъ новымъ терминомъ кроется простая и общепонятная душевная особенность, обычно называемая яснымъ и трезвымъ словомъ: легкомысліе. Нужда, легкомысліе и чувственность—вотъ та безотрадная триединая почва, на

которой выростаетъ проституція; при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду еще и того, что обыкновенно эти факторы въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются, правда, вмѣстѣ—но въ соединеніи и смѣшеніи самыхъ разнообразныхъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, всѣ эти громкія разсужденія о сущности и исторіи развитія проституціи сводятся, въ концѣ концовъ, къ одному и тому же,—и только различный способъ выраженій создаетъ всѣ эти разногласія, такъ страстно обсуждаемыя. Можно сказать, что излагается, въ сущности, одна и та же исторія, но каждый разсказываетъ ее на своемъ собственномъ языкѣ, употребляемомъ только имъ самимъ и его единомышленниками. Названные авторы устанавливаютъ, наряду съ «прирожденными проститутками», проститутокъ случайныхъ—точно такъ же, какъ они различаютъ «прирожденныхъ преступниковъ обоего пола и преступниковъ случайныхъ,—и подраздѣленія эти какъ-будто только для того и введены, чтобы придать большую устойчивость систематизаціи, явно опровергнутой живыми фактами. Человѣческая психика въ основѣ своей устроена слишкомъ сложно и тонко, чтобы ее возможно было всецѣло объяснить съ помощью хлама сухихъ и застывшихъ формулъ и правилъ. И ничто такъ легко не приводитъ къ заблужденіямъ, какъ абсолютное примѣненіе научнаго масштаба при оцѣнкѣ абстрактныхъ явленій. Быть можетъ даже, ни одна наука столько не согрѣшила ошибочными выводами и заключеніями, какъ статистика—по внѣшности, непогрѣшимо убѣдительная.

Сторонникомъ Ломброзо объявляетъ себя также русскій врачъ, профессоръ П. Тарновскій въ Петербургѣ. Онъ также утверждаетъ и даже еще рѣшительнѣе, чѣмъ Ломброзо, что, «ни незнаніе основныхъ принциповъ морали и религіи, ни недостаточ-

ный заработокъ, ни безпріютность, ни прискорбная бѣдность—ни одна изъ этихъ причинъ не повинна въ томъ, что этихъ женщинъ влечетъ къ ихъ «проклятой» жизни; не внѣшнія условія жизни, а сама внутренняя организація ихъ, ихъ порочныя наклонности толкаютъ ихъ на это, вопреки ихъ прямой выгодѣ, здравому разсудку и всѣмъ предостереженіямъ» *).

Докторъ Блашко прибавляетъ къ этой цитатѣ: «Теорія эта, разсматривающая проституцію, какъ неизбѣжное слѣдствіе прирожденной moral insanity (нравственнаго помѣшательства), подобно тому, какъ Ломброзо конструируетъ свой типъ homo deliquente (преступнаго человѣка), имѣетъ, пожалуй, нѣкоторое зерно истины, но искаженное чудовищнымъ преувеличеніемъ. На самомъ дѣлѣ, среди проститутокъ есть небольшой процентъ индивидуумовъ, какъ бы прямо отъ рожденія предназначенныхъ всѣмъ своимъ анормальнымъ психическимъ складомъ къ этой профессіи,—прирожденныя проститутки, неуклонно повинующіяся своему предназначенію, иногда даже среди блестящихъ матеріальныхъ условій своей жизни и даже, вырванныя оттуда и поставленныя въ самыя благопріятныя нравственныя условія, снова возвращающіяся къ своей грязи.

«Но это совершенно непримѣнимо ко всему классу проститутокъ, къ тому безмѣрно большему количеству, которое рекрутируется изъ огромной массы среднихъ, обыкновенныхъ женщинъ. Да и развѣ эта форма вырожденія—исключительная болѣзнь женскаго пола? Или г. Тарновскій готовъ утверждать, что всякій, состоящій въ «кумовьяхъ» у ку-

*) Со взглядами проф. Тарновскаго знакомитъ насъ одинъ очеркъ извѣстнаго врача и писателя, д-ра А. Блашко,—«Die moderne Prostitution», помѣщенный въ «Neue Zeit.» за 1891—92 гг.

харокъ—вахмистръ или пожарный—получающій въ оплату своей любви бутерброды съ ветчиной и телячьи котлеты, представляетъ собой существо, «физически и духовно вырождающееся»? Или—разсматривая сущность болѣзни проституціи не какъ продажность любви, а какъ жажду перемѣнъ и погоню за разнообразіемъ—профессоръ готовъ будетъ причислить къ такого рода больнымъ всякаго холостяка, посѣщающаго еженедѣльно другую женщину?

«Въ высшей степени характерно, что эта теорія идетъ именно изъ Россіи,—изъ той страны, въ которой промышленность находится еще въ младенческомъ періодѣ и глубокое взаимоотношеніе между нею и современной проституціей, какъ между причиной и слѣдствіемъ, еще не могло и обнаружиться съ полной ясностью. Вѣдь результаты официальной переписи, произведенной въ Россійской Имперіи въ августѣ 1889 года, показали, что 47,5% проститутокъ были до того крестьянками! У насъ не то. Изъ 2224 берлинскихъ проститутокъ, зарегистрованныхъ еще въ 1872 году, согласно опубликованнымъ въ I томѣ берлинскаго «Городского ежегодника» статистическимъ даннымъ,—1430, т. е. 64,3%, были до того заняты въ промышленности,—либо въ качествѣ работницъ, либо въ качествѣ продавщицъ,—69,9% были дочери рабочихъ или ремесленниковъ, 14,4%—дочери мелкихъ чиновниковъ и только 4,1% составляли дочери крестьянъ!»

Д-ръ Блашко считаетъ крупные промышленные центры естественнымъ разсадникомъ проституціи, соглашаясь при этомъ все-же, что не всегда жестокая нужда приводитъ къ этому позорному промыслу. Какъ на «характерный отличительный признакъ» нашей современной проституціи, онъ указываетъ на то, какъ крѣпко она срослась съ нашимъ нынѣшнимъ способомъ производства,—до

того, что въ современномъ промышленномъ хозяйствѣ она является «необходимымъ факторомъ», что «процвѣтаніе цѣлыхъ промышленныхъ отраслей только и становится возможнымъ благодаря проституціи».

Характернымъ явленіемъ въ проституціи настоящаго времени кажется д-ру Блашко тотъ фактъ, что превосходство пріобрѣтаетъ мало по малу проституція не-профессіональная. Словомъ, онъ приходитъ къ тому заключенію, что о совершенномъ уничтоженіи проституціи въ условіяхъ нашего современнаго общественнаго строя не можетъ быть и рѣчи,—даже если-бы условія женскаго заработка и стали благопріятнѣе.

По поводу этихъ очень похвальныхъ разсужденій мы хотимъ замѣтить, что «эта теорія» идетъ, однако, вовсе не изъ Россіи, а первоначальнымъ творцомъ ея является, какъ отлично знаетъ д-ръ Блашко, Ломброзо,—ученики котораго стараются превзойти учителя, что бываетъ почти со всѣми теоріями. Считать отвѣтственными за пышное процвѣтаніе проституціи—промышленность, капитализмъ и современный общественный строй,—относится къ основнымъ положеніямъ новѣйшей соціалъ-демократіи, принципы которой раздѣляетъ, повидимому, д-ръ Блашко.

Бебель также говоритъ въ своей книгѣ о женщинѣ и соціализмѣ: «Такимъ образомъ, для буржуазнаго общества проституція становится такимъже необходимымъ институтомъ, какъ и полиція, постоянное войско, церковь, предпринимательство. Это не преувеличеніе, мы это докажемъ».—Это-то, пожалуй, излишне и доказывать, такъ какъ этого не станетъ отрицать ни одинъ мыслящій и любящій истину человѣкъ. Люди, стоящіе на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Бебель, считаютъ недоказаннымъ только

то, будетъ-ли въ состояніи общество, покоящееся на другихъ политико-экономическихъ законахъ, вполнѣ измѣнить также къ лучшему и половой вопросъ, искоренить проституцію.

Далѣе Бебель приводитъ утвержденіе д-ра Гюгеля: «Прогрессирующая цивилизація облечетъ мало по малу проституцію въ болѣе благовидныя формы,—но истреблена она можетъ быть только тогда, когда погибнетъ міръ». Бебель замѣчаетъ по этому поводу: «Это очень смѣлое утвержденіе, но кто не въ состояніи возвыситься мыслью надъ буржуазной формой общества, кто не признаетъ, что общество преобразуется для того, чтобы достигнуть здороваго и естественнаго соціальнаго положенія,—тотъ долженъ согласиться съ д-ромъ Гюгелемъ». Это, разумѣется, вѣрно; но многіе утверждаютъ, что возвыситься мыслью они въ состояніи, а не въ состояніи только предаваться фантастическимъ мечтаніямъ,—и что предрѣшать конечныя формы, которыхъ достигнетъ обновленіе общества, можетъ только мечтатель.

Какъ ни достойны полнаго уваженія и личность Бебеля, и его взгляды, даже въ глазахъ его идейныхъ противниковъ,—все же въ отношеніи занимающаго насъ вопроса онъ встрѣтитъ полное согласіе (и быть можетъ, только чисто теоретическое) только со стороны ближайшихъ своихъ единомышленниковъ; большинство же людей другого образа мыслей предпочтетъ присоединиться къ сужденію Отто Генне въ его сочиненіи о женщинѣ въ исторіи культуры. «Рѣшеніе вопроса, предвидимое Бебелемъ, какъ вождемъ соціалъ-демократіи, путемъ освобожденія брака отъ какого бы то ни было государственнаго контроля, какъ при заключеніи, такъ и при расторженіи его,—есть не что иное, какъ превращеніе проституціи во всеобщее явленіе и возвращеніе назадъ, къ менѣе совершенному культурному состоянію. Это привело бы женщину къ еще большему рабству, чѣмъ въ какомъ она когда-либо находилась, такъ какъ, лишенная той защиты мужчины, какой она теперь пользуется и вытолкнутая на арену борьбы съ нимъ, она въ этой борьбѣ должна будетъ оказаться побѣжденной болѣе сильнымъ, опытнымъ, властолюбивымъ и менѣе щепетильнымъ, чѣмъ она, соперникомъ мужчиной».

«Нельзя не сознаться, что въ настоящее время защита эта крайне несовершенна и современное положеніе женщины далеко не таково, какимъ должно быть — спору нѣтъ; но помочь этой бѣдѣ возможно только тѣмъ, чтобы сдѣлать эту защиту женщины мужчиной общеобязательной,—а не тѣмъ, чтобы упразднить ее».

Познакомивъ, такимъ образомъ, читателей съ крайне противоположными воззрѣніями, существующими по вопросу будущаго человѣчества въ отношеніи занимающаго насъ предмета, мы вернемся къ изложенію исторіи проституціи.

Очень много, даже слишкомъ много уже говорилось и писалось о томъ, необходима-ли проституція. Мы съ успѣхомъ можемъ пройти мимо этого пункта. Общество, въ которомъ проституціи совершенно не существовало-бы, представляло-бы, безспорно, идеальное состояніе; но почти такъ же безспорно и то, что идеальное состояніе никогда достигнуто не будетъ.

Другой пунктъ, также часто обсуждаемый, касается организаціи проституціи; по этому поводу также гремѣло не мало самыхъ различныхъ голосовъ; въ существенномъ расходятся обыкновенно представители слѣдующихъ противоположныхъ воззрѣній: одни требуютъ, изъ соображеній нравственности, здоровья и другихъ подобныхъ, учрежденія — или,

правильнѣе — сохраненія публичныхъ домовъ; другіе, напротивъ, изъ тѣхъ-же самыхъ соображеній требуютъ ихъ уничтоженія, т. е. упраздненія этого института. Мы думаемъ, что многіе найдутъ не безъинтереснымъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ множества высказанныхъ по этому пункту мнѣній— главнымъ образомъ, такихъ лицъ, которые много занимались вопросами проституціи—по обязанности ли службы, или по научной спеціальности — какъ чиновники, врачи, юристы, духовные, политико-экономы и т. п.

Шлумбергеръ, много занимавшійся этимъ вопросомъ по своей обязанности, какъ бургомистръ города Кольмара, пишетъ въ своей книжкѣ, изданной въ 1883 году и озаглавленной: «Уничтоженіе публичныхъ домовъ въ Кольмарѣ въ 1881 году»:

«Когда я въ 1881 г. сдѣлался кольмарскимъ бургомистромъ, мое вниманіе обратила на себя организація санитарной полиціи, въ особенности же учрежденіе публичныхъ домовъ. Тогда такихъ домовъ было въ городѣ семь и проживало въ немъ около 30 женщинъ, къ которымъ причислялось еще 10, жившихъ внѣ домовъ, но подлежавшихъ также принудительному медицинскому освидѣтельствованію.

«Налогъ, который обязаны были уплачивать содержатели этихъ домовъ за врачебное изслѣдованіе, составлялъ значительную сумму и поступалъ въ пользу производившихъ освидѣтельствованіе врачей, городской кассы и полицейскаго персонала. Въ отчетномъ 1879 — 80 году вышеупомянутый налогъ достигалъ суммы 4245 марокъ и 20 пфенниговъ, которая была распредѣлена слѣдующимъ образомъ:

Гонораръ врачамъ	884 м.	80 пф.
Въ городскую кассу . . .	1711 »	60 »
Полиц. чиновникамъ . . .	1648 »	80 »

Всѣ эти дома были расположены рядомъ въ

одной улицѣ, составлявшей часть квартала, населеннаго рабочими. Несмотря на всѣ мѣры предосторожности, установленныя властями, порокъ обнаруживался съ такимъ безстыдствомъ передъ глазами жителей этой мѣстности, что развращающее вліяніе его не могло не отражаться самымъ губительнымъ образомъ на подростающемъ поколѣніи, которое росло, разумѣется, въ условіяхъ непосредственнаго соприкосновенія съ этими очагами разврата.

Общественное мнѣніе неоднократно выражало свое порицаніе по поводу этого положенія вещей; неоднократно и происшествія самаго возмутительнаго сорта, разыгрывавшіяся въ этомъ кварталѣ, давали поводъ мѣстному населенію къ самымъ основательнымъ жалобамъ. При этомъ почти ежевечерно случавшіяся въ этой мѣстности драки и побоища— нерѣдко и кровавыя — стали возростать въ такихъ размѣрахъ, что военныя власти оказались вынужденными вмѣшаться и гарнизоннымъ приказомъ отъ 19 мая 1881 года солдатамъ было абсолютно воспрещено появляться на этой улицѣ.

Съ другой стороны, состояніе здоровья въ городѣ и въ особенности въ гарнизонѣ оказывалось въ отношеніи половыхъ болѣзней отнюдь не удовлетворительнымъ, обнаруживая съ каждымъ днемъ все больше и яснѣе полную безполезность регистраціи, такъ же какъ и принудительнаго освидѣтельствованія. Въ виду всего этого мнѣ приходилось очень серьезно подумать объ измѣненіи этого прискорбнаго положенія».

Августъ Бебель пишетъ въ уже упомянутомъ нами сочиненіи своемъ: «Государственная регламентація и контроль надъ проституціей создаетъ среди мужчинъ не только вѣру въ то, что государство разрѣшаетъ пользоваться проституціей, но еще и увѣренность въ томъ, что государственный контроль

предохраняетъ ихъ отъ заболѣваній, а эта вѣра и эта увѣренность въ высокой степени содѣйствуютъ распространенному пользованію проституцiей и легкомыслію среди мужчинъ. Публичные дома не уменьшаютъ развитіе половыхъ болѣзней, они ему споспѣшествуютъ, мужчины становятся болѣе легкомысленны и менѣе осмотрительны. Опытъ показалъ намъ, что ни устройство проституціонныхъ заведеній подъ полицейскимъ надзоромъ (домовъ терпимости, публичныхъ домовъ), ни санитарно-полицейскій надзоръ и медицинскія освидѣтельствованія ни малѣйшимъ образомъ не застраховываютъ отъ зараженія. Особенности этой болѣзни, въ большинствѣ случаевъ таковы, что она распознается не безъ труда и не сразу, — такъ что нѣкоторая гарантія противъ зараженія могла бы быть только въ томъ случаѣ, если бы освидѣтельствованіе производилось ежедневно и по нѣсколько разъ. Но это совершенно невозможно, въ виду численности женщинъ, къ которымъ относится этотъ вопросъ и въ виду огромности расходовъ».

Берлинскій придворный проповѣдникъ, Штеккеръ, въ одномъ своемъ рефератѣ, прочитанномъ въ іюнѣ 1882 года, сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Самой предосудительной системой въ организаціи проституціи является обычная система публичныхъ домовъ,—потому что женщина, однажды попавъ въ такой домъ, становится какъ бы внѣ закона, и въ большинствѣ случаевъ не можетъ уже выйти изъ него до тѣхъ поръ, пока не окажется совершенно истерзанной тѣломъ и душой. Глубоко прискорбно то, что подобная женщина не можетъ, по крайней мѣрѣ, освободиться во всякое время, когда захочетъ».

Въ соціалъ-демократическомъ органѣ «Die Neue Zeit» за 1891—92 г. д-ръ Блашко пишетъ:

«Соотвѣтственно тому значенію, которое пріобрѣла въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій общественная гигіена, - санитарный вопросъ занялъ, разумѣется, нѣсколько болѣе видное мѣсто; но въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ остается еще и до сихъ поръ пустой декоративной подробностью. По самой природѣ вещей, обѣ эти цѣли достигнуты быть не могутъ: нравственно-полицейская дѣятельность совершенно не достигаетъ ея, а санитарная только отчасти.

Жизнь большого города, легкія условія сообщенія, сносныя отношенія экономической и соціальной жизни — все это непомѣрно затрудняетъ для полиціи осуществленіе ея задачи. Вотъ отчего происходитъ и эта нерѣшительность законодательной и административной практики: вѣдь нѣтъ ни одного современнаго большого города, гдѣ бы публичные дома по десятку разъ не уничтожались, не учреждались снова и снова не уничтожались,—нѣтъ ни одного государства, въ которомъ не было бы различной системы регламентаціи для каждаго города въ отдѣльности,—регламентаціи, стоящей иногда въ вопіющемъ противорѣчіи съ дѣйствующими законами».

Вотъ что мы читаемъ въ одной брошюркѣ П. Марони о законодательной проституціи, изданной въ 1884 году.

«Если мы обратимся къ послѣдствіямъ этого института въ отношеніи общественнаго здоровья,— то уже изъ одного того факта, что онъ содѣйствуетъ, какъ мы доказали, развитію безнравственности,—явствуетъ, что даже особенно восхваляемые его сторонниками результаты представляются, по меньшей мѣрѣ, сомнительными. Самымъ интереснымъ государствомъ въ этомъ отношеніи является, безспорно, Англія. Дѣло въ томъ, что тамъ былъ

учрежденъ санитарно-полицейскій надзоръ надъ проститутками по континентальному образцу только въ 1864 году,—но только въ нѣсколькихъ портовыхъ и гарнизонныхъ городахъ. Результаты этого опыта горячо обсуждались друзьями и врагами. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ д-ръ Бирквекъ изъ Ливерпуля.

«Можетъ показаться страннымъ, что одно изъ тѣхъ лицъ, чья профессіональная обязанность—бороться съ болѣзнями, порождаемыми развратомъ,—выступитъ съ порицаніемъ противъ тѣхъ средствъ и путей, какіе для этой цѣли предположены. Эта мысль и заставляла меня долго колебаться, прежде чѣмъ я рѣшился высказаться. Но вѣдь часто случается, что средства, направляемыя на достиженіе какой-нибудь цѣли, именно въ эту цѣль и не попадаютъ. Нашъ прямой долгъ—отбросить такой проектъ, если практика показала, что онъ достигаетъ прямо противоположнаго тому, къ чему онъ стремился. Я объявляю себя рѣшительнымъ противникомъ законовъ, регулирующихъ проституцію, такъ какъ путемъ всесторонняго изученія и изслѣдованія этого вопроса и его практическихъ примѣненій я пришелъ къ убѣжденію, что эти законы являются только пособникомъ и оплотомъ широкаго распространенія разврата, а въ отношеніи женщинъ, которыхъ они имѣютъ въ виду, они являются несправедливыми, жестокими и унизительными. Вмѣстѣ со многими своими товарищами по спеціальности, я думалъ довольно долго, что мы работаемъ въ интересахъ возстановленія приличія на улицахъ и ограниченія разврата, а вмѣстѣ съ нимъ и болѣзней—прямыхъ его послѣдствій; вотъ почему я долго не рѣшался примкнуть къ оппозиціи противъ регулированія порока. Но чѣмъ больше я изучалъ самый вопросъ этотъ и отчеты королевской комиссіи о

его разрѣшеніи,—тѣмъ больше и больше превращалось мое согласіе въ сопротивленіе».

Неоднократно цитированный нами Парранъ-Дюшатлэ говоритъ, напротивъ: «Въ интересахъ нравственности и общественнаго порядка надо покровительствовать проституціи и умножать число публичныхъ домовъ». Д-ръ Юлій Кюнъ *), бывшій санитарный врачъ въ Лейпцигѣ, высказывается по этому вопросу такъ: «...Запертая же въ казармы проституція бросается, напротивъ, всѣмъ въ глаза, и потому негодованіе населенія обрушивается постоянно (да и справедливо, разъ сужденіе исходитъ съ точки зрѣнія морали) на публичные дома. Вѣдь это они привлекали къ себѣ всегда вниманіе полиціи нравовъ,—то запрещаемые подъ вліяніемъ господствующихъ велѣній ортодоксальной морали, то терпимые или, по крайней мѣрѣ, регулированные, если въ высшихъ сферахъ подуетъ болѣе теплымъ вѣтеркомъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь всегда сказывался недостатокъ прямоты, которая задалась бы вопросомъ, отчего эти дома всегда снова воскресаютъ, отчего они неистребимы, отчего этой соціальной проблемѣ до сихъ поръ все еще приходится дожидаться правильнаго разрѣшенія? Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, необходимы-ли публичные дома, достаточно посмотрѣть поближе на поведеніе отдѣльныхъ его обитательницъ».

Можно было-бы привести еще безчисленное множество отзывовъ, среди которыхъ, безспорно, большинство оказывается противъ системы публичныхъ домовъ и противъ полицейской регламентаціи. Но этимъ однимъ еще все-же нельзя доказать безошибочность такого взгляда. Выступать на защиту нравственности звучными и благочестивыми рѣчами—дѣло очень нетрудное, а цѣнность научныхъ и прак-

*) „Die Prostitution im neunzehnten Jahrhundert", 1892.

тическихъ доводовъ противъ казарменнаго изолированія проституціи еще подлежитъ серьезному испытанію. Цифры, которыя доставляются въ наше распоряженіе для этой цѣли, заслуживаютъ, быть можетъ, меньше довѣрія, чѣмъ удѣляютъ имъ многіе.

Докторъ Отто Генне — рѣшительный противникъ публичныхъ домовъ и государственнаго контроля. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій *) онъ приводитъ нѣсколько данныхъ объ уменьшеніи публичныхъ домовъ во Франціи и въ Бельгіи, но это еще не можетъ служить доказательствомъ улучшенія въ состояніи нравственности.

Въ Парижѣ числилось:

Въ 1843 г.	235	публ. дом.,	заключавшихъ		1450	женщинъ.
» 1852 »	219	»	»	»	1673	»
» 1861 »	196	»	»	»	1823	»
» 1872 »	142	»	»	»	1126	»
» 1881 »	125	»	»	»	1027	»
» 1888 »	72	»	»	»	748	»
» 1891 »	60	»	»	»	597	»

Населеніе увеличилось за это время втрое.

Въ другихъ городахъ числилось публич. домовъ:

Въ Ліонѣ	въ 1854 г.	54,	а въ 1888 г.	23
» Нантѣ	» 1861 »	28,	» 1881 »	18
» Бордо	раньше	60,	» 1888 »	16
» Гаврѣ	въ 1870 г.	34,	» 1890 »	12
» Амьенѣ	раньше	13,	» 1891 »	0
» Страсбургѣ	въ 1856 г.	27,	» 1870 »	15

Подъ германскимъ владычествомъ число домовъ въ Страсбургѣ уменьшилось къ 1888 году до 7.

Еще значительнѣе уменьшилось ихъ количество въ Бельгіи, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Брюссель	въ 1856 г.	42,	а въ 1891 г.	7
Антверпенъ	» 1885 »	29,	» 1888 »	15
Льежъ	» 1881 »	33,	» 1887 »	24
Монсъ	» 1881 »	9,	» 18-8 »	3
Шарльруа	» 1872 »	10,	» 1888 »	5
Гентъ	» 1872 »	25,	» 1878 »	9

*) Die Gebrechen und Sünden der Sittenpolizei, 1893.

Совсѣмъ уничтожили или закрыли публичные дома: въ Герсталлѣ въ 1883 г., въ Шенерѣ въ 1884 г. и въ Гривенье въ 1888 году.

Однако, эти данныя ничего не говорятъ намъ о томъ, не увеличилась-ли за это время безнадзорная проституція, — а также о томъ, не слѣдуетъ-ли и изъ другихъ соображеній морали пожалѣть объ этомъ уменьшеніи.

Славяне

ГЛАВА V.

Византійская Имперія.—Славяне.—Россія.—Петръ Великій.—Женское владычество.—Екатерина II.—Фавориты.—Орловъ, Потемкинъ.—Императоръ Павелъ.—Александръ I.—Проституція.—Ссыльныя женщины.—Общество для поднятія уровня нравственности.—Бѣлыя невольницы.—Семейныя бани.

Величайшее изъ славянскихъ государствъ, Россія, считаетъ себя, такъ сказать, преемникомъ Византійской Имперіи и мнѣніе это раздѣляется очень многими. Мы хотимъ, поэтому, переходя къ изложенію нравственнаго состоянія Россіи, сдѣлать бѣглый обзоръ положенія этого вопроса въ Византіи.

Со времени царствованія восточно-римскаго императора Аркадія (395—408) до самаго завоеванія Константинополя султаномъ Махмудомъ II (1453) мы видимъ на византійскомъ престолѣ очень мало достойныхъ правителей; большинство изъ нихъ является либо людьми слабыми физически и духовно, какъ самъ Аркадій, либо развратниками, какъ Фокій (602—610) или Романъ II (953—963). Наряду съ этимъ, предшествовавшая эпоха отличалась позорнымъ и безнравственнымъ владычествомъ женщинъ, умѣвшихъ создавать только смуту и испорченность нравовъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ,—на почвѣ, сохранившей зародыши всѣхъ пороковъ Греціи, Рима и Востока,—не могло создаться и благопріятнаго положенія нравственности всего общества.

Нынѣшняя Россійская Имперія была основана, какъ извѣстно, въ 862 году тремя братьями изъ норманнскаго племени Варяговъ—Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ—призванными славянскими племенами, спорившими и враждовавшими между собой. Въ христіанство русскіе обратились въ 988 году, когда принялъ крещеніе князь Владиміръ Великій, прозванный также Святымъ. У Владиміра было шесть женъ и множество наложницъ. Передъ своей смертью, послѣдовавшей въ 1015 году, онъ раздѣлилъ страну между своими двѣнадцатью сыновьями, которые, въ свою очередь, дѣлили свои части на болѣе мелкія части между своими сыновьями,—и Россія оказалась, такимъ образомъ, вскорѣ раздѣленной на пятьдесятъ княжествъ, правители которыхъ, живя среди вѣчныхъ междоусобицъ, вынуждены были призвать на помощь монголовъ, подчинившихъ своему игу всю страну.

Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505), объединившій подъ своею властью нѣсколько княжествъ, освободилъ свою страну отъ ига монгольскаго владычества, завоевалъ еще нѣсколько частей и назвалъ себя первый «Самодержцемъ Руси». Сынъ его, Василій Іоанновичъ (1505—1533) принялъ титулъ царя, а сынъ этого послѣдняго, Іоаннъ IV Васильевичъ, прозванный Грознымъ, завоевалъ Казань и Астрахань и овладѣлъ также Сибирью. Съ восшествіемъ на престолъ Василія Іоанновича въ Россіи воцарилось жестокое правленіе, страна томилась подъ гнетомъ. Онъ отнималъ у дворянъ ихъ помѣстья и дворцы, если они ему нравились. Но еще безцеремоннѣе поступалъ его сынъ Іоаннъ IV, выжимавшій изъ своихъ подданныхъ деньги подъ самыми ничтожными предлогами. Однажды онъ потребовалъ, напримѣръ, отъ города Москвы цѣлый четверикъ живыхъ мухъ,—а такъ какъ городъ не могъ, разумѣется, доставить это количество, то онъ обложилъ его штрафомъ въ 12.000 рублей.

Само собою разумѣется, что нравственность народа находилась тогда въ самомъ прискорбномъ со-

стоянiи. «Единственные наставники того времени,—говоритъ Сегюръ въ своей «Исторiи Россiи»—священники, были сами слишкомъ грубы, чтобы привить нравственность народу. Народъ былъ лишенъ какого бы то ни было воспитанiя, а примѣръ дворянства, служившаго образцомъ, также не могъ имѣть благопрiятнаго воспитательнаго значенiя, такъ какъ, окруженное съ самой колыбели рабами, дворянство не могло быть нравственнѣе другихъ. Все это показываетъ намъ, что русскiе восприняли отъ грековъ и татаръ только то, что всего легче позаимствовать: обычаи, предразсудки и пороки».

Отношенiе къ женщинамъ было очень дурное и держали ихъ въ теремахъ изолированно отъ общества. Нѣкоторые историки утверждали, что русскiе предавались въ то время грубому противоестественному пороку, но достовѣрныхъ доказательствъ этого мы не имѣемъ.

Подобно Iоанну Грозному правили и преемники его, пока не вступилъ въ 1613 году, когда вымерла династiя Рюрика, на царскiй престолъ первый изъ рода Романовыхъ. Петръ Великiй (1682—1725), подвергшiй, какъ извѣстно, Россiю огромнымъ, кореннымъ преобразованiямъ, превратилъ ее, такъ сказать, въ европейское государство и въ 1721 году принялъ титулъ императора.

Всемогущей царской власти не могла быть, разумѣется, противопоставлена ничья воля и даже эротическимъ капризамъ властелина покорно подчинилось все, какъ непреложному закону. Само собою разумѣется, что ни о какой власти или влiянiи на государственныя дѣла со стороны фавориток здѣсь и рѣчи не могло быть, хотя самодержцы отнюдь не отличались въ этомъ отношенiи аскетизмомъ. Зато здѣсь произошло другое замѣчательное явленiе: благодаря нѣкоторымъ исключительнымъ обстоятельствамъ, здѣсь возникло въ безнрав-

ственую эпоху Людовиковъ XIV и XV владычество женщинъ, продолжавшееся почти столѣтiе и создавшее мужскую проституцiю—явленiе, совершенно небывалое ни до, ни послѣ той эпохи, въ такихъ отвратительныхъ формахъ и въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ. При существовавшемъ положенiи дѣлъ едва ли необходимо пояснить, что мы разумѣемъ подъ названнымъ явленiемъ отнюдь не какой-нибудь противоестественный порокъ, а только вызванное скандальнымъ сладострастiемъ поведенiе русскихъ самодержицъ, распространявшееся вначалѣ на мужчинъ, занимавшихъ болѣе и менѣе высокое общественное положенiе, а потомъ, въ особенности въ царствованiе Екатерины II, переставшее обнаруживать особенную разборчивость въ этомъ отношенiи.

Еще во время юности Петра начало проявляться это владычество женщинъ, но подавленное сильнымъ и властнымъ характеромъ царя, оно тѣмъ могущественнѣе развернулось потомъ. Проявилось оно впервые, когда послѣ смерти царя Ѳеодора III Iоанновича, сестра его Софья была сдѣлана опекуншей надъ тогда еще малолѣтнимъ Петромъ и пыталась овладѣть престоломъ единолично. Позднѣе она создала съ этою-же цѣлью извѣстный заговоръ—«стрѣлецкiй бунтъ», который былъ подавленъ Петромъ со всею строгостью и жестокостью. Въ теченiе трехъ дней было повѣшено, по приказанiю Петра, 900 стрѣльцовъ и трое изъ нихъ—передъ самыми окнами его сестры Софьи.

Умеръ Петръ. Сынъ его, Алексѣй, умеръ еще раньше въ темницѣ,—какъ утверждаютъ нѣкоторые, былъ убитъ. Съ помощью гвардiи Меньшиковъ, любовникъ второй супруги Петра, женщины незнатнаго происхожденiя и разнузданнаго поведенiя, провозгласилъ императрицей вдову Петра подъ именемъ

Екатерины I; этимъ было положено начало женскому владычеству въ Россіи, длившемуся до конца XVIII столѣтія. Вслѣдствіе своей распутной жизни, Екатерина умерла черезъ два года послѣ своего восшествія на царскій престолъ и престолъ наслѣдовалъ неродной внукъ ея, сынъ Алексѣя Петровича, провозглашенный императоромъ подъ именемъ Петра II (1727—1730), но умершій еще раньше, чѣмъ достигъ совершеннолѣтія.

Послѣ него престолъ перешелъ къ племянницѣ Петра Великаго, Аннѣ (1730—1740), супругѣ герцога Курляндскаго. Въ половомъ отношеніи она вела такую-же распутную жизнь, какъ и Екатерина I, и какъ та передала бразды правленія, главнымъ образомъ, Меньшикову, такъ передала ихъ Анна своему любимцу Бирону, котораго она сдѣлала герцогомъ Курляндскимъ. Послѣ смерти Анны, престолъ долженъ былъ перейти, по ея приказу, къ племяннику ея Іоанну, сыну герцога Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго, родившемуся только въ 1740 году и долженствовавшему править страной подъ опекой Бирона; но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль этотъ заговоръ былъ разрушенъ и на престолъ вступила (1741—1762) Елисавета, дочь Петра Великаго и Екатерины I. Она не вступала въ бракъ (утверждаютъ, впрочемъ, что она была въ тайномъ бракѣ съ графомъ Разумовскимъ), но жила въ связи съ нѣкоторыми лицами, изъ числа которыхъ назовемъ здѣсь Бестужева и Лестока. Вся жизнь при русскомъ дворѣ — какъ самой императрицы, такъ и всѣхъ окружающихъ — протекала совершенно въ томъ-же скандальномъ духѣ, какой создался при дворѣ Людовика XIV и продолжался при регентахъ Орлеанахъ и при Людовикѣ XV,—съ той только разницей, что при русскомъ дворѣ вся татарская грубость едва скрывалась подъ легкой дымкой культурности, да что мѣсто любовницъ французскаго двора здѣсь заняли мужчины—фавориты—такіе же представители безстыдной проституціи.

Еще худшее состояніе нравовъ наступило въ царствованіе Ангальтъ-Цербтской принцессы Софьи-Августы, названной при переходѣ ея въ греческую церковь Екатериной Алексѣевной. Она сдѣлалась супругой Великаго Князя наслѣдника и впослѣдствіи императора Петра III, совершенно помѣшаннаго, вскорѣ низвергнутаго и убитаго ея приверженцами,—послѣ чего она вступила на престолъ подъ именемъ Екатерины II (1762—1796)—«Семирамида Сѣвера», какъ льстиво называлъ ее ея любимый писатель, Вольтеръ.

Вся жизнь Петра III, внука Петра Великаго, бывшаго до восшествія на престолъ герцогомъ Гольштейнъ-Готторпскимъ, состояла въ ночныхъ забавахъ и дикихъ оргіяхъ. Кромѣ супруги, онъ имѣлъ множество любовницъ; сама Екатерина почтила графиню Воронцову званіемъ «любимой султанши». Да и сама Екатерина,—женщина, стоявшая во всякомъ случаѣ на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ духовнаго развитія, но еще болѣе чувственная, чѣмъ умная, такъ же рано и неумѣренно начала предаваться наслажденіямъ незаконной любви, не удѣляя при этомъ почти никакого вниманія или склонности своему супругу, который и обращался съ ней дурно. Ея первымъ (или однимъ изъ первыхъ) любовникомъ былъ камергеръ Сергѣй Салтыковъ, но онъ позволилъ себѣ однажды нескромно сболтнуть лишнее въ состояніи опьянѣнія и былъ за это удаленъ, хотя поступлено съ нимъ было очень мягко: онъ былъ отправленъ посланникомъ въ Стокгольмъ. Его преемникомъ у молодой Великой Княжны сталъ польскій графъ Станиславъ Августъ Понятовскій, котораго она впослѣдствіи возвела на польскій престолъ.

Преемникомъ Понятовскаго—хотя, быть можетъ, и не непосредственнымъ — сталъ Григорій Орловъ, котораго можно считать, пожалуй, первымъ фаворитомъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. оплачиваемымъ любовникомъ. Онъ долго сохранялъ за собою власть, присвоенную ему Екатериной, родившей даже сына отъ него, который сыгралъ впослѣдствіи нѣкоторую роль въ качествѣ графа Бобринскаго. Братъ этого Орлова, возведеннаго въ княжеское достоинство, и взялъ на себя, въ сообществѣ съ двумя братьями Баратынскими, дѣло удушенія запертаго въ темницу царя Петра III. Была-ли Екатерина заранѣе посвящена въ этотъ замыселъ и дала-ли на это свое согласіе, — это не вполнѣ установлено; во всякомъ случаѣ, фактъ таковъ, что она показала себя благодарной убійцамъ. Достовѣрнѣе извѣстно, что великій князь Іоаннъ, наслѣдникъ престола послѣ Елисаветы, ограбленный и державшійся въ заточеніи, былъ убитъ по приказанію Екатерины, такъ какъ она опасалась, что народъ могъ возстать за него и возвести его на престолъ.

Оба брата Орловы и ихъ приближенные вели самую развратную жизнь. О нихъ разсказываютъ, что если имъ изъ окна случалось увидѣть проходившую по улицѣ женщину и она имъ приглянулась,—они не задумываясь приказывали втащить ее въ домъ, а если при ближайшемъ разсмотрѣніи они находили ее менѣе привлекательной, ее отдавали на произволъ сластолюбія прислуги. Григорій Орловъ пользовался огромнымъ вліяніемъ на Екатерину. Завѣтной цѣли своей—вступить съ нею въ бракъ— ему, правда, достигнуть не удалось; но боялась она его очень, какъ руководителя заговора, приведшаго ее на престолъ, — нѣкоторые утверждали даже, что она терпѣла отъ него побои.

Враги Орлова старались вытѣснить его изъ благосклонности императрицы и отыскали для этой цѣли молодого, красиваго офицера—Визенскаго (Вяземскій?—Ред.). Они воспользовались отъѣздомъ Орлова на охоту, чтобы съ помощью камеръ-фрейлины обратить вниманіе сладострастной царицы на уже знакомаго ей молодого офицера, что и увѣнчалось успѣхомъ. Для такихъ случаевъ былъ установленъ извѣстный церемоніалъ. Избранникъ приглашался камеръ-фрейлиной къ себѣ въ гости, «случайно» являлась туда-же Екатерина и развлекалась бесѣдой съ гостемъ. Черезъ нѣкоторое время Екатерина удалялась и если оказывалось, что кандидату удалось ей понравиться, то она говорила ему на прощанье нѣсколько словъ: «Надѣюсь еще увидѣть тебя», — смыслъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, для камеръ-фрейлины, былъ вполнѣ ясенъ. Тогда камеръ-фрейлина призывала лейбъ-медика и избранникъ подвергался освидѣтельствованію съ точки зрѣнія своего мужского здоровья.

Если результаты изслѣдованія оказывались удовлетворительны, объ этомъ докладывалось императрицѣ, которая производила фаворита въ камергеры и отводила ему для жительства аппартаменты, расположенные подъ ея собственными и сообщающіеся съ ними потайной лѣстницей. Затѣмъ камердинеръ почтительно вручалъ ему золотой ключъ отъ письменнаго бюро, въ которомъ фаворитъ находилъ шкатулку съ 180.000 новыхъ серебряныхъ рублей,— обычный вступительный даръ щедрой для удовлетворенія своихъ страстей императрицы.

Красавецъ-поручикъ сталъ фаворитомъ и переѣхалъ въ занятые до тѣхъ поръ Орловымъ аппартаменты. Орловъ не расположенъ былъ, однако, разстаться такъ легко со своимъ положеніемъ. Возвратившись вскорѣ, къ ужасу всѣхъ и самой Екатерины, онъ сумѣлъ добиться того, что новый фаворитъ получилъ отставку и очень доходную долж-

ность въ провинціи, а самъ онъ занялъ свое прежнее положеніе.

Но враги Орлова не дремали. Они замѣтили, какъ однажды сластолюбивый взглядъ Екатерины остановился съ особеннымъ благоволеніемъ на молодомъ, стройномъ и красивомъ гвардейскомъ поручикѣ Васильчиковѣ. Они не преминули воспользоваться ближайшимъ представившимся случаемъ отсутствія Орлова (онъ уѣхалъ въ 1772 году на конгрессъ мира), чтобы сдѣлать Васильчикова въ обычномъ порядкѣ фаворитомъ Екатерины. Старанія увѣнчались успѣхомъ, и императрица дарила большой благосклонностью юношу, довольно еще неопытнаго въ любовныхъ дѣлахъ. Орловъ былъ, казалось, снова вытѣсненъ—и на этотъ разъ на болѣе продолжительное время, такъ какъ его противники, предвидя, что Орловъ поспѣшитъ, при первомъ извѣстіи о событіи, вернуться въ Петербургъ, сумѣли такъ повліять на императрицу, что она запретила ему въѣздъ въ столицу.

Орловъ вынужденъ былъ признать свое крушеніе и, во избѣжаніе возможности быть, вдобавокъ, сосланнымъ въ Сибирь, спокойно удалился въ одно изъ своихъ имѣній, рѣшившись выжидать,—быть можетъ, время принесетъ вскорѣ благопріятный для него оборотъ, на что онъ, отлично знавшій Екатерину, вполнѣ могъ надѣяться. Но когда отъ Екатерины послѣдовало требованіе сложить съ себя всѣ его должности, въ противномъ случаѣ онъ будетъ отъ нихъ отстраненъ,—у него оказалось достаточно гордости, чтобъ отвѣтить въ такомъ смыслѣ: пусть императрица сама отрѣшитъ его отъ должностей, если у нея хватитъ смѣлости показать себя въ глазахъ свѣта неблагодарной; самъ же онъ своего униженія добровольно не свершитъ.

Полная страха передъ способнымъ на всякое насиліе Орловымъ, Екатерина щедро надѣлила его деньгами и услала въ командировки. Онъ посѣтилъ и нѣсколько иностранныхъ дворовъ, при которыхъ производилъ сенсацію—главнымъ образомъ, благодаря своей роскоши и пышности. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ снова очутился, къ ужасу своихъ враговъ, въ Петербургѣ и сталъ дѣлать попытки снова приблизиться къ Екатеринѣ. Но попытки терпѣли крушеніе, императрица не хотѣла его видѣть и отправила его въ ссылку,—слишкомъ прочно еще было положеніе любимца Васильчикова. Орловъ покорился, но продолжалъ питать увѣренность, что его роль еще не сыграна; въ этомъ онъ и не ошибся.

Около двухъ лѣтъ пользовался Васильчиковъ благосклонностью императрицы, какъ вдругъ получилъ отъ нея однажды приказаніе—отправиться немедленно въ Москву и ожидать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій. Васильчиковъ догадался, что это должно было означать, поспѣшилъ къ императрицѣ, но не былъ допущенъ стражей. Онъ уѣхалъ. Въ Москвѣ онъ получилъ богатые подарки отъ государыни и назначеніе ежегодной пенсіи въ размѣрѣ 20,000 рублей—обычныя условія отставки фаворита.

Весь дворъ былъ повергнутъ въ изумленіе внезапнымъ паденіемъ Васильчикова, и изумленіе еще возросло, когда вдругъ Орловъ снова появился при дворѣ и былъ милостиво принятъ. Всеобщее недовольство принимало угрожающій характеръ, и Екатерина почувствовала, что дольше не можетъ обходиться безъ приближеннаго съ такимъ сильнымъ или, вѣрнѣе, насильническимъ характеромъ.

Тѣмъ не менѣе, Орлову не долго удалось удержаться; скоро онъ былъ оттѣсненъ красивымъ, сильнымъ, молодымъ и болѣе его интеллигентнымъ гвардейскимъ поручикомъ Григоріемъ Александрови-

чемъ Потемкинымъ, который постарался, съ помощью все еще многочисленныхъ противниковъ Орлова, достичь очень выгодной, если и не очень почетной, роли фаворита. Орловы поняли, какая серьезная опасность угрожаетъ ихъ могуществу и рѣшились бороться противъ нея по-своему,—т. е. со всею возможной беззастѣнчивостью. Они не остановились-бы и передъ убійствомъ, внутренно они были способны и на это; но при существовавшихъ условіяхъ убійство казалось опаснымъ предпріятіемъ; оставалось обезопасить себя со стороны красоты Потемкина, въ которой они усматривали главную опасность. Провокаціоннымъ путемъ была подстроена во время одной билліардной партіи ссора, въ пылу которой Алексѣй Орловъ, братъ Григорія, выбилъ Потемкину билліарднымъ кіемъ глазъ. Григорій Орловъ сообщилъ объ этомъ происшествіи Екатеринѣ, стараясь при этомъ оправдать брата, представивъ ей дѣло въ такомъ видѣ, что ссора произошла по винѣ Потемкина, выразившагося недостаточно почтительно о государынѣ. Новый фаворитъ былъ, на самомъ дѣлѣ, вовлеченъ въ нѣкоторую нескромность. Екатерина приказала, правда, передать Потемкину свое сожалѣніе по поводу его раны, но прибавила при этомъ, что—послѣ всего, что она слышала о происшедшемъ—она желала бы, чтобы онъ на время удалился отъ общества.

Потемкинъ удалился въ Смоленскъ. По прошествіи нѣкотораго времени онъ попросилъ о разрѣшеніи явиться снова къ императрицѣ и получилъ согласіе. Императрица сначала испугалась, увидѣвъ, какъ обезображена была красота Потемкина; но вскорѣ она примирилась съ этимъ въ виду многихъ уцѣлѣвшихъ физическихъ и духовныхъ преимуществъ его. Скоро онъ совершенно вытѣснилъ Орлова, сдѣлался генералъ-адъютантомъ и переселился въ аппартаменты, отведенные для фаворитовъ.

Этотъ любимецъ императрицы по всей справедливости заслуживаетъ быть названнымъ ея «Помпадуромъ»—столько сходства обнаруживается во всемъ поведеніи, въ крайней расточительности и во многомъ другомъ, между метрессой французскаго короля и возлюбленнымъ—рабомъ русской императрицы. Совершенно такъ же, какъ и мадамъ Помпадуръ, замѣтивъ упадокъ власти своихъ чаръ, постаралась—и съ успѣхомъ—укрѣпить свое вліяніе тѣмъ, что взяла на себя завѣдываніе «Оленьимъ паркомъ», королевскимъ гаремомъ,—такъ и Потемкинъ, едва замѣтилъ, что перестаетъ удовлетворять Екатерину и она обратила благосклонное вниманіе на двухъ секретарей государственной канцеляріи, Завадовскаго и Безбородко, тотчасъ рѣшился взять на себя завѣдываніе мужскимъ гаремомъ; и дѣйствительно, всѣ послѣдовавшіе фавориты оставались въ теченіе всей его жизни подъ его вліяніемъ и онъ сохранилъ по внѣшности неприкосновеннымъ свое первоначальное положеніе фаворита.

Нельзя не отмѣтить одно странное явленіе: желая пожаловать Потемкина высокимъ титуломъ, Екатерина возвела его. такъ-же, какъ и Орлова, съ помощью императора Іосифа II, въ княжеское достоинство,—но не русскаго, а нѣмецкаго князя. Впрочемъ, и Орловъ еще надолго сохранилъ министерское положеніе и только 49 лѣтъ долженъ былъ удалиться и умеръ въ 1783 году душевно-больнымъ. Потемкинъ умеръ въ 1791 году, 52 лѣтъ, и такъ же, какъ и Орловъ, отъ послѣдствій неумѣреннаго разврата.

Можно было бы перечислить еще изрядное количество фаворитовъ «Семирамиды Сѣвера». Мы ограничимся тѣмъ, что назовемъ еще Ланского, которому такъ же, какъ и большинству избранниковъ Екатерины, не суждено было долго жить. Онъ умеръ

еще ранѣе Потемкина, въ 1785 году, вслѣдствіе самоотверженнаго служенія Екатеринѣ («вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія шпанскихъ мухъ—cantharides»,—какъ острили злые языки). Его преемникомъ былъ Мамоновъ, который былъ отставленъ, когда его Екатерина застала въ павильонѣ съ княгиней Щербатовой en flagrant délit. Онъ былъ смѣщенъ потомкомъ татарскаго рода Зубовымъ, котораго можно назвать Екатерининскимъ «Дюбарри». Извѣстно его соучастіе впослѣдствіи въ убійствѣ императора Павла, сына Екатерины, нашедшаго такой-же конецъ, какъ и его отецъ.

Павелъ былъ очень даровитый человѣкъ и хорошо образованный, чего не могли не признавать за нимъ даже его противники. Но съ другой стороны, онъ отличался, безспорно, и страстностью, доходившей до безумія, и самымъ непомѣрнымъ властолюбіемъ, и ожесточенной подозрительностью. Подъ неусыпнымъ подозрительнымъ надзоромъ своей матери (вѣдь она заняла принадлежавшій ему наслѣдственный престолъ), окруженный доносчиками и предателями, — онъ развилъ въ себѣ и какое-то особое презрѣніе къ народу, которымъ собирался править. Въ одной бесѣдѣ съ графиней фонъ-Розенбергъ, съ которой онъ былъ въ дружбѣ, въ 1782 году, въ Венеціи, онъ выразился однажды такъ: «Не знаю, взойду-ли я когда-нибудь на престолъ; но если судьба возведетъ меня,—не изумляйтесь тогда тому, что вамъ придется увидѣть. Вы мое сердце знаете, но вы не знаете этотъ народъ,—а я знаю, какъ имъ нужно управлять».

Трудно, въ самомъ дѣлѣ, не изумляться, разсматривая сколько-нибудь пристально правительственную дѣятельность Павла. Разгнѣванный на Англію, онъ хотѣлъ пойти войной на нее—и послалъ въ 1800 году вызовъ на поединокъ всѣмъ

королямъ, которые откажутся вступить съ нимъ въ союзъ для этой цѣли. Вызовъ, посланный датскому королю, онъ приказалъ даже обнародовать въ «Петербургской Газетѣ». Къ этому способу выраженія своей воли онъ вообще питалъ, повидимому, особое пристрастіе, такъ какъ отвѣты на прошенія своихъ подданныхъ онъ также обыкновенно приказывалъ опубликовывать черезъ посредство газеты. Всякій русскій, повстрѣчавшій при своемъ проѣздѣ по городу императора, долженъ былъ остановить свой экипажъ, выйти и засвидѣтельствовать ему свои вѣрноподданническія чувства.

Если всѣ эти и многіе еще подобные поступки и пріемы самого Павла не могли не вызывать общаго ожесточенія противъ Павла, то еще больше разжигалось это ожесточеніе поведеніемъ его любимцевъ, хотя большинство изъ нихъ и очень кратковременно пользовалось благосклонностью непостояннаго монарха. Изъ ихъ числа наиболѣе выдающуюся роль сыграли графъ Ростопчинъ, имя котораго тѣсно связано въ исторіи съ пожаромъ Москвы, Кутаисовъ, возведенный изъ императорскаго брадобрѣя въ графское достоинство и назначенный оберъшталмейстеромъ, и лифляндскій графъ Петръ Людовикъ фонъ-Паленъ, совмѣщавшій въ своемъ лицѣ всѣ высшія должности и сдѣлавшійся, несмотря на это, главою заговора, лишившаго Павла престола и жизни. Соучастниками Палена въ этомъ заговорѣ были три брата Зубовы, генералъ Талицынъ и генералъ Бенигсенъ, брауншвейгскій дворянинъ, сдѣлавшійся на русской службѣ генераломъ, а впослѣдствіи и графомъ. Замыселъ недовольныхъ заключался въ томъ, чтобы свергнуть Павла съ престола и возвести на царство его сына Александра, родившагося въ 1777 году.

За нѣсколько дней до того, какъ разразилась

катастрофа, Павелъ вдругъ спросилъ графа Палена, помнитъ-ли онъ смерть Петра III и подробно ли онъ знакомъ съ обстоятельствами этого событія. На первую половину вопроса Паленъ отвѣтилъ утвердительно, а на вторую– отрицательно. Тогда Павелъ сказалъ: «Я знаю, что меня хотятъ лишить жизни и собираются уготовить мнѣ смерть моего отца». Паленъ постарался разсѣять эти тревожныя предчувствія и увѣрилъ его, что добраться до особы монарха кому-нибудь можетъ удаться развѣ черезъ трупъ его, Палена.

Въ другой разъ одна ничтожная случайность чуть было совсѣмъ не открыла Павлу тайну создавшагося противъ него заговора. Однажды утромъ, когда Паленъ вошелъ въ кабинетъ къ императору, Павелъ вдругъ обнялъ его—и въ карманѣ могущественнаго любимца зашуршала бумага. Павелъ спросилъ, какая это бумага. Паленъ объяснилъ, что это былъ маловажный докладъ или приказъ по войску, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это былъ планъ низверженія императора. Министръ поблѣднѣлъ, давая этотъ отвѣтъ, а Павелъ—обыкновенно такой подозрительно-недовѣрчивый, на этотъ разъ приписалъ его блѣдность случайному недомоганію и поспѣшилъ поэтому милостиво отпустить Палена.

Чтобы заговоръ могъ быть приведенъ въ исполненіе, оставалось только привлечь къ нему офицеровъ гвардейскаго и другихъ полковъ. Это и удалось. Павелъ занималъ имъ самимъ построенный Михайловскій дворецъ—зданіе, похожее на крѣпость, фасадъ котораго былъ окрашенъ въ свѣтло-красный цвѣтъ—цвѣтъ перчатокъ, которыя были на рукахъ императорской любовницы, графини Гагариной, въ тотъ день, когда рѣшался вопросъ объ окраскѣ дворца. Только въ самомъ концѣ 1800 года Павелъ поселился въ этомъ дворцѣ. 23 Марта 1801 года императоръ

былъ схваченъ въ своемъ дворцѣ и задушенъ. Наслѣдникомъ императорскаго престола явился старшій сынъ его Александръ I.

Какъ мы уже указали, любовницы играли и въ жизни Павла очень значительную роль, что, впрочемъ, совершенно естественно и неизбѣжно въ условіяхъ насквозь прогнившихъ нравовъ того времени. Объ Александрѣ I, этомъ романтикѣ на царскомъ престолѣ, меньше можно сказать въ этомъ отношеніи. Большая часть времени его царствованія была полна серьезными войнами съ Наполеономъ, но послѣдовавшая затѣмъ эпоха носила въ Россіи, какъ и во всей Европѣ, такой характеръ, при которомъ развратъ не могъ имѣть широкаго простора для своего развитія. Это была эпоха не то, чтобы совсѣмъ святой нравственности, но во всякомъ случаѣ сравнительно нравственная. Слѣдовавшія за нею эпохи, вплоть до самой современности, не представляютъ ничего особеннаго въ высшихъ кругахъ великой Россійской Имперіи, что заслуживало бы быть отмѣченнымъ съ занимающей насъ точки зрѣнія.

Бернгардъ Штернъ въ своемъ сочиненіи «Романовы» говоритъ о своеобразныхъ нравахъ въ эпоху Императора Николая I, упоминая при этомъ о князѣ Долгоруковѣ, который, по словамъ автора, имѣлъ будто бы неблагопріятное вліяніе на придворное общество.

Насколько извѣстно, Бернгардъ Штернъ однако нерѣдко приводилъ многіе факты въ извращенномъ видѣ, такъ какъ свои свѣдѣнія авторъ черпалъ изъ сплетенъ, разсказываемыхъ въ великосвѣтскихъ салонахъ того времени.

Въ теченіе всего XIX столѣтія Петербургъ являлся чрезвычайно плодородной почвой для проституціи,—особенно, дорого оплачиваемой,—несмотря

на то, что значительная часть дворянства охотно отправлялась обыкновенно на поиски развлеченій и удовольствій въ другіе большіе города, въ особенности въ Парижъ; и даже послѣ отмѣны крѣпостного права большая часть женской половины населенія страны почти добровольно отдавалась на произволъ страстей власть имущихъ.

Уменьшеніе числа домовъ терпимости наблюдалось и въ Петербургѣ: изъ 270, числившихся ранѣе 1870 года, къ 1890 году осталось только 64. Но и здѣсь, такъ же какъ въ другихъ мѣстахъ, напрашивается вопросъ, представляютъ ли эти обманчивыя цифры вообще какую нибудь цѣнность и не слѣдуетъ ли разсматривать замѣчающееся во многихъ мѣстахъ уменьшеніе числа увеселительныхъ домовъ скорѣе какъ увеличеніе проституціи,—по крайней мѣрѣ, бродячей проституціи, которой закрытіе домовъ открываетъ болѣе широкій просторъ.

Мы уже неоднократно имѣли случай оговариваться, что такимъ цифровымъ даннымъ особенно довѣряться не слѣдуетъ. Въ Россіи же, независимо отъ многаго другого, существуетъ еще одно диковинное обстоятельство, о которомъ упоминаетъ Генне въ своемъ уже цитированномъ нами сочиненіи о недостаткахъ и грѣхахъ полиціи нравовъ. «Чрезвычайно характеренъ тотъ фактъ, что въ Россіи, гдѣ евреи такъ усердно подвергаются гоненіямъ, еврейскія публичныя женщины пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства. Въ Петербургѣ былъ случай, когда одна еврейка, пріѣхавшая для поступленія на высшіе курсы, могла добиться разрѣшенія проживать въ Петербургѣ до своего зачисленія курсисткой только тѣмъ путемъ, что выправила себѣ желтый билетъ проститутки—разумѣется, проституціей не занимаясь; другой случай былъ въ Москвѣ, когда еврейской дѣвушкѣ пришлось, оставаясь невинной, запастись такимъ же билетомъ, чтобы имѣть право остаться ухаживать за больной матерью. Но первый случай, по крайней мѣрѣ, окончился благополучно: дѣвушка была прощена, когда ея хитрость открылась, и ей удалось поступить на курсы, а потомъ и выйти замужъ счастливо; въ другомъ же случаѣ (происшедшемъ позже) полиція, узнавъ правду, выслала все же бѣдную дѣвушку изъ Москвы и она отъ этого помѣшалась».

Излишне было бы прибавлять что-нибудь къ этому простому разсказу.

Тотъ же авторъ разсказываетъ далѣе о такомъ ужасѣ, «предъ которымъ блѣднѣетъ все въ царствѣ разврата». Дѣло идетъ объ участи ссыльныхъ женщинъ. «На границѣ между Европой и Азіей есть мостъ, построенный черезъ рѣку Сакму. Съ этого моста бросаются въ рѣку многія ссыльныя женщины, не будучи въ состояніи перенести позора оскверненія, которому подвергаются дорогой. Даже попадьи не избѣгаютъ такой участи. Многихъ женщинъ находятъ повѣсившимися на этапахъ, гдѣ только можетъ представиться возможность къ этому; многія сходятъ съ ума. Даже мальчики изъ ссылаемыхъ семей подвергаются растлѣнію. Надзиратели партіи оказываются часто не лучше совершающихъ эти гнусныя преступленія, или даже за-одно съ ними».

Необходимо замѣтить при этомъ, что отправляемыя по этапу въ ссылку не всегда даже бываютъ преступницами и осужденными: часто жены, дочери, цѣлыя семьи слѣдуютъ добровольно въ ссылку за приговореннымъ мужемъ или отцомъ.

Не мало подобныхъ сообщеній можно найти въ

книгѣ извѣстнаго путешественника Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка».

Въ усиліяхъ ограничить развитіе разврата и проституціи нѣтъ недостатка и въ Россіи; изъ такихъ попытокъ отмѣтимъ особенно основанное въ 1884 году «Общество борьбы съ распространеніемъ проституціи», уставъ котораго гласитъ:

1. Общество имѣетъ цѣлью препятствовать, путемъ изустнаго и печатнаго слова, совращенію въ проституцію, сносясь для этого съ надлежащими правительственными и общественными учрежденіями,—а также изыскивать и представлять проекты мѣръ для предотвращенія и уничтоженія этого зла.

Примѣчаніе. Дѣятельность Общества въ отношеніи печатанія объявленій, брошюръ, книгъ и т. под., а равно и въ отношеніи устроенія публичныхъ лекцій, подлежитъ всѣмъ государственнымъ законамъ и распоряженіямъ, подчиняясь законамъ цензуры и ходатайствуя о надлежащихъ разрѣшеніяхъ для публичныхъ лекцій.

2. Дѣятельность Общества распространяется только на городъ Петербургъ и его окрестности.

3. Общество является частнымъ учрежденіемъ и подлежитъ вѣдѣнію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

4. Общество состоитъ исключительно изъ лицъ мужского пола и въ члены его могутъ быть принимаемы лица не моложе 25 лѣтъ, безъ различія сословій и исповѣданія.

5. Для поступленія въ члены Общества требуется рекомендація двухъ членовъ.

6. Веденіе дѣлъ Общества поручается особой комиссіи, состоящей изъ 5 членовъ, избираемыхъ изъ среды членовъ Общества.

7. По истеченіи 3 лѣтъ со дня открытія дѣятельности Общества, Общество обязуется представить на разсмотрѣніе правительства подробный проектъ устава относительно своей дѣятельности.

Приведемъ нѣсколько интересныхъ мѣстъ изъ одного отчета, прочитаннаго въ засѣданіи Общества членомъ комиссіи, пасторомъ Дальтономъ.

«Главной цѣлью нашихъ усилій, которой мы никогда не должны упускать изъ виду, должно быть уничтоженіе привилегированныхъ притоновъ порока, а также уничтоженіе обязательнаго освидѣтельствованія публичныхъ женщинъ. Въ прошлый разъ мы пытались показать, опираясь на документальныя свидѣтельства, что въ санитарномъ отношеніи эта односторонняя и грубая мѣра не приводитъ ни къ какому замѣтному результату и, наоборотъ, ужасающимъ образомъ содѣйствуетъ разврату. Безуспѣшность этихъ мѣръ происходитъ не оттого, что примѣненныя средства были недостаточны и нужны средства болѣе цѣлесообразныя, совершеннѣе снабженныя пріобрѣтеніями науки и искусства; эта безуспѣшность неизбѣжно коренится въ самой внутренней сущности этой мѣры—и въ этомъ ея безпощадный приговоръ. Мы уже указывали также и на то, какой неисчислимый вредъ своему нравственному состоянію наноситъ себѣ государство тѣмъ, что охраняетъ физическое здоровье своего населенія путемъ постановленій, неминуемо отравляющихъ совѣсть народа, его нравственное здоровье. Дѣлая это, государство заключаетъ договоръ съ порокомъ. Мы указывали наконецъ, и на то, на какой безбожной, безстыдной подкладкѣ «необходимаго зла» заключается этотъ дьявольскій договоръ и строится вся эта гибельная система, подтачивающая религіозно-нравственное ядро народа и

въ концѣ концовъ совершенно разрушающая его. «Все пережитое, передуманное и видѣнное мною за промежутокъ времени, истекшій отъ послѣдней нашей бесѣды, еще усилило мое глубокое убѣжденіе. Нѣсколькими примѣрами изъ этихъ личныхъ моихъ наблюденій за послѣднее время я и хочу съ вами подѣлиться сегодня.

«Нѣсколько дней тому назадъ приходила ко мнѣ одна изъ этихъ несчастныхъ женщинъ,—разновидность еще болѣе нечестивая и болѣе зловредная, чѣмъ сами публичныя женщины,—производящая въ своемъ привилегированномъ домѣ торговлю человѣческимъ товаромъ, угрожая пожаловаться на меня, если я буду продолжать клеймить, какъ безчестное, ея ремесло, практика котораго пользуется такимъ же разрѣшеніемъ государства, какъ и ремесло всякаго булочника и мясника. Что же иное можно при настоящемъ положеніи дѣлъ отвѣтить такой мегерѣ, какъ не посовѣтовать ей исполнить свою угрозу, какъ не пожелать, чтобы открыто и явно выступило на свѣтъ Божій это чудовищное противорѣчіе, отъ котораго волосы дыбомъ становятся,—прямое и необходимое послѣдствіе покровительства этимъ притонамъ порока.

Въ pendant къ этой отталкивающей фигурѣ своднн мнѣ хочется представить вамъ другую фигуру,—женщины, явившейся ко мнѣ на-дняхъ позднимъ вечеромъ, подъ густой вуалью и въ трауре. Это была убитая горемъ вдова одного крупнаго чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ. При жизни мужа она жила, по ея разсказамъ, въ блестящихъ условіяхъ; послѣ смерти его у нея ничего не осталось. Безъ всякихъ средствъ, одинокая, безъ родственниковъ, осталась эта вдова генерала на произволъ безъисходной нужды. И вотъ, ей представ-

лялось искушеніе: ей было предложено взять на себя содержаніе одного изъ богатѣйшихъ публичныхъ домовъ столицы, причемъ, для большаго соблазна, крупная сумма, необходимая для пріобрѣтенія этого заведенія, за нее обѣщали внести, а также освободить ее отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ управленіе заведеніемъ. Твердость ея принциповъ поколебалась, но, послушная голосу совѣсти, она пожелала, прежде чѣмъ принять окончательно рѣшеніе, посовѣтоваться о своемъ горѣ и своихъ сомнѣніяхъ съ духовнымъ пастыремъ.

«Понадобилась очень долгая бесѣда, чтобъ удержать бѣдняжку отъ этой пропасти. Мучительно было слушать, какъ она то и дѣло возвращалась къ неизбѣжному доводу: если бы содержаніе такого дома было, дѣйствительно, такимъ тяжкимъ грѣхомъ, какимъ его представляетъ пасторъ и какъ она это, въ сущности, сама чувствуетъ въ глубинѣ души,—какъ же могли бы терпѣть верховные руководители христіанской церкви подобные дома грѣха и преступленія, и не только терпѣть, а предоставлять привилегію, брать ихъ, такимъ образомъ, подъ свою защиту? Тяжкая, тяжкая отвѣтственность падаетъ на души виновныхъ въ этомъ смятеніи, а затѣмъ и затемненіи совѣсти. Нѣсколько времени тому назадъ одна изъ этихъ несчастныхъ женщинъ, потрясенная выслушанной въ церкви проповѣдью слова Божія, явилась ко мнѣ, какъ къ пастырю, о которомъ она слышала, что онъ возстаетъ словесно и печатно противъ этого привилегированнаго порока. Разговорившись и ставъ мало по малу откровеннѣе, она сдѣлала мнѣ нѣсколько разоблаченій, которыми я прошу позволенія подѣлиться съ вами. Я не буду называть здѣсь именъ, которыя узналъ отъ нея; но если бы кто пожелалъ разслѣдовать это

дѣло, эти имена будутъ во всякое время представлены въ ихъ распоряженіе. Этотъ разсказъ дастъ вамъ нѣкоторое представленіе о происходящихъ вокругъ насъ ужасахъ.

«Несчастная женщина разсказала, что она дочь нуждающихся, но почтенныхъ христіанскихъ родителей въ Швейцаріи. Отецъ умеръ, оставивъ въ наслѣдство многочисленной семьѣ одно только честное имя. Разсказчица вынуждена была неполныхъ четырнадцати лѣтъ отъ роду наняться въ ближайшемъ городѣ няней. Зарабатывая въ услуженіи свой скудный хлѣбъ, дѣвочка три года переходила съ мѣста на мѣсто, противясь настойчивымъ искушеніямъ, которымъ она подвергалась со стороны своихъ хозяевъ, соблазнявшихъ къ паденію бѣдняжку, на попеченіе которой отдавали собственныхъ дѣтей.

Однажды ею насильно овладѣли. Съ того момента угрызенія совѣсти не давали ей покоя; стыдъ давилъ ее такимъ тяжелымъ бременемъ, что она не могла больше рѣшиться показаться на глаза своей матери. И вотъ она попала на торную дорогу. Жалкій соблазнитель, чтобъ отдѣлаться отъ нея, уговорилъ ее поступить въ публичный домъ. Что она тамъ перенесла,—объ этомъ мы распространяться не будемъ. Черезъ нѣкоторое время она была продана за тысячу франковъ изъ этого дома въ другой, на французской границѣ. Когда уже истекалъ годъ ея пребыванія въ этомъ домѣ, туда явился скупщикъ изъ Россіи, ѣздившій по разнымъ мѣстамъ въ поискахъ за транспортомъ бѣлыхъ рабынь для петербургскаго рынка. Предложенный товаръ (не забудьте только, господа, что этотъ товаръ—это наши сестры, погибшія дочери народа, отъ скорби за судьбу которыхъ разрываются сердца матерей!) понравился покупателю, а такъ какъ въ душѣ этихъ дѣвушекъ живетъ неугомонная жажда перемѣны

мѣста, то сдѣлка тотчасъ состоялась и покупатель уплатилъ владѣлицѣ по 400 рублей за «Collo», какъ это называется на проклятомъ языкѣ торговли человѣческимъ тѣломъ. Но сдѣланныя закупки не удовлетворяли потребность скупщика въ товарѣ. Для пополненія потребнаго числа, транспортъ, подвинувшись на нѣсколько сотъ верстъ, остановился въ другомъ мѣстѣ, гдѣ можно было добыть этотъ товаръ. Такъ ѣздилъ этотъ торговецъ невольницами по Швейцаріи и Германіи, таща за собой своихъ семерыхъ жертвъ, насчитывая на каждую изъ нихъ, помимо покупной цѣны, еще по 350 рублей путевыхъ расходовъ,—такъ что несчастныя женщины уже въ самый день пріѣзда попадали въ книгу своей новой хозяйки обремененныя долгомъ въ 750 рублей. «Эта сумма долга тотчасъ возрастала на сумму, затраченную на необходимое обзаведеніе, причемъ цѣны въ этихъ случаяхъ ставятся такія чудовищныя, что ужасъ можетъ охватить передъ этимъ безстыднымъ грабежемъ. Изъ этихъ суммъ составляется прочная цѣпь рабства, которая приковываетъ женщину къ ея хозяйкѣ и лишаетъ ее всякой возможности возврата къ порядочной жизни»...

Здѣсь мы знакомимся съ образчикомъ того безстыднаго торга дѣвушками, который особенно бойко производится въ Восточной Европѣ и къ которому намъ еще придется вернуться.

Спеціальный видъ проституціи въ Петербургѣ, такъ же какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ городахъ, представляютъ заведенія бань, такъ называемыя «семейныя бани», о которыхъ вотъ что разсказываетъ названный рефератъ:

«Обращаю ваше вниманіе, прежде всего, на отвратительныя злоупотребленія, совершающіяся въ «семейныхъ баняхъ» нашего города. Онѣ сдѣлались излюбленнѣйшимъ мѣстомъ свиданій. Пройдите мимо

нѣкоторыхъ заведеній такого рода и посмотрите, какой сбродъ толпится передъ ними, какъ совершается среди улицы, на глазахъ всѣхъ, возмутительный торгъ, завершающійся потомъ внутри дома въ номерахъ. Если кому-нибудь покажется такой публичный торгъ противенъ, такихъ посѣтителей служителя при баняхъ (это мнѣ извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ), избавляютъ отъ этой необходимости,—разумѣется, за приличное вознагражденіе,—доставляя ему потребный товаръ прямо въ номеръ. Даже разсказывать объ этихъ гнусностяхъ противно. Возможно-ли чтобъ не нашлось средствъ для борьбы съ этимъ? Возможно-ли, чтобы полиція оказывалась безпомощной передъ этимъ наглымъ издѣвательствомъ надъ нравственностью и приличіемъ? Надо подвергнуть строгимъ наказаніямъ обѣ стороны, какъ виновныхъ, такъ и содержателей банныхъ заведеній, которые получаютъ очень значительные барыши отъ такого промысла. Надо, чтобы опасность, которой они подвергаются, оказывалась для нихъ чувствительнѣе соблазна выгоды. Штрафъ въ 500 рублей за первый случай превращенія бань въ притонъ, удвоенная сумма штрафа въ случаѣ повторенія и неумолимое закрытіе бань за третій разъ—это было-бы на первыхъ порахъ достаточной угрозой людямъ, до такой степени безчестнымъ, что имъ безразлично, какимъ путемъ ни наживаться, хотя бы самымъ грязнымъ».

Проекты, выработанные и предложенные упомянутымъ обществомъ, въ общемъ вполнѣ сходны съ подобными же проектами другихъ обществъ различныхъ государствъ—и одинаковый же, къ сожалѣнію, ничтожный успѣхъ имѣли всѣ они. Приводимъ ихъ:

1. Ни одна женщина, находящаяся въ публичномъ домѣ или подъ надзоромъ полиціи не должна под-

писывать долгового обязательства или выдавать вексель. Всякая подобная бумага недѣйствительна. Именно эти долги публичныхъ женщинъ своимъ хозяйкамъ, на которые начисляются проценты, чудовищнѣе всякихъ ростовщическихъ,—они то и превращаются въ тѣ страшныя цѣпи, которыя приковываютъ павшихъ къ пороку, затрудняя и даже дѣлая невозможнымъ возвратъ на честный путь. И какъ же безстыдно насчитываются на нихъ такіе долги! Прежде всего, ихъ составляетъ сумма, за которую была куплена бѣлая невольница, а за нею идутъ мошенническія цѣны за всю ту мишуру, въ которую она должна облекать свой позоръ, чтобы затѣмъ снова обнажить его.

Нѣсколько робкихъ шаговъ разбить эти оковы уже были сдѣланы. Домамъ запрещено превращаться въ долговыя тюрьмы и удерживать живущихъ въ немъ, какъ арестантовъ, противъ ихъ воли заставляя ихъ заниматься порокомъ, пока не будетъ погашенъ долгъ. Но объ этомъ знаютъ очень немногія женщины, да и что имъ это право—уйти изъ дома, когда ужасный долгъ продолжаетъ тяготѣть надъ ними? Для уплаты по такому векселю не можетъ хватить цѣлой долгой жизни скромнаго честнаго труда. Есть и другая возможность: погасить такой долгъ, отработавъ положенное время въ одномъ изъ благотворительныхъ учрежденій, основанныхъ съ этой цѣлью. Но, во-первыхъ, и объ этомъ знаютъ немногія, а во-вторыхъ, большинство изъ нихъ смотритъ, по наслышкѣ, на жизнь въ такихъ убѣжищахъ, какъ на заключеніе въ тюрьму и какъ на каторжныя работы.

2. Въ этихъ притонахъ порока не должно быть ни яствъ, ни напитковъ, ни музыки и танцевъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, эти гнусные притоны являются въ то же время увеселительными мѣстами,

въ которыхъ часто напитки и игры возбуждаютъ и раздражаютъ дурныя страсти, матеріально разоряя и морально развращая своихъ жертвъ. Крѣпкіе напитки, за которые содержателями заведенія ставятся въ счетъ такія же мошенническія цѣны, какъ и за мишуру женщинамъ, только глубже толкаютъ на грѣхъ и порокъ. Здѣсь идетъ рука объ руку цѣлый рядъ пороковъ. Вся одурманивающая обстановка порождаетъ такой пьяный угаръ, въ которомъ тонутъ и глохнутъ послѣднія движенія совѣсти. Опьянѣвшій гость легче становится добычей публичной женщины. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ происходили процессы въ Брюсселѣ, разоблачившіе ужасныя и отвратительныя вещи: оказалось, напримѣръ, что начальникъ полиціи нравовъ состоялъ поставщикомъ шампанскаго въ этихъ домахъ! Большая часть быстро наживаемаго этими сводпями-содержательницами домовъ состоянія выростаетъ изъ грабительскихъ цѣнъ на вина, которыя ставятся въ счетъ посѣтителямъ притона. Запрещеніе домамъ торговать яствами и напитками—было бы только продолженіемъ другого постановленія, уже существующаго, по которому въ винныхъ торговляхъ запрещено не только продавать яства, но даже имѣть въ помѣщеніяхъ столы и скамьи.

3. Въ этихъ притонахъ также необходимо установить часъ, позже котораго они не имѣютъ права оставаться открытыми, подъ угрозой строжайшаго наказанія. Нѣсколькими процессами обнаружено, что безпаспортные, не имѣвшіе возможности проживать въ гостиницахъ, подверженныхъ строгой отвѣтственности, спокойно жили по долго и безпрепятственно совершали преступленія, благодаря тому, что проводили каждую ночь въ этихъ домахъ. Какой стыдъ и позоръ для всякаго, любящаго свой городъ и желающаго ему блага, выслушать такой

укоръ, какой случилось мнѣ выслушать отъ одного друга, пріѣхавшаго погостить ко мнѣ въ Петербургъ: «Что это за городъ, гдѣ ты живешь и работаешь! Если пріѣзжій захочетъ ночью освѣжиться, выпить или закусить, онъ находитъ всѣ рестораны запертыми—и широко открытыми двери притоновъ порока!»

Обычный недостатокъ всѣхъ подобныхъ требованій, направленныхъ на борьбу со зломъ, состоитъ въ томъ, что они, стоя на точкѣ зрѣнія чистой морали, совершенно упускаютъ изъ виду фактическое положеніе дѣла,—и оттого такіе проекты встрѣчаются равнодушно, можно даже сказать, на нихъ совсѣмъ не обращаютъ вниманія. Не говоря уже о томъ, что иногда (какъ это неоднократно подтверждалось въ Парижѣ) полиція, по многимъ частнымъ причинамъ, благоволитъ къ содержателямъ публичныхъ домовъ и подобныхъ притоновъ; не говоря и о томъ, что полиція и по необходимости должна стоять въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ этими людьми, потому что она часто привлекается на службу и содѣйствіе имъ; помимо всего этого, полиціи вѣдь приходится считаться съ существующимъ порядкомъ,—и разъ она находитъ существованіе публичныхъ домовъ необходимымъ (а большинство чиновниковъ полиціи нравовъ держатся именно такого убѣжденія), то ей приходится трезво и считаться съ этимъ, оставаясь равнодушной къ благочестивымъ фразамъ и душеспасительнымъ тирадамъ. Не этимъ елейностямъ поколебать и расшатать крѣпкіе устои проституціи и разврата.

Докторъ Гюгель сообщаетъ: «Въ Россіи существуетъ множество публичныхъ домовъ, въ особенности много привилегированныхъ въ гаваняхъ Петербурга. По Высочайшему повелѣнію въ 1843 году была назначена медицинско-полицейская комиссія

при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для выработки и регулированія системы публичныхъ домовъ. По предложенію этой комиссіи, введенъ былъ регулярный надзоръ за публичными домами и ихъ обитательницами, а также система регистраціи. Городъ былъ раздѣленъ на шесть участковъ и шесть врачей ординаторовъ больницы для сифилитическихъ женщинъ должны были производить освидѣтельствованіе всѣхъ проживающихъ въ этихъ участкахъ проституток. Въ 1858 году въ Петербургѣ насчитывалось во всѣхъ этихъ шести участкахъ 178 публичныхъ домовъ, въ которыхъ содержалось 770 публичныхъ женщинъ».

Въ то же время въ Петербургѣ числилось 1123 зарегистрированныхъ проститутки и было извѣстно о существованіи тайныхъ проститутокъ и домовъ.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что и во второй половинѣ XIX столѣтія никакого улучшенія нравственности не замѣчалось.

ГЛАВА VI.

Петербургъ и Москва.—Петровскій воинскій уставъ.— Русскія женщины.

Приведемъ нѣсколько свѣдѣній, заимствуемыхъ нами изъ сочиненія о Россіи англичанина Ланина, касающихся вопроса объ отношеніи между собою половъ, иногда крайне оригинальномъ.

«Не совсѣмъ удобно передавать въ англійской книгѣ многіе изъ тѣхъ слуховъ, которые распространены въ Петербургѣ и Москвѣ о безнравственныхъ поступкахъ и нелѣпыхъ, свидѣтельствующихъ о нравственной испорченности дурачествахъ, совершающихся порой въ придворныхъ кругахъ. Но есть

и такія вещи, передаваемыя въ обѣихъ столицахъ тоже не оффиціально, о которыхъ невозможно умолчать. Это настоящія авгіевы конюшни, которыя могутъ быть основательно вычищены только при коренномъ преобразованіи всего порядка вещей, а полумѣры, примѣняемыя обыкновенно, здѣсь безсильны помочь злу. Всего года два тому назадъ *) въ одномъ изъ первокласснѣйшихъ ресторановъ Петербурга собирались самыя красивыя представительницы высшихъ круговъ общества и самыя могущественныя лица въ государствѣ для такихъ беззастѣнчивыхъ оргій, что если-бы кисть какого-нибудь художника реалиста, вродѣ Верещагина, изобразила ихъ на полотнѣ, то даже рядомъ съ неэстетичными картинами Адріана Броуэра, эти показались-бы грубыми каррикатурами... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ, и въ Казани есть множество женщинъ, стоящихъ очень высоко по своимъ религіознымъ принципамъ, женскому достоинству и воспитанію и достойныхъ занять почетное мѣсто рядомъ съ идеальными образами Корнеліи или Лукреціи. Но и вполнѣ признавая это, мы должны сказать, однако, что—въ сравненіи съ веселымъ хоромъ своихъ грѣшныхъ сестеръ—онѣ представляютъ очень незначительное число. И дамъ большого свѣта почти совсѣмъ нельзя найти въ ихъ числѣ. Этихъ мы видимъ обыкновенно окруженными цѣлыми толпами поклонниковъ, въ выборѣ и числѣ которыхъ онѣ не стѣсняютъ себя никакими ограниченіями.

«Если бы въ Россіи вздумали обложить налогомъ, въ числѣ многаго другого, проступки противъ половой нравственности, то даже при самомъ умѣренномъ обложеніи государственные доходы тотчасъ

*) Названная книга Ланина была издана въ концѣ 80-хъ годовъ.—Пер.

удвоились-бы. Но то, чего правительство и попытаться не могло бы сдѣлать, то уже давно осуществляетъ частная предпріимчивость,—и въ такой степени, что трудно себѣ представить существованіе какой-нибудь самой низкой формы порока, которая не эксплуатировалась бы иными дѣльцами, какъ курица, несущая золотыя яица. Такъ, напримѣръ, лучшіе рестораны обѣихъ столицъ общеизвѣстны какъ мѣста сборищъ господъ, предающихся здѣсь тягчайшимъ видамъ порока,—причемъ въ Россіи порокъ не имѣетъ даже того вида наивнаго добродушія, благодаря которому онъ является на Востокѣ въ болѣе мягкомъ свѣтѣ. Въ цѣлой Россіи едва-ли найдется хоть одно заведеніе общественныхъ бань, которое не было-бы въ тоже время слегка замаскированнымъ публичнымъ домомъ—т. е. заведеніемъ, въ которомъ, правда, очищаютъ тѣло, но загрязняютъ душу.

«Въ одномъ изъ самыхъ оживленныхъ кварталовъ Петербурга есть магазинъ (и меня увѣряли, что онъ—не единственный въ этомъ родѣ), въ которомъ фактически не продается въ теченіе всего года ни одинъ изъ разложенныхъ тамъ товаровъ, но зато идетъ очень бойкая торговля человѣческими душами, т. е. бѣлыми невольницами. Самъ по себѣ фактъ этотъ могъ бы не представляться ни особенно изумительнымъ, ни исключительно характернымъ для Россіи, но онъ оказывается именно такимъ, если принять во вниманіе, что здѣсь онъ является дѣломъ общеизвѣстнымъ и абсолютно безнаказаннымъ. Въ комедіи «Троглодитъ», написанной и представленной въ Москвѣ въ 1884 году, одно изъ дѣйствующихъ лицъ рекомендуетъ къ слову своему другу нѣкоторыхъ женщинъ изъ труппы цирка Саломона, какъ дамъ особенно обязательныхъ, причемъ пополняетъ свою рекомендацію подробнѣйшими данными о гостинницѣ, въ которой онѣ живутъ, о числѣ занимаемыхъ ими комнатъ,—и попутно называетъ одно увеселительное заведеніе въ Москвѣ, пользующееся дурной репутаціей, какъ удобное мѣсто свиданій».

Такое явленіе—чтобы въ приличномъ театрѣ открыто практиковалось сводничество (какъ иначе назвать это?)—дѣйствительно необыкновенно и совершенно чуждо даже самымъ порочнымъ большимъ городамъ Западной Европы *).

Очень скверныя вещи разсказываютъ и о чиновникахъ, священникахъ и учителяхъ, среди которыхъ очень распространены развратъ и противоестественные пороки. О директорѣ одного учебнаго заведенія для мальчиковъ въ Петербургѣ разсказываютъ, что его заведеніе—сущій «parc aux cerfs» въ восточномъ духѣ. Долго сходило ему съ рукъ позорное поведеніе, но однажды разыгрался скандалъ, который замять не удалось, онъ былъ преданъ суду и сосланъ въ Сибирь. Черезъ нѣкоторое время его соотечественники встрѣтили его, къ своему изумленію, въ Швейцаріи, куда ему дали возможность бѣжать вліятельные и богатые друзья,—вѣроятно, еще больше друзья его «заведенія». Русскія газеты сообщили объ этомъ публикѣ, но имъ былъ данъ правительственный приказъ напечатать опроверженіе и сообщить, что этотъ почтенный господинъ пребываетъ не въ Швейцаріи, а въ Сибири,—что и было сдѣлано.

Изъ профессорскаго круга разсказываютъ объ одномъ, что онъ живетъ вполнѣ открыто съ двумя женщинами и обѣ онѣ—супруги его коллегъ; о другомъ, что онъ «угрожая револьверомъ», пытался принудить одну пѣвицу уступить его желаніямъ; о

*) Отвѣтственность за эти сообщенія оставляемъ на совѣсти иностраннаго автора. - Перев.

третьемъ, что онъ ведетъ самый безстыдный образъ жизни, шатаясь съ дамами полусвѣта по московскимъ кафе-шантанамъ и занимаясь при этомъ немножко, для покрытія расходовъ, поддѣлкой векселей.

По свидѣтельству многихъ иностранныхъ путешественниковъ, а иногда и русскихъ—какъ ни скудно ихъ право публично высказывать свои взгляды и мнѣнія—примѣровъ подобнаго рода можно было-бы привести еще безчисленное множество, а порой и еще болѣе ужасныхъ,—и всѣ они съ очевидностью показываютъ, что развратъ и проституція особенно пышно процвѣтаютъ въ Россіи, что гнилость нравовъ охватила почти всѣ слои пестрой массы населенія и что въ особенности такъ называемыя высшія сословія до того изъѣдены ржавчиной порока, что иначе это положеніе едва-ли можетъ кончиться, какъ катастрофой.

Славяне въ общемъ очень склонны къ эротическимъ излишествамъ, а у русскихъ это свойство и вообще дурное состояніе нравовъ могло еще усилиться подъ гнетомъ политическаго и соціальнаго положенія, а также подъ вліяніемъ дурныхъ примѣровъ, которые видитъ народъ почти безъ исключенія въ родовитыхъ и высокопоставленныхъ кругахъ,—очень возможно, что этому содѣйствуетъ еще и рѣзкій контрастъ между нуждой однихъ и безумной расточительностью другихъ, часто наблюдаемый въ Россіи.

«Одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ и достойныхъ довѣрія историковъ своего времени (говоритъ Ланинъ)—Котошихинъ, оставившій намъ исторію XVII столѣтія—больше, впрочемъ, исторію учрежденій, чѣмъ исторію самого народа,—описываетъ своихъ соотечественниковъ, какъ людей грубыхъ, въ общемъ невѣжественныхъ и стоящихъ значительно ниже современнаго ему уровня цивилизаціи. Щаповъ, безпристрастный и философски - мыслящій русскій историкъ, отмѣчаетъ грубую необузданность, моральную распущенность, крайнюю развращенность и лѣнь—какъ основныя черты русскаго народа въ XVII столѣтіи.

«Увлекаемый стихійной властью своихъ плотскихъ желаній, не обуздываемый ни чувствомъ стыдливости, ни нравственнымъ закономъ, средній русскій человѣкъ далъ полную волю своей грубой матеріальной природѣ и не останавливался ни предъ чѣмъ. («Русскій Расколъ»)». Патріархъ Филаретъ такъ изображаетъ своихъ соотечественниковъ въ одномъ письмѣ своемъ къ архіепископу Кипріану: «Многіе русскіе берутъ въ жены своихъ собственныхъ сестеръ или двоюродныхъ сестеръ, другіе живутъ въ нечестивой связи съ собственными матерями и дочерьми, или-же вступаютъ съ матерями или сестрами въ бракъ».

Все это происходило, разумѣется, за много поколѣній до нашего времени, но многое, происходящее и нынѣ, такъ же прискорбно.

Петръ Великій первый сдѣлалъ попытку направить Россію на путь европейской культуры. Бернардъ Штернъ говоритъ: «Самъ Петръ служилъ своей безнравственностью худшимъ примѣромъ своему народу. Но именно собственная безнравственность была для него достаточнымъ основаніемъ для строгаго преслѣдованія безнравственности въ другихъ. Въ особенности, среди военныхъ. И въ свой воинскій уставъ онъ внесъ нѣсколько интересныхъ въ этомъ отношеніи параграфовъ *):

Глава III, относящаяся къ разврату.

Статья I.

Публичная женщина не должна быть терпима

*) Цитир. не по подлиннику, а по переводу автора настоящей книги.—Перев.

ни въ гарнизонахъ, ни при походахъ, ни въ лагеряхъ, а должна быть тотчасъ изгоняема чрезъ посредство профосовъ.

Статья II.

Такъ какъ сквернословіе является сильнымъ толчкомъ къ распутству, то таковое, равно какъ и непристойныя пѣсни, должно быть запрещено подъ страхомъ строгаго наказанія.

Статья III.

Нарушеніе супружеской вѣрности должно быть наказываемо по законамъ той націи, къ которой принадлежитъ виновный.

Статья IV.

Изнасилованіе неминуемо влечетъ за собой смертную казнь.

Статья V.

Противоестественный развратъ, скотоложство и мужеложство наказываются смертной казнью чрезъ сожженіе».

Слѣдуетъ замѣтить, что установл.нія это были очень мудрыя—и для того времени, какъ, впрочемъ, и позднѣе, они были необходимы не для одной только Россіи.

Положеніе женщинъ, и до настоящаго времени еще не вполнѣ отрадное, было въ Россіи до-петровской эпохи крайне плохое. Онѣ жили почти такъ же, какъ женщины восточныхъ народовъ, вполнѣ изолированно и только въ случаяхъ необходимости показывались на улицѣ подъ густымъ покрываломъ и въ закрытомъ экипажѣ. Даже за столомъ въ своемъ собственномъ домѣ, если присутствовали гости, онѣ могли показываться только въ исключительныхъ случаяхъ. Дамы высшаго общества жили въ праздности, бѣдныя женщины—въ рабствѣ и пьянствѣ. Петръ ввелъ въ одеждѣ европейскую моду и одѣтымъ по этой модѣ женщинамъ

разрѣшилъ доступъ во всѣ собранія придворнаго общества. Онъ уничтожилъ также принудительный бракъ, — до него царилъ обычай, по которому родители рѣшали вопросъ о бракѣ своихъ дѣтей, нисколько не считаясь съ ихъ волей.

Но полнаго преобразованія не принесла, однако, ни эта, ни послѣдующія реформы,—и еще въ началѣ XIX столѣтія Іоганнъ-Іозефъ Абель могъ сказать въ своемъ сочиненіи: «Но даже и при настоящемъ положеніи, не всѣ еще слѣды былого рабства женщины исчезли. Русскіе люди изъ народа и теперь еще совершаютъ сдѣлки при выдачѣ замужъ своихъ дочерей съ той же купеческой предусмотрительностью и разсчетомъ, какъ и въ старыя времена, а отцовская власть все такъ же неограниченно-сильна, хотя сыновей уже не принуждаютъ, какъ бывало, побоями къ браку и дочерей не тащатъ за волосы къ вѣнцу».

Женщины низшаго круга вынуждены непрерывно работать по-прежнему, по-прежнему терпѣть самое дурное и грубое обращеніе своихъ мужей и до сихъ поръ еще до того привыкли терпѣть развращенность и насиліе со стороны своихъ господъ или хозяевъ, что съ жалобами на нихъ обращаются только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Русскія женщины изъ «простонародья» своеобразно относятся къ побоямъ: нельзя сказать, что онѣ любятъ побои сами по себѣ, или что онѣ безусловно разсматриваютъ ихъ, какъ признакъ любви своихъ мужей; но если мужъ совсѣмъ перестаетъ бить свою жену, то это разсматривается, какъ несомнѣнное доказательство того, что онъ безнадежно махнулъ на нее рукой. Въ виду этого русская женщина низшаго круга имѣетъ основаніе думать, что мужъ ее разлюбилъ, если онъ пересталъ поколачивать ее даже въ пьяномъ видѣ и даже за грѣшки.

Утвержденіе, что русскія, какъ и другія славянскія женщины, смотрятъ на побои, какъ на доказательства любви—очень старо и встрѣчается у многихъ писателей-путешественниковъ. Профессоръ Крафтъ-Эбингъ цитируетъ въ своемъ сочиненіи «Psychopathia sexualis» слѣдующее мѣсто изъ «Flagellum salutis»—Паулини (1689): «Нѣкоторыя націи, въ особенности персіане и русскіе (и особенно женская половина ихъ), смотрятъ на побои, какъ на своеобразное доказательство любви и благосклонности. Страннымъ образомъ, русскія женщины бываютъ наиболѣе довольны и веселы тогда, когда получаютъ добрую встряску отъ своихъ мужей. Іоаннъ Бакларусъ разсказываетъ по этому поводу изумительную исторію. Попалъ однажды нѣмецъ, нѣкій Іорданъ, въ Московію, и такъ какъ ему страна понравилась, то онъ осѣдло основался тамъ и взялъ себѣ русскую женщину въ жены, которую онъ крѣпко полюбилъ и очень хорошо и любовно относился къ ней Жена же все ходила невеселая, хмурая, съ опущенными глазами и все только вздыхала. Мужъ не переставалъ допытываться о причинѣ, такъ какъ самъ и придумать не могъ, о чемъ она могла горевать. «Гдѣ ужъ тамъ любите!—отвѣчала она,—никакихъ я знаковъ любви вашей доселѣ не видѣла». Онъ обнялъ ее и умолялъ простить его, если онъ какъ-нибудь ненарокомъ и безъ умысла обидѣлъ ее, увѣряя, что не имѣлъ этого въ виду. Наконецъ, она объяснила, что ни на что не можетъ пожаловаться — вотъ только, что она отъ него побоевъ не видѣла, а какая же это любовь мужа, коли онъ не бьетъ! Іорданъ усвоилъ эту моду, постарался привыкнуть къ ней—и тогда жена начала отвѣчать ему самой искренней любовью. Такую же исторію разсказываетъ Петеръ Петреусъ, добавляя къ этому, что мужья пріобрѣтаютъ себѣ тотчасъ

послѣ свадьбы, въ числѣ другихъ необходимѣйшихъ хозяйственныхъ предметовъ, кнутъ.

Дѣлались попытки приводить въ связь эту жажду побоевъ съ средневѣковымъ флагеллантизмомъ (религіозныя бичеванія) или болѣе современнымъ его наименованіемъ—мазохизмомъ (о томъ и другомъ у насъ будетъ подробнѣе рѣчь впереди),—и разсматривать флагеллантизмъ, какъ половой стимулъ. Въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ это, быть можетъ, и вѣрно, но въ общемъ будетъ гораздо вѣрнѣе допустить, что грубымъ чувствамъ женщины изъ народа представляется тѣлесное оскорбленіе своего рода доказательствомъ страстной, если не нѣжной, любви. Такое объясненіе гораздо болѣе подходитъ къ психологіи женщины изъ народа, чѣмъ тѣ заключенія, очень вѣроятныя въ отдѣльныхъ случаяхъ - въ особенности, когда имѣется на лицо истерія или родственныя ей явленія—но слишкомъ ухищренныя и утонченныя для несложной въ общемъ психологіи простого народа. Для тѣхъ слоевъ, въ которые еще не вполнѣ проникла культура, мы не должны принимать въ объясненіе такихъ явленій, хотя бы они даже сдѣлались общераспространенными, какъ послѣдствія излишне утонченной культуры—сверхъ-культуры, такъ сказать.

Обширная Россійская имперія населена, какъ извѣстно, различными племенами и народностями—и все, что говорилось нами до сихъ поръ, относится почти исключительно къ одной Великороссіи. Нѣсколько благопріятнѣе обстоитъ дѣло —въ отношеніи семейной жизни и общаго состоянія нравственности—по общимъ отзывамъ, въ Малороссіи. Еще больше это можно сказать о финнахъ. О племенахъ мы поговоримъ нѣсколько подробнѣе ниже. Что же касается остальныхъ, менѣе цивилизованныхъ народностей, то о нихъ будетъ сказано самое необходи-

мое въ своемъ мѣстѣ. Что религія, то или другое состояніе ея и религіозныя отношенія оказываютъ очень значительное вліяніе на состояніе нравственности,—это разумѣется само собой и было нами въ различныхъ мѣстахъ принято во вниманіе. Что же касается Россіи—здѣсь приходится считаться съ совсѣмъ особеннымъ факторомъ, съ своеобразнымъ явленіемъ сектантства. Среди многочисленныхъ сектъ, пустившихъ здѣсь корни (замѣчательно то, что всего сильнѣе и значительнѣе развилось сектантство именно въ Россіи и въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, какъ будто бы условія наименьшей и наибольшей политической свободы всего болѣе благопріятны для его развитія), мы должны отмѣтить здѣсь скопцовъ—секту, существующую со второй половины XVIII столѣтія, и ищущую умерщвленія плотскихъ желаній и спасенія души въ половомъ самоуничтоженіи,—преимущественно въ кастраціи у мужчинъ и въ отрѣзываніи грудей у женщинъ.

Подробности вѣрованій и ученій этой секты стали нѣсколько болѣе извѣстны только съ 1869 года, со времени процесса Плотицына въ Моршанскѣ, и съ той поры приверженцы этого вреднаго ученія стали строго преслѣдоваться правительствомъ,—что можно еще сравнительно меньше поставить въ вину правительству Россіи, въ числѣ безчисленныхъ ограниченій личной и національной свободы, къ какимъ оно прибѣгаетъ. Происхожденіе скопчества, имѣвшаго, впрочемъ, нѣкоторыхъ предшественниковъ и въ другихъ мѣстахъ, относится, по всей вѣроятности, къ толкованію извѣстнаго мѣста въ Евангеліи, туманно выраженнаго и оканчивающагося словами: «могущій вмѣстить—да вмѣститъ», побудившаго и отца церкви Оригина и другихъ къ фанатическому самоотреченію.

Замѣчательно то, что это ложное ученіе скопцовъ, ведшихъ, однако, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ вполнѣ достойный уваженія и дѣятельный образъ жизни, оказало свое вліяніе и на русскую литературу,—и мы видимъ, какъ оно всплываетъ въ сочиненіяхъ графа Льва Толстого, быть можетъ даже помимо сознанія автора. Больше всего вращается въ кругу этихъ идей его «Крейцерова Соната», и быть можетъ не вполнѣ неправъ Максъ Нордау, говоря объ этой книгѣ въ своемъ «Вырожденіи»: «Позднышевъ изъ «Крейцеровой сонаты»—самъ того не сознавая, скопецъ,—и вся половая мораль, которую проводитъ Толстой въ этомъ разсказѣ и въ теоретическихъ сочиненіяхъ своихъ—это литературное выраженіе половой психопатіи скопцовъ». Кромѣ Толстого, еще многіе другіе русскіе писатели и поэты занимаются вопросами половой морали, что происходитъ, быть можетъ, отчасти и отъ особенно развитой разнузданности половыхъ отношеній въ Россіи. Быть можетъ, это обстоятельство послужило также отчасти причиной того, что въ Россіи съ особенной силой проявляются стремленія женщинъ къ самостоятельности.

Гораздо лучшимъ положеніемъ, чѣмъ у русскихъ, пользовалась женщина у поляковъ, у которыхъ въ пору разцвѣта ихъ независимости господствовали общественныя формы, очень приближавшіяся къ западно-европейскимъ. Но благопріятныхъ условій для жизни женщины не существовало въ общемъ и въ Польшѣ: безнравственность и проституція были страшно распространены и здѣсь, особенно въ высшихъ кругахъ, и это сохранялось еще долго и потомъ. Полякъ, этотъ «французъ сѣвера», какъ его часто называютъ, обнаруживаетъ, по крайней мѣрѣ, въ эротизмѣ большое сходство съ французомъ, проявляя въ отношеніи прекраснаго пола ту любез-

ность, которая есть, конечно, въ большинствѣ случаевъ, только суррогатъ недостаточнаго уваженія.

Въ настоящее время въ Варшавѣ такъ же, какъ и въ другихъ крупныхъ городахъ съ населеніемъ, говорящимъ на польскомъ языкѣ, наблюдаются тѣ же явленія нравственныхъ отношеній, что и въ крупныхъ русскихъ городахъ. Проституція организована точно такъ же; наряду съ терпимой, узаконенной проституціей, ютящейся главнымъ образомъ въ публичныхъ домахъ, здѣсь существуетъ, какъ почти всюду, и тайная,—но здѣсь она многочисленнѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Сюда же можно сопричислить и ту часть бывшаго Польскаго государства которая географически и политически принадлежитъ Австріи, изъ наиболѣе крупныхъ городовъ которой слѣдуетъ назвать Лембергъ и Краковъ,—а также столицу Буковины, Черновицъ; эти мѣстности представляютъ, разумѣется, и въ отношеніи проституціи много сходства съ тѣмъ, какъ поставленъ этотъ вопросъ въ Австріи и въ особенности въ Вѣнѣ. Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что значительная часть позорнаго промысла—торговли бѣлыми невольницами—распространена въ Галиціи, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ посредниковъ по этой торговлѣ поставляетъ преимущественно Галиція.

Положеніе женщинъ у чеховъ было всегда гораздо достойнѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ славянъ и ближе всего подходило къ положенію женщинъ у окружающихъ ихъ нѣмцевъ. Чехъ изъ высшаго круга никогда не обнаруживалъ той преувеличенной любезности къ женщинѣ, которой отличается полякъ, онъ никогда не пилъ за здоровье своей дамы изъ ея туфли,—но съ женщиной чехи даже низшихъ слоевъ народа всегда обращались лучше, никогда не низводили ея на степень рабочаго скота или чего-

нибудь еще похуже. Особенно чувственный, какъ и всѣ славяне, чехъ также очень склоненъ къ половымъ излишествамъ, но обыкновенно онъ трезво остается въ извѣстныхъ границахъ, хотя нѣкоторыя исключенія уже, безспорно, создались, благодаря росту городовъ и ухудшенію нравовъ, наступающему съ каждымъ шагомъ культурнаго прогресса.

Дѣвушки особенной воздержанностью обыкновенно не отличаются,—вѣнцы, шутя, называютъ Богемію, поставляющую имъ большую часть потребныхъ для Вѣны кормилицъ, «страной перепроизводства»—опредѣленіе, отнюдь не относящееся ни къ промышленному, ни къ сельско-хозяйственному производству. Но и вѣнской проституціи женское населеніе Чехіи доставляетъ богатый, никогда не изсякающій добавочный матеріалъ. Въ общемъ, состояніе проституціи въ Богеміи совершенно похоже на австрійское,—съ той только разницей, что въ Прагѣ и другихъ богемскихъ городахъ существуютъ дома терпимости, а въ Вѣнѣ, Грацѣ, Зальцбургѣ и др. городахъ Австріи ихъ нѣтъ. Зато въ Австріи обильно распространена уличная и тайная проституція.

При дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи прежняго и нынѣшняго положенія проституціи въ Австріи, намъ придется еще привести нѣкоторыя данныя, касающіяся Богеміи.

Нельзя также сказать ничего отраднаго о состояніи нравственности и у южныхъ славянъ, хотя нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ нимъ народностей и отличаются чистотой семейной жизни. Сосѣдство Востока, долгое господство Турціи сильно способствовало тому, что здѣсь женщина заняла не очень уважаемое положеніе и что проституція могла здѣсь достигнуть пышнаго разцвѣта. Всюду здѣсь можно найти публичные дома—и они оказываются и многочисленнѣе и гуще населенными, чѣмъ можно

было-бы ожидать отъ такого населенія. Сербія и ея столица Бѣлградъ должны быть по справедливости поставлены на первое мѣсто въ этомъ отношеніи,—а о томъ что касается царящихъ въ придворныхъ сферахъ нравовъ, достаточно только вспомнить жизнь и дѣянія умершаго короля Милана.

О моравахъ разсказываетъ Мерцъ, авторъ «Psyche und Hymen»: «Хотя моравскія красавицы и разрѣшаютъ себѣ свободныя отношенія съ мужчинами, все же здѣсь высоко цѣнится дѣвическая честь. Въ праздничные дни передъ церквами собирается все окружное населеніе—и поцѣлуями здѣсь обмѣниваются такъ открыто, что иностранецъ можетъ вообразить, что вся эта толпа составляетъ одну семью. Молодые люди позволяютъ себѣ съ дѣвушками еще и другія вольности, но это не значитъ ничего особеннаго, такъ какъ полное сближеніе между ними наступаетъ только послѣ брака. Моравскія дѣвушки, если онѣ еще дѣвственны, имѣютъ право носить пурпурно-красный чепчикъ, съ котораго ниспадаетъ на самыя плечи длинный вуаль, а иногда, если дѣвушка богата и разодѣта парадно, то еще и пара нанизанныхъ полосъ изъ серебряныхъ монетъ.

«Если окажется, что моравская дѣвушка пала, то она встрѣчаетъ вокругъ такое презрѣніе, что ей ничего другого не остается, какъ оставить своихъ родителей и уѣхать въ какое-нибудь другое мѣсто. Аббатъ Фортисъ разсказываетъ о такомъ случаѣ, когда священникъ, узнавъ объ одной дѣвушкѣ, что она заслужила дурную репутацію, въ церкви сорвалъ у нея съ головы дѣвическій уборъ и приказалъ ея родителямъ тотчасъ остричь ей волосы».

О свадебныхъ церемоніяхъ мы узнаемъ изъ названнаго нами источника о слѣдующемъ удивительномъ обычаѣ:

«Послѣ ужина (свадебнаго пира) новобрачныхъ

уводятъ въ брачный покой, роль котораго играетъ обыкновенно погребъ или хлѣвъ для скота. Одинъ изъ сватовъ—свидѣтелей жениха—провожаетъ новобрачную до постели и растегиваетъ на ней кушакъ, послѣ чего новобрачные раздѣваются уже сами. Когда оба остаются уже въ одномъ бѣльѣ, сватъ удаляется, но только за дверь и остается тамъ, прислушиваясь, пока по знаку новобрачнаго узнаетъ, что онъ доволенъ женой; тогда онъ оповѣщаетъ объ этомъ другихъ пистолетнымъ выстрѣломъ, на который остальные сваты отвѣчаютъ выстрѣлами же. Если же мужъ недоволенъ, то свадебное торжество заканчивается побоями». Въ благопріятномъ-же случаѣ празднества и пиры длятся по нѣсколько дней.

Еще изумительнѣе то, что разсказываетъ авторъ о румынахъ. Эта народность не относится, правда, къ славянамъ и о состояніи нравственности въ Румыніи мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, но румыны такъ близко примыкаютъ къ южнымъ славянамъ, какъ это уже было нами замѣчено, что о соотвѣтственномъ обычаѣ будетъ умѣстно упомянуть и здѣсь. Повидимому, тотъ обычай, о которомъ мы намѣреваемся разсказать, относится къ эпохѣ римскаго періода исторіи румынъ и теперь уже не существуетъ, вѣроятно.

«Открытія, сдѣланныя новобрачнымъ въ отношеніи дѣвичьей чести молодой жены въ брачномъ покоѣ, онъ хранитъ вначалѣ про себя. Только по прошествіи трехъ дней, когда родственники жены являются къ нимъ съ первымъ визитомъ, случившееся становится предметомъ обсужденія. Тогда совершается процессія, которая носитъ названіе «большой дороги», такъ какъ во время нея родителямъ новобрачной оказываются либо большія почести, либо они подвергаются большому позору. Если оказывается, что честь дѣвушки была незапятнана,

тогда подымается неудержимое ликованіе и родители восторженно чествуются по этому поводу: при этомъ всѣхъ гостей обносятъ чашкой, въ которую положена рубашка невѣсты съ очевиднымъ знакомъ ея добродѣтельнаго прошлаго и каждый гость оказываетъ ей честь тѣмъ, что бросаетъ въ эту чашку монету. Но этотъ церемоніалъ совершается только при свадьбахъ простого народа; въ высшихъ кругахъ освидѣтельствованіе бѣлья невѣстъ производятъ только свекоръ и свекровь.

«Если же молодой супругъ оказывается обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ, онъ созываетъ на другой день всю свою родню и сообщаетъ ей о своемъ несчастьѣ. Тогда родня припасаетъ ко времени посѣщенія родителей новобрачной старую, разломанную повозку, усаживаютъ на нее молодую женщину, запрягаютъ въ повозку вмѣсто лошадей родителей новобрачной и заставляютъ ихъ увезти свою дочь обратно въ свой домъ. Этому никто не смѣетъ воспрепятствовать, и если бы кто-нибудь вздумалъ вступиться, чтобъ освободить молодую женщину, онъ получилъ бы не только изрядное количество побоевъ, но и подвергся бы строгому наказанію со стороны судьи за преступленіе противъ обычаевъ и законовъ страны. Въ послѣднемъ случаѣ въ пользу мужа остается не только выговоренный утренній даръ, но за нимъ сохраняется и право требовать возмѣщенія всѣхъ расходовъ, понесенныхъ имъ изъ-за свадьбы. Чтобы не подвергать себя этому сраму, родители болѣе обезпеченныхъ круговъ держатъ своихъ дочерей въ строжайшей замкнутости, не отпускаютъ ихъ однѣхъ даже въ церковь и даже невѣстамъ запрещаютъ подымать покрывало передъ своими женихами или разговаривать съ ними... Если же, несмотря на всѣ такія предосторожности, валашская дѣвушка все же провинилась въ извѣстномъ смыслѣ, то родители стараются поладить съ женихомъ за денежное вознагражденіе».

Здѣсь умѣстно будетъ привести выдержку изъ сочиненія Мантегацца «Физіологія любви».

«Грубая, преувеличенная, скотская цѣнность, которую современное общество придаетъ чисто физической дѣвственности, породила особый видъ гнуснаго искусства — поддѣлки дѣвственности. Сколько можно было бы насчитать случаевъ появленія дѣвственности во второмъ, пятомъ, десятомъ изданіи... а тупоумная толпа супруговъ или любовниковъ въ ладоши хлопаетъ отъ радости, въ виду несомнѣннаго доказательства цѣломудренной добродѣтели, ангельской чистоты—сфабрикованной съ помощью того или другого препарата»...

Л. Мерцъ разсказываетъ еще объ одномъ обычаѣ старины, уцѣлѣвшемъ у южныхъ славянъ.

Когда молодой человѣкъ собирается взять себѣ жену на чужой сторонѣ, онъ является къ деревенскому старшинѣ вмѣстѣ со своимъ дружкомъ и провожатыми и спрашиваетъ, можно ли чужимъ людямъ войти въ деревню; обыкновенно имъ отвѣчаетъ старшина, что если они — люди добрые и честные, то могутъ входить съ Богомъ, только старыхъ женщинъ и дѣтей малыхъ они должны пощадить. Повидимому, этотъ обычай является пережиткомъ старины, остаткомъ отъ той эпохи, когда невѣстъ умыкали, пережиткомъ, уцѣлѣвшимъ у нѣкоторыхъ южно-славянскихъ народностей въ видѣ внѣшней формальности.

Существуетъ еще одинъ обычай у южныхъ славянъ, соотвѣтствующій «пробнымъ ночамъ» у шварцвальдскихъ и сѣверно-шотландскихъ жителей, у швейцарцевъ, франковъ, чеховъ и сибиряковъ. Обычай этотъ очень древній и очень распространенный.

Вильгельмъ Рудекъ *) такъ разсказываетъ о немъ. «Германскій обычай проводить до свадьбы ночи со своими возлюбленными въ воздержанныхъ объятьяхъ относится къ глубокой древности». (Для этого явленія намъ кажется неточнымъ названіе «пробныхъ ночей», — не говоря уже о томъ, что такой «воздержанности» нельзя слишкомъ довѣрять). Почти во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ молодые люди въ средѣ крестьянства пользовались и пользуются до сихъ поръ правомъ приходить на ночь къ своимъ возлюбленнымъ—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, разъ въ годъ, въ другихъ же даже разъ въ недѣлю. Называется этотъ обычай въ разныхъ мѣстахъ различно, въ зависимости отъ того, при какой обстановкѣ происходятъ эти ночныя свиданія—«гулять», «оконничать» (когда молодой человѣкъ проникаетъ къ дѣвушкѣ, по обычаю, черезъ окно, какъ у баварцевъ) «придверничать» (когда онъ сторожитъ за дверью, пока не будетъ впущенъ, какъ у швабовъ), въ Малороссіи онъ называется «женихаться» и т. д.

«Свидѣтельства существованія такихъ «пробныхъ ночей» мы находимъ еще за много столѣтій тому назадъ. Какъ извѣстно, объ этомъ обычаѣ («toerschen biligen», т. е. шутливаго сожительства) упоминаютъ еще рыцарскія сочиненія XII и XIII столѣтій, напр., поэты Дитмаръ фонъ-Аистъ, Райнмаръ фонъ-Гаугенау, Гартманъ фонъ-Ауэ. Никакому сомнѣнію не подлежитъ, что проникнуть въ сельское населеніе изъ рыцарскихъ круговъ этотъ обычай не могъ. Да и такого распространенія по всѣмъ округамъ и во всѣхъ углахъ онъ не могъ бы въ такомъ случаѣ пріобрѣсти.

«Въ Мюнстерландѣ господствуетъ до сихъ поръ

*) „Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Deutschland", 1897, s. 146 и слѣд.

этотъ обычай «оконничанія». Въ ночь подъ Рождество молодые парни проникаютъ черезъ окно въ комнату своей возлюбленной и остаются у нея на всю ночь. Родители этому не препятствуютъ, такъ какъ знаютъ, что молодые люди поженятся. Если же парень дѣвушкѣ не нравится, она просто выгоняетъ его черезъ окно же вѣникомъ. Въ округѣ Дигенау, въ нижне-саксонскомъ графствѣ Гойа, родители также не находили ничего неприличнаго въ томъ, что женихъ дѣлаетъ ночные визиты невѣстѣ. Въ Альгэу эти ночные визиты называются «ходить въ каморку». Въ Оберпфальцѣ женихи могутъ приходить къ своимъ невѣстамъ въ ночные часы по средамъ и субботамъ, а въ Зульцбахѣ по воскресеньямъ. Парень проникаетъ обыкновенно въ окно дѣвушки по приставной или веревочной лѣстницѣ, когда всѣ остальные обитатели дома уснутъ».

Глава VII.

Состояніе нравовъ въ средніе вѣка.—Сектантство. — Jus primae noctis.—Система выкупа взамѣнъ этого права.—Развитіе брака. — Общинный бракъ.—Полигамія — Материнское право. — Эндогамія, экзогамія. — Бракъ въ средніе вѣка. — Обряды при бракосочетаніи.—Древніе обычаи.—Непристойности.—Кружки или сообщества любви.

Закончивъ обзоръ состоянія нравовъ у романскихъ и славянскихъ народовъ и переходя къ положенію этого вопроса у германскихъ народовъ, мы считаемъ умѣстнымъ отмѣтить нѣкоторыя явленія, общія всѣмъ народамъ изъ эпохи среднихъ вѣковъ и послѣдующихъ эпохъ.

Какое ужасное состояніе нравовъ должно было царить въ средніе вѣка,—это доказываетъ намъ,

между прочимъ, и мнѣніе глоссаторовъ, признававшихъ за настоящую блудницу только такую женщину, которая повинна въ развратномъ поведеніи съ 23.000 (чит. прописью: двадцатью-тремя тысячами) мужчинъ. Упадку нравовъ способствовало до извѣстной степени и частое свирѣпствованіе чумы и другихъ эпидемій. Веберъ-Демокритъ говоритъ объ этомъ:

«Не малый позоръ для человѣчества представляетъ то явленіе, что порокъ и чувственность никогда не царятъ съ такой силой, какъ въ эпохи народныхъ бѣдствій—войны, землетрясенія, чумы и отчасти холеры. Өукидидъ, описывающій чуму въ Аөинахъ, и Боккаччіо, описывающій чуму 1348 года, оба наблюдали то же явленіе, наблюдалось оно и въ другія чумныя эпидеміи, и во время землетрясенія въ Мессинѣ 1783 года. Разумъ отличаетъ насъ отъ животныхъ, обладающихъ только инстинктами; у человѣка есть только одинъ инстинктъ—половой; и вотъ человѣкъ повинуется ему, какъ животное,—съ той только разницей, что животному его инстинктъ всегда подсказываетъ, когда нужно: «довольно!», а люди, и наиболѣе одаренные разумомъ, меньше всего руководятся такимъ указаніемъ».

«Половой инстинктъ—первородный грѣхъ. Этотъ первородный грѣхъ привелъ превосходнаго человѣка, графа Морица Саксонскаго, котораго въ сраженіи при Фонтенеѣ щелчкомъ сбросили съ лошади, такъ былъ онъ слабъ, не только къ потерѣ герцогства курляндскаго, но и царской короны послѣ восшествія на престолъ императрицы Анны. Тотъ же первородный грѣхъ привелъ Зейдлитца, какъ и Гуттена, къ той неизлечимой болѣзни, о которой Фридрихъ сказалъ россбахскому побѣдителю: «Смотрите, французы мстятъ за себя!» Люди теряютъ способности здоровыхъ и правильныхъ отправленій

жизни. Свѣтскія дамы не хотятъ подражать соловьямъ и другимъ пѣвчимъ птицамъ, припасающимъ матеріалы для свиванія гнѣзда, когда придетъ пора; самецъ заботится о самкѣ, сидящей на яйцахъ и поетъ для нея, а самка заботится о яйцахъ. Эти же уподобляются пѣтухамъ, которымъ дѣла нѣтъ до яицъ и цыплятъ и которые думаютъ только о собственномъ удовольствіи, пока не насытятся такъ, какъ та римлянка, надгробная надпись которой гласитъ: «Quaeso viator ne me diutius calcatam amplius calces».

Немало способствовали также ухудшенію нравовъ—невольно, а иногда и сознательно, умышленно—мистицизмъ и подобная религіозная мечтательность; многія лица и секты представляютъ намъ живыя доказательства этого. Мы уже упоминали о скопчествѣ при разсмотрѣніи состоянія нравовъ въ Россіи. Эта секта имѣла свои предшествовавшія формы и между прочими секту обелитовъ въ IV столѣтіи; эти не признавали увѣчья, не отвергали даже, какъ это ни странно, бракъ, а только половое общеніе въ бракѣ. Подобныя секты появлялись неоднократно и позднѣе, но разумѣется, очень скоро исчезали. Опаснѣе другихъ для нравовъ, а слѣдовательно, и для правильнаго строя общества, была возникшая во II столѣтіи гностическая секта адамитовъ, стремившихся возродить райское состояніе путемъ подавленія чувственныхъ желаній. Они также изчезли, потомъ снова появлялись нѣсколько разъ впослѣдствіи въ подобной же формѣ, а порой и подъ тѣмъ-же именемъ; такъ, напримѣръ, въ XV столѣтіи главою такой секты явился французъ Пикаръ, и послѣдователи ея назывались то адамистами же, то, по имени своего главы, пикарами. Ихъ жестоко преслѣдовали, но искоренить не могли,—и даже еще въ 1849 году вынырнули приверженцы этой секты,

создавшіе у себя чисто-коммунистическій строй—разумѣется, вплоть до общности женъ.

Было бы, однако, совершенно несправедливо ставить всѣ подобныя явленія—которыхъ можно было бы назвать еще много—на счетъ одному католицизму. Какъ показало прискорбное поведеніе перекрещенцевъ, подобная и даже худшая распущенность нравовъ могла обнаруживаться и въ реформированныхъ церквахъ. Напомнимъ еще затѣмъ изумительную секту «святыхъ новѣйшаго времени»—мормоновъ Сѣверной Америки, религіозной секты, основанной въ 1827 году и осуществлявшей многоженство; въ послѣднее время полигамія была имъ, впрочемъ, запрещена правительствомъ.

Многія проявленія религіознаго фанатизма слѣдуетъ поставить на счетъ исторіи,—быть можетъ даже, не совсѣмъ неправы тѣ, которые объясняютъ всѣ самыя ужасныя явленія прошлыхъ эпохъ, всю исторію колдуній, половымъ возбужденіемъ у женщинъ.

Веберъ-Демокритъ говоритъ: «религіозный экстазъ воспламеняетъ фантазію и раздражаетъ нервы—и оттого такое настроеніе представляетъ наилучшій моментъ для чувственной любви, что очень хорошо знали ихъ высокопреподобія. Платонъ увѣрялъ, что созерцаніе земной красоты возвышаетъ душу до жажды небесной; здѣсь явленіе прямо обратное,—и отъ духовнаго сліянія святыхъ братьевъ и сестеръ путь не очень далекъ и до тѣлеснаго сліянія, какъ это превосходно и доказываютъ паломничества; часы молитвы превращаются здѣсь въ часы любовныхъ свиданій, а столь излюбленныя всенощныя бдѣнія оказывались наиболѣе гибельными для нравственности. Всѣ святые конвульсіонеры были, можно сказать въ переводѣ на медицинскій языкъ, эпилептики,—какъ мужчины, такъ и женщины.

«Въ протестантскихъ странахъ совершенно не знаютъ того проникновеннаго католическаго взгляда женскихъ глазъ, въ которомъ столько соблазнительнаго и для меня, грѣшнаго,—и, конечно, гораздо правильнѣе различать обѣ родственныя религіи именно по этому взгляду, чѣмъ по способу падать на колѣни, влекущему за собой безъ труда и другія паденія. Внутренній взоръ всякаго фанатика сильно тяготѣетъ обыкновенно къ женщинѣ, какъ ножки циркуля къ центру, и возвышенныя убѣжденія сочетаются большей частью съ низменными нравами. Всѣ вдохновенные мечтатели были всегда любителями наготы, какъ это доказываютъ адамисты, пикары, Іоаннъ Лейденскій; существовавшее у нихъ нравственное правило, согласно которому внѣшній человѣкъ можетъ дѣлать, не согрѣшая, что угодно, если только внутренній человѣкъ не принимаетъ въ этомъ участія—было очень удобно; о томъ-же, чтобы церковь была такъ устроена, чтобы оба пола могли видѣть только проповѣдника, но другъ друга видѣть не могли—объ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, не думалъ никто. Уэсли, основатель секты методистовъ, разошелся съ Цинцендорфомъ, основателемъ колоніи моравскихъ братьевъ (такъ наз. гернгутеровъ) за то, что послѣдній считалъ возможнымъ совмѣстить нѣкоторое рыцарство къ женщинамъ съ христіанской вѣрой,—но къ чему приводили эти ночныя собранія подъ открытымъ небомъ, начинавшіяся благоговѣйнымъ настроеніемъ и молитвенными вздохами и кончавшіяся конвульсіями и обнаженными во время ихъ тѣлами?

«Монахи нерѣдко сосредоточиваютъ всѣ помыслы на Іисусѣ такъ экзальтированно, что у нихъ кровь идетъ носомъ,—а здоровые и крѣпкіе братья сознавались, что среди божественнаго восторга они часто испытываютъ немощность въ высшей степени

тѣлесную. Одна пророчица переставала вѣщать и приходить въ небесный экстазъ, когда она состояла въ замужествѣ, а герцогъ Ришелье, желая выиграть пари, занялся однажды одной старой богомолкой и довелъ ее до послѣдней точки, такъ что она воскликнула: «Ah, je me damne pour vous!» (я пойду для васъ на вѣчную муку); тогда онъ схатилъ шляпу и палку и убѣжалъ со словами: «Et moi, je me sauve!» (а я спасусь — бѣгствомъ). Вполнѣ естественно, что старыя грѣховодницы должны стать въ концѣ-концовъ святыми богомолками. При веселомъ дворѣ Карла II англійскаго никогда не было того безпутства и той низменной порочности, какими отличался ханжески-благочестивый дворъ Людовиковъ XIV и XV, гдѣ считалось вполнѣ приличнымъ держать въ одной рукѣ четки, а въ другой — изображеніе Пріапа».

Существуетъ, какъ извѣстно, убѣжденіе, что jus primae noctis практиковалось помѣщиками при вступленіи въ бракъ ихъ крѣпостныхъ людей еще и во время среднихъ вѣковъ; нѣкоторые утверждаютъ даже, что въ Сициліи оно оставалось въ силѣ даже въ XVIII столѣтіи. Въ новѣйшее время нѣкоторые изслѣдователи пытались опровергнуть правильность этого утвержденія *), но особенной убѣдительностью эти опроверженія не отличаются. Вильгельмъ Рудекъ **) говоритъ о найденныхъ имъ въ германскомъ государственномъ архивѣ двухъ документахъ, свидѣтельствующихъ о сохраненіи за собою нѣмецкими баронами этого jus primae noctis. Названный нами выше изслѣдователь старается обезцѣнить эти два документа, доказывая, что ихъ слѣ-

*) *Karl Schmidt*. Jus primae noctis, 1881.

**) „Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Deutschland", 1897.

дуетъ разсматривать, какъ шутливую форму напоминанія крестьянину о точномъ исполненіи установленнаго за право вступленія въ бракъ выкупного дара барону, какъ знака своей крѣпостной зависимости. Мнѣ лично кажется это толкованіе безусловно неубѣдительнымъ, и я думаю, что упомянутые два документа дѣйствительно свидѣтельствуютъ о юридическомъ и фактическомъ существованіи въ то время за помѣщикомъ права первой ночи. Какъ ни чудовищнымъ представляется это право на нашъ взглядъ, — не слѣдуетъ забывать, однако, что мы не имѣемъ основанія считать свои современныя моральныя понятія такой нормой для всѣхъ временъ, которая существовала и будетъ существовать вѣчно и неизмѣнно.

Многіе изслѣдователи находятъ подтвержденіе былому существованію jus primae noctis и въ томъ интересномъ фактѣ, что выкупы за право вступленія въ бракъ крѣпостныхъ, практиковавшіеся въ болѣе поздніе эпохи, носятъ въ самыхъ названіяхъ своихъ намеки на эту сторону отношеній. Названія эти безконечно различны въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, но почти всѣ они заключаютъ намекъ на выкупъ за право вступленія въ супружество («монета дѣвственности», «выкупъ рубашки» или «передника», «дѣвичій процентъ» и т. под.).

Убѣжденія во всеобщемъ распространеніи jus primae noctis держатся писатели различныхъ направленій. Бебель, напримѣръ, говоритъ: «Въ сочиненіи Зугенгейма объ отмѣнѣ въ Европѣ рабства и крѣпостной зависимости, происхожденіе jus primae noctis, какъ права помѣщика, объясняется тѣмъ, что онъ долженъ былъ давать свое согласіе на вступленіе въ бракъ своихъ крѣпостныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это право создало собою новое, согласно которому всѣ перворожденныя дѣти такихъ браковъ,

при которыхъ было осуществлено jus primae noctis, принадлежали къ свободному сословію. Впослѣдствіи это право было замѣнено налогомъ. Упорнѣе всѣхъ отстаивали этотъ налогъ, по свидѣтельству Зугенгейма, епископы Амьена—до самаго начала XV сто-лѣтія. Въ Шотландіи замѣна этого права налогомъ была введена королемъ Малькольмомъ III къ концу XI столѣтія. Въ Германіи же это право сохранилось еще гораздо дольше. Согласно росписи одного швабскаго монастыря отъ 1496 года, крѣпостное население Бертлингена обязано было выкупомъ за отмѣну этого права въ такой формѣ: женихъ обязанъ былъ доставить мѣру соли, а невѣста—денежную сумму и сковороду такого размѣра «чтобы на ней могло помѣститься сидѣнье» невѣсты.. По свидѣтельству Вельша, совѣтника высшаго судебнаго учрежденія Баваріи, обязанность взноса выкупа за отмѣну jus primae noctis сохранялась въ Баваріи еще въ XVIII столѣтіи. Энгельсъ разсказываетъ (въ книгѣ «Происхожденіе семьи»), что въ Валлисѣ и Шотландіи право первой ночи оставалось въ силѣ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, съ той только разницей, что здѣсь, при существованіи языческой организаціи, право это осуществлялось (если не откупалось) не помѣщикомъ или его представителемъ, а главою клана, какъ послѣднимъ представителемъ существовавшаго ранѣе общиннаго брака.

«Такимъ образомъ, никакому сомнѣнію не подлежитъ, что такъ называемое право первой ночи существовало не только въ теченіе всего средневѣковья, но даже до новѣйшаго времени и играло свою роль въ кодексѣ феодальнаго права. Въ Польшѣ дворяне присваивали себѣ право лишать невинности всякую дѣвушку, которая имъ нравилась, и тотъ, кто вздумалъ бы жаловаться, наказывался 100 ударами палками. Что принесеніе дѣвической чести въ жертву

помѣщикамъ и ихъ чиновникамъ является еще и донынѣ въ деревняхъ совершенно естественнымъ дѣломъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ знатоки-изслѣдователи не только въ отношеніи Германіи, но и всей Восточной и Юго-Восточной Европы».

Какъ ни правдоподобно существованіе такого насилія, въ Германіи оно тѣмъ не менѣе едва-ли наблюдается, такъ какъ тутъ издавна была допущена возможность выкупа и не очень обременительнаго. Обращаемъ вниманіе также и то, что среди безчисленнаго множества различныхъ жалобъ на помѣщиковъ со стороны крестьянства совсѣмъ не встрѣчается жалобъ на осуществленіе этого «права», между тѣмъ какъ это явленіе должно было-бы больше всего возбуждать негодованіе и возмущеніе.

Бебель и другіе писатели социалъ-демократы смотрятъ, вмѣстѣ съ Энгельсомъ, на происхожденіе этого права не какъ на послѣдствіе помѣщичьей власти, а какъ на «пережитокъ обычая, связаннаго съ эпохой материнскаго права, когда всѣ женщины были женами своего клана. Съ исчезновеніемъ древней семейной организаціи сохранился этотъ обычай въ формѣ предоставленія невѣсты мужской части общины. Но съ теченіемъ времени право это ограничивалось и было, наконецъ, перенесено на начальника племени или на священнослужителя, какъ исполнителя религіознаго акта. Феодальный владѣлецъ перенесъ это право на себя, какъ осуществленіе власти надъ личностью, составляющей часть принадлежащей ему земельной собственности,—и либо осуществляетъ это право, либо уступаетъ его взамѣнъ натуральной или денежной повинности».

Если такова была дѣйствительно исторія вопроса, что представляется пока недоказаннымъ, то происхожденіе этого грубаго насилія было бы, по крайней

мѣрѣ, болѣе нравственно. Что же касается несомнѣнности существованія въ былое время самаго «права» первой ночи, то оно достаточно подтверждается той огромностью власти помѣщика, тѣмъ произволомъ, съ какимъ онъ распоряжался—и во времена не очень отдаленныя отъ насъ—своими крѣпостными.

Мы подошли къ самому надлежащему моменту для разсмотрѣнія образованія и развитія брака, этой основы человѣческаго общества. Мы разсмотримъ этотъ институтъ болѣе или менѣе подробно, но оставимъ при этомъ въ сторонѣ обсужденіе неспорнаго вопроса о томъ, склонно-ли человѣчество отъ природы къ моногаміи или къ полигаміи.

«Бракъ есть основаніе и вершина всей культуры», говоритъ Гете, выражая этими немногими словами самымъ краснорѣчивымъ образомъ всю важность этого института. Человѣчество прошло значительное разстояніе по пути своего культурнаго развитія, пока достигло господствующей въ настоящее время формы брака. Первые шаги этого пути не поддаются нашему точному изслѣдованію; мы не знаемъ даже того, существовала-ли у вида homo sapiens, какъ его назвалъ Линней, въ его первобытномъ состояніи, моногамическая, полигамическая или поліандрическая форма брака. Ближайшіе родственники наши, обезьяны, не даютъ намъ достаточныхъ данныхъ для сужденія объ этомъ, такъ какъ нѣкоторые виды ихъ живутъ въ полигаміи, другіе—въ моногаміи. Точно также изученіе этого вопроса у прежнихъ и нынѣшнихъ народовъ, пребывающихъ въ первобытномъ состояніи не даетъ никакихъ надежныхъ признаковъ, такъ какъ мы находимъ у нихъ и единобрачіе, и многоженство, и многомужство (какъ напримѣръ, у индійскаго племени Тодовъ) одинаково распространенными и каждое изъ этихъ состояній

зависѣло, вѣроятно, отъ сравнительнаго количества индивидовъ того и другого пола. Въ общемъ же это количество должно было быть и въ минувшія времена, какъ и въ настоящее время, приблизительно одинаково; большей частью замѣчается даже перевѣсъ числа мужской рождаемости. Но и смертность зато среди мужского пола бо̀льшая, чѣмъ среди женскаго, такъ что въ концѣ концовъ мужское населеніе почти всюду незначительно превосходитъ женское. Этотъ фактъ позволяетъ, во всякомъ случаѣ, сдѣлать заключеніе, что для человѣка естественно единобрачіе, хотя бы нѣкоторыя физіологическія и подобныя данныя и противорѣчили этому. Несомнѣнно еще и то, что единобрачіе—не означаетъ еще связи на всю жизнь, которая была выдвинута уже съ прогрессомъ культуры, какъ нравственный завѣтъ.

Очень остроумно, хотя и не вполнѣ исчерпывающе, излагаетъ профессоръ Колеръ въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ «Zukunft» за 1894 годъ, различныя формы брака:

«Съ современной точки зрѣнія, на взглядъ всѣхъ насъ, живущихъ въ предѣлахъ европейской культуры, нѣтъ ничего страннѣе и удивительнѣе общиннаго брака. Какъ,—*общинный* бракъ? Да, такой бракъ, въ которомъ не одинъ какой-нибудь индивидуумъ беретъ себѣ въ супруги другого, не самецъ самку, а одно племя—другое племя; а такъ какъ въ каждомъ племени существуютъ, конечно, самки и самцы, то браки заключаются перекрестно,—мужчины изъ племени А берутъ себѣ женщинъ племени В и обратно. Это обстоятельство и влечетъ за собой оригинальныя отношенія. Не отдѣльные мужчина и женщина, а племя является отцомъ и матерью, ребенокъ есть нѣкоторымъ образомъ «дочь полка», всѣ дѣти племени—братья и сестры между собой и господа изъ племени. А разсматриваютъ

всѣхъ дамъ племени В безъ различія, какъ своихъ женъ и супругъ. Въ концѣ концовъ случается такъ, что братъ матери приходится свекромъ самому себѣ и возникаютъ такія изумительныя картины родства, которыя мы въ потѣ лица едва изобразимъ на бумагѣ, между тѣмъ какъ австралійскому негру онѣ представляются вполнѣ естественными, такъ какъ онъ росъ съ ними.

«Но все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, даже племенной бракъ; онъ попадаетъ въ лоно забвенія и возникаетъ единый бракъ; не то, чтобы одинъ мужчина имѣлъ для супружества одну женщину,— это не обязательно: одинъ мужчина можетъ имѣть одну или нѣсколько женъ, одна женщина—одного или нѣсколько мужей, но все-таки бракъ становится индивидуальнымъ, каждый или каждая берутъ себѣ опредѣленныхъ супруговъ.

«Но вотъ и полигамія! Она очень распространена на земномъ шарѣ. Правда, она какъ всякая роскошь, не всѣмъ доступна: бѣдный человѣкъ, у котораго только одно платье, можетъ имѣть и жену только одну; но зато богачъ, но зато начальникъ! Были даже нѣкоторые философы, толковавшіе о естественной, прирожденной склонности мужчинъ къ полигаміи—этотъ отвратительный Шопенгауэръ!

«Бываютъ, однако, и въ полигаміи различныя формы. Такъ напримѣръ, китайская полигамія признаетъ одну главную жену и нѣсколько побочныхъ; главная жена является здѣсь госпожей и хозяйкой дома, а побочныя—лучшей домашней и комнатной прислугой. Картина не очень утѣшительная, но все честь-честью, въ домѣ все-таки царитъ покой и порядокъ. Другая форма полигаміи та, которую признаетъ исламъ: при ней всѣ (четыре) жены пользуются совершенно одинаковыми правами...

«Есть еще, затѣмъ, и такіе народы, у которыхъ

жена, наоборотъ, имѣетъ нѣсколькихъ мужей; такой порядокъ существовалъ прежде на островѣ Чудесъ, на Цейлонѣ, — а втайнѣ существуетъ навѣрное и понынѣ. Живутъ на свѣтѣ и такіе народы, у которыхъ жены мѣняютъ мужей черезъ каждыя нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ,—какъ напримѣръ, наиры на югозападномъ индійскомъ побережьи...

«Но и это еще не все, есть и еще замѣчательныя явленія. Бракъ, основанный на материнскомъ правѣ, пришелся нѣкоторымъ женщинамъ очень по вкусу, и вотъ нѣкоторыя изъ нихъ пожелали ввести снова такой бракъ, причемъ обѣщали мужскому населенію, что будутъ обращаться съ ними съ наивозможной добротой. Дѣло то въ томъ, что при господствѣ материнскаго права жена—все, а мужъ—ничто. Дѣти принадлежатъ женѣ и мужа совершенно не касаются, жена составляетъ со своимъ братомъ домашній союзъ и братъ нѣжнѣйшимъ образомъ относится къ ея дѣтямъ; наслѣдственное право переходитъ не на сына отъ отца, а на племянника отъ дяди. При этомъ женщина пользуется исключительно почетнымъ положеніемъ и на воспитаніе дѣтей распространяются ея преимущественныя права.

«Но всемірная исторія рѣшила иначе, она перехитрила и покорила себѣ материнское право. Мужчины больше не захотѣли такихъ порядковъ, они начали умыкать, похищать и пріобрѣтать себѣ куплею женъ, начали превращать ихъ въ служанокъ и рабынь, и вотъ господиномъ въ домѣ сталъ мужчина—и препорядочнымъ тираномъ. Плохія наступили времена для дамъ, дни скорби и подчиненности; ибо господа мужчины были тогда не очень внимательны и обязательны. Нерѣдко случалось тогда, что мужъ даже продавалъ свою жену,—а

послѣ его смерти она переходила по наслѣдству, какъ вещь, къ брату мужа или къ пасынку, пока съ теченіемъ времени ея семейству разрѣшалось выкупить ее.

«У нѣкоторыхъ народовъ разрѣшается вступать въ бракъ по желанію,—на основаніи материнскаго или отцовскаго права. Само собою разумѣется, мужчинѣ гораздо пріятнѣе жениться на отцовскомъ правѣ, но это не такъ просто: жена желаетъ въ такомъ случаѣ, чтобы ее купили и стоитъ она цѣлое состояніе,—или требуется, чтобы мужъ отслужилъ за нее нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ ничего этого не требуется, если онъ согласится на материнское право,—но вѣдь это какъ кому. Тогда онъ впрягается цѣликомъ въ домъ своей жены, лишенный правъ, лишенный состоянія и вынужденный отречься даже отъ своего честнаго имени. Эта форма брака сохранилась особенно въ тѣхъ семьяхъ, въ которыхъ дочь является наслѣдницей, гдѣ нѣтъ сыновей и потому дочь должна продолжать свою семью и свое имя...

«Существуютъ еще нѣкоторыя формы брака до того изумительныя, что только услышавъ про нихъ, современный человѣкъ не можетъ не вскрикнуть отъ удивленія. Таковъ бракъ съ растеніями... да, бракъ съ растеніями: вѣнчаются, напримѣръ, съ пальмой, или съ какимъ-нибудь цвѣткомъ, или съ букетомъ цвѣтовъ. И такія вещи происходятъ въ Индіи. Заключается бракъ со всею подобающей пышностью. Женщина, вступившая въ такой бракъ, больше не имѣетъ уже права выходить замужъ; такъ и случается, что дѣвушка становится и остается старой дѣвой. Обыкновенно, впрочемъ, такіе браки съ растеніями бываютъ непродолжительны: растеніе убиваютъ и заключившій этотъ бракъ считается овдовѣвшимъ.

«Причины бываютъ различны, по которымъ заключается такой диковинный бракъ. Младшая дочь не можетъ выйти замужъ раньше старшей; какъ же быть, если старшую никто не сватаетъ? Тогда она должна избрать себѣ въ суженые растеніе, но это должно быть отпраздновано торжественно, иначе младшая можетъ зачахнуть, не получивъ права увѣнчать свою любовь. Или же кто-нибудь хочетъ жениться въ третій разъ; это не годится: духи относятся враждебно къ третьему браку. Тогда онъ вступаетъ въ третій бракъ съ какимъ-нибудь деревцомъ, а затѣмъ срубаетъ это деревцо. Тогда уже ему предстоитъ четвертый бракъ,—это уже ничего, это можно: пропасть третьяго брака перепрыгнута»...

Въ моногамическомъ бракѣ первобытныхъ народовъ мы находимъ двѣ главныя формы: эндогамію когда жена выбирается изъ среды своего же рода или племени, и экзогамію, когда она принадлежитъ къ другому роду или племени. Форма брака нашего культурнаго общества есть единобрачіе, несмотря на всѣ уклоненія или излишества, которыя позволяютъ себѣ въ бракѣ тѣ или иныя отдѣльныя личности. Но эта форма удовлетворяетъ далеко не всякое направленіе. Соціалъ-демократы, напримѣръ, смотрятъ на современный бракъ, какъ на главный оплотъ враждебнаго имъ общественнаго строя. «Единобрачіе,—говоритъ Бебель,—сдѣлалось съ самаго начала предметомъ матеріальной спекуляціи». Нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе Бебеля, Густавъ Фрейтагъ писалъ въ своихъ картинахъ прошлаго Германіи: «Искренности германскихъ браковъ нисколько не вредило то, что они съ незапамятныхъ временъ являлись часто семейнымъ договоромъ, заключаемымъ въ интересахъ двухъ поколѣній».

Осыпаютъ проклятіями нашъ современный бракъ и защитники женскаго равноправія. Немножко без-

характерный, хотя и очень почтенный и уважаемый Джонъ Стюартъ Милль восклицаетъ: «Единственная настоящая крѣпостная зависимость, какую только знаетъ законъ—это бракъ».

Небезъинтересныя явленія отмѣчаютъ изслѣдователи по вопросу брака въ средніе вѣка и послѣдовавшія затѣмъ эпохи. Цитированный нами выше Фрейтагъ сообщаетъ:

«Обѣтъ безбрачія давался тогда, какъ извѣстно, только монастырскими братьями, а не церковнымъ духовенствомъ, среди котораго встрѣчалось тогда много женатыхъ. Монахи же устраивались съ этимъ обѣтомъ сообразно господствовавшей тогда монастырской дисциплинѣ и вкусамъ эпохи; о совершенномъ отреченіи отъ женской красоты не было, во всякомъ случаѣ, рѣчи. Въ 900 году пріѣхалъ изъ Сентъ-Галлена художникъ Туотило въ Майнцъ, въ Сентъ-Албанскій монастырь во время сбора винограда; заѣхавъ въ монастырскую гостиницу, онъ засталъ тамъ на мѣстѣ преступленія одного монаха въ веселомъ времяпрепровожденіи съ монастырской экономкой. Вырвавъ у него изъ рукъ кнутъ, онъ началъ хлестать его имъ по спинѣ, приговаривая: «Это посылаетъ тебѣ св. Галленъ, братъ св. Албана».

Порой мы видимъ, какъ упорный церковный фанатизмъ возстаетъ противъ естественнаго назначенія женщины, причемъ узаконенный эротизмъ, если можно такъ назвать это, все же предъявляетъ и осуществляетъ свои права, хотя и въ извращенныхъ и развращающихъ формахъ. «Не одна молодая дѣвушка знаменитыхъ фамилій отрекалась, будучи помолвленной, отъ своего жениха, чтобы предпочесть брачное ложе со своимъ небеснымъ женихомъ—Христомъ, такъ какъ посвятившая себя Богу дѣвушка представляла себѣ свои отношенія къ царю небесному по-женски: какъ помолвку съ обожаемымъ

Господомъ; а фантазія была еще въ X вѣкѣ способна рисовать себѣ небесные восторги этого союза въ видѣ поцѣлуевъ, объятій, ложа—порой въ видѣ такихъ подробностей, которыя производятъ на насъ отталкивающее впечатлѣніе». (Фрейтагъ).

Даже къ самому браку предъявлялись порой требованія строгаго идеализма, которыя иногда и удовлетворялись. Жили однажды въ Арверѣ юноша и дѣвушка, единственныя дѣти у своихъ родителей. Они вступили въ бракъ и въ брачную ночь молодой мужъ далъ клятву воздержанія своей плачущей женѣ и клятву эту сдержалъ. Когда дѣвственная супруга его умерла и мужъ надъ трупомъ ея въ присутствіи всего народа возносилъ благодаренія Господу своему Іисусу Христу за то, что сумѣлъ возвратить небесамъ нетронутымъ довѣренное ему сокровище, умершая стыдливо улыбнулась и изъ устъ ея прозвучали слова: «Зачѣмъ ты болтаешь, кто спрашиваетъ тебя»? (Ebda). «Не менѣе вредное вліяніе на бракъ оказывало знакомство съ романскими обычаями. Всюду, гдѣ древне-римская жизнь смѣшалась съ германскимъ укладомъ—въ Италіи, во Франціи, въ Испаніи,—искренность и чистота брака во всѣ вѣка оказывалась слабѣе и чаще бывали случаи измѣны браку со стороны женщинъ». (Ebda).

У древнихъ германцевъ заключеніе брака было чисто гражданскимъ актомъ и «только въ XIV столѣтіи начало считаться неприличнымъ въ высшихъ кругахъ обходиться безъ благословенія духовнаго лица. Еще въ XV столѣтіи возможны были случаи, когда крестьяне подымали на смѣхъ священника, если онъ требовалъ, послѣ вѣнчанія въ тѣсномъ кругу, церковнаго оглашенія на случай могущихъ обнаружиться препятствій. Крестьяне восклицали со смѣхомъ: «Еще раньше, чѣмъ родились монахи и попы, бракъ уже существовалъ!» Только Тридент-

скій соборъ, длившійся очень долго (1545 — 1563), сдѣлалъ обязательнымъ для католиковъ тѣ исключительныя формы заключенія брака, вплоть до обязательнаго гражданскаго брака или, точнѣе сказать, гражданскаго вѣнчанія. Протестантская же церковь такъ и не выработала окончательныхъ формъ заключенія брака,—и это обнаруживается неизмѣнно въ ея колебаніяхъ.

«Лютеръ объявилъ бракъ дѣломъ свѣтскимъ. Совершеніе брака должно было подлежать обрядамъ, предначертаннымъ свѣтской властью, и брачное право—государственному судебному вѣдомству. Лютеру тѣмъ легче было установить это, что въ его время владѣтельные князья были въ то же время и духовными начальниками въ своихъ владѣніяхъ, такъ что было совершенно безразлично, совершитъ ли князь свѣтское бракосочетаніе, какъ отецъ страны, по свѣтскимъ законамъ, или церковное, какъ епископъ, по церковнымъ предначертаніямъ. Но изъ соображеній практическихъ и религіозныхъ протестантское государство также сочло нужнымъ сохранить церковное бракосочетаніе. А церковныя установленія, которыя были въ дѣйствительности не чѣмъ инымъ, какъ законами свѣтской государственной власти, требовали церковнаго бракосочетанія послѣ предварительнаго оглашенія. Такимъ образомъ, католическія установленія стали примѣняться и въ протестантскихъ государствахъ, хотя исполнялось во имя государства то, чего требовала церковь во имя таинства» *).

Характерной подробностью древне-германскаго бракосочетанія является обрядъ «прыжка въ постель», послѣ совершенія котораго только и могъ считаться бракъ законнымъ и дѣйствительнымъ.

*) Вильгельмъ Рудекъ, цитир. соч.

Вечеромъ свадебнаго дня женихъ и невѣста уводились родными и близкими (а иногда и въ сопровожденіи всѣхъ свадебныхъ гостей) въ брачный покой, гдѣ обоихъ раздѣвали и передавали невѣсту новобрачному. Послѣ этого оба ложились на брачное ложе и ихъ укрывали однимъ общимъ одѣяломъ; послѣ этого обрядъ брака считался совершеннымъ. Нѣсколько позднѣе, въ средніе вѣка, этотъ обрядъ сохранился съ той только разницей, что новобрачные укладывались въ полномъ туалетѣ, не разоблачаясь.

Въ высшемъ кругу этотъ обрядъ, какъ символическій обычай, сохранился еще надолго и послѣ введенія церковнаго вѣнчанія. Придворныя дамы южанки были крайне скандализованы, когда императоръ Фридрихъ III, вступивъ въ бракъ съ Элеонорой Португальской, торжественно совершилъ на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ этотъ обрядъ.

Старинные обычаи вообще пристрастны къ символамъ и заключаютъ въ себѣ часто грубые намеки и образы. Какъ извѣстно, у древнихъ германцевъ, при принесеніи присяги или клятвы, женщина должна была приложить руку къ груди, а мужчина—къ тому мѣсту брюкъ, гдѣ они застегиваются. Согласно древнему закону въ Валлиссѣ, беременная женщина, подававшая жалобу на человѣка, обольстившаго или изнасиловавшаго ее, должна была подтвердить свое обвиненіе клятвой, во время которой должна была взяться правой рукой за распятіе, а лѣвой, обратившись къ обвиняемому, за membrum viri, jurardo se stuprum passam esse de ipso membro.

По древне-германскому закону дѣвушка, подвергшаяся похищенію и опозоренію, могла претендовать на приданое, только выйдя съ честью изъ слѣдующаго испытанія: она должна была сумѣть удержать

быка за выбритый и намыленный хвостъ. Въ Уэльсѣ виновный въ растлѣніи женщины приговаривался къ уплатѣ столькихъ шиллинговъ, сколько должно было понадобиться, чтобъ прикрыть всю заднюю часть ея тѣла. Въ древней Англіи вдова, незаконно забеременѣвшая, обязана была явиться въ судъ, сидя верхомъ на козлѣ и держась за его хвостъ рукой, и произнести слѣдующіе изящные стихи:

Here I am
Riding upon a blak ram,
Like a whore as I am,
And for my Crincum Crancum
Have lost my Bincum Bancum,
And with this tail's game
Have done this worldly schame.
Therefore I pray you M. Stewart!
Let me have my land again.

Въ Германіи случалось, что виновнаго въ нарушеніи супружеской вѣрности приговаривали къ оригинальному наказанію: его водили по всѣмъ улицамъ за провинившуюся часть тѣла («by synem Ding»). При феодальной системѣ встрѣчалось также не мало курьезныхъ приговоровъ: одинъ феодальный владѣтель, напримѣръ, былъ присужденъ къ тому, чтобы отпраздновать свою брачную ночь на деревѣ.

Что касается непристойностей, бывшихъ нѣкогда въ большомъ ходу, мы предоставимъ слово старику Веберъ-Демокриту: «Сальности и шутливое сквернословіе по поговоркѣ «языкъ безъ костей», замѣняли въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ у князей и высокопоставленныхъ лицъ остроуміе,—они находили только наивнымъ то, что кажется намъ непристойнымъ. Въ саксонскомъ сводѣ законовъ XIII столѣтія для означенія зрѣлости мужчины приводится подробный перечень признаковъ: говорится о «юношѣ, уже имѣющемъ волосы на бородѣ и ниже

живота и подмышками обѣихъ рукъ, слѣдовательно, достигшемъ зрѣлаго возраста». Раввины опредѣляютъ безъ стѣсненія возрастъ, въ которомъ оба пола подлежатъ исполненію всѣхъ законовъ, по такому признаку: «едва у нихъ появилось два волоса—не на верхней бородѣ, а (прибавляютъ они изъ тонкаго приличія) на нижней». Раввинъ Іуда присваиваетъ даже терминъ «a quo an» тогда, «когда чернаго становится больше, чѣмъ бѣлаго».

Въ средніе вѣка названія и формы кондитерскихъ издѣлій отличались крайнимъ безстыдствомъ—кое-что возможно угадать по сохранившимся еще и теперь нѣкоторымъ формамъ. Фигуры на бокалахъ—изъ которыхъ пили не только въ холостомъ обществѣ, но и въ обществѣ дамъ и дѣвицъ и за ихъ здоровье, были порой изумительно откровенны,—въ родѣ тѣхъ, которые были за столомъ короля Филиппа Бургундскаго: красивая нагая женщина изъ золота, превосходно исполненная, державшая чашу съ лучшимъ бургундскимъ виномъ, которою она пользуется, какъ ночнымъ сосудомъ.

Али восклицаетъ надъ трупомъ Магомета, которому приписывалось обладаніе силой тридцати мужчинъ (въ виду чего онъ, по совѣсти, заслуживаетъ, чтобъ ему простили кое-что такое, чего не было у Христа и его учениковъ—пророкъ могъ in una hora undecim feminis satisfacere!)—съ глубочайшей скорбью восклицаетъ Али: «O propheta certe penis tuus coelum versus erectus est!» Необыкновенно комичны бываютъ святые отцы церкви, когда въ чистомъ порывѣ святого энтузіазма они выбиваются изъ силъ, прославляя дѣвственность или называя какъ Тертулліанъ, публичные дома «elegantissim Consistoria libidinum publicarum».

Намъ остается еще сказать въ этой главѣ нѣсколько словъ о любовныхъ сообществахъ и круж-

кахъ, которые слывутъ, порой совершенно незаслуженно, исчадіемъ разврата,—чѣмъ то въ родѣ особой разновидности проституціи. Родиной этихъ любовныхъ кружковъ въ средніе вѣка (эпохой ихъ процвѣтанія было время между XI и XIII столѣтіями) была Южная Франція, хотя легенда пріурочиваетъ ихъ возникновеніе къ королю Артуру, герою ордена Рыцарей Круглаго Стола. По крайней мѣрѣ, ни въ какой другой странѣ мы не находимъ такихъ кружковъ, даже въ Италіи, и всѣ ихъ установленія и всѣ пріемы свидѣтельствуютъ объ ихъ галльскомъ происхожденіи. Въ основѣ ихъ лежала не любовь въ собственномъ смыслѣ слова, а высшее поклоненіе, рыцарское обожаніе женщины—«Minne», какъ эта называлось въ странѣ миннезенгеровъ, пѣвцовъ красоты и любви.

Уставъ, существовавшій для всѣхъ кружковъ такого рода—миѳическаго происхожденія—состоялъ изъ отдѣльныхъ сентенцій, которыхъ было 31 и въ которыхъ не было ни намека, ни тѣни неприличія. Приведемъ нѣсколько изъ нихъ. «Бракъ—недостаточное оправданіе неучастія въ кружкахъ». «Кто не умѣетъ скрывать и умалчивать, тотъ не годится въ рыцари любви». «Нельзя быть по принужденію рыцаремъ любви». «Новый предметъ рыцарскаго поклоненія вытѣсняетъ старый». «Любовь не можетъ быть насыщена любовью». «Кто не хочетъ цѣломудрія и ищетъ сладострастія, тотъ не можетъ быть рыцаремъ любви».

Кромѣ устава, существовали еще Тринадцать Заповѣдей, обязательныхъ для рыцарей любви, изъ которыхъ до насъ дошли только двѣнадцать. Вотъ они:

«Бѣги отъ алчности, какъ отъ чумы, и держись ея противоположности.—Избѣгай всякой лжи.—Не злословь.—Не выбалтывай тайнъ рыцарской

любви.—Пользуйся при писаніи любовныхъ писемъ услугами немногихъ писцовъ.—Не вреди сознательно чужой любви.—Не дари рыцарской любовью той, на которой ты не рѣшился бы жениться.—Повинуйся всегда приказаніямъ дамъ.—Будь всегда готовъ къ услугамъ своей любви.—Будь всегда благонравенъ и учтивъ.—Не преступай никогда въ своей любви воли предмета своей любви.—Спутниками любви и отвѣтной любви да будутъ всегда стыдливость и скромность». Тринадцатая заповѣдь, какъ уже было сказано, не сохранилась; но безъ сомнѣнія, въ ней шла рѣчь о чемъ-нибудь подобномъ предыдущему.

Изъ такихъ любовныхъ сообществъ намъ извѣстно около 12, число членовъ которыхъ колеблется между 10 и 60. Наибольшей извѣстностью пользовались: кружокъ графини Эрменгарды Нарбоннской, графини Шампанской и королевы Элеоноры, супруги Людовика VII. Первоначально членами кружковъ любви были, повидимому, только дамы, потомъ въ члены поступали и кавалеры, рыцари, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занимали должности предсѣдателей, Prince d'amour, какъ ихъ называли. Невинная забава, бывшая первоначально единственной цѣлью этихъ собраній, превратилась однако впослѣдствіи въ настоящее судилище, налагавшее порой жестокія наказанія на личность и имущество виновныхъ.

Приведемъ нѣкоторыя изъ рѣшеній этихъ кружковъ.

Вопросъ о томъ, какая склонность сильнѣе—та, которая связываетъ двухъ лицъ въ рыцарской любви, или та, которая связываетъ супруговъ,—былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что эти два чувства не могутъ быть сравниваемы, такъ какъ они коренным образомъ различны. Одинъ мужъ доби-

вался права рыцарской любви отъ своей разведенной жены. Собраніе признало, что рыцарская любовь между разведенными супругами допустима и никоимъ образомъ моральное чувство не оскорбляетъ.

Вопросъ о томъ, какіе подарки могутъ принимать другъ отъ друга члены кружковъ любви, былъ такимъ образомъ рѣшенъ графиней Шампанской: украшенія для волосъ, ленты, золотыя и серебрянныя діадемы, пряжки, зеркала, пояса, ридикюли, перчатки, гребни, кольца, вазы, туалетныя воды,—словомъ, все, что не слишкомъ драгоцѣнно, что служитъ для украшенія тѣла и для памяти. Полученное въ подарокъ кольцо слѣдуетъ носить на мизинцѣ лѣвой руки и камнемъ внутрь, обращеннымъ къ ладонной сторонѣ руки.

Германцы.

ГЛАВА I.

Древніе германцы.—Скандинавы.—Данія.—Норвегія.—Копенгагенъ.—Швеція.—Христіанія—Стокгольмъ.—Владычество бургундовъ.—Монастырь Магдалины.—Супружеская невѣрность.—Наказанія.—Игорные дома.—Владычество французовъ.—Тихіе дома.—Убѣжище Стенбеккъ.—Борьба съ проституціей.—Состояніе публичныхъ домовъ.—Личная свобода.—Циркуляры.—Постановленія и полицейскія распоряженія.

Свѣдѣнія, дошедшія до насъ о жизни древнихъ германцевъ, довольно скудны; они ограничиваются почти исключительно тѣмъ, что мы находимъ у Тацита въ его «Германіи»; кой-какія мѣста, касающіяся занимающаго насъ вопроса, мы и позаимствуемъ изъ этого труда.

«Одежда женщинъ отличалась отъ одежды мужчинъ только тѣмъ, что онѣ чаще одѣвались въ полотняныя ткани, украшая ихъ пурпурно-красными полосками и рукавовъ совсѣмъ не носили. Вся рука по самое плечо, а также шея и верхняя часть груди оставались обнаженными.

«Отношеніе къ браку было самое строгое и нравственность ихъ заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ всяческой похвалы. Германцы были среди варваровъ почти единственнымъ народомъ, довольствовавшимися въ бракѣ одной женой; встрѣчались, правда, изрѣдка

исключенія среди дворянства, когда женъ имѣли нѣсколько, но дѣлалось это не изъ чувственныхъ побужденій, а изъ соображеній расширенія знатнаго рода. Приданое приносилось не женою мужу, а мужемъ женѣ. Родители и родственники, дѣлавшіе подарки новобрачнымъ, выбирали для нихъ не бездѣлушки, не предметы для украшеній, а солидныя и полезныя вещи: скотъ, взнузданную лошадь, щитъ. Такіе же предметы приноситъ въ даръ и женихъ, получая жену, а она въ свою очередь даритъ мужу оружіе.

«На всѣ подобные предметы они смотрѣли, какъ на самую крѣпкую и таинственную связь для супруговъ, какъ на боговъ брачнаго союза. Символическій смыслъ ихъ былъ тотъ, что жена должна пріобщиться съ первыхъ же моментовъ брака къ мужской добродѣтели и къ военнымъ опасностямъ, которымъ долженъ подвергаться мужъ; должна быть спутникомъ и сотрудникомъ мужа во всѣхъ трудахъ и опасностяхъ, въ мирное время и во время войны; объ этомъ должны напоминать ей связанные въ пару быкъ и корова и оружіе, которые ей дарятъ. Она получаетъ только такія вещи, которыя можетъ неизмѣнно передать своимъ дѣтямъ и которыя заслуживаютъ того, чтобы ихъ получила впослѣдствіи невѣстка и могла передать ихъ внукамъ, т. е. собственнымъ дѣтямъ. Съ этими вещами она должна жить, съ ними и умереть.

«Такъ жили они въ хорошо охраняемомъ цѣломудріи, ничѣмъ не искушаемые, безъ соблазновъ, представляемыхъ театромъ, безъ возбужденій званыхъ пиршествъ. Увлекательной тайны переписки не знали ни мужчины, ни женщины. Случаи супружеской измѣны бывали очень рѣдко и наказывались тотчасъ же самими мужьями. Наказаніе состояло въ томъ, что мужъ въ присутствіи ея родственниковъ

раздѣвалъ ее до-нага, обрѣзывалъ ей волосы на головѣ и выгонялъ ее изъ дому, ведя черезъ всю деревню подъ ударами бича. Утраченное цѣломудріе не прощалось ни въ какомъ случаѣ. Женщина, не сохранившая себя цѣломудренной, не могла разсчитывать на супружество, какъ бы она ни была красива, молода и богата, такъ какъ надъ порокомъ тогда не смѣялись и въ оправденіе его не ссылались на духъ времени.

«Еще большей строгостью отличались, разумѣется, тѣ племена, у которыхъ вступать въ бракъ могли только дѣвушки и бракъ могъ быть только одинъ. Такой обѣтъ давали онѣ при вступленіи въ бракъ: мужа онѣ могли имѣть только одного, какъ имѣли только одно тѣло, только одну жизнь,— ни помысла, ни желанія у нихъ не было иного; такимъ образомъ онѣ любили въ мужѣ не только супруга, но и самый бракъ. Ограничивать число дѣтей или умертвить кого-нибудь изъ нихъ считалось гнуснымъ дѣломъ. Хорошіе нравы оказывались здѣсь сильнѣе хорошихъ законовъ другихъ мѣстъ и временъ...

«Позднѣе у нихъ пробуждалась и чувственность у юношей и потому не изсякала ихъ мужская сила. Не спѣшили также и дѣвушки; онѣ были такъ-же сильны и такъ же рослы, какъ и юноши. Здоровыми и крѣпкими, равными своимъ мужьямъ, вступали онѣ въ бракъ, и дѣти наслѣдовали здоровье и силы родителей».

Всѣ эти показанія достаточно свидѣтельствуютъ, что женщина занимала у древнихъ германцевъ почетное положеніе, что безнравственность не могла проникнуть въ семью, что проституціи неоткуда было возникнуть.

Но у германскихъ племенъ, переселившихся на

югъ,—напримѣръ, у ломбардовъ въ Италіи, мы уже замѣчаемъ ухудшеніе нравовъ, какъ нами упоминалось раньше при обзорѣ нравовъ населенія Италіи.

Въ числѣ другихъ народовъ германской расы слѣдуетъ назвать прежде всего скандинавовъ, но о нихъ мы ничего особеннаго сказать не можемъ.

Придворная жизнь при датскомъ и шведскомъ дворахъ не лишена была, правда, обычныхъ явленій,—существовали и здѣсь любовницы, но въ большинствѣ случаевъ эти отношенія возникали на дѣйствительной сердечной склонности, какъ напримѣръ, связь датскаго короля Христіана II (1481 - 1559) съ знаменитой и прославленной «голубкой»—«Dyveke»; для царствованія его эта связь оказалась роковой, и когда въ 1517 году метресса эта умерла, смерть ея была приписана отравленію, совершенному ея врагами. Отношенія и связи такого рода нельзя, во всякомъ случаѣ, отождествлять съ проституціей; точно также нельзя отнести къ этому разряду явленій и интимную близость, установившуюся позднѣе у королевы Каролины Матильды съ министромъ Струэнзе и окончившуюся вмѣстѣ съ паденіемъ и казнью послѣдняго въ 1772 году.

Что касается состоянія нравовъ въ Даніи, то относительно центральной части населенія его слѣдуетъ признать большей частью очень удовлетворительнымъ. Во всякомъ случаѣ, датскія и норвежскія женщины (если не въ политическомъ, то въ культурномъ отношеніи Норвегіи слѣдуетъ отвести первенствующее мѣсто, хотя въ самое послѣднее время стремленіе къ самостоятельности пробудилось съ особенной живостью) обнаруживаютъ, наряду съ борьбой за эмансипацію, болѣе страстной, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, извѣстную нравственную неустойчивость—явленіе, почти повсемѣстно сопутствующее такъ называемому женскому движенію.

Безспорно, этому, нѣсколько рѣзкому, мнѣнію, составившемуся о нихъ, въ значительной мѣрѣ способствуетъ литературный женскій типъ, преобладающій въ новѣйшее время въ произведеніяхъ датскихъ и норвежскихъ писателей. Не слѣдуетъ, однако, впадать при этомъ въ такія крайности и преувеличенія, которыми грѣшитъ Нордау въ своемъ «Вырожденіи», анализируя женскіе типы Ибсена и считая ихъ нимфоманками. Но многіе факты, многія явленія дѣйствительной жизни свидѣтельствуютъ о томъ, что женскіе образы, встрѣчаемые нами въ произведеніяхъ—и часто мастерскихъ—сѣверной литературы, представляютъ не простой плодъ поэтическаго вымысла, а выхвачены прямо изъ жизни, встрѣчаясь въ ней гораздо чаще, чѣмъ это было-бы желательно.

Какъ и большинство портовыхъ городовъ, столица Даніи, Копенгагенъ, отличалась и прежде и еще больше отличается въ настоящее время не особенно благопріятнымъ состояніемъ нравственности,—и проституція тамъ довольно многочисленна, хотя, правда, исключительнымъ распространеніемъ ея не поражаетъ. Излюбленнымъ средоточіемъ ея является богато и роскошно обставленное увеселительное заведеніе Тиволи, но и главныя улицы города также служатъ ей пріютомъ. Публичныхъ домовъ не существуетъ, а полицейскій контроль вполнѣ подобенъ тому, какой установленъ въ большей части крупныхъ европейскихъ центровъ.

Состояніе проституціи въ столицахъ Норвегіи и Швеціи—въ Христіаніи и Стокгольмѣ—почти ничѣмъ не отличается отъ соотвѣтственнаго положенія въ веселомъ Копенгагенѣ. Что обращаетъ особенное вниманіе въ Швеціи,—такъ это существованіе женской прислуги и въ мужскихъ баняхъ; но это отнюдь не отмѣчаетъ собою большаго развитія про-

ституціи. Наоборотъ, это явленіе представляетъ собой скорѣе пережитокъ нравовъ минувшей эпохи, болѣе наивной и чистой.

Исторія придворныхъ нравовъ Швеціи даетъ также мало матеріала въ отношеніи занимающаго насъ вопроса. Какъ объ образцѣ не очень похвальной жизни можно упомянуть о Христіанѣ, дочери Густава Адольфа, которая не остановилась передъ тѣмъ, чтобы приказать убить въ своемъ собственномъ домѣ любовника, подпавшаго ея немилости, и славилась любовью къ порнографической литературѣ и несклонностью къ непристойнымъ словамъ. Дочь главы и передового борца за церковную реформацію, она, какъ извѣстно, отказалась отъ престола и перешла въ католицизмъ.

Въ отношеніи проституціи Голландія представляетъ гораздо большій матеріалъ, чѣмъ скандинавскія страны; эта богатая торговая страна, расположенная въ самомъ центрѣ международнаго европейскаго сообщенія, является плодотворнымъ полемъ процвѣтанія этого позорнаго промысла, да и историческихъ данныхъ для сужденія по этому вопросу у насъ въ распоряженіи гораздо больше.

Конечно, очень многое изъ того, что намъ предстоитъ сказать по этому вопросу, такъ непосредственно примыкаетъ къ явленіямъ, совершающимся въ сосѣдней Германіи, о которыхъ мы имѣемъ въ виду говорить позднѣе, что здѣсь это даже не должно подлежать разсмотрѣнію и можетъ быть только мелькомъ указано. Большая часть данныхъ, приводимыхъ нами ниже, заимстовована нами изъ «De trijd tegen de prostiitutie in Vederland» В. Ван-ден-Берга.

Какъ и во многихъ другихъ странахъ, въ Нидерландахъ испорченности нравовъ и развитію про-

ституціи содѣйствовали, главнымъ образомъ, властители. О Филиппѣ Бургундскомъ, прозванномъ Добрымъ (1419—1467), извѣстно, что четыре любовницы подарили ему девятнадцать внѣбрачныхъ дѣтей. Онъ же учредилъ знаменитыя ванныя заведенія, посвященныя впослѣдствіи исключительно проституціи. О сынѣ его, Карлѣ Смѣломъ, сообщаютъ, какъ объ исключеніи, что у него не было ни любовницъ, ни внѣбрачныхъ дѣтей.

Но уже о сынѣ его Филиппѣ Красивомъ, хроника сообщаетъ, что его супруга, дочь короля испанскаго, сошла съ ума отъ того, что ея супругъ завелъ множество любовницъ. Въ царствованіе его впервые замѣтно распространился сифилисъ въ Нидерландахъ, и Эразмъ Роттердамскій пишетъ въ своей «Colloquia» «Multorum est Communis praecipue nobilum», а въ отношеніи Scabies Hispanica онъ говоритъ: «is tud-maleum adfricabis iis, qui tibi debnerant essecarissima et ipse per omnem vitam putre cadaver circumferes»

Какъ и всюду, высшіе круги и здѣсь слѣдовали примѣрамъ, подаваемымъ верховными властелинами, и въ монастырскихъ нравахъ, какъ и въ жизни остального духовенства, обнаруживалось и здѣсь то же нравственное разложеніе, которое мы уже отмѣчали въ другихъ странахъ. Особенной разнузданностью славились здѣсь нищенствующіе монахи, картезіанцы же отличались, напротивъ, сравнительной нравственностью. Замѣчательно, что еще въ ту эпоху здѣсь существовали монастыри, оказывавшіе пріютъ падшимъ женщинамъ.

Въ XV столѣтіи здѣсь были учреждены дома терпимости, вскорѣ возбудившіе противъ себя сильное негодованіе, благодаря поведенію какъ самихъ проститутокъ, такъ и ихъ посѣтителей, доходившихъ въ состояніи опьяненія до жестокихъ столкновеній и даже до смертельныхъ дракъ. Тогда было признано

необходимымъ перевести публичные дома въ самыя отдаленныя улицы городовъ, но это вызвало возмущеніе со стороны населявшаго эти кварталы бѣднаго люда.

Изумительно было одно постановленіе, согласно которому содержателями публичныхъ домовъ могли быть только служащіе правительственныхъ учрежденій. Этимъ путемъ надѣялись улучшить постановку дѣла, но достигали, разумѣется, только противоположныхъ результатовъ. Слѣдуетъ замѣтить еще, что женатымъ мужчинамъ посѣщеніе этихъ позорныхъ домовъ не разрѣшалось. Въ качествѣ особой примѣты. по которой можно было отличать эти дома, передъ подъѣздами ихъ обязательно было ставить пальмовое деревцо.

Въ средніе вѣка мужу предоставлялось и здѣсь, по древне-германскому обычаю, право обрѣзать виновной въ измѣнѣ женѣ волосы, отымать у нея платье и выгонять ее изъ дому ударами бича. Еще даже въ XV столѣтіи къ такимъ проступкамъ относились съ такой строгостью, что нарушительницѣ супружеской вѣрности клеймили лицо. Но въ послѣдующую эпоху наказаніе становится значительно мягче. Оно сводится къ тому, что виновную приговариваютъ къ публичному ношенію камня; такіе же приговоры постигали часто и виновныхъ въ сводничествѣ.

Былъ случай въ 1567 году въ Миддельбургѣ, когда этому наказанію подвергли помолвленную пару, вступившую преждевременно въ супружескія отношенія. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, мы встрѣчаемъ здѣсь даже двоеженство и кровосмѣшеніе, караемыя самыми легкими наказаніями, вродѣ принужденія пройти въ процессіи босикомъ и съ непокрытой головой, прослушать обѣдню на колѣняхъ, иногда еще къ этому прибавлялась ссылка на непродолжительное время.

«Однимъ изъ первыхъ шаговъ на пути улучшенія

нравовъ — пишетъ докторъ Фоккеръ въ своей «Исторіи сифилиса въ Нидерландахъ» — послѣ реформаціи было закрытіе публичныхъ домовъ, учрежденныхъ съ соизволенія римской церкви. Но не только проституція въ тѣсномъ смыслѣ этого слова подлежала вѣдѣнію и наказанію церковной цензуры, — преслѣдованію подвергалось и все то, что могло подать поводъ къ проституціи и что противорѣчило замкнутому образу жизни. Танцы, театральныя представленія, купанья на открытомъ воздухѣ, поѣздки верхомъ по праздничнымъ днямъ и еще многое подобное считалось прегрѣшеніемъ, достойнымъ наказанія.

Само собою разумѣется, жестокимъ преслѣдованіямъ подвергались и всякаго рода внѣбрачныя сожительства между обоими полами — конкубинатъ причемъ «отъ несовершеннолѣтнихъ не принимались во вниманіе (какъ гласитъ одинъ «брачный уставъ») никакія ссылки на то, что вступленію въ бракъ ихъ препятствовало неполученіе согласія родителей, опекуновъ или родственниковъ».

Что касается мѣръ наказанія, то прелюбодѣи наказывались обыкновенно тюремнымъ заключеніемъ, иногда тюрьмой на хлѣбѣ и водѣ, а также ссылкой, прелюбодѣйки же приговаривались на извѣстный срокъ въ исправительные дома. Такъ же строго и даже еще строже наказывалось сводничество. Многоженство наказывалось обыкновенно бичеваніемъ и ссылкой, но иногда даже высшей мѣрой — смертной казнью: сожженіемъ, удушеніемъ. Подобные же законы были установлены за преступленія противъ нравственности и въ индійскихъ колоніяхъ.

Мало по малу, однако, публичные дома снова начали существовать, — вначалѣ тайно, затѣмъ оффиціально — и въ XVIII столѣтіи въ Нидерландахъ царило то же ужасное состояніе нравственности, что и почти всюду въ Европѣ. Въ концѣ этого столѣтія среди

мужчинъ было «въ модѣ» посѣщеніе такъ называемыхъ «игорныхъ домовъ» которые были, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ публичными домами, и еще болѣе низшаго разбора—какъ говоритъ Ванъ-денъ-Бергъ, чѣмъ наши современные кафе-шантаны. Эти «игорные дома» вовсе не были мѣстами, гдѣ производилась карточная игра или какіе бы то ни было подобныя игры, а скорѣе концертныя залы, носившія иногда и названіе «Musikos».

Современные той эпохѣ писатели, а также позднѣйшіе историки культуры отмѣчали въ Нидерландахъ XVIII столѣтія, наряду со всеобщей испорченностью нравовъ, распространенность такихъ любовныхъ похожденій, до которыхъ доходили только язычники въ пору наибольшей испорченности нравовъ. Чрезвычайно много сторонниковъ имѣла тогда, повидимому, и теорія, получившая свое названіе по имени Мальтуса,—и одинъ авторъ опредѣляетъ распространившіяся тогда предохранительныя мѣры противъ увеличенія прироста населенія, какъ «супружескій онанизмъ».

Въ своемъ неоднократно уже цитированномъ нами сочиненіи, Паранъ-Дюшатлэ сообщаетъ, что въ 1789 году была назначена санитарная комиссія для выработки мѣръ противъ распространенія проституціи во Франціи, причемъ послѣ занятія французами Голландіи тѣ же мѣры (регистрація, медицинскій надзоръ) были примѣнены и въ Голландіи. Такимъ образомъ, положеніе вопроса о проституціи въ Голландіи вернулось снова, такъ сказать, къ тому моменту, въ какомъ оно находилось до реформаціи.

Какъ фактъ, до нѣкоторой степени прогрессивный, слѣдуетъ отмѣтить введеніе новаго постановленія, согласно которому публичные дома не имѣли права принимать ни одной женщины моложе 21 года: но разумѣется, при любезномъ содѣйствіи органовъ полиціи, это постановленіе обходилось съ такимъ же успѣхомъ и такъ же часто, какъ это дѣлается и нынѣ во Франціи, въ Бельгіи и въ другихъ странахъ.

Но вотъ окончилось и исчезло, какъ ночное видѣніе, господство французовъ въ Нидерландахъ. Послѣдовавшее затѣмъ правительство перваго короля Нидерландовъ, хотя и оставило въ силѣ большую часть постановленій, возникшихъ подъ французскимъ вліяніемъ, прибавило къ нимъ все же и кое-что новое. Надзоръ за проституціей въ городахъ осуществлялся, повидимому, не особенно тщательно, такъ какъ военное министерство вынуждено было констатировать огромную распространенность сифилитическихъ заболѣваній въ войскахъ, являющуюся результатомъ, какъ говорится въ одномъ королевскомъ указѣ отъ 6 Сентября 1818 года, «главнымъ образомъ, нерадивости гражданскихъ властей въ отношеніи полицейскихъ мѣръ, которыя должны быть принимаемы противъ публичныхъ женщинъ, зараженныхъ этой болѣзнью».

Повидимому, однако, этотъ указъ особенно большой пользы не принесъ, такъ какъ вскорѣ провинціальнымъ властямъ пришлось снова напоминать о необходимости надзора за «тайными домами», за «игорными домами» и за «публичными женщинами» Какъ на образецъ подобныхъ распоряженій можно указать на проституціонный уставъ, которымъ регламентировалась проституція въ городѣ Гаагѣ. Но и этотъ циркуляръ оказался, повидимому, безсиленъ убѣдить мѣстныя власти въ необходимости упорядоченія вопроса. По крайней мѣрѣ, изъ Герцогенбуша поступилъ, въ отвѣтъ на многократныя королевскія напоминанія, отзывъ, въ которомъ бургомистры заявляли, что не могутъ рѣшиться регулировать явленіе позорное и безнравственное и санкціонировать развратъ. «Neen, Sire!—писали они,—Burgemeesteren

der stad s'Hertogenbosch vermenende hiertoe hetzij met allen eerbied gezeggd, niet de kunnen of mogen besluiten».

Во многихъ другихъ мѣстахъ регламентація также наткнулась на сопротивленіе или не встрѣтила, по крайней мѣрѣ, активной поддержки. Было очевидно, что необходимость и полезность мѣропріятій, введенныхъ подъ вліяніемъ французскаго господства, мѣстныя власти никакъ не могли усвоить. Нѣкоторыя мѣстности отказывались вообще терпѣть у себя публичные дома; военному министерству пришлось даже выступить съ жалобой на Тильбургъ, такъ какъ городское управленіе отказывалось терпѣть у себя публичные дома, тогда какъ учрежденіе ихъ было признано министерствомъ крайне нужнымъ «въ интересахъ гарнизона».

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ генеральный прокуроръ сѣвернаго Брабанта принялъ сторону городского управленія, выразивъ мнѣніе, что городской совѣтъ никакъ не можетъ дать свое согласіе на скандальное учрежденіе домовъ терпимости, женщины которыхъ, qua tales одѣтыя безнравственно, будутъ слоняться по городу. Онъ сказалъ также, что на требованіе министерства городъ можетъ возразить, что публичныхъ домовъ ранѣе въ Тильбургѣ не существовало и существованіе ихъ не есть вовсе неизбѣжное зло; если военное начальство полагаетъ въ этомъ необходимость для военныхъ, то пусть объ этомъ само и позаботится. Министръ юстиціи также нашелъ, что нѣтъ никакихъ законныхъ путей и средствъ принудить кого-нибудь къ учрежденію публичныхъ домовъ, --тѣмъ болѣе такой городъ, въ которомъ уже много лѣтъ существовалъ большой гарнизонъ, обходившійся до сихъ поръ безъ такихъ домовъ. На этомъ дѣло и кончилось.

«Было-бы однако очень ошибочно,—говоритъ Ванъ-

денъ-Бергъ,—пытаться объяснять увеличеніе или уменьшеніе тайной проституціи или случаевъ сифилитическихъ заболѣваній только какъ послѣдствіе наличности или отсутствія регламентированной проституціи.

«На это оказываютъ свое вліяніе еще и множество другихъ факторовъ.

«При обсужденіи этого вопроса, больше всякихъ другихъ личныхъ и психологическихъ ошибокъ слѣдуетъ остерегаться сужденія post hoc—ergo propter hoc. Но все же, если мы оглянемся на опытъ борьбы съ проституціей въ первой половинѣ минувшаго столѣтія, мы должны будемъ признать, что возростающія санитарныя и административныя усилія въ интересахъ регламентаціи проституціи должны были дурно повліять на взгляды и отношеніе общества къ этому злу, содѣйствуя его распространенію и неминуемымъ послѣдствіямъ».

Въ 1848 году, съ учрежденіемъ «Убѣжища Стенбеккъ», борьба съ проституціей въ Нидерландахъ вступаетъ въ новую фазу. Учредитель этого пріюта, Отто Гергардъ Гельдринъ, немало потрудился и въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ для дѣла уничтоженія проституціи, чему онъ самъ придавалъ гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣмъ своимъ усиліямъ въ дѣлѣ спасанія падшихъ женщинъ. Убѣжище это, вслѣдъ за которымъ вскорѣ возникло еще нѣсколько подобныхъ, покоится на слѣдующихъ принципахъ:

1. Мы принимаемъ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій.
2. Мы имѣемъ постоянно въ виду, что «Стенбеккъ» есть учрежденіе, стремящееся направить низко павшихъ на христіанскій путь, научить ихъ трудиться, дабы онѣ могли ѣсть заработанный собственнымъ трудомъ хлѣбъ.
3. Въ виду этого, намъ не могутъ быть при-

нимаемы лица, нуждающіяся вслѣдствіе дряхлости или старости въ заведеніи для призрѣнія.

4. Кто хочетъ поступить къ намъ, долженъ самъ добровольно явиться.

5. Явившуюся въ «Стенбеккъ» можетъ удержать въ немъ только собственная ея добрая воля.

6. Для несовершеннолѣтнихъ допускается, однако, въ отношеніи предыдущаго пункта исключеніе,— въ виду того, что онѣ способны иногда пожелать того, о чемъ самимъ черезъ нѣкоторое время приходится пожалѣть. Въ такихъ случаяхъ со стороны родителей допускается вліяніе, съ помощью котораго онѣ удерживаются въ убѣжищѣ. При этомъ распорядители убѣжища сохраняютъ за собою право удалить такое лицо, если оно окажется упорно неисправимымъ.

7. Учрежденіе это—христіанское. Оно имѣетъ цѣлью прежде всего, доставить обученіе воспитаніе, наставленіе въ духѣ христіанскаго ученія и обращеніе на путь христіанской жизни.

Отъ своего возникновенія до 1878 года это убѣжище насчитывало 1025 принятыхъ лицъ, нормальный срокъ пребыванія которыхъ равнялся двумъ годамъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что число несовершеннолѣтнихъ возростало сильно и непрерывно. Отъ поступающихъ требовался вступительный взносъ въ размѣрѣ 25 гульденовъ и ежемѣсячная плата за содержаніе въ размѣрѣ 2 гульденовъ, причемъ уплата этихъ денегъ имъ отсрочивалась, повидимому, до пріисканія ими мѣста.

На разсмотрѣніе властей поступало множество проектовъ отъ различныхъ обществъ и кружковъ, возникавшихъ ради улучшенія нравовъ, — проектовъ, мечтавшихъ положить конецъ проституціи, или по крайней мѣрѣ значительно ограничить ее, отличавшихся однако, гораздо больше рве-

ніемъ, даже фанатизмомъ во имя интересовъ нравственности, чѣмъ практической примѣнимостью. Такіе примѣры — не единственные, впрочемъ, въ Нидерландахъ. Многое подобное мы встрѣчаемъ почти во всѣхъ странахъ и почти во всѣхъ же странахъ приходится отмѣтить такую-же неудачу всѣхъ подобныхъ усилій.

Но и извѣстный видимый успѣхъ нѣкоторыхъ обществъ и учрежденій подобнаго рода не слѣдуетъ преувеличивать, случаи осуществленнаго «спасенія», которыми они могутъ похвастать, не выдерживаютъ сколько нибудь внимательной провѣрки. Лучшимъ доказательствомъ этого утвержденія является усиленіе проституціи и не только въ Голландіи, но и во всѣхъ странахъ. Слѣдуетъ, правда, оговориться, какъ это ни покажется страннымъ, что остается еще большимъ вопросомъ, означаетъ-ли усиленіе проституціи общее ухудшеніе нравственности.

Можно было-бы даже рѣшительно опровергнуть это и утверждать какъ разъ обратное. Очень возможно, что усиленіе проституціи,—поскольку фактъ такой вообще можно считать доказаннымъ,—зависитъ отъ усиленія роскоши и другихъ подобныхъ видовъ испорченности въ гораздо меньшей степени, чѣмъ отъ простого роста городовъ, представляющихъ гораздо большую арену для развитія проституціоннаго промысла.

Голландскій изслѣдователь Гельдрингъ такимъ образомъ описываетъ въ своихъ «Levens-ervaringen» состояніе публичныхъ домовъ въ Нидерландахъ. «Въ различныхъ городахъ нашего отечества существуютъ двоякаго рода публичные дома: большіе и малые. Обитательницы первыхъ являются рабынями въ полномъ смыслѣ этого слова; въ домахъ второго рода онѣ до нѣкоторой степени свободны. Отчего это происходитъ?

«Въ такъ называемые большіе дома принимаются только самыя молодыя, самыя красивыя и самыя изящныя, тогда какъ въ меньшихъ и болѣе бѣдныхъ домахъ ищутъ себѣ убѣжища болѣе старыя и менѣе красивыя жертвы изъ подонковъ общества. Эти послѣднія добровольно предлагаютъ себя къ услугамъ и служатъ грѣху ради заработка, до тѣхъ поръ, пока ихъ соглашаются держать, до тѣхъ поръ, пока онѣ еще въ состояніи что-нибудь заработать.

«Ни объ украшеніи ихъ нарядами, ни о развлеченіи ихъ не заботятся,—вся забота сводится къ тому, чтобы добыть отъ нихъ, какъ отъ выработавшагося раба (и даже еще меньше: рабу все-таки удѣляютъ въ обрѣзъ, для поддержанія жизни, хлѣбъ изъ милости—какъ отъ старой лошади), возможно больше выгоды съ наивозможно меньшими затратами. И сами онѣ изо всѣхъ силъ цѣпляются за грѣхъ, стараются удержаться въ своемъ убѣжищѣ,—изъ страха быть выброшенными на улицу, какъ кищенки или какъ бродяги—куда же имъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣваться?—и кончить свои дни въ исправительномъ работномъ домѣ. Имъ оставляется свобода, потому что не можетъ грозить опасность, что онѣ вздумаютъ ускользнуть; имъ оставляется свобода, потому что и въ случаѣ ихъ ухода будетъ потерянъ не Богъ вѣсть какой доходный капиталъ, и на мѣсто всякой ушедшей нахлынетъ множество другихъ, домогающихся принятія.

«Другое дѣло тѣ, которыя помоложе и покрасивѣе. Такія встрѣчаются рѣже и имѣютъ свою цѣнность. Онѣ покупаются и продаются, берегутся и охраняются, какъ имѣніе, приносящее ренту. Но и «продаются и покупаются»—выраженія все же не

совсѣмъ точныя: съ ними производится не покупка и продажа, а поставка и пріемка.

«Всякій содержатель публичнаго дома имѣетъ свой штатъ людей, большей частью женщинъ, умѣющихъ, какъ собаки-ищейки, пронюхивать и добывать подходящія жертвы. Подобныя посредницы являются обыкновенно пособницами молодыхъ дѣвушекъ при ихъ нравственныхъ ложныхъ шагахъ. Затѣмъ, когда подобная дѣвушка изгоняется изъ родительскаго дома или изъ услуженія и обращается, безпомощная, къ своей совѣтчицѣ и помощницѣ, та забираетъ надъ нею власть и передаетъ ее за извѣстную плату—обыкновенно отъ 6 до 10 гульденовъ—одному изъ своихъ знакомыхъ, занимающихся сводничествомъ.

«Но этимъ не ограничивается дѣятельность этихъ чумныхъ бубоновъ человѣческаго общества: очень часто онѣ являются еще и посредницами между различными содержательницами публичныхъ домовъ, переманивая жертвы изъ одного дома въ другой.

«Чтобы понять это, какъ слѣдуетъ, необходимо знать слѣдующее. Когда дѣвушка поступаетъ въ публичный домъ,—все ея состояніе заключается обыкновенно въ томъ платьѣ, которое она носитъ. Но такъ какъ въ этомъ видѣ она не можетъ показаться достаточно интересной какому-нибудь богатому, съ избалованнымъ вкусомъ развратнику, то для нея пріобрѣтаются или заказываются самые изящные туалеты. Это, впрочемъ, не единственная причина, по которой дѣвушку наряжаютъ.

«Дѣло въ томъ, что для содержательницы публичнаго дома очень важно, чтобы ея жертва была у нея кругомъ въ долгу,—и добрая женщина ничего не щадитъ для того, чтобы не только связать ее покрѣпче по рукамъ и ногамъ, но главнымъ обра-

зомъ, чтобы какъ можно больше заработать на отпущенныхъ въ долгъ вещахъ. Всему назначаются цѣны въ два и въ три раза дороже дѣйствительной стоимости вещей и даже еще больше—и все это записывается на «дебетъ» вмѣстѣ съ различными мелкими денежными ссудами, а на «кредитъ»—уменьшенная на половину или на 2/5 плата за грѣхъ и позоръ, за вычетомъ уплаты за квартиру и столъ.

«При этомъ онѣ умѣютъ искусно подстраивать такъ, что «дебетъ» всегда превышаетъ «кредитъ». И вотъ, эта разница и составляетъ «долгъ»—и съ этимъ то долгомъ, достигающимъ порой 100 или 200 гульденовъ, женщина переходитъ отъ одной хозяйки къ другой. Вернуть себѣ свободу несчастной обманутой можетъ удаться только въ такомъ случаѣ,—что, конечно, большая рѣдкость,—если она можетъ предъявить заработокъ, превышающій сумму своего долга или если какой-нибудь великодушный развратникъ соглашается внести за нее выкупъ. Очень рѣдко случается, чтобы одна содержательница согласилась возмѣстить другой сумму такъ называемаго долга; обыкновенно несчастнымъ приходится видѣть и слышать, какъ ихъ оцѣниваютъ, пріобрѣтаютъ и сбываютъ, какъ голову скота.

«Что большинство этихъ несчастныхъ и жалкихъ созданій такой торгъ ими волнуетъ такъ же мало, какъ и молодыхъ женщинъ на Востокѣ, когда ихъ публично продаютъ,—это вѣрно; такъ же вѣрно, какъ и ужасно, отвратительно то, что въ Индерландахъ подобное положеніе возможно.

«Совершенно естественно, что низко-павшая женщина должна сказать себѣ сознательно: «Я изгнана изъ того общества, въ которомъ царятъ свобода и честь и должна теперь приспособиться къ такой средѣ, которая не вѣдаетъ ни свободы, ни чести и въ

которой царятъ только безстыдная тиранія и рабство». Но совершенно неестественно, что мы допускаемъ и терпимъ такое положеніе въ своей средѣ. Можно допустить, что въ числѣ этихъ женщинъ есть и такія, которыя скорѣе дадутъ пригвоздить себя за уши къ дверной притолкѣ, чѣмъ согласятся покинуть этотъ домъ позора и грѣха. Но совершенно непонятно и непростительно, что такая торговля людьми у насъ можетъ существовать»...

Эти слова, произведшія въ Индерландахъ большое впечатлѣніе, неоднократно и громко раздавались во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ,—и жалоба, составляющая сущность ихъ, повсюду являлась главнымъ доводомъ противъ терпимаго отношенія къ публичнымъ домамъ. Но это именно неосновательно. Что проститутки безсовѣстно эксплуатируются содержателями публичныхъ домовъ,—это вѣдь, въ концѣ концовъ, вполнѣ понятно: вѣдь всякому же ясно, что за это безчестное ремесло содержанія домовъ сколько-нибудь порядочные люди не возьмутся.

Но всякій, знакомый съ жизнью и положеніемъ проститутокъ, знаетъ также, что подобная эксплуатація во всякомъ случаѣ неизбѣжна, что въ эти когти неминуемо попадаетъ и всякая самостоятельно живущая проститутка: нисколько не меньше, а иногда даже въ гораздо болѣе жестокой степени эксплуатируютъ ее и квартирохозяева, и всевозможные поставщики, у которыхъ ей приходится часто пользоваться кредитомъ.

Наоборотъ, въ отношеніи содержателей публичныхъ домовъ, полиція можетъ, по крайней мѣрѣ, если только пожелаетъ, принять нѣкоторыя мѣры для защиты отданной на ихъ произволъ проститутки,—между тѣмъ какъ въ отношеніи частнаго эксплоатастора она оказывается сплошь и рядомъ

совсѣмъ безсильной. Въ сущности, всѣ такія жалобы оказываются просто на просто фразой, которая, въ опьянѣніи звукомъ собственныхъ словъ, теряетъ всякую разсудительность, всякое чутье реальной дѣйствительности.

Вслѣдствіе появленія въ печати упомянутыхъ разоблаченій, министръ юстиціи счелъ себя вынужденнымъ разослать нижеслѣдующій циркуляръ (7 іюня 1860 года) всѣмъ генеральнымъ прокураторамъ, исполнявшимъ должность директоровъ полиціи:

«Всѣмъ извѣстно, что въ домахъ разврата женщинъ нерѣдко удерживаетъ мысль о томъ, что онѣ не имѣютъ права оставить домъ и не смѣютъ измѣнить свой развратный образъ жизни до тѣхъ поръ, покуда не уплатятъ всѣхъ долговъ, которыми онѣ обыковенно тамъ обременены.

«Если подобное намѣреніе женщины становится извѣстнымъ, то ее удерживаютъ подъ арестомъ на основаніи этихъ долговъ и на другихъ подобныхъ основаніяхъ. Всего нѣсколько дней тому назадъ до моего свѣдѣнія дошелъ случай такого рода, потребовавшій судебнаго разслѣдованія.

«На подобные то случаи, легко могущіе имѣть послѣдствіемъ незаконное держаніе подъ арестомъ я и позволяю себѣ обратить ваше особенное вниманіе.

«Я не упускаю при этомъ изъ виду, что, согласно статьѣ 186 закона объ общинахъ, надзоръ за публичными домами разврата принадлежитъ бургомистрамъ,—я даже рѣшительно требую, чтобы никакого вмѣшательства въ ихъ дѣло допущено не было. Но здѣсь слѣдуетъ также принять во вниманіе возможное нарушеніе статьи 341 свода уголовныхъ законовъ,—и вотъ въ этомъ-то смыслѣ случаи упомянутаго рода подлежатъ безспорно сферѣ дѣятельности общей полиціи.

«Я полагалъ бы, что полиція, призванная бургмистромъ, именно и можетъ быть надлежащимъ средствомъ для раскрытія подобныхъ злоупотребленій, гдѣ бы они ни обнаружились.

«Въ виду этого я чувствую себя обязаннымъ предложить вамъ обратить на это дѣло вниманіе чиновниковъ юстиціи вашего округа, побудить ихъ снестись для надлежащаго наблюденія съ бургмистрами тѣхъ общинъ, въ которыхъ существуютъ публичные дома разврата.

«Я не намѣреваюсь давать здѣсь какія бы то ни было указанія въ интересахъ достиженія намѣченной мною цѣли. Необходимыя заключенія по этому вопросу я охотно предоставляю сдѣлать совмѣстному совѣщанію между господами бургмистрами, генеральными прокураторами и чиновниками юстиціи. Но мнѣ кажется нужнымъ указать на необходимость неукоснительныхъ посѣщеній названныхъ домовъ довѣренными полицейскими чиновниками и внимательнаго наблюденія за ними. Другое мѣропріятіе, какое можно было бы рекомендовать, заключается въ томъ, чтобы женщинамъ, находящимся въ этихъ домахъ, выясняли ихъ право покинуть эти дома.

«Во всемъ же, что окажется нужнымъ предпринять для устраненія вышеупомянутаго зла, полицейскій надзоръ долженъ дѣйствовать постоянно въ полномъ согласіи съ мѣстнымъ бургмистромъ. Въ то же время должно быть принято во вниманіе въ каждомъ данномъ случаѣ, въ какой степени произведено было нарушеніе 354 и 355 статей названнаго закона.

«Излишне, я полагаю, объяснять, что—по мѣрѣ совершенія упомянутыхъ злоупотребленій въ этихъ домахъ—должно быть въ обычномъ порядкѣ произведено разслѣдованіе дѣла».

Особенно большого успѣха произведенный циркуляръ, повидимому, не имѣлъ,—по крайней мѣрѣ, черезъ нѣкоторое время министерство юстиціи оказалось вынужденнымъ вторично сослаться на него. Общество объединялось въ собранія, конгрессы и другія подобныя формы, въ цѣляхъ борьбы съ проституціей съ точки зрѣнія обще-моральныхъ, религіозныхъ и санитарныхъ принциповъ и соображеній.

Какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, борцы во имя морали развили и здѣсь энергичную дѣятельность, но—какъ и въ другихъ мѣстахъ—всѣ усилія увѣнчивались и здѣсь крайне незначительнымъ успѣхомъ. Во главѣ этого движенія стоялъ Гельдерингъ, которому нельзя отказать въ несомнѣнной заслугѣ, хотя результаты и не соотвѣтствовали его намѣреніямъ.

Ниже мы приводимъ цѣлый рядъ постановленій, предписаній и полицейскихъ распоряженій, изданныхъ въ нидерландскихъ общинахъ до 1878 года, касавшихся публичныхъ женщинъ и домовъ разврата:

Алькмааръ.—Постановленіе 24 іюня, 1864 г., 32 ст. Предшествовавшія постановленія были изданы въ 1828 и 1856 гг.

Амерсфортъ.—Постановленіе 11 декабря, 1856 г., 33 статьи.

Арнгеймъ.—Полицейскія распоряженія, 22 статьи, 2 іюня, 1860 г., 1 іюня, 1861 г., 8 февраля, 1868 г. и 25 марта, 1872 г.

Ассенъ.—28 статей XV свода полиц. распоряженій 21 марта, 1878 г.

Бергенъ опъ-Цоомъ.—Статьи 193—208 свода полиц. распоряженій 1 марта, 1876 г.

денъ-Бошъ.—Постановленіе, 18 ст., марта, 6

1857 г.; предыдущее постановленіе было издано 28 іюня, 1856 г.

Бреда.—223—244 ст. общаго полицейскаго устава, 18 февраля, 1870 г.

Бріэлъ.—Постановленіе, 43 статьи, 3 іюня 1861 г.; предыдущее было издано 31 марта, 1856 г.

Веере.—Постановленіе, 30 статей, 30 апрѣля. 1861 г.

Венло.—Тоже, что въ Маастрихтѣ, 5 февраля, 1864 г.

Влиссингенъ.—Постановленіе, 24 статьи, 13 ноября, 1857 г.

Гаага.—См. слѣд. главу.

Гаарлемъ.—Постановленіе, 29 ст., 17 октября, 1866 г.; предыдущее было издано въ 1838 и 1861 г.г.

Гардервикъ.—Статьи 6—18 санитарныхъ распоряженій, 10 мая, 1873 г.

Гирлингенъ.—Статьи 239—257, отд. II, VIII т. полицейскаго устава.

денъ Гельдеръ.—Постановленіе, 24 статьи, 3 апрѣля, 1856 г.; предыдущее было издано въ 1828 г.

Гельвоилуи.—Постановленіе, 2 декабря 1863 г.

Герцогенбушъ.—См. денъ-Бошъ.

Госсъ.—Постановленіе, 18 статей, 14 декабря, 1867 г.

Гоорнъ.—См. Гаага, 18 февраля, 1861 г.

Горнихемъ.—Такое же, какъ въ Гаагѣ, 14 іюля, 1876 г.

Гронингенъ.—Регламентъ, 31 ст., 14 августа, 1861 г. и 25 марта 1863 г.

Гуда.—Постановленіе, 21 ст., 14 іюля, 1876 г.

Девентеръ.—Постановленіе, 47 статей, 29 іюня, 1869 г.

Дордрехтъ.—Статьи 100 114 полиц. распоряженій, 12 іюня, 1877 г.

Кампенъ.—Статьи 102 и 103 общаго полицейскаго устава, 31 января, 1864 г.

Лейденъ.—Статьи 156—168 общаго полицейскаго устава, 13 ноября, 1873 г.

Лейварденъ.—То же, что въ Амерсфортѣ, 23 ноября, 1876 г.

Маастрихтъ.—Постановленіе, 34 ст., 19 іюля, 1858 г.; предыдущее было издано въ 1818 г.

Миддльбургъ.—Постановленіе, 26 ст. (тѣ же, что въ Дордрехтѣ), 16 февраля, 1857 г. и 21 февраля, 1859 г.

Нiймегенъ.—Статьи 264 — 290 полицейскаго устава, 2 апрѣля, 1856 г.

Роттердамъ.—Постановленіе, 9 статей, 1858 г.

Уильстъ.—Постановленіе, 5 статей, 13 іюля, 1867 г.

Цютгенъ—Постановленіе, 33 статьи, 8 октября, 1872 г. и 26 апрѣля 1873 г.

Цволле.—Постановленіе, 47 статей, 13 декабря, 1861 г.

Въ *Амстердамѣ* и *Утрехтѣ* дома терпимости существовали безъ постановленій и полицейскихъ распоряженій.

Къ 1865 году въ Гаагѣ существовало 10 публичныхъ домовъ, въ Роттердамѣ—16, въ Амстердамѣ—20 и въ Утрехтѣ—4 *). Докторъ Гюгель сообщаетъ объ одной особенности учрежденія, которой отличались дома,—по крайней мѣрѣ, въ то время: «Голландскіе и бельгійскіе публичные дома обладаютъ своеобразной особенностью: при входѣ въ главный залъ публичнаго дома, нельзя сразу же увидѣть самихъ обитательницъ его, а только портреты ихъ,—либо развѣшанные по стѣнамъ, либо размѣщенные въ альбомахъ. Каждый портретъ имѣетъ свой соответственно проведенный колокольчикъ, позвонивъ въ который посѣтитель получаетъ свиданіе съ выбранной имъ по портрету особой».

*) *M. I. Marinus*—De la prostitution en Hollande.

ГЛАВА II.

Постановленія, изданныя для Гааги.—Регистрація.—Публичные дома.—Общія полицейскія мѣры.—Санитарныя мѣропріятія.—Уложенія о наказаніяхъ.—Солдаты и проститутки.—Государство и проституція.—Утрехтскій конгрессъ.—Проституція въ формѣ обычая гостепріимства.

«Правила о регулированіи санитарнаго полицейскаго надзора за публичными домами разврата и публичными женщинами» изданы были общиннымъ совѣтомъ столицы Гааги 12 сентября 1856 года и въ засѣданіяхъ 1 іюля 1859 и 23 іюля 1861 были выработаны дополненія и улучшенія къ нимъ. Правила эти составляютъ семь отдѣловъ, заключающихъ въ совокупности 48 статей, которыя мы приводимъ частію въ дословной передачѣ, частію въ извлеченіи.

Первый отдѣлъ посвященъ публичнымъ женщинамъ и регистраціи ихъ. Статья I гласитъ:

«Публичныя женщины суть всѣ женщины, предающіяся проституціи и сдѣлавшія проституцію своей профессіей,—живутъ-ли онѣ самостоятельно, или въ сообществѣ съ другими, занимаются-ли онѣ проституціей въ собственныхъ квартирахъ, или въ чужихъ помѣщеніяхъ, хотя бы даже эти послѣднія для данной цѣли прямо не предназначались».

Публичныя женщины подраздѣляются на:

«I. живущихъ у содержателей или содержательницъ публичныхъ домовъ и

II. живущихъ обособленно».

Подобнаго же опредѣленія держатся всѣ правила и другихъ нидерландскихъ городовъ, съ той только разницей, что въ нѣкоторыхъ городахъ,—какъ напр.,

Горнихенъ, Госсъ и Гуда,—къ проституткамъ сопричисляются и тѣ женщины, которыя состоятъ въ услуженіи у проститутокъ или въ публичныхъ домахъ, а въ Госсѣ, кромѣ того, только женщины, моложе 50 лѣтъ. Нѣсколько меньшей ясностью отличается опредѣленіе, принятое въ Лейденѣ: «Публичными женщинами считаются тѣ, которыя предаются проституціи—за плату ли, или безплатно».

«Статья II. Всѣ публичныя женщины должны явиться для записи ихъ въ установленные, подлежащіе вѣдѣнію бургмистра, списки.

Статья III поясняетъ, что записи эти произво дятся либо по ходатайству самихъ женщинъ, либо по предписанію бургмистра. Въ первомъ случаѣ запись можетъ быть произведена лишь по совершеніи медицинскаго освидѣтельствованія и по предъявленіи свидѣтельства о здоровьи.

Статья IV предписываетъ, чтобы женщина, занимающаяся профессіональной проституціей безъ установленнаго зачисленія въ списки, приглашалась, по приказанію бургмистра, къ полицейскому комиссару, причемъ вызовъ долженъ быть сдѣланъ закрытымъ письмомъ, врученнымъ полицейскимъ служителемъ. Комиссаръ производитъ разслѣдованіе, представляетъ письменный докладъ бургмистру, которому и предоставляется рѣшить, должна ли быть зачислена въ списки данная женщина, или нѣтъ. Если зачисленіе имъ предписывается, то данная женщина должна быть извѣщена объ этомъ въ теченіе 24 часовъ тѣмъ же порядкомъ, т. е. закрытымъ пакетомъ, вручаемымъ полицейскимъ чиномъ. Если же приглашенная женщина не является, то, согласно статьѣ 44, она подлежитъ наказанію, но зачисленіе въ списки при этомъ произведено быть не можетъ. Въ другихъ же городахъ, какъ напр., въ Гудѣ, запись

можетъ быть произведена и по одному предписанію бургмистра.

Статья V разъясняетъ, что запись должна заключать въ себѣ: номеръ, имя и фамилію, возрастъ, мѣсто рожденія, мѣсто жительства, предшествовавшее мѣстопребываніе и родъ занятій и отмѣтку о томъ, какія имѣются на лицо бумаги и живетъ-ли данная женщина обособленно или въ публичномъ домѣ.

Статья VI говоритъ объ обязанности такихъ женщинъ доставлять всѣ требуемыя данныя подъ угрозой наказанія въ случаѣ уклоненія, а также о томъ, что бумаги ихъ остаются въ полиціи (въ чемъ имъ выдается росписка) впредь до того, какъ онѣ перемѣняютъ мѣсто жительства или по чему-либо иному исключаются изъ списковъ.

Статья VII устанавливаетъ, что каждой проституткѣ выдается при ея зачисленіи книжечка, содержащая вышепоименованныя данныя за собственноручной ея подписью или, въ случаѣ ея неграмотности, съ соотвѣтственной помѣткой. Рядомъ съ подписью ея и полицейскимъ штемпелемъ, въ книжкѣ находится извлеченіе изъ правилъ, если данная женщина занимается проституціей въ одиночку. Книжечка эта должна была ежегодно возобновляться.

«Статья VIII. Зарегистрованныя женщины не могутъ передавать свою книжку другимъ женщинамъ. Онѣ обязаны имѣть ее всегда при себѣ и предъявлять ее по первому требованію полиціи. Кромѣ того, онѣ обязаны предъявлять свои книжки также по требованію содержателя того публичнаго дома, въ которомъ онѣ живутъ, и по требованію посѣщающихъ ихъ мужчинъ. Въ случаѣ утери книжки, онѣ обязываются тотчасъ выправить себѣ другую».

«Статья IX. Ни одна публичная женщина не

имѣетъ права перемѣнить свое мѣстожительство, не заявивъ объ этомъ предварительно полиціи. О сдѣланномъ заявленіи ей выдается письменное удостовѣреніе».

Статья X разрѣшаетъ проституткамъ, живущимъ въ публичномъ домѣ, оставить при желаніи этотъ домъ, съ соблюденіемъ условія, указаннаго въ статьѣ IX. Содержатель или содержательница дома, оказывающіе препятствіе къ этому, подвергаются наказанію. Это правило существуетъ въ постановленіяхъ всѣхъ нидерландскихъ городовъ; точно также и всѣ предыдущіе пункты встрѣчаются всюду съ самыми незначительными измѣненіями; въ послѣдующихъ пунктахъ будутъ особо отмѣчены случаи существенныхъ различій.

Статья XI гласитъ, что бургмистръ можетъ предписать исключеніе изъ списковъ тѣмъ изъ проститутокъ, которыя добровольно зачислились и затѣмъ пожелали измѣнить свою жизнь, согласно сдѣланному ими полиціи заявленію. Но и зачисленныя безъ ихъ собственнаго заявленія могутъ ходатайствовать объ исключеніи,—только въ этихъ случаяхъ бургомистръ воленъ уважить или отклонить ихъ ходатайство. Въ случаѣ замужества или смерти исключеніе изъ списковъ производится самой полиціей.

Въ Гронингенѣ существуетъ примѣчаніе къ этой статьѣ, по которому имя должно быть такъ тщательно зачеркнуто въ спискахъ, чтобы его совершенно невозможно было прочесть.

Второй отдѣлъ обнимаетъ статьи XII—XXII и касается публичныхъ домовъ. За таковой признается «всякое мѣсто, въ которомъ существуютъ условія, удобныя для свиданій въ цѣляхъ разврата» (XII). Терпимыми считаются два рода домовъ разврата: дома, въ которыхъ живутъ проститутки и

дома, которые посѣщаются живущими отдѣльно проститутками. Первые называются публичными домами, послѣдніе домами свиданій. Разрѣшается содержать одновременно дома того и другого рода (XIII).

Статья XIV объясняетъ, что никто не имѣетъ права открывать или содержать публичные дома безъ письменнаго разрѣшенія бургмистра, — и что приниматься въ эти дома могутъ только тѣ женщины, у которыхъ имѣются названныя книжки, причемъ женщины во всемъ обязаны подчиняться установленнымъ правиламъ.

Въ Роттердамѣ, напротивъ, содержаніе домовъ разврата, «какъ общее правило», запрещается, но въ иныхъ случаяхъ «можетъ быть допущено» полицейскимъ управленіемъ. «Тайные же дома разврата ни въ какомъ случаѣ не должны быть терпимы».

Разрѣшеніе на открытіе или содержаніе подобнаго дома должно быть испрашиваемо письменно, съ приложеніемъ всѣхъ подробныхъ свѣдѣній (XV). Эти дома не могутъ помѣщаться вблизи училищъ, церквей и тому подобныхъ зданій и не должны имѣть потайныхъ или неизвѣстныхъ полиціи входовъ и выходовъ (XVI).

Во многихъ другихъ городахъ особымъ примѣчаніемъ такіе дома запрещается устраивать на главныхъ улицахъ или въ центрѣ города.—Въ случаѣ желанія перевести такой домъ въ другое помѣщеніе, разрѣшеніе должно быть испрашиваемо вновь (XVII).

Домовладѣлецъ, сдающій безъ разрѣшенія въ наймы свой домъ для цѣлей разврата, подвергается наказанію, считается содержателемъ публичнаго дома, а всѣ живущіе въ этомъ домѣ женщины—проститутками (XVIII).

Настоящее постановленіе, впрочемъ, не вполнѣ цѣлесообразно: при всегда возможныхъ злоупотребленіяхъ, оно можетъ легко способствовать возникновенію «концессій». Можно допустить поэтому, что регистрація совершается по благоусмотрѣнію властей.

Всякій, содержащій домъ разврата, долженъ письменно показать полиціи, сколько проститутокъ и какія именно живутъ или являются туда. Точно также должно быть заявлено и о другихъ являющихся туда или живущихъ тамъ женщинахъ, равнымъ образомъ и о служанкахъ, если онѣ находятся въ возрастѣ отъ 15 до 45 лѣтъ. Несоблюденіе этихъ правилъ подлежитъ наказанію (XIX).

Въ Девентерѣ существуетъ предписаніе, согласно которому женщины моложе 21 года не могутъ жить въ качествѣ прислуги въ домахъ разврата.

Далѣе, содержателямъ домовъ разврата воспрещается производить безъ разрѣшенія полиціи какія-бы то ни было перемѣны (XX). Затѣмъ, въ подобные дома не должны быть допускаемы, кромѣ жены и дочерей содержателя, постороннія женщины, не зарегистрованныя, какъ проститутки (XXI).

Въ Бергенѣ опъ-Зоомъ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ къ посѣщенію подобныхъ домовъ не можетъ быть допущенъ ни одинъ юноша моложе 18 лѣтъ. Еще въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ незамужняя или живущая въ разводѣ съ мужемъ содержательница публичнаго дома подлежитъ также полицейскому надзору. Танцовальныя и музыкальныя развлеченія могутъ быть допустимы въ домахъ такого рода только съ разрѣшенія бургмистра (XXII).

Въ Амерсфортѣ существуетъ постановленіе, согласно которому отъ апрѣля до сентября публичные дома должны быть закрыты отъ 11 часовъ вечера до восхода солнца, въ остальные же мѣсяцы—до 7

часовъ утра и въ теченіе этого времени никто не долженъ быть допускаемъ. Въ «общемъ залѣ» огни должны быть потушены въ 11 часовъ и посѣтители должны удаляться.

Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ «общія полицейскія мѣропріятія». Окна публичныхъ домовъ должны быть постоянно завѣшаны непрозрачными гардинами или занавѣсями (XXIII). Постановленіями нѣкоторыхъ городовъ это требуется только для нижнихъ этажей съ окнами, выходящими на улицу.

«Статья XXIV. Публичнымъ женщинамъ воспрещается: 1) показываться на улицѣ въ неприличномъ, оскорбляющемъ нравственность, или нетрезвомъ видѣ; 2) подать чѣмъ-нибудь поводъ къ публичному скандалу или же позволить себѣ какую-либо непристойность словами или жестами; 3) завлекать мужчинъ словами или жестами; 4) занимать въ театрахъ, концертахъ или подобныхъ мѣстахъ для зрѣлищъ другія мѣста, чѣмъ какія отведены для нихъ полиціей».

Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ имъ воспрещается также показываться на улицахъ въ теченіе ночныхъ часовъ—послѣ 11 часовъ вечера и до восхода солнца—или же сидѣть дома у открытыхъ оконъ. Воспрещается также какъ публичнымъ женщинамъ, такъ и содержателямъ домовъ, склонять какимъ-бы то ни было способомъ проходящихъ мимо дома мужчинъ входить въ домъ.

Живущимъ независимо проституткамъ воспрещается (XXV) принимать мужчинъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ собственной квартиры или публичныхъ домовъ.

Четвертый отдѣлъ обнимаетъ собою «санитарныя мѣропріятія».

«Статья XXVI. Каждая публичная женщина должна подвергаться, по меньшей мѣрѣ, два раза въ недѣлю

медицинскому освидѣтельствованію, причемъ обязана являться для этой цѣли въ мѣсто, спеціально для того назначенное. Бургмистромъ назначается день и часъ, въ которые производятся врачебныя освидѣтельствованія и полиціей отмѣчаются каждый разъ результаты въ книжкахъ женщинъ. Этому освидѣтельствованію подвергаются также хозяйки публичныхъ домовъ и всѣ остальныя, согласно статьѣ XIX, живущія въ немъ женщины, за исключеніемъ дочерей содержателя или содержательницы, если онѣ проституціей не занимаются.

Если проститутка страдаетъ какой-нибудь другой болѣзнью, кромѣ поименованныхъ въ статьѣ XXXVI, то это не освобождаетъ ее отъ обычнаго освидѣтельствованія, —развѣ только въ томъ случаѣ, если это признаетъ, въ видѣ исключенія, возможнымъ завѣдующій освидѣтельствованіемъ врачъ».

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что въ большинствѣ другихъ нидерландскихъ городовъ признается достаточнымъ производить освидѣтельствованіе только одинъ разъ въ недѣлю.

Статья XXVII говоритъ объ обязанности каждой проститутки являться для медицинскаго освидѣтельствованія на другой же день послѣ ея зачисленія въ списки. Въ случаѣ уклоненія отъ этого, виновная подвергается наказанію и принудительному приводу черезъ полицію. Освидѣтельствованіе можетъ быть произведено, по просьбѣ желающихъ, и въ другомъ мѣстѣ, если только докторъ найдетъ указанное мѣсто подходящимъ (XXVIII).

Только въ такихъ случаяхъ проститутки должны вносить извѣстную плату за освидѣтельствованіе, производящееся обыкновенно безплатно (XXIX). Согласно особому постановленію, за каждое освидѣтельствованіе вносится 40 центовъ, взимаемыхъ еженедѣльно чрезъ посредство полицейскихъ чиновниковъ. Освидѣтельствованіе производится назначеннымъ врачемъ, обязаннымъ находиться въ опредѣленномъ мѣстѣ 4 раза въ недѣлю отъ 10 до 12 часовъ; ежегодно къ 1-му марта врачъ обязанъ представлять бургмистру отчетъ о своей дѣятельности.

Освидѣтельствованія должны производиться тщательнѣйшимъ образомъ, съ примѣненіемъ всѣхъ существующихъ научныхъ вспомогательныхъ средствъ (XXX—XXXIV). Врачъ записываетъ въ книжку освидѣтельствованной женщины день, часъ и результатъ изслѣдованія. Затѣмъ онъ ведетъ, къ тому же, записи своихъ наблюденій (XXXV).

Если проститутка оказывается заболѣвшей венерически, она тотчасъ должна быть препровождена безотлагательно въ заведеніе, спеціально для такихъ больныхъ предназначенное, также и въ томъ случаѣ, если заболѣваніе кажется только сомнительнымъ. Производящій освидѣтельствованіе врачъ долженъ немедленно по возможности увѣдомить о такомъ случаѣ полицію и сдѣлать отмѣтку въ книжкѣ: «оказалась больной (подъ сомнѣніемъ) и препровождена въ больницу». Проститутка, уклонившаяся отъ соблюденія этого правила, подвергается наказанію и доставляется въ больницу чрезъ посредство полиціи (XXXVI).

Въ большей части городовъ установлено, что въ случаѣ заболѣванія проститутки книжка у нея отбирается. Принятая въ больницу проститутка ни подъ какимъ видомъ не имѣетъ права оставить больницу ранѣе, чѣмъ ей выдано будетъ врачомъ письменное удостовѣреніе въ полномъ выздоровленіи. Въ этихъ случаяхъ врачъ увѣдомляетъ полицію въ тотъ же день, полиція дѣлаетъ соотвѣтственную помѣтку въ книжкѣ выздоровѣвшей проститутки и возвращаетъ ее ей (XXXVII).

«Статья XXXVIII. Если состояніе здоровья пуб-

личной женщины настолько пошатнулось, что она нуждается въ продолжительномъ леченіи въ больницѣ, или если ея болѣзненность такъ сильна, что приходится считаться съ возможностью того, что она окажется неспособной къ дальнѣйшему занятію своей профессіей, то производившій изслѣдованіе врачъ долженъ представить бургмистру мотивированный докладъ объ этомъ, послѣ чего бургмистръ, произведя разслѣдованіе дѣла, долженъ запретить данной женщинѣ дальнѣйшее занятіе проституціей. Это должно быть произведено письменно. Имя ея вычеркивается изъ списковъ съ отмѣткой о причинѣ этого. Если же впослѣдствіи окажется, что она, несмотря на это, продолжаетъ заниматься проституціей, то она подвергается наказанію, согласно статьѣ XLIV».

Дома разврата должны содержаться въ наивозможно большей опрятности. Каждой публичной женщинѣ должна быть предоставлена, по возможности, отдѣльная комната, снабженная всѣмъ необходимымъ для уборки и содержанія ее въ чистотѣ. Врачъ, на котораго возложена обязанность надзора за санитарнымъ состояніемъ этихъ домовъ, долженъ предписывать нужныя для этого мѣры, которыя обязаны исполнять и соблюдать хозяева и хозяйки домовъ. Въ случаѣ нарушенія ими этихъ предписаній, врачъ письменно доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія полиціи, послѣ чего виновные предаются суду (XXXIX).

Проститутки, уклоняющіяся отъ обязательнаго освидѣтельствованія или пытающіяся ввести изслѣдующаго ихъ врача въ обманъ насчетъ состоянія своего здоровья, подвергаются наказанію. Въ первомъ случаѣ, онѣ могутъ быть также подвергнуты принудительному приводу чрезъ посредство полиціи (XL).

«Статья XLI. Содержатели публичныхъ домовъ обязаны заботиться о томъ, чтобы находящіяся въ ихъ вѣдѣніи женщины неукоснительно являлись для освидѣтельствованія». Врачъ обязанъ производить и чрезвычайныя освидѣтельствованія, если его объ этомъ просятъ, на основаніи возникшихъ у нихъ подозрѣній, содержатели домовъ или полиція (XLII).

Производящему освидѣтельствованіе врачу воспрещено заниматься, помимо своей служебной обязанности, врачебной практикой въ публичныхъ домахъ или на квартирахъ проститутокъ. Если будетъ обнаруженъ такой случай, врачъ получаетъ въ первый разъ выговоръ, если же такой случай повторится, онъ увольняется отъ службы (XLIII).

Пятый отдѣлъ состоитъ изъ одной только XLIV статьи, опредѣляющей мѣры наказанія. Нарушенія и проступки противъ статей VI, VIII и IX наказываются денежными штрафами въ размѣрѣ 1 гульдена; противъ II, XXIII, XXIV, XXV и XXVI— штрафомъ въ 3 гульдена; противъ IV, XIX, XX, XXXVIII, XXXIX, XL и XLVI—штрафомъ въ размѣрѣ отъ 3 до 10 гульденовъ, съ прибавленіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ трехдневнаго ареста; противъ XXVII, XXXVI и XLI—штрафомъ въ размѣрѣ отъ 5 до 15 гульденовъ при трехдневномъ арестѣ или безъ него; противъ X и XVIII—штрафомъ въ 25 гульденовъ и трехдневнымъ арестомъ.

Шестой отдѣлъ заключаетъ въ себѣ мѣры для приведенія въ исполненіе поименованныхъ взысканій. Согласно статьѣ XLV, бургмистръ по закону имѣетъ въ своемъ распоряженіи полицію.

Слѣдующей статьей предписывается, чтобы это постановленіе было помѣщено во всякомъ публичномъ домѣ на видномъ мѣстѣ; затѣмъ, статья XLVII устанавливаетъ, что назначенный для надзора врачъ, равно какъ и чины полиціи, должны имѣть во

всякое время доступъ въ публичные дома; являться они должны обыкновенно по письменному предписанію бургмистра.

Седьмой отдѣлъ содержитъ слѣдующія разъясненія. Если условія какого-либо публичнаго дома находились, ко времени вступленія въ силу настоящихъ правилъ, въ противорѣчіи со статьей XVI, то имъ можетъ быть разрѣшено дальнѣйшее существованіе при условіи соблюденія ихъ содержателями всѣхъ остальныхъ правилъ Но при первомъ же доказанномъ нарушеніи какой-либо статьи или послѣ оштрафованія, бургмистръ можетъ лишить ихъ права дальнѣйшаго существованія. При этомъ, такъ же, какъ и въ случаяхъ переѣзда или смерти, обязательно исполненіе статьи XVII.

Въ 1860 году нидерландское военное министерство издало приказъ, согласно которому команда должна была подвергаться еженедѣльно, а холостые унтеръ-офицеры время отъ времени, но не рѣже, однако, одного раза въ мѣсяцъ, освидѣтельствованію въ отношеніи венерическихъ заболѣваній. Въ одномъ циркулярѣ, изданномъ тремя годами позже и разосланномъ старшимъ офицерамъ санитарныхъ отрядовъ гарнизона, инспекторъ санитарной полиціи указывалъ мѣстнымъ властямъ на необходимость посвятить большее вниманіе санитарному надзору за публичными домами и тайной проституціей.

Далѣе предписывалось, чтобы всякій солдатъ, оказавшійся венерически заболѣвшимъ, обязывался указать, отъ какой женщины онъ могъ заразиться, послѣ чего на эту женщину обращалось вниманіе мѣстныхъ властей для принятія ими необходимыхъ мѣръ пресѣченія противъ возможныхъ дальнѣйшихъ случаевъ зараженія. Ложныя показанія должны наказываться по заслугѣ.

Многіе горячо возстали противъ принциповъ, по-

ложенныхъ въ основу вышеприведенныхъ постановленій. Директоръ больницы и авторъ многихъ медицинскихъ сочиненій, докторъ Донкерслоотъ издалъ брошюрку подъ заглавіемъ: «Moet de Staat het bestaan van openlijke Prsotitutie erkennen?», въ которой рѣшительно и энергично возстаетъ противъ этого постановленія и приложеннаго къ нему доклада. Онъ обращаетъ преимущественное вниманіе на слѣдующіе три принципа:

1. Признаніе публичной проституціи имѣетъ огромную важность для общественнаго здоровья.

2. Удовлетвореніе полового инстинкта необходимо для всякаго мужчины, желающаго сохранить въ здоровомъ состояніи духъ и тѣло.

3. Если проституція будетъ вынуждена практиковаться тайно, то это будетъ только содѣйствовать распространенію сифилиса. На всѣ эти утвержденія, раздававшіяся такъ часто, что повтореніе ихъ стало совершенно лишнимъ, названный авторъ даетъ слѣдующій отвѣтъ, приводимый здѣсь нами только въ главныхъ своихъ чертахъ.

О первомъ положеніи онъ говоритъ:

«Авторъ доклада утверждаетъ свое положеніе, но ничѣмъ не доказываетъ его. Онъ говоритъ, правда, что «исторія минувшихъ эпохъ доказываетъ намъ, что чѣмъ больше пытаются подавить проституцію, тѣмъ убыточнѣе она становится для общества, какъ съ моральной, такъ и съ физической точки зрѣнія», но не обосновываетъ свое утвержденіе ни доказательствами, ни положительными данными. Намъ хорошо извѣстно, что онъ могъ найти эти доказательства и данныя у Паранъ Дюшатлэ, у Берендса и другихъ, что онъ могъ-бы привести Берлинъ, Бреславль и др. города, какъ примѣры для защиты публичной проституціи.

«Но онъ не считаетъ нужнымъ сослаться на

эти авторитеты и поэтому намъ незачѣмъ противопоставлять ему свои авторитеты, въ родѣ Ширмайера, Молля и другихъ, утверждающихъ противное. Да и всѣми подобными ссылками можно доказать не что иное, какъ то, какъ обстоитъ этотъ вопросъ при существующихъ условіяхъ. Вопросы же о томъ, что требуетъ улучшенія и какія послѣдствія могли бы произойти отъ этихъ улучшеній, могутъ только послужить матеріаломъ къ абстрактному обсужденію.

«Достовѣрно только одно, что потребность въ публичныхъ домахъ чувствуется только въ большихъ городахъ и въ деревняхъ объ этомъ абсолютно и рѣчи быть не можетъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ, почти все собою обнимающихъ вопросовъ является вопросъ о томъ, возрастаетъ-ли или уменьшается число домовъ разврата. Мы лично полагаемъ, что оно возрастаетъ,—но чтобы лучше уяснить себѣ вопросъ, изслѣдовать его нужно не на примѣрѣ такого города, гдѣ развратъ практикуется изъ года въ годъ и гдѣ порокъ и позоръ имѣютъ для себя крѣпкіе устои и условія. Здѣсь уничтоженіе домовъ разврата едва-ли можетъ уменьшить зло, пока не вымрутъ привычные и неисправимые развратники. Для изслѣдованія намъ нужно представить себѣ такой городъ, въ которомъ публичныхъ домовъ еще не существовало до сихъ поръ»...

Довольно долго еще продолжаетъ авторъ все въ томъ же тонѣ голыхъ соображеній, очень похвальныхъ, но лишенныхъ какой бы то ни было практической цѣнности. Такимъ же образомъ текутъ разсужденія автора и по второму пункту, по которому отъ врача можно было-бы ожидать, во всякомъ случаѣ, замѣчаній по существу, прежде всего. Съ цѣлью опровергнуть это положеніе, онъ ссылается на экипажъ кораблей, находящихся въ плаваніи, на заключенныхъ, на тысячи безбрачнаго духовенства. Но кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ вопроса въ той средѣ, на которую ссылается авторъ, тотъ знаетъ, какой ничтожный вѣсъ и цѣну имѣетъ эта ссылка, несмотря на нѣкоторое высокомѣріе специалиста, съ которымъ авторъ отражаетъ мнѣніе своихъ противниковъ, не основанное, будто бы, «ни на опытѣ, ни на законахъ природы».

Переходя къ третьему пункту, авторъ также пренебрегаетъ какими бы то ни было доказательствами, ограничиваясь снова голословнымъ утвержденіемъ, что «въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не существуетъ публичныхъ домовъ, совсѣмъ не наблюдается, или очень рѣдко встрѣчается сифилисъ»,—а между тѣмъ вѣдь это вопросъ, дающій огромный матеріалъ для размышленія. Едва-ли существуетъ такое мѣсто—и причины этого легко понять—и особенно, обширное мѣсто, свободное отъ этого неизбѣжнаго зла.

Но что совсѣмъ уже изумительно, такъ это слѣдующая диковинная мысль: «Но если-бы это и была правда, что страшное зло, о которомъ мы говоримъ, получаетъ болѣе пищи для себя отъ тайнаго разврата, чѣмъ отъ публичнаго,—то и тогда мы предпочли бы видѣть сто больныхъ, нашедшихъ сами свое несчастье, чѣмъ двадцать пять, которыхъ мы сами толкнули на несчастье».—Передъ подобной нравственной чувствительностью не остается, дѣйствительно, мѣста какому-бы то ни было обмѣну мнѣній, если бы и могло еще имѣть мѣсто обсужденіе вопроса о допустимости публичныхъ домовъ.

Въ концѣ 1878 года въ Утрехтѣ состоялся конгрессъ для обсужденія вопроса о проституціи. Его посѣтили около двухъ тысячъ человѣкъ лучшихъ образованныхъ круговъ Голландіи,—профессоровъ,

врачей, студентовъ, полицейскихъ чиновниковъ, юристовъ, купцовъ, духовныхъ и т. п. Здѣсь громко звучали благожелательныя и благочестивыя фразы, было заявлено требованіе объ отмѣнѣ и уничтоженіи существующаго санитарнаго надзора, какъ противорѣчащаго нравственности, несогласнаго съ закономъ и сомнительнаго по полезности съ гигіенической точки зрѣнія.

Какъ можно было и заранѣе предвидѣть, всѣ эти прекрасныя рѣчи и предложенія не имѣли никакого практическаго результата,—что приходится сказать, въ концѣ концовъ, почти обо всѣхъ трудахъ и усиліяхъ, произведенныхъ въ этой области; подъ напоромъ нравственнаго негодованія оставляются обыкновенно совершенно безъ вниманія всѣ уроки прошлаго и всѣ бьющія въ глаза требованія настоящаго.

Мы закончимъ настоящую главу упоминаніемъ о заслуживающемъ вниманія явленіи такъ называемой «гостепріимной проституціи»—насколько это явленіе вообще можно отнести къ области проституціи, существовавшей прежде и въ Нидерландахъ. Въ своей превосходной книгѣ «Женщина въ природѣ и народовѣдѣніи» Плоссъ упоминаетъ, что, по словамъ Мурнера, «въ Индерландахъ существуетъ обычай, по которому хозяинъ предлагаетъ дорогому гостю свою жену». Сообщеніе это не представляется намъ очень вѣроятнымъ, да и такого указанія больше нигдѣ не встрѣчается. Замѣтимъ еще мимоходомъ, что за войскомъ, которое велъ въ Нидерланды герцогъ Альба, слѣдовало 400 проститутокъ верхомъ и 800 пѣшкомъ.

ГЛАВА III.

Неприступность.—Состояніе нравовъ.—Великій рынокъ плоти.—Сплинъ.—Выкупъ за невѣстъ и продажа женщинъ.—Англійскія женщины.—Лондонъ.—Breach of promise.—Бракоразводные процессы и процессы о двоеженствѣ.—Gretna Green.—Лола Монтецъ.—Ея процессъ о двумужствѣ.

Вопреки славѣ чрезвычайной нравственной строгости, которой пользуются англичане и еще больше англичанки,—строгости, составляющей вѣчный предметъ остроумія юмористическихъ журналовъ,—развратъ и проституція ни въ какой другой странѣ не развиты съ такой силой и въ такихъ грубыхъ формахъ, какъ въ Великобританіи. Исторія даетъ всѣ основанія утверждать это о минувшихъ эпохахъ, а наблюденіе и опытъ подтверждаютъ это явленіе и въ новое и даже новѣйшее время. Повидимому, хваленая неприступность британокъ не слишкомъ древняго происхожденія, какъ мы можемъ судить и по словамъ Эразма Роттердамскаго:

«Sunt hic nymphae divinis vultibus, blandae, facilis, est mos nunquam satis laudatus, quo venias, omnium osculis excipieris, sive discedas, osculis dimitteris, redis, redduntur suavia, disceditur basia, quocunque te moveas, suaviorum sunt plena omnia».

(«У здѣшнихъ дѣвушекъ божественный обликъ, ласковый, любезный; нельзя также достаточно расхвалить слѣдующій обычай: куда ни придешь, всѣ встрѣчаютъ поцѣлуями, уходишь—поцѣлуями провожаютъ, приходишь снова, поцѣлуи сладко возвращаются; поцѣлуи со всѣхъ сторонъ,—куда ни пойдешь, всюду получаешь это удовольствіе полной мѣрой»).

Даже въ началѣ XIX столѣтія Веберъ-Демокритъ могъ сказать объ англичанахъ: «Высшее удоволь-

ствіе британцевъ, это—моментъ, когда дамы удаляются, и они могутъ начать говорить самыя грубыя непристойности, съ величайшей серьезностью, свойственной британцамъ: The star above the garter... Our allmother, our old friend—the centre of attraction... Our finger's ring...»

«Даже мрачный и деспотическій капитанъ Кукъ, топавшій ногами при всякомъ упущеніи, метавшій громы, гремѣвшіе до отдаленнѣйшихъ уголковъ корабля,—капитанъ Кукъ, произносившій въ теченіе недѣли только самыя необходимыя слова и то до послѣдней возможности односложно,—даже капитанъ Кукъ развеселялся по субботамъ, когда за первымъ стаканомъ пунша вечеромъ восклицалъ: Saturday night!—Каждую субботу экипажъ кораблей, стоявшихъ въ гаваняхъ, получалъ разрѣшеніе высаживаться на берегъ и посѣщать своихъ женъ и возлюбленныхъ,—и вотъ это развеселяло Кука, дѣлало его разговорчивымъ и нерѣдко и непристойнымъ въ словахъ».

Извѣстныя разоблаченія «Pall Mall Gazette», о которыхъ мы послѣ поговоримъ подробно, свидѣтельствуютъ, какъ и многое еще, что взгляды, которые влагаетъ Шекспиръ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ своей комедіи, раздѣляли многіе тогда, какъ раздѣляютъ еще и теперь: «Loss of Virginity is national increase, and there was never virgin got till virginity was first lost—'tis against the rule of nature, to speak on the part of virginity; 'tis to accuse your mother; virginity murdess itself, and should be buried in highways; virginity is peevish, proud, idle, made of selfishness, out with't! the longer kept, the less worth; of with't, whilc 'tis vendible».

Въ какой мѣрѣ характеристика женщины изъ

«Отелло» подходитъ къ англичанкамъ, мы можемъ усмотрѣть изъ слѣдующаго:

«...Pictures out of doors,
Bells in your palours, wildcats in your kitchens,
Saints in your iujuries, devils bei g offended,
Players in your housewifery, and housewives in your beds.
You rise to playe, and go to bed to work!»

Англійскій пасторъ Генри Верлей пишетъ въ своихъ лекціяхъ, изданныхъ въ формѣ книги («Проклятія мужской половины человѣческаго рода»):

«Я обращаюсь теперь къ Англіи и признаю открыто и смѣло, что положеніе нашего народа въ отношеніи нравственности, въ общемъ, отвратительно. Безчисленныя преступленія, стоящія на одной ступени съ случаями содомизма въ Дублинѣ, которые удалось, къ сожалѣнію, замять, возмутительное состояніе школъ порока въ Лондонѣ, разоблаченія совершающагося въ высшихъ и самыхъ высшихъ кругахъ общества, увидавшія свѣтъ благодаря бракоразводнымъ процессамъ... все это является краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, что нравственность наша разлагается. Невѣрность супруговъ въ высшихъ кругахъ сдѣлалась вполнѣ обыкновеннымъ дѣломъ и прелюбодѣяніе всюду процвѣтаетъ.

«Обзаводятся любовницами, содержатъ по двѣ и по три квартиры для періодическихъ посѣщеній—и такъ поступаютъ тысячи богатыхъ людей. Въ процессѣ, возбужденномъ противъ пріобрѣвшей извѣстность г-жи Джеферрисъ, обнаружилось, что большое число великолѣпно обставленныхъ домовъ въ лучшихъ аристократическихъ частяхъ города были устроены единственно и исключительно для подобныхъ свиданій. Эта безчестная и жалкая сводница имѣла въ одномъ Chelsea двѣнадцать такихъ домовъ, предназначенныхъ для удобствъ прелюбодѣя-

нія «высшаго свѣта». Мнѣ извѣстны по именамъ человѣкъ тридцать или сорокъ высокихъ чиновъ и званій, бывшихъ постоянными посѣтителями этихъ домовъ»...

Мы видимъ здѣсь одинъ изъ первыхъ городовъ земного шара, гдѣ лучшая, западная часть его является признаннымъ центромъ, гдѣ открыто практикуется развратъ въ крупныхъ размѣрахъ и гдѣ гнѣздится вообще порочность всякаго рода. Не менѣе двѣнадцати «увеселительныхъ домовъ», если можно такъ назвать ихъ, учреждено съ правительственнаго соизволенія и въ огромной степени содѣйствуютъ существованію того, что справедливо назвалъ одинъ замѣтный государственный дѣятель, защищая это злоупотребленіе общественной властью, «великимъ всемірнымъ рынкомъ плоти». «Развѣ вы не знаете,—прибавилъ онъ,—что три тысячи этихъ женщинъ слоняются по улицамъ въ непосредственной близи къ «Criterion'у»? Помочь тому, чтобы положить предѣлъ этому безчинству? Нѣтъ, единственный подходящій путь—это признать его»...

Многимъ не безъизвѣстно, что происходитъ въ окруженныхъ цвѣтами храмахъ развратныхъ служительницъ искусства. Такова Альгамбра, съ ея отвратительными балетами и безстыдными фотографіями, выставленными всюду на-показъ. Что выиграла-бы нравственность Лондона, если-бы всѣ эти гнусныя зданія «Павильоновъ» и «Альгамбръ» вдругъ сгорѣли до-тла и закономъ было-бы навсегда запрещено отстраивать и открывать ихъ вновь?! Да вѣдь всѣ представленія, даваемыя здѣсь, разсчитаны только на возбужденіе сладострастныхъ желаній зрителей.

Таковъ Вестминстерскій Акваріумъ, таковы были Healtheries и еще недавно существовавшія выставки колоній—все это мѣста, ставшія своеобразной ареной разнузданнаго разврата и прелюбодѣйства,—такъ что въ интересахъ нравственности города надо было радоваться, когда эти увеселительныя заведенія были закрыты, и какъ о милости Божіей, надо мечтать о томъ, чтобы такой конецъ постигъ и Вестминстерскій Акваріумъ, этотъ огромный сборный пунктъ для прелюбодѣевъ. Кромѣ него, существуетъ еще не менѣе десяти подобныхъ увеселительныхъ мѣстъ, которыя каждую ночь привлекаютъ къ себѣ своими безнравственными представленіями и специфической обстановкой цѣлыя толпы дневныхъ воровъ, слоняющихся затѣмъ отъ 11 часовъ ночи до $2^1/_2$ часовъ дня по площади Ватерлоо, гдѣ разыгрываются тогда сцены, для описанія которыхъ безсильны всякая кисть и перо».

Богумилъ Гольту замѣчаетъ въ своей книгѣ: «Человѣкъ и люди»: «Чтобы представить сколько-нибудь полную картину всѣхъ контрастовъ и противорѣчій англійской жизни, понадобилось бы создать цѣлую особую литературу. Нѣтъ ничего гнуснѣе и отвратительнѣе противорѣчій между цинической безцеремоностью англичанина и его рабской подчиненностью внѣшнимъ формамъ общественнаго, литературнаго и политическаго общежитія,—между репутаціей свободолюбія, которымъ пользуется британецъ и обычнымъ у него на практикѣ рабствомъ».

Особенно рѣзко обнаруживаются, какъ мы это увидимъ изъ многаго дальнѣйшаго, эти «вопіющія противорѣчія» въ вопросѣ половой жизни, гдѣ англичане совмѣщаютъ самое грубое, безудержное насильничество съ самыми ревностными стремленіями къ чистотѣ нравовъ. Многое изъ этого объясняется особенностями національнаго характера британцевъ, являющагося, даже по признанію англійскихъ же мыслителей, не столько самобытнымъ, сколько искусственно сложившимся, путемъ смѣшенія.

Порожденіемъ англійскаго національнаго харак-

тера является черта, служившая и служащая еще и въ настоящее время вѣчной мишенью для континентальнаго остроумія—знаменитый англійскій сплинъ, получающій для себя пищу въ климатѣ и нѣкоторыхъ другихъ особенностяхъ Англіи, носящійся, такъ сказать, въ самомъ воздухѣ Англіи. Возможно, что сплинъ этотъ содѣйствовалъ до извѣстной степени развитію нравственности британцевъ и крайнимъ проявленіямъ чувственности ихъ; но обсужденіе этого вопроса выходитъ за предѣлы настоящей книги.

«Англія—рай для женщинъ и адъ—для лошадей», утверждаетъ старинная поговорка, пользуясь не очень любезнымъ сравненіемъ. Если эта поговорка должна указывать на то, что въ Англіи жена, какъ супруга, занимаетъ гораздо лучшее положеніе, чѣмъ въ большинствѣ странъ европейскаго материка,—то съ этимъ въ общемъ спорить нельзя, главнымъ образомъ въ отношеніи такъ называемыхъ высшихъ круговъ общества, какъ бы ни противорѣчили этому институты вродѣ брака по покупкѣ женъ и продажи женщинъ. Что касается перваго обычая, то происхожденіе его относится къ сѣдой старинѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что отецъ не снабжаетъ свою дочь приданымъ, а получаетъ, наоборотъ, какъ это практикуется еще и нынѣ у нецивилизованныхъ племенъ, извѣстный выкупъ отъ человѣка, желающаго взять его дочь въ супружество, – за то, что отдаетъ ему полезнаго члена своей семьи.

«Бракъ по покупкѣ женъ,—говоритъ Дюранъ въ своей книгѣ «О взаимоотношеніи половъ въ Англіи»,—сохранился въ Англіи до самаго XIX столѣтія. Даже еще въ первыя десятилѣтія минувшаго столѣтія случаи продажи женщинъ происходили сравнительно довольно часто. Въ одной статьѣ журнала «All the gear rouad» отъ 20 декабря 1884 года приведено свыше 20 случаевъ, происшедшихъ въ самые послѣдніе годы, названы имена и всѣ подробности

сдѣлокъ, причемъ цѣна купленой жены колебалась отъ уплаты 25 гиней и полу-пинты пива до 1 пенни и угощенія обѣдомъ. Бракъ по покупкѣ совершался очень часто въ XVIII столѣтіи особенно въ концѣ его и въ началѣ XIX столѣтія... Чаще всего были случаи продажи женъ мужьями и гораздо рѣже, чѣмъ раньше, случаи продажи дочерей отцами».

Что касается приведенныхъ выше цѣнъ, ихъ слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что къ тому времени этотъ обычай, пережитокъ старины, сдѣлался уже простой формальностью. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ смѣшиваетъ ихъ, повидимому, принимая оба названныхъ обычая за одинъ и отзываясь о второмъ, о продажѣ женщины, какъ о «самомъ грубомъ и унизительномъ для несчастной женщины по способу своего осуществленія». Ее выводили на рынокъ, какъ голову скота, и такъ же продавали. Въ народѣ этотъ обычай носилъ названіе «hornmarket»—«рогатаго рынка»

«Проданная такимъ образомъ женщина становилась законной супругой купившаго ее мужчины и дѣти, рожденныя ею отъ него, разсматривались, какъ вполнѣ законныя. Очень часто, однако, введенный во владѣніе супругъ, считалъ нужнымъ совершить, помимо купли, еще и обрядъ церковнаго вѣнчанія... Законъ о прелюбодѣяніи, въ смыслѣ двоеженства, ни въ какомъ случаѣ не могъ быть примѣненъ къ такому браку, разсматривавшемуся такъже, какъ законный».

Но несмотря на высшіе авторитеты, приводимые авторомъ, эти свѣдѣнія представляются намъ не очень вѣроятными, такъ какъ трудно допустить, чтобы государство и церковь согласились безъ колебанія на подобное распатываніе основныхъ устоевъ общественной организаціи. Что же касается брака

по покупкѣ въ собственномъ смыслѣ, который представляется такимъ варварствомъ съ теоретической точки зрѣнія,—то развѣ это уже дѣйствительно такъ неслыханно въ нашемъ нормальномъ культурномъ обществѣ, чтобъ и женщина (о мужчинахъ умолчимъ совсѣмъ) вступила въ такъ называемый бракъ по разсудку, только ради тѣхъ выгодъ, какія можетъ прямо или косвенно повести за собой этотъ бракъ для ея семьи? И развѣ нельзя назвать бракомъ по покупкѣ и иной современный бракъ, при которомъ обусловливается, если и не въ такой грубой, то вполнѣ опредѣленной формѣ, покупная цѣна?

Прямой слѣдъ брака по покупкѣ сохранился, впрочемъ, во всеобщемъ обычаѣ нашего времени, согласно которому женихъ дѣлаетъ подарокъ невѣстѣ. Въ подобныхъ обычаяхъ сказываются пережитки исчезнувшихъ культурныхъ эпохъ,—но слѣдуетъ остерегаться все-таки отъ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній въ проведеніи параллели съ настоящимъ. Такимъ пережиткомъ является или являлось право проповѣдника въ Gretna-Green, имѣвшее, разумѣется, свое глубокое обоснованіе, а существовавшій нѣкогда въ Англіи обычай, по которому въ опредѣленный день въ году дѣвушка могла сдѣлать предложеніе понравившемуся ей мужчинѣ, былъ такимъ же пережиткомъ, и притомъ гораздо болѣе разумнымъ и богатымъ послѣдствіями, чѣмъ всѣ громкія и пышныя фразы, которыми усиливались побѣдить возмутительное «крѣпостное состояніе женщины». Въ Зибенбюргенѣ сохранился кое-гдѣ отъ самой древности до настоящаго времени обычай ежегодной свадебной ярмарки, являющійся теперь пустой формальностью, такъ какъ мужчина, выбирающій себѣ тамъ невѣсту, въ сущности давно уже раньше поладилъ съ красавицей и ея семьей.

Авторъ неоднократно уже цитированной нами

книги «Отрывковъ путевыхъ впечатлѣній» (1848 г.) такъ отзывается объ англійскихъ женщинахъ и о состояніи англійскихъ нравовъ:

«Наряду съ мужчинами, большей частью высокаго роста и стройнаго и крѣпкаго сложенія, женщины отличаются привлекательностью, хотя англійскія дѣвушки и лишены граціозныхъ манеръ француженокъ, пламенныхъ глазъ итальянокъ и благородныхъ чертъ лица гречанокъ. Лицо англійскихъ женщинъ отличается высшей степенью чистоты и свѣжести кожи, по ослѣпительной бѣлизнѣ которой, словно дымкой кармина, вьется чистый румянецъ щекъ. Длинныя рѣсницы оттѣняютъ живые, выразительные каріе глаза, красныя, какъ вишни, губы обрамляютъ маленькій изящно-очерченный ротъ съ жемчужными рядами зубовъ и надъ лицомъ высится правильнаго рисунка носъ, красиво переходящій въ высокій лобъ.

«Остальныя формы тѣла, правда, безупречны по контурамъ, эластично округленныя легкой волнообразной линіей,—но той законченной, совершенной красоты, которой поражаетъ голова, въ нихъ нѣтъ.

«Но еще большее и болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ наружность, производитъ духовный складъ англійской женщины, съ ея положительнымъ характеромъ, тонкимъ моральнымъ чувствомъ, съ ея яснымъ умомъ, женственной кротостью, уступчивостью и непритязательностью,—качества, составляющія всегда и всюду высшее очарованіе женщины, истинную красоту и прелесть женской души.

«Всѣ эти добродѣтели являются здѣсь большей частію результатомъ воспитанія, непохожаго на ошибочную систему галло-германскаго воспитанія: здѣсь молодымъ дѣвушкамъ не навязываютъ однѣ познанія, которыя въ ея обычной сферѣ ей никогда понадобиться не могутъ, не доводятъ до преувели-

ченныхъ размѣровъ ея естественные инстинкты и страсти, не искажая и не уродуя въ то же время ея физическаго развитія.

«Этой-то разумной и цѣлесообразной системѣ моральнаго, какъ и физическаго воспитанія преимущественно обязана Англія обиліемъ своихъ счастливыхъ браковъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь наблюдается уменьшеніе числа заключаемыхъ браковъ,—такъ что значительное число молодыхъ или уже на возрастѣ дѣвушекъ вынуждено ежегодно переселяться въ Восточную Индію или даже въ новый Южный Валлисъ, чтобы найти мужей и избѣгнуть, хоть и очень почтеннаго, но ненавистнаго званія старой дѣвы.

«Несмотря на то, что массы англійскаго народа тщательно соблюдаютъ внѣшніе церковные обряды,—сектантство и религіозный раціонализмъ дѣлаютъ несомнѣнные успѣхи; нерѣдки даже случаи обращенія въ аріанизмъ, несмотря на всѣ ретроградныя стремленія господствующей епископальной церкви.

«Какъ и всюду, въ Англіи также наблюдается испорченность нравственности, особенно въ низшихъ слояхъ общества. Въ настоящее время побудительныя причины этого стараются объяснить здѣсь не усиленнымъ приростомъ населенія и все усиливающимся ростомъ пауперизма, а небрежной постановкой дѣла первоначальнаго обученія. Но достаточно опыта тѣхъ странъ, въ которыхъ народное образованіе стоитъ на наибольшей высотѣ,—какъ напримѣръ, въ Пруссіи и въ Японіи,—чтобъ опровергнуть эту теорію, такъ какъ усиленная испорченность нравовъ наблюдается и въ этихъ странахъ и такъ же замѣтно возрастаетъ.

«Этому безсильны помѣшать и высокое нравственное ученіе Христа, и столь же строго моральное ученіе Конфуція. Что можетъ противодѣйствовать силѣ влеченія массъ къ первородному грѣху, когда, помимо множества другихъ искушеній порока, одна бѣдность фабричныхъ и поденныхъ рабочихъ вынуждаетъ ихъ, при дороговизнѣ квартиръ, селиться скученно въ ночлежныхъ домахъ Logging Rom'a, не различая половъ — и безъ надзора матерей, которыя укрывали бы своимъ крыломъ невинность дочерей! Природа предъявляетъ въ такихъ условіяхъ свои права sic volo, sic jubeo»...

О самомъ Лондонѣ авторъ сообщаетъ: «Вполнѣ понятно, что нравственность должна быть въ очень дурномъ состояніи въ такомъ городѣ, въ которомъ живетъ скученно населеніе многихъ маленькихъ королевствъ. И если и при такихъ условіяхъ, и при гибельномъ, вдобавокъ, вліяніи огромной, неизмѣримой морской торговли испорченность и безнравственность все же едва достигаютъ тѣхъ размѣровъ, какими отличается Парижъ *), менѣе чѣмъ на половину густо населенный,—то это должно свидѣтельствовать только о большемъ моральномъ чувствѣ англійскаго народа и о томъ, что моральное разложеніе охватило здѣсь еще не всѣ здоровые соки.

«Чрезвычайно суровый билль о публичныхъ домахъ, изданный въ цѣляхъ ограниченія проституціи, здѣсь также, къ сожалѣнію, цѣли не достигъ—до такой степени, что только увеличилъ развращенность, такъ какъ огромная безбородая армія, состоящая изъ 80.000 слишкомъ гетеръ разныхъ степеней—отъ куртизанки до безстыднѣйшей уличной дѣвки—не только разсѣялась, благодаря биллю, по всѣмъ театрамъ, скверамъ, паркамъ, улицамъ и увеселительнымъ общественнымъ мѣстамъ, но могла вести

*) Въ этомъ отношеніи авторъ судитъ, по нашему мнѣнію, какъ слишкомъ поверхностный изслѣдователь.

себя съ еще болѣе смѣлымъ безстыдствомъ, опираясь, съ одной стороны, на англійскій jus ad rem и съ другой—на созданный ими самими jus radicatum, располагая по своему усмотрѣнію своей тѣлесной собственностью.

«И все-таки, даже при всѣхъ названныхъ условіяхъ, не такъ легко было-бы и здѣсь реализовать это природное материнское наслѣдіе, если-бы не то обстоятельство, что эти несчастныя должны остаться, вопреки всѣмъ вздорнымъ филантропическимъ затѣямъ, неизбѣжнымъ зломъ, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не свободенъ отъ власти полового инстинкта и пока все возрастаютъ выдвигаемыя бѣдностью препятствія къ браку, единственно способному утихомирить этотъ первобытный инстинктъ».

«Но, пожалуй, еще большимъ бѣдствіемъ, чѣмъ эти куртизанки,—физической привлекательности которыхъ надо, въ общемъ, отдать справедливость (потому что и здѣсь, какъ всюду, онѣ рекрутируются изъ самыхъ красивыхъ женщинъ, первоначально соблазненныхъ, тогда какъ некрасивыя сохраняютъ свою добродѣтель, не подвергающуюся искушенію),—является безумная страсть англичанъ къ игрѣ. Всѣ издававшеіся законы оказывались безсильными въ борьбѣ съ этой чумой общества; тайные игорные притоны все возрастаютъ въ числѣ, приспособленные для нуждъ различныхъ сословій и круговъ общества, начиная отъ великолѣпнаго отеля Crockford'а, гдѣ проигрываются колоссальныя суммы, и кончая темными подвальными помѣщеніями, гдѣ проигрываются мелочи, шиллинги, и которые прямо и заранѣе предназначены нѣкоторыми отцами семействъ для добычи хлѣба своимъ голодающимъ дѣтямъ».

Что касается англійскаго брака, то здѣсь слѣдуетъ остановиться прежде всего на двухъ достойныхъ вниманія пунктахъ, наблюдаемыхъ, правда, главнымъ образомъ, въ высшихъ общественныхъ слояхъ. Эти пункты—процессы за нарушенное обѣщаніе жениться «breach of promise» и бракоразводные процессы; и тѣ и другіе встрѣчаются поразительно часто.

О первомъ пунктѣ разсказываетъ довольно подробно Леопольдъ Катшеръ въ своихъ очеркахъ «Изъ Англіи». Мы приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ этой книги.

«Англія—это царство противорѣчій. Во многихъ отношеніяхъ британцы являются самымъ свободнымъ и самымъ прогрессивнымъ народомъ, въ нѣкоторыхъ же другихъ отношеніяхъ это—наиболѣе консервативная и исполненная предразсудковъ нація во всей Европѣ. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что въ Англіи можетъ существовать еще до настоящаго столѣтія такое законодательство, по точному смыслу котораго мужья могутъ накидывать своимъ женамъ на шею веревку и выводить ихъ на публичный рынокъ для продажи,—законодательство, ставившее до недавняго времени женщину въ рабскую матеріальную зависимость отъ мужчины,—и что въ то же время подобное законодательство даетъ женщинѣ такую защиту, какой не имѣла и не имѣетъ ни одна другая страна въ мірѣ.

«Достаточно того, что въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій на островѣ Джонъ-Булля всякое нарушеніе обѣщанія жениться можетъ быть обжаловано судебнымъ порядкомъ и обиженная въ своихъ чувствахъ или въ своей матеріальной выгодѣ сторона можетъ по закону требовать (если только судебное слѣдствіе не доказало недобросовѣстность истицы) возмѣщенія убытковъ звонкою монетою. Присяжные взвѣшиваютъ степень понесенной сердечной или карманной обиды и, сообразно этому,

изслѣдуютъ и опредѣляютъ размѣръ подлежащей присужденію наличной уплаты потерпѣвшей.

«Въ случаѣ утайки несовершеннолѣтія и заключенія брака безъ прямого добровольнаго согласія, бракъ признается безусловно недѣйствительнымъ. Этотъ законъ, правда, не измѣняетъ основной сущности взаимнаго обѣщанія вступить въ бракъ, какъ договора,—но договаривающимся сторонамъ предоставляется право исполнить или не исполнить договоръ. Совершенно такъ-же, какъ при всякомъ другомъ договорѣ, контрагенты могутъ по обоюдному согласію отказаться отъ договора до его совершенія; если же отказъ отъ заключенія договора послѣдуетъ только съ одной стороны безъ согласія другой, то нарушившая договоръ сторона подвергается судебному преслѣдованію.

Изъ этого ясно, что такъ называемыя въ Англіи «breach of promise» (слово, означающее просто нарушеніе обѣщанія жениться)—процессы, составляющіе своеобразную особенность англійскаго права, покоятся исключительно на томъ воззрѣніи, что взаимное обѣщаніе вступленія въ бракъ есть правомочный договоръ; но къ выполненію его никто въ настоящее время не можетъ быть принуждаемъ,—и даже больше того: если кто-нибудь заявитъ, что отказывается отъ исполненія даннаго обѣщанія, то если въ случаѣ подачи жалобы на него онъ вновь изъявляетъ согласіе на вступленіе въ бракъ, для потерпѣвшей стороны принятіе этого запоздалаго предложенія не является обязательнымъ.

«Такъ какъ всякое обѣщаніе вступленія въ бракъ разсматривается какъ договоръ, покоящійся на взаимности обязательствъ, то право жалобы судебнымъ порядкомъ въ случаѣ нарушенія такого обѣщанія предоставляется не только женщинѣ, но и мужчинѣ. Но такіе случаи, когда къ защитѣ закона прибѣг-

нулъ-бы представитель сильнаго пола, бываютъ очень рѣдко (быть можетъ потому, что такія обѣщанія женщины очень рѣдко нарушаютъ?),—и въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ присяжные почти всегда присуждаютъ виновныхъ къ самой низшей мѣрѣ наказанія, къ штрафу въ 1 фартингъ (приблизительно 1 копѣйка), т. е. другими словами, въ искѣ отказываютъ,—между тѣмъ какъ въ обратныхъ случаяхъ чувствительное жюри почти всегда безъ исключенія проливаетъ изрядную дозу золотого бальзама на женскія сердечныя раны *).

«Главная цѣль этого закона состоитъ въ томъ, чтобъ удерживать подъ угрозой его мужчинъ отъ легкомысленныхъ обѣщаній жениться—и въ особенности отъ того, чтобы губить женскую честь дѣвушекъ подъ предлогомъ такого обѣщанія. Возмѣщеніе же дѣйствительныхъ убытковъ—дѣло второстепенное. Въ теоріи все это прекрасно, разумѣется; но какъ же обстоитъ дѣло на практикѣ? Натуры истинно женственныя, чувствующія и страдающія искренно, гнушаются тѣмъ, чтобы звонить во всѣ колокола о своихъ душевныхъ страданіяхъ, выносить свою любовь на посмѣяніе чужихъ людей и домогаться для своихъ публично обнаженныхъ ранъ цѣлительнаго пластыря изъ кредитныхъ бумажекъ.

«Въ большинствѣ случаевъ можно съ увѣренностью сказать, что женщины, затѣвающія процессы, интересуются гораздо больше денежной стороной дѣла, чѣмъ возстановленіемъ правъ своей погибшей любви. Точно также, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ,

---

*) Разумѣется, присяжные руководятся при этомъ гораздо больше справедливостью, чѣмъ „чувствительностью", такъ какъ несравненно чаще, конечно, нарушеніе такого обѣщанія наноситъ—помимо сердечной раны—тяжкій матеріальный ущербъ женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ.– Прим. ред.

когда обращаются съ жалобой въ судъ мужчины, обыкновенно оказывается, что ускользнувшія отъ нихъ невѣрныя невѣсты были богаче ихъ самихъ,— и судъ вполнѣ справедливо отказываетъ имъ. Если же невѣрность обнаруживаетъ мужчина, то, какъ мы уже сказали, судъ крайне рѣдко оправдываетъ его.

«Съ изумительнымъ безпристрастіемъ становятся присяжные, состоящіе сплошь изъ мужчинъ, на сторону женщинъ и отстаиваютъ ихъ интересы, и часто даже въ случаяхъ сомнительныхъ не щадятъ своего брата-мужчину и добиваются наивозможнаго обезпеченія потерпѣвшей покинутой. Нельзя не отмѣтить того явленія, что—тѣмъ красивѣе обвинительница, тѣмъ крупнѣе бываетъ размѣръ присуждаемой ей суммы возмѣщенія,—порой любезное жюри не считается даже при этомъ съ матеріальными обстоятельствами «измѣнника».

«Припомнимъ, напримѣръ, процессъ 1881 года, при которомъ одно духовное лицо, обладавшее доходомъ въ 230 фунтовъ стерлинговъ, было присуждено за нарушеніе обѣщанія жениться къ уплатѣ 1.000 фунтовъ стерл., хотя обвинительница не потерпѣла при этомъ никакого прямого ущерба. Если же потерпѣвшая некрасива, то она достигнетъ своей цѣли только тогда, если сумѣетъ показать себя крайне оскорбленной и обиженной и страдающей. Вообще во всѣхъ случаяхъ въ дѣлѣ завоеванія симпатіи присяжныхъ, этихъ судей-диллетантовъ, большую роль играетъ то, какъ держится обвинительница и какъ сумѣетъ изложить скорбную повѣсть.

«Но со всѣмъ этимъ еще можно было бы примириться, если бы не тотъ очень часто встрѣчающійся фактъ, что представительницы слабаго пола пользуются самымъ безнаказаннымъ образомъ правомъ жалобы на нарушеніе брачныхъ обѣщаній для яв-

наго вымогательства. Довольно часто женщины, одаренныя дѣлеческимъ складомъ, пользуются угрозой breach of promise—процесса, чтобъ добиться изрядныхъ суммъ отъ мужчины, не безъ основанія избѣгающаго гласности, хотя отношенія между ними были простой легкой связью и никакого обѣщанія дано не было.

«Бываютъ и такія авантюристки-спекуляторши, которыя, въ разсчетѣ на будущую любезность присяжныхъ, увлекаютъ какого-нибудь простеца кокетствомъ, подкупающимъ обращеніемъ, лицемѣріемъ и интригантствомъ вымогаютъ у него обѣщаніе жениться, затѣмъ тотчасъ же снимаютъ маску, показываютъ себя въ истинномъ свѣтѣ, вызываютъ этимъ отказъ отъ обѣщанія—и процессъ breach of promise готовъ.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ даже такой случай, что одинъ негодяй вырвалъ у богатой дамы согласіе на бракъ съ нимъ, но вскорѣ далъ замѣтить, что ему нужны были только ея деньги и повелъ себя вообще постыдно; когда же она отказала ему, онъ пригрозилъ ей процессомъ о возмѣщеніи убытковъ; отъ суда онъ получилъ бы навѣрное позорный отказъ въ искѣ, но понесшая тяжкое разочарованіе дама не хотѣла дѣлать свои личныя дѣла предметомъ публичнаго обсужденія и толковъ—на это-то и разсчитывалъ негодяй—и предпочла уплатить ему 1.000 фунтовъ, чтобъ онъ отказался отъ процесса.

«Страшныя злоупотребленія, совершающіяся во имя этой статьи права, и являются главнымъ основаніемъ, на которомъ съ нѣкоторыхъ поръ часто стали раздаваться голоса за отмѣну этого закона»...

Изумительно многочисленны въ Англіи также бракоразводные процессы и случаи двоеженства и двумужства—главнымъ образомъ, въ высшихъ кругахъ. Первые практиковались уже съ давнихъ временъ,

но съ конца XVIII столѣтія такіе процессы какъ будто участились съ небывалой дотолѣ силой. Въ своихъ ежегодникахъ «Британской Исторіи» за 1791 годъ, т. VI, I. В. фонъ Архенгольцъ говоритъ:

«...Межъ тѣмъ какъ въ нижней палатѣ обсуждались эти и другіе подобные серьезные вопросы,—верхней палатѣ представлялись на разсмотрѣніе ничтожные процессы о спорныхъ парламентскихъ правахъ шотландскихъ перовъ, о притязаніяхъ на титулы и о брачныхъ дѣлахъ. Нѣкоторымъ мужьямъ и женамъ было дано разрѣшеніе на расторженіе брака. Было дано разрѣшеніе на разводъ, и даже при этомъ на вступленіе въ новый бракъ, также капитану Парслову, который получилъ въ прошломъ году во время своего достопамятнаго процесса *) о нарушеніи вѣрности его женою, по приговору присяжныхъ, 10.000 фунтовъ стерлинговъ.

«Леди Джардинъ, шотландская дама, признанная эдинбургскимъ судомъ виновной въ супружеской невѣрности, подала апелляціонную жалобу въ верхнюю палату, въ которой доказывала несправедливость приговора тѣмъ, что онъ былъ вынесенъ на основаніи присяги одного единственнаго свидѣтеля, между тѣмъ какъ его показаніе было невозможно. Рѣчь шла о щеляхъ въ дверяхъ спальной комнаты, чрезъ которыя свидѣтель увѣрялъ, что видѣлъ извѣстныя сцены.

«Чтобы лишить это показаніе всякой достовѣрности, леди прибѣгла на этотъ разъ къ курьезному способу. Ея защитникъ явился въ собраніе лордовъ съ моделями спальни и всѣхъ предметовъ ея обстановки—чтобы съ ихъ помощью доказать невозмож-

*) Процессъ этотъ былъ своевременно приведенъ въ названныхъ анналахъ

ность этого утвержденія свидѣтеля очевидца. Но по ходатайству великаго канцлера, лорды отклонили это опроверженіе и утвердили приговоръ предшествовавшаго суда»...

Изъ вышеприведенныхъ строкъ мы видимъ, что въ Англіи парламентъ занимается бракоразводными вопросами; ниже мы еще будемъ говорить объ этомъ подробнѣе. Многія уродливыя явленія англійскихъ браковъ слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что здѣсь, наряду съ гражданскимъ порядкомъ бракосочетанія, считается достаточнымъ и церковный обрядъ, а при послѣднемъ происходили, особенно въ прежнее время, такія злоупотребленія, что эти церемоніи оказывались зачастую не чѣмъ инымъ, какъ отвратительной разновидностью отвратительной проституціи.

Докторъ Евгеній Дюранъ пишетъ: «Легкость, съ которою смотрѣли въ прежнее время въ Англіи на бракъ, особенно ярко иллюстрируется двумя курьезными явленіями въ области института брака,—такъ называемыми «Fleet marriages» и пресловутыми проповѣдниками изъ «Gretna Green». Замѣтимъ здѣсь, что въ этой названной нами шотландской деревушкѣ прежде любой кузнецъ могъ сочетать бракомъ парочку, которая не имѣла на то согласія родителей или опекуновъ, бывшаго обязательнымъ и обязательнаго и до сихъ поръ въ Англіи, но не въ Шотландіи. Позже обрядъ вѣнчанія сталъ совершать мировой судья.

Впрочемъ, постановленіемъ парламента отъ 9 іюня 1856 года такіе браки были объявлены для Англіи недѣйствительными.

Затѣмъ Дюранъ продолжаетъ, ссылаясь на книгу Фанни Левальдъ «Англія и Шотландія»: «Такъ называемые «Fleet marriages» получили свое названіе отъ мѣстъ заключенія въ особой части города Fleet

Dutch, въ которой заключались такіе браки. Передъ этими зданіями, еще въ началѣ XVIII столѣтія, ходилъ по цѣлымъ днямъ человѣкъ, спрашивая всѣхъ прохожихъ: «Не угодно-ли повѣнчаться?»,—совершенно такъ, какъ зазываютъ въ настоящее время на рынкахъ публику посѣтить балаганъ восковыхъ фигуръ или звѣринецъ.

«Надъ дверьми висѣла вывѣска, изображавшая мужчину и женщину, взявшихся за руки,—и священникъ, служившій тамъ, вѣнчалъ за нѣсколько пенсовъ всякую пару, выражавшую желаніе повѣнчаться. Въ 1704 году было обвѣнчано такимъ образомъ три тысячи паръ... Отъ октября 1704 года до февраля 1705 года было заключено 2954 брака; случалось, что въ одинъ и тотъ же день вѣнчалось по двадцати и по тридцати паръ.

«Пеннанъ разсказываетъ, что во время его молодости ему случалось часто проходить мимо этихъ мѣстъ и каждый разъ грязный парень обзывалъ его, предлагая зайти и повѣнчаться. Видѣлъ онъ часто и священника, бродившаго взадъ и впередъ у входа—неопрятное, опустившееся существо, одѣтое въ лохмотья, съ багрово-красной физіономіей, готовое сочетать кого угодно и съ кѣмъ угодно за стаканъ джину или за пачку табаку. Директоръ тюрьмы и регистраторъ получали отъ этихъ браковъ богатые доходы. Еще въ 1754 году можно было встрѣтить такое объявленіе въ оффиціальномъ органѣ:

«Съ разрѣшенія начальства.—Въ старой королевской часовнѣ Іоанна Крестителя въ Савойскомъ замкѣ совершаются бракосочетанія съ величайшимъ удобствомъ, благопристойно и по всѣмъ правиламъ. Со временъ Реформаціи и до настоящаго времени (впродолженіи болѣе двухсотъ лѣтъ) здѣсь ведутся правильные и подлинные списки. Расходы ограничиваются всего одной гинеей, включая въ эту сумму плату за штемпель, стоющій пять шиллинговъ. Эта часовня имѣетъ пять входовъ съ суши и два береговыхъ».

Какъ ни изумительны подобные порядки, — ближайшаго разсмотрѣнія они заслуживаютъ, въ сущности, только одной своей стороной, и эту единственную сторону можно признать почти отрадной: то, какъ открыто, публично все это продѣлывалось.

Тайные и въ то же время обыкновенно нерасторжимые браки заключались часто въ католическихъ странахъ до самой половины XIX столѣтія—не только въ романахъ и драмахъ, но и въ дѣйствительной жизни; у евреевъ такіе браки тоже не представляли чего-нибудь неслыханнаго,—и въ строго религіозно-настроенныхъ кругахъ, гдѣ подобные акты считаются законно недѣйствительными, все же значеніемъ они пользуются вполнѣ и въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что религіозный обрядъ бракосочетанія у евреевъ можетъ совершить первый встрѣчный единовѣрецъ.

Что касается заключенія браковъ въ Gretna Green, облеченнаго въ литературѣ нѣкоторымъ романтическимъ ореоломъ,—о нихъ разсказываетъ въ своихъ «Ежегодникахъ» Архенгольцъ, разыгравшій въ 1790 г. въ подобной сценѣ роль жениха, слѣдующее:

«Послѣ продолжительнаго путешествія нашъ провожатый привелъ насъ, наконецъ, въ хижину, въ которой досточтимый мастеръ готовилъ для паломниковъ ко храму Гименея свой духовный клей. Его не было дома. Его разыскивали добрыхъ полчаса, пока нашли его, наконецъ, въ пивной, откуда этотъ верховный жрецъ Гименея вышелъ, пошатываясь, словно верховный жрецъ Вакха, и поспѣшилъ къ намъ.

«Когда я его спросилъ о цѣнѣ, которую онъ по-

желаетъ за совершеніе церемоніи сочетанія, онъ очень скромно потребовалъ тридцать гиней. Но я далъ ему понять, что мы предпочтемъ проѣхать еще лишнихъ двадцать миль къ другому духовному лицу, чѣмъ исполнить такое безсовѣстное требованіе. Тогда онъ поспѣшно сбавилъ тонъ — до десяти гиней, но испросилъ себѣ ихъ впередъ. На это я согласился. Затѣмъ онъ потребовалъ еще добавочную бутылку водки, изъ которой онъ выпилъ впродолженіе церемоніи, длившейся, однако, неполныхъ 6 минутъ, пять стакановъ,—для усиленія, какъ онъ объяснилъ, своего голоса.

«Мы потребовали выдачи намъ брачнаго свидѣтельства, которое онъ тотчасъ и изготовилъ, скрѣпивъ его своей подписью: Томасъ Браунъ. Содержаніе свидѣтельства, состоявшаго всего изъ нѣсколькихъ строкъ, ограничивалось удостовѣреніемъ, что означенныя лица, Чарльзъ такой-то и Мари такая-то законно обвѣнчаны имъ по обряду англійской церкви и по законамъ шотландской церкви. Такъ какъ я выразилъ желаніе, чтобы на свидѣтельствѣ были еще подписи нѣсколькихъ свидѣтелей, то онъ, отвѣтивъ мнѣ: «сію минуту получите подписи», совершенно серьезно взялся за перо и собственноручно подписалъ еще двѣ чужихъ фамиліи. И вотъ мы поѣхали обратно въ Англію, какъ вступившіе въ законный бракъ супруги».

Надо, впрочемъ, признать, что въ основу этого института была положена вполнѣ похвальная цѣль,—и не его вина, если онъ, благодаря разнымъ злоупотребленіямъ, привелъ къ проституированію брака. Упомянемъ здѣсь мимоходомъ о томъ, что въ Шотландіи, а также на Гебридскихъ островахъ, были въ обычаѣ, какъ сообщаетъ Пеннанъ, не только «пробныя ночи», но и «пробные годы».

Рожденныя отъ такихъ сожительствъ дѣти имѣли одинаковыя права съ рожденными въ бракѣ.

Порядки и обычаи такого рода, а также воззрѣнія, складывавшіяся подъ ихъ вліяніемъ и развивавшіяся по традиціи, могли отчасти содѣйствовать тому, что въ Англіи чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, встрѣчались и до сихъ поръ встрѣчаются случаи двоеженства и двумужества и возникаютъ процессы по такимъ преступленіямъ. Совсѣмъ недавно, лѣтомъ 1901 года, надѣлалъ много шума въ Лондонѣ и во всей Европѣ случай такого рода, въ которомъ обвиняемымъ явился лордъ Руссель.

Такой-же случай произошелъ въ Лондонѣ въ 1840 году, причемъ главную роль въ процессѣ о двумужествѣ сыграла знаменитая Лола Монтецъ. Многоопытная въ любовныхъ дѣлахъ красавица, уѣхавъ изъ Мюнхена послѣ своего развода, о которомъ у насъ еще будетъ ниже рѣчь, познакомилась въ Лондонѣ, между прочимъ, съ молодымъ и богатымъ англичаниномъ—Гильдомъ, за котораго и вышла замужъ, несмотря на то, что первый бракъ ея еще не былъ законно расторгнутъ. Очень недовольные, разумѣется, этимъ бракомъ родственники молодого человѣка, возбудили противъ авантюристки процессъ за двумужество, который мы здѣсь передадимъ по приложенію къ «Мемуарамъ Лолы Монтецъ», составленному на основаніи отчетовъ англійскихъ газетъ; онъ заслуживаетъ вниманія:

«Огромныя толпы собрались вчера передъ подъѣздами судебно-полицейскаго зданія на Мальборугъ-стритѣ—сообщаетъ довольно благосклонно настроенная «Daily News» въ номерѣ отъ 7 августа 1849 года—такъ какъ распространился слухъ, что Лола Монтецъ, лэди, извѣстная подъ именемъ графини

Ландсфельдъ, арестована по обвиненію въ двумужствѣ и должна была предстать для допроса въ засѣданіи магистрата. Сдѣланы были распоряженія о томъ, чтобы воспрепятствовать толпѣ переполнить залъ засѣданія.

«Въ качествѣ обвинителя выступилъ Клерксонъ, въ качествѣ защитника—Бодкинъ.

«Подъ руку съ господиномъ Гильдомъ, своимъ нынѣшнимъ супругомъ, явилась графиня Ландсфельдъ 6 августа въ $1^{1}/_{2}$ часа дня, и ей предложенъ былъ стулъ противъ члена суда. Гильду разрѣшено было сѣсть рядомъ съ ней. Дама не обнаружила ни малѣйшаго смущенія и, улыбаясь время отъ времени, шопотомъ разговаривала со своимъ супругомъ. На вопросъ о возрастѣ она сообщила, что ей 24 года, но по наружности ей можно дать 30 лѣтъ. Одѣта она была въ черное шелковое платье, перехваченное чернымъ бархатнымъ корсажемъ, на головѣ—бѣлая соломенная шляпа съ голубой отдѣлкой и голубой вуаль. Фигура у нея средняго роста и довольно полная. Живой контрастъ съ блѣднымъ, смуглымъ цвѣтомъ лица составляютъ необыкновенно большіе голубые глаза, оттѣненные длинными черными рѣсницами.

«Мнимо-законный супругъ ея, г. Гильдъ—стройный молодой человѣкъ съ очень моложавымъ лицомъ, съ жесткими волосами и едва пробивающимися бѣлокурыми усиками. Вздернутый носъ придаетъ ему очень простоватый видъ,—да, впрочемъ, его женитьба не позволила-бы заподозрить въ немъ геніальныхъ умственныхъ способностей, даже если бы онъ обладалъ прекраснѣйшимъ греческимъ носомъ. Все время, пока длился допросъ, онъ крѣпко держалъ одну руку графини въ обѣихъ своихъ рукахъ, страстно пожимая ее время отъ времени; иногда онъ нагибался къ ея уху, что-то шепталъ

ей съ самымъ нѣжнымъ выраженіемъ лица и любовно прижималъ ея руку къ своимъ губамъ.

«Наконецъ, всталъ обвинитель Клерксонъ. «Какъ ни прискорбно, сказалъ онъ, положеніе дамы, сидящей по лѣвую руку отъ меня (тетки г. Гильда), она все же считаетъ своимъ долгомъ передъ памятью ея умершаго брата,—отца находящагося въ этомъ залѣ молодого джентльмена—изложить всѣ обстоятельства и основанія, побудившія ее привлечь эту даму по обвиненію въ двумужествѣ. Во исполненіе моей обязанности, я долженъ буду доказать вамъ, что г. Гильдъ, сынъ умершаго Джорджа Гильда, совершилъ церемонію брачнаго вѣнчанія съ сидящей рядомъ съ нимъ дамой—Элизой-Розой-Анной или, иначе, Розанной Джемсъ.

«Затѣмъ я долженъ буду вамъ доказать, что эта дама—супруга Томаса Джемса, капитана 21 бенгальскаго пѣхотнаго полка, находящагося въ настоящее время со своимъ полкомъ въ Индіи. Я долженъ буду доказать, далѣе, что находящаяся предъ нами дама, обвиняемая теткой и бывшей воспитательницей молодого джентльмена въ преступленіи, вступила во второй бракъ, отлично зная, что ея супругъ, капитанъ Джемсъ, еще находится въ живыхъ, или что во всякомъ случаѣ всѣ разумныя основанія за то, что онъ еще живъ.

«Я не хочу входить ни въ какія подробности, которыя могли-бы кого-нибудь оскорбить безъ необходимости, но эти факты я долженъ привести. Дама называетъ себя графиней Ландсфельдъ—и я воздержусь отъ всякихъ намековъ по этому поводу. Молодой джентльменъ, считающійся нынѣ ея супругомъ, достигъ совершеннолѣтія 19 іюля текущаго года; онъ обладаетъ значительнымъ состояніемъ, равняющимся 6 до 7 тысячъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода. Въ тотъ самый день, когда онъ

сталъ совершеннолѣтнимъ, онъ вступилъ въ бракъ съ мистриссъ Джемсъ, уже состоявшей въ бракѣ. Первый бракъ ея съ капитаномъ Джемсомъ состоялся 23 іюля 1837 года; г. Джемсъ былъ тогда поручикомъ въ томъ полку, котораго состоитъ теперь командиромъ. Они вѣнчались въ Мидзѣ, въ Ирландіи, и у меня есть копія съ ихъ брачнаго свидѣтельства; невѣста названа въ немъ «Розой Джильбертъ, незамужней».

«То обстоятельство, что свидѣтельство не снабжено надлежащими подписями свидѣтелей, еще не даетъ мнѣ права подвергнуть сомнѣнію фактъ законности вѣнчанія; здѣсь присутствуетъ чиновникъ консисторскаго суда, который представитъ всѣ нужныя по этому поводу объясненія; я же перейду къ доказательствамъ того, что находящаяся передъ судомъ дама, тогда законная супруга поручика Джемса, уѣхала съ нимъ въ Индію и вернулась въ Англію безъ него. Я вызову капитана Ингрема, который перевозилъ даму и удостовѣритъ ея тожественность.

«Впрочемъ, на этомъ послѣднемъ пунктѣ не предвидится никакихъ осложненій, такъ какъ дама сама признала при своемъ арестѣ, что она была женою капитана Джемса, но что будто-бы лордъ Бруггемъ выдалъ ей въ верхней палатѣ (которая является какъ извѣстно, высшей инстанціей по бракоразводнымъ дѣламъ для британской имперіи) парламентское разводное свидѣтельство. Если такое парламентское свидѣтельство существуетъ, то никто не сумѣетъ воспользоваться имъ лучше, чѣмъ мой ученый другъ, выступающій защитникомъ. Я же намѣренъ доказать, что духовный судъ выдалъ разрѣшеніе только на раздѣленіе стола и ложа.

«Прежде всего я хочу установить фактъ второго вступленія въ бракъ и тожество сторонъ. Затѣмъ, я докажу на основаніи документа о наличномъ

составѣ индійской арміи отъ конца іюня мѣсяца настоящаго года, съ полной несомнѣнностью, что капитанъ Джемсъ, супругъ находящейся на скамьѣ подсудимыхъ дамы, былъ тогда живъ и находился въ Индіи. Я долженъ прибавить, что настоящій процессъ поднятъ безъ согласія г. Гильда его теткой миссъ Гильдъ, потому что ея племянникъ, безъ сомнѣнія, воспротивился бы этому, если бы могъ.

«Миссъ Гильдъ сочла своимъ долгомъ въ отношеніи высокопочтенной фамиліи молодого джентльмена затѣять этотъ процессъ, хотя бы помимо его воли,— и никто, конечно, не осмѣлится заподозрить побудительныя причины, приведшія къ этому миссъ Гильдъ, или же чистоту ея намѣреній. Я ходатайствую передъ судомъ о дальнѣйшемъ содержаніи обвиняемой дамы подъ арестомъ впредь до того, какъ мы будемъ имѣть возможность получить изъ Индіи нужныя свидѣтельства. Тогда я надѣюсь представить доказательства того, что въ день бракосочетанія дамы съ молодымъ джентльменомъ, именно 19 іюля, супругъ ея, капитанъ Джемсъ, находился въ живыхъ въ Индіи».

«Послѣ этого была выслушана миссъ Гильдъ, пожилая дама. Она показала, что она, какъ тетка г. Гильда, чувствовала себя обязанной вызвать производство слѣдствія по данному дѣлу.

«Затѣмъ, Т. Монтэгю, клеркъ (секретарь) при консисторскомъ судѣ, предъявилъ копію декрета по прошенію о разводѣ супруговъ Джемсъ; въ немъ говорилось только о раздѣленіи a mensa et toro. Графиня Ландсфельдъ оживленно отозвалась: «Я этого и не отрицаю».

«Клэрксонъ прочелъ консисторскій декретъ отъ 15 декабря 1842 года; въ немъ сказано совершенно ясно: Томасъ Джемсъ и Элиза Роза Анна Джемсъ симъ разводятся въ отношеніи стола и ложа, но ни

одна изъ сторонъ не имѣетъ права, пока находится въ живыхъ другой изъ супруговъ, вступать въ новый бракъ. Одинъ изъ секретарей прочелъ вышеупомянутый документъ о состояніи индійской арміи, согласно которому капитанъ Джемсъ 13 іюня текущаго года находился въ живыхъ и состоялъ при своемъ полку.

«Далѣе было документально доказано состоявшееся 19 іюля текущаго года вѣнчаніе между Джорджемъ Траффордомъ Гильдомъ и Маріей Торецъ въ фешіонебельной церкви св. Георгія, находящейся на Ганноверскомъ скверѣ въ Лондонѣ. Полицейскій сержантъ, Грей, изъ полицейской команды, обязанной слѣдить за обвиняемыми (detective fooce) показалъ:

«Я выслѣдилъ графиню сегодня въ 9 часовъ утра въ № 27 по Гальбмондстриту въ ту минуту, когда она хотѣла сѣсть въ свою карету. Я сказалъ ей, что долженъ арестовать ее по дѣлу обвиненія ея въ двумужествѣ. Графиня отвѣтила мнѣ, что она парламентскимъ актомъ разведена со своимъ мужемъ, капитаномъ Джемсомъ, и потомъ присовокупила: «Я не знаю, живъ-ли еще капитанъ Джемсъ или нѣтъ и нисколько объ этомъ не забочусь. Я была обвѣнчана съ нимъ подъ ложнымъ именемъ, и бракъ этотъ не былъ законнымъ... Лордъ Бруггемъ присутствовалъ въ верхней палатѣ, когда былъ изданъ декретъ развода. Капитанъ Осборнъ можетъ удостовѣрить это».

«Капитанъ Чарльзъ Ингремъ, командиръ остъ-индскаго торговаго корабля «Ларкинъ» показалъ, что онъ перевозилъ въ 1841—1842 году мистриссъ Джемсъ изъ Индіи въ Англію и что капитанъ Джемсъ провожалъ ее на берегу. Онъ не сомнѣвается, что присутствующая здѣсь дама есть то самое лицо, какъ ни значительно она измѣнилась съ тѣхъ поръ.

«Послѣ этого выступилъ адвокатъ Бодкинъ. Онъ

сказалъ, что является здѣсь защитникомъ дамы, которую притащили сегодня утромъ въ полицію для дачи отвѣта на обвиненіе, безпримѣрное донынѣ въ его практикѣ. Онъ не можетъ припомнить ни одного случая двумужества, при которомъ обвинителями выступили бы первый или второй супругъ. Дѣло будетъ, однако, подвергнуто разслѣдованію и, если произошло дѣйствительно что-либо противное закону, то виновная сторона будетъ привлечена къ отвѣтственности.

«Въ свое время онъ надѣется доказать, что бракъ дамы съ г. Гильдомъ есть дѣяніе вполнѣ законномѣрное. Обвиняемая, вышедшая въ возрастѣ 15 или 16 лѣтъ замужъ за г. Джемса, вполнѣ искренно увѣрена, что получила въ палатѣ лордовъ полный разводъ въ своемъ первомъ бракѣ. Возможно, что это было заблужденіе, въ которое графиня могла впасть по незнанію англійскихъ законовъ. Если совершенный поступокъ можетъ быть вообще вмѣненъ ей въ вину, то обстоятельства, при которыхъ онъ совершенъ, во всякомъ случаѣ таковы, что должны послужить къ ея оправданію. Это мнѣніе онъ закончилъ просьбой, обращенной къ суду, о томъ, чтобы обвиняемая, впредь до рѣшенія дѣла, была освобождена на поруки. Онъ не хочетъ заподозрѣвать побужденія людей, поднявшихъ настоящій процессъ, но очевидно только то, что мотивы и цѣли его были личнаго характера, а не общественнаго.

«Предсѣдательствующій Бруггемъ объяснилъ. «Совершенно очевидно, что лицо, ближе всѣхъ заинтересованное въ настоящемъ дѣлѣ, — совершеннолѣтній человѣкъ, состоящій на офицерской Ея Величества службѣ (повидимому, Гильдъ—гвардейскій поручикъ),—ни желалъ этого процесса, ни поддерживалъ его. Легко могло случиться, чтобы обвиняемая получила съ той же почтой, съ которой прибылъ

служебный воинскій списокъ, письмо, отправленное нѣсколькими часами позже и содержавшее сообщеніе о смерти капитана Джемса.

«Со дня 13 іюня и до дня ея новаго вступленія въ бракъ протекло еще шесть недѣль, а въ теченіе этого времени капитана Джемса могла постигнуть одна изъ многихъ опасностей, которыя угрожаютъ жизни военнаго въ тропическомъ климатѣ. Законъ признаетъ невинность обвиняемаго, пока не доказана его вина. Но тѣмъ не менѣе, въ виду того, что защитникъ обвиняемой самъ признаетъ, что для разслѣдованія есть достаточно основаній и ходатайствуетъ объ освобожденіи обвиняемой на поруки, то я постановляю производство дѣла пріостановить и освободить обвиняемую подъ залогъ въ размѣрѣ 1000 фунтовъ стерлинговъ изъ ея собственныхъ средствъ и еще 1000 фунтовъ отъ двухъ поручителей».

Постановленіе было тотчасъ исполнено. Послѣ этого графиня Ландсфельдъ и ея супругъ были задержаны еще на нѣкоторое время въ зданіи суда, чтобы дать имъ избѣгнуть любопытства огромной толпы, собравшейся на улицѣ вокругъ зданія суда. Въ ближайшемъ же номерѣ «Daily News», на другой день, 8 августа, появилась по поводу этой cause célèbre руководящая статья, представлявшая переоцѣнку англійскаго права и судопроизводства,—образцовыхъ, правда, по проникающему ихъ духу гласности, но въ высшей степени сложныхъ и полныхъ недостатковъ въ своемъ механизмѣ.

Газета предпосылаетъ нѣсколько замѣчаній по поводу авантюристской біографіи этой женщины—не то испанки, не то ирландки по происхожденію, это никому хорошо не извѣстно—какъ будто предназначенной судьбой всегда фигурировать передъ публикой. Всякій путь ея—отъ Парижа до

Варшавы и отъ Варшавы до Мюнхена—отмѣченъ, по словамъ газеты, цѣлымъ рядомъ дуэлей, ударовъ хлыста и под. Но свою коронную роль она сыграла въ Мюнхенѣ, гдѣ она вызвала министерскій кризисъ, чуть было не приведшій къ революціи, заставляла трепетать предъ собой духовныхъ и воиновъ, окружала себя свитой тѣлохранителей изъ студентовъ.

«Но какъ ни богата эта тема забавными и прискорбными эпизодами,—продолжаетъ газета,—мы все же не коснулись бы ея, если бы не ради освѣщенія недостатковъ нашихъ институтовъ права. При всемъ признаніи обаятельности очаровательной львицы, мы все же придаемъ очень мало цѣны ея утвержденію, что лордъ Бруггемъ выхлопоталъ ей парламентское свидѣтельство о расторженіи ея перваго брака. Непобѣдимая склонность благороднаго и ученаго лорда къ участію въ бракоразводныхъ процессахъ, придаетъ, въ самомъ дѣлѣ, правдоподобіе этому увѣренію; но если-бы это была правда, лордъ ни за что не устоялъ бы предъ искушеніемъ выступить на судѣ въ качествѣ свидѣтеля и защитника права въ пользу его прекрасной кліентки.

«Но идея эта—приписать Бруггему устройство развода—во всякомъ случаѣ очень удачная и доказываетъ инстинктивный тактъ Лолы и ея чутье «правдоподобія» въ романѣ. Однако, очень вѣроятно также и то, что раздѣленная въ супружествѣ a mensa et toro иностранка могла счесть себя разведенной вполнѣ и законно. Во всякой другой цивилизованной странѣ, гдѣ существуетъ разводъ, онъ получается судебнымъ порядкомъ; ни одна страна не знаетъ безсмысленной и запутанной процедуры англійскаго развода.

«Какъ можетъ знать иностранка, что въ Англіи бракъ можетъ быть расторгнутъ рѣшительно и окон-

чательно только послѣ прохожденія по тремъ различнымъ инстанціямъ? Что бракорасторгающая власть въ Англіи — это трехголовый церберъ, каждую голову котораго нужно расположить въ пользу дѣла особымъ, и очень дорого стоющимъ, медовымъ пряникомъ? Совершенно естественно, что иностранцы, по дѣлу развода которыхъ консисторскій судъ изрекъ одну изъ своихъ пустыхъ сентенцій, считаютъ себя съ того момента вправѣ вступить въ новый бракъ.

«Въ подобномъ положеніи могла очутиться и графиня Ландсфельдъ, и англійское право, поставивъ ей подобную мышеловку, серьезно погрѣшило противъ нея.

«Другой крупный недостатокъ нашего судопроизводства, ярко выступившій въ процессѣ Лолы Монтецъ, состоитъ въ томъ, что для подобныхъ случаевъ у насъ не существуетъ публичныхъ обвинителей. Проступки такого рода совершаются либо противъ частныхъ лицъ, либо противъ общества, государства. Первые должны были-бы подлежать обвиненію только со стороны задѣтаго ими лица, если же потерпѣвшій нарушеніе своихъ правъ желаетъ оставить это безнаказаннымъ, то ни за кѣмъ не должно бы быть признано право преслѣдованія. Послѣдніе же должны преслѣдоваться именемъ общества и въ его интересахъ. Послѣдствія смѣшенія этихъ обоихъ видовъ проступковъ ясно обнаруживаются въ настоящемъ процессѣ.

Обиженная сторона, — если тутъ есть обиженный, — совершеннолѣтній, полноправный, переросшій всякую опеку человѣкъ, безконечно далекій отъ мысли обвинять преступницу и появляется на судѣ въ качествѣ ея друга и опоры.

Но недостатокъ различія между видами общественной и частной жалобы и отсутствіе государ-

ственнаго обвинителя создаютъ право жалобы еще для третьей стороны. Жалоба приносится не съ цѣлью разлучить супруговъ, такъ какъ очевидно, что—законно или незаконно—но они не разстанутся. Нѣтъ, жалоба приносится единственно во имя интересовъ родственной вражды, оскорбленной фамильной гордости. Англійскому суду предоставляется въ подобныхъ случаяхъ роль наемнаго браво романовъ или мелодрамъ. Судъ служитъ передатчикомъ любопытной публикѣ интересующихъ ее подробностей о безумно-влюбленномъ женихѣ, объ эксцентричной авантюристкѣ невѣстѣ и о гордой, впечатлительной старой дѣвѣ—тетушкѣ. Судъ уподобится въ этомъ процессѣ маленькому театру, въ которомъ представлена будетъ пикантная семейная драма».

«Послѣ всего происшедшаго,—говорится далѣе въ мемуарахъ,—господинъ Гильдъ началъ довѣрять англійскимъ законамъ столько же, сколько капризности англійской погоды и позаботился о томъ, чтобъ оградить свою молодую, красивую жену отъ дальнѣйшей опасности и обезпечить ей безопасность».

Въ тотъ же самый день, вечеромъ 6 августа, тотчасъ какъ Лола была освобождена подъ залогъ (сообщала Morning Post), гг. Гильдъ уѣхали на континентъ. Двумужство—дѣло не шуточное по англійскимъ законамъ: прежде оно наказывалось смертью, но со времени ограниченія смертной казни приговорами за убійство и государственную измѣну, оно наказывается пожизненной или многолѣтней ссылкой.

Однако же со стороны большинства лондонскихъ газетъ и журналовъ этотъ случай бигаміи встрѣтилъ самое сочувственное отношеніе къ графинѣ Ландсфельдъ.

Не можемъ не упомянуть о наивномъ замѣчаніи, сдѣланномъ газетой «Globe» по поводу множества

любовныхъ приключеній у офицеровъ. Она говоритъ: «Вѣдь это изумительно, какъ замѣшаны и переплетены въ этой фешіонебельной исторіи военные,—вѣдь она вся «кишитъ» капитанами и поручиками. Не знаешь, право, пожалѣть-ли отсталое сословіе штатскихъ или поздравить».

Заключительную главу этого брака мы разскажемъ позже.

ГЛАВА IV.

Прелюбодѣяніе и владычество фаворитокъ - Артуръ.— Норманны.—Генрихъ VIII.—Марія Стюартъ.—Іаковъ I.— Карлъ II.—Георгъ I.—Софія Доротея.—Георгъ II.— Георгъ III.—Георгъ IV.—Королева Каролина.—Бракоразводный процессъ.—Королева Викторія.

Нерѣдкими явленіями были и при англійскихъ дворахъ прелюбодѣяніе и владычество фаворитокъ, и также уже съ давнихъ поръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ еще сказанія о королѣ Артурѣ и его рыцаряхъ круглаго стола. Обыкновенно вторженію норманновъ приписывается особенно сильное вліяніе на порчу общественной нравственности. Хронологически это возможно и вѣроятно, но не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что въ XI столѣтіи господствовала вообще крайняя безнравственность, которая оказала-бы вѣроятно свое вліяніе на Англію и помимо норманновъ.

Неоднократно отмѣчавшіяся связь и взаимодѣйствіе всѣхъ культурныхъ явленій свидѣтельствуютъ о томъ, что они никогда не возникаютъ случайно и произвольно; дѣйствіе этого закона сказалось и здѣсь, гдѣ, какъ и во Франціи, царила при дворѣ самая крайняя безнравственность, особенно въ концѣ XVII столѣтія, въ царствованіе Карла II (1660 — 1685). Почти такимъ же характеромъ отличалось

кратковременное царствованіе Іакова II (1685 — 1688).

Гораздо большей чистотой нравовъ отмѣчено царствованіе Вильгельма III Оранскаго (1689—1702) и его преемницы Анны I (1702 — 1714), но въ послѣдующую эпоху, въ царствованіе четырехъ Георговъ укоренился снова тотъ самый развратъ, которымъ были отмѣчены время царствованія Людовика XV и послѣдующія эпохи.

Какъ мы уже замѣтили, развратъ и система владычества фаворитокъ существовали, правда, при дворахъ Англіи и Шотландіи и раньше. Не углубляясь въ болѣе раннія эпохи, достаточно припомнить царственнаго Синюю Бороду — короля Генриха VIII (1509—1547), который имѣлъ послѣдовательно не менѣе шести женъ, во всякомъ случаѣ, — и изъ нихъ двухъ приказалъ обезглавить, Анну Болейнъ и Екатерину Говардъ, съ двумя развелся, а послѣдняя его жена, Екатерина Парръ только чудомъ избѣгла участи первыхъ двухъ.

Особенной расточительностью этотъ любвеобильный мужчина на тронѣ, повидимому, не отличался. Анна Болейнъ писала одной своей подругѣ, что въ деревнѣ она привыкла получать къ завтраку фунтъ сала и кружку пива,—при дворѣ же она получаетъ едва половину этой порціи; что спать она ложится рѣдко ранѣе 10 часовъ и рѣдко можетъ спать позже 6 часовъ; что ей выдано 3 сорочки и 1 пара ботинокъ, которые стоятъ почти шиллингъ.

Веберъ-Демокритъ разсказываетъ, что этотъ капризный тиранъ вздумалъ наказывать, какъ за государственную измѣну, тѣхъ, кто что-нибудь зналъ о королевѣ и не доносилъ—а также казнить своихъ будущихъ женъ, если онѣ не оказывались чистыми дѣвственницами. Насмѣшники совѣтовали ему, какъ надежнѣйшее средство, жениться, въ такомъ случаѣ

на вдовѣ, — и дѣйствительно, въ жены № 6 онъ взялъ себѣ Екатерину, вдову Латимера.

Людовикъ VII женился на богатой наслѣдницѣ, Леонорѣ Гвіанской, о которой разсказывали, что даже у гроба Спасителя она пировала съ язычникомъ Саладиномъ, и Людовикъ, будучи менѣе философомъ, чѣмъ Маркъ Аврелій, продолжавшій все-таки жить съ своей знаменитой Фаустиной (ибо «si uxorem dimittimus, reddamus et dotem»—если мы прогоняемъ жену, то должны возвратить и приданое), развелся съ ней, — а Генрихъ II Англійскій взялъ себѣ Леонору и вмѣстѣ съ нею Гвіанну. Такъ возникли, благодаря ревности, трехсотлѣтнія войны и національная ненависть и вражда между британцами и французами.

Приведемъ маленькій образчикъ остроумія Генриха VIII въ одномъ изъ его писемъ къ Аннѣ Болейнъ: «Посылаю Вамъ при семъ оленины, она напоминаетъ мое имя (созвучіе: Hart и Harry), и надѣюсь, что Вы еще, съ Божьей помощью, отвѣдаете и моего мяса, котораго Вамъ такъ-же сильно хочется, я думаю, какъ и мнѣ Вашего».

Любовныя приключенія шотландской королевы Маріи Стюартъ извѣстны. Между прочимъ, однимъ изъ ея любовниковъ былъ игрокъ на лютнѣ Давидъ Рицціо, котораго, какъ извѣстно, приказалъ умертвить ея второй мужъ Генрихъ Дарнлей; за смерть его Марія Стюартъ отомстила, умертвивъ его въ свою очередь съ помощью Ботвелля. Графъ Муррей, къ которому послѣ вынужденнаго отреченія Маріи Стюартъ, перешло правленіе королевствомъ именемъ ея малолѣтняго сына Іакова, былъ побочнымъ братомъ Маріи Стюартъ, сыномъ Іакова V Шотландскаго.

Побочныя дѣти были вообще явленіемъ очень частымъ въ англійскихъ королевскихъ и дворянскихъ

фамиліяхъ (напримѣръ Вильгельмъ Завоеватель былъ побочнымъ сыномъ Роберта Дьявола) и встрѣчающаяся передъ многими родовитыми именами частица «Fitz», означающая старо-норманское произношеніе слова «fils», ставилась обыкновенно при именахъ внѣбрачныхъ сыновей.

Іаковъ VI, принявшій, какъ король Англіи, имя Іакова I (1603—1625), сынъ Маріи Стюартъ, былъ ученый и довольно самоувѣренный дуракъ, которому нравилось, чтобы его величали «британскимъ Соломономъ»; это послужило поводомъ Генриху IV французскому къ жестокой остротѣ, заключавшей намекъ на Давида Рицціо: «Я не знаю, почему ему такъ пріятно, когда его называютъ Соломономъ. Быть можетъ, потому, что онъ—сынъ игрока на арфѣ, Давида?» Сынъ его Карлъ I (1625—1649) былъ, какъ извѣстно, обезглавленъ, и вслѣдъ за нравственно распущенной эпохой «кавалеровъ» наступила при Кромвеллѣ эпоха суровой нравственности, господство пуританъ.

Но уже въ 1660 году наступила реставрація, на престолъ вступилъ Карлъ II Стюартъ (1660—1686), и вся жизнь его и его двора едва-ли уступала по расточительности и нравственной разнузданности французскому двору «короля Солнца».

Въ Англіи, во всякомъ случаѣ, общественный протестъ противъ подобнаго хозяйничанья раздавался громче и смѣлѣе, чѣмъ во Франціи,—и когда Карлъ II хотѣлъ было ввести налогъ на театральныя представленія и его министръ попытался обосновать это мѣропріятіе надменнымъ заявленіемъ: «театръ есть удовольствіе короля»—одинъ изъ членовъ оппозиціи отозвался на это вопросомъ: «что именно: представленія, или играющія ихъ артистки?»

Такую-же роль, какую игралъ впослѣдствіи при дворѣ Людовика XV герцогъ Ришелье, игралъ при

дворѣ Карла остроумный сатирикъ графъ Джонъ Вильмотъ Рочестерскій.

Съ восшествіемъ на престолъ Георга I (1714—1727) воцарилась въ Англіи ганноверская династія. Вотъ что говоритъ о ней Теккерей въ своемъ сочиненіи о «четырехъ Георгахъ»:

«Оба первые Георга, точно такъ же, какъ и отецъ Эрнстъ Августъ, имѣли вполнѣ королевскіе взгляды на бракъ; ни Людовикъ XIV, ни Карлъ II въ Версали и Сентъ-Джемсѣ не могли превзойти на этомъ пунктѣ образа жизни этихъ двухъ султановъ въ ихъ маленькомъ городкѣ на берегахъ Лены.

«Еще и теперь можно видѣть въ Герренгаузенѣ уцѣлѣвшій садовый театръ, въ которомъ танцовали фаворитки и пѣли, замаскированныя, передъ курфюрстомъ и его сыновьями. Еще мерцаютъ сквозь просвѣты изгородей старые фавны и каменныя дріады, беззвучно скрипя свои пѣсни, какъ въ тѣ дни, когда разряженныя нимфы увѣнчивали ихъ вѣнками, мелькали среди лиственныхъ сводовъ съ раззолоченными пастушескими посохами въ рукахъ, ведя за собой козла съ позолоченными рогами,—или когда Діана или Минерва, сойдя съ искусственныхъ пьедесталовъ, осыпали возвращающихся изъ похода князей аллегорически-льстивыми привѣтствіями»...

«Представимъ себѣ нѣсколько неуклюжихъ нѣмецкихъ фигуръ на мѣстѣ мраморныхъ статуй Версали, вообразимъ себѣ громоздкія водоподъемныя машины на мѣстѣ фонтановъ Марли, уставимъ пиршественные столы жаркими изъ свиныхъ головъ, супами изъ сала, пирогами изъ печенки и другими подобными деликатессами, вмѣсто произведеній утонченной французской кухни; представимъ себѣ госпожу фонъ-Кильманнзегге танцующей съ камеръ-юнкеромъ графомъ Квирини и распѣвающей французскія пѣсенки съ полной свободой акцента—вообразимъ себѣ,

словомъ, въ самомъ грубомъ видѣ Версаль, и мы получимъ Ганноверъ».

«Я попала теперь въ царство красоты,—пишетъ изъ Ганновера въ 1716 году Марія Уортлей,—у всѣхъ здѣшнихъ дамъ розовыя щеки, бѣлоснѣжные лбы и такіе-же затылки, брови словно изъ эбеноваго дерева и почти у всѣхъ черные, какъ смоль, волосы. Эти красавицы сохраняются неизмѣнными до самой своей смерти и производятъ изумительное впечатлѣніе особенно при свѣтѣ восковыхъ свѣчей; хотѣлось-бы только хоть какихъ-нибудь перемѣнъ. Онѣ походятъ другъ на друга, словно восковыя фигуры изъ англійскаго музея, и, какъ онѣ-же, вблизи огня онѣ подверглись-бы опасности растаять». Умная наблюдательница Марія Уортлей видѣла этотъ раскрашенный сераль Георга I въ Ганноверѣ въ тотъ самый годъ, когда этотъ властелинъ взошелъ на англійскій престолъ

«Курфюрстъ Георгъ Людвигъ не слишкомъ торопился принять предложенную ему англійскую корону. Онъ подождалъ порядочное время, затѣмъ трогательно простился съ своимъ любимымъ Ганноверомъ и замкомъ Герренгаузеномъ и отправился въ путь, чтобы вступить на «престолъ своихъ предковъ», какъ онъ выразился въ своей первой рѣчи, обращенной къ парламенту. Дѣло въ томъ, что его мать была внучка Іакова I.

«Онъ привезъ съ собой многочисленную нѣмецкую свиту, общество которой онъ очень любилъ и которой всегда желалъ видѣть окруженной свою королевскую особу. У него было два преданныхъ нѣмецкихъ каммергера, свои нѣмецкіе секретари, собственный негръ, котораго онъ самъ захватилъ въ плѣнъ, воюя противъ турокъ, свои двѣ нѣмецкія фаворитки—госпожи фонъ Кильманнзегге (которую онъ превратилъ въ графиню Дарлингтонъ) и фонъ

Шуленбургъ, которая стала герцогиней Кендаль. Герцогиня отличалась высокой худощавой фигурой и получила за нее не очень лестное прозвище «хмелевого стебля», а графиня, обладавшая очень тучными формами, была прозвана «слономъ».

«Обѣ дамы больше всего на свѣтѣ любили Ганноверъ, были мечтательно и нѣжно привязаны къ липовой аллеѣ Герренгаузенскаго дворца и очень долго вначалѣ не соглашались покинуть родину. На самомъ же дѣлѣ фрейлейнъ фонъ Шуленбургъ удерживали, вдобавокъ, въ Ганноверѣ долги; но едва фрейлейнъ фонъ Кильманнзегге услышала о такомъ препятствіи у своей соперницы, какъ она моментально приказала уложить свои чемоданы и вмигъ собралась въ путь, въ Англію, несмотря на всю свою тяжеловѣсность. Но тогда и фрейлейнъ фонъ Шуленбургъ не могла дольше медлить и вынуждена была также тотчасъ послѣдовать за своимъ возлюбленнымъ Георгомъ Людвигомъ. Совершенно, какъ въ исторіи капитана Мачита и его Полли и Люси.

«Картина по-истинѣ восхитительная, исполненная ироніи: король, котораго мы избрали, рядомъ съ нимъ придворные его свиты, за ними англійское дворянство, явившееся въ огромномъ числѣ для пріема короля, но ко многимъ изъ ихъ числа старый хитрый циникъ повернулся спиной. Я представляю себѣ, что я стою, въ качествѣ англійскаго гражданина, на набережной Гренвича и громко кричу «ура» въ честь короля Георга,—но въ то же время я съ трудомъ удерживаюсь отъ смѣха надъ нелѣпой безвкусицей этихъ торжествъ...

«Богини судьбы особенно заинтересованы, говорятъ, участью коронованныхъ головъ; быть можетъ, благодаря ихъ особой благосклонности, Георгу I открывались предзнаменованія и примѣты по поводу будущаго. Говорятъ, что его особенно сильно испугало пророчество о томъ, что онъ умретъ очень скоро послѣ смерти своей жены; несомнѣненъ тотъ фактъ, что неумолимая смерть, едва принеся избавленіе несчастной принцессѣ въ Альденѣ, схватила своей холодной рукой и короля, въ то время какъ онъ возвращался въ своемъ экипажѣ въ Ганноверъ. Самый быстрый ямщикъ не можетъ угнаться за стремительностью этого блѣднаго, мрачнаго всадника!

«Утверждали, что Георгъ I обѣщалъ одной изъ своихъ возлюбленныхъ вернуться къ ней послѣ своей смерти, какъ только ему это будетъ разрѣшено,—и дѣйствительно, тотчасъ послѣ его кончины мимо оконъ герцогини Кендаль въ Твикенгемѣ сталъ летать большой голубь и ударяться объ окна, какъ будто прося, чтобы его впустили; скорбящая дама возомнила, что подъ чернымъ перомъ голубя таится духъ любимаго короля и стала нѣжно заботиться о залетномъ гостѣ.

«Что за трогательный символъ странствія души— эта царственная птица, и какой потрясающій образъ—эта склоненная надъ нимъ плачущая герцогиня! Послѣ кончины этого высоконравственнаго члена нашей англійской аристократіи, всѣ ея драгоцѣнности и все серебро, которыя она накопила, перешли къ ея родственникамъ въ Ганноверѣ. Интересно было бы знать, занялись ли наслѣдники и царственной птицей и жива ли она еще, все-ли еще хлопаетъ крыльями въ Герренгаузенѣ?

«Миновало то время въ Англіи, когда почитаніе короля было почти религіознымъ долгомъ, когда духовенство даже съ высоты каѳедры льстило правящимъ князьямъ, когда рабская, униженная угодливость считалась добродѣтелью, когда молодость и красота заискивали королевской благосклонности и когда безстыдство женщинъ отнюдь не считалось позорнымъ. Болѣе чистая нравственность и болѣе строгіе

правы—вотъ одно изъ безцѣннѣйшихъ завоеваній, достигнутыхъ свободой, данной и обезпеченной намъ Георгомъ I.

«Онъ твердо хранилъ свой договоръ съ англійскими подданными своими, и если онъ и не умѣлъ, подобно другимъ монархамъ, устоять противъ пороковъ своей эпохи,—то все же мы обязаны ему благодарностью за то, что онъ намъ даровалъ и сохранилъ свободу. Въ атмосферѣ этой свободы очистился воздухъ и во дворцахъ, и въ хижинахъ, и истина, эта неотъемлемая собственность высшихъ и низшихъ между нами, истина, позволяющая намъ безстрашно произносить свой судъ надъ высшими,—можетъ подсказать намъ только величайшее уваженіе къ этому. Характеръ и весь обликъ Георга I не лишены крупныхъ пятенъ, но онъ обладалъ и хорошими качествами—справедливостью, мужествомъ и умѣренностью— и имъ мы должны воздать должное, прежде чѣмъ повернемъ лицомъ къ стѣнѣ его портретъ».

Георгъ I былъ женатъ на принцессѣ Софіи Доротеѣ фонъ Люнебургъ-Целле, съ именемъ которой связывается одна изъ тѣхъ любовныхъ трагедій, которыя нерѣдко происходили въ ту эпоху. Тотъ-же Теккерей разсказываетъ слѣдующее:

«Въ то доброе старое время, о которомъ я разсказываю, молодые люди изъ дворянскихъ родовъ посѣщали иностранные дворы съ цѣлью найти для себя при какомъ-нибудь князѣ военную службу, т. е. получить командованіе какимъ-нибудь полкомъ, между тѣмъ, какъ бѣдные простые солдаты гонялись и продавались, точно стада скота, на бой противъ врагомъ императора, куда-нибудь на Дунай или въ Рейнскія арміи короля Людовика, безъ всякихъ видовъ на повышеніе и незамѣченные умирали на поляхъ сраженія. Такъ ѣздили въ поискахъ

за службой отъ одного двора къ другому многіе родовитые авантюристы,—случалось даже, что женщины совершали такіе объѣзды.

«Если такія искательницы обладали красотой и имъ удавалось завоевать благосклонное вниманіе властелина, то вопросъ рѣшался: онѣ оставлялись при дворѣ и имѣли надежды достигнуть впослѣдствіи высокаго положенія княжеской фаворитки. Въ качествѣ таковой, онѣ пользовались богатыми доходами, получали въ подарокъ драгоцѣнные брилльянты, возводились въ графское или герцогское достоинство и по господствовавшему духу времени нисколько не теряли изъ за такой карьеры въ уваженіи общества.

«Такую карьеру сдѣлала, напримѣръ, мадмуазель Керуайль, очаровательная француженка, пріѣхавшая въ Лондонъ по особому указанію Людовика XIV и сдѣланная нашей признательной страной и нашимъ верховнымъ главой—герцогиней Портсмутской. Такимъ же образомъ достигла въ свою очередь благосклонности Августа Саксонскаго красавица Аврора Кенигсмаркъ и сдѣлалась матерью знаменитаго военнаго героя, маршала Морица Саксонскаго, разбившаго насъ при Фонтенеѣ. Точно такъ-же прибыли въ Ганноверъ симпатичныя сестры Елизавета и Мелузина Мейссенбахъ, послѣ того, какъ были изгнаны женской ревностью изъ Парижа, и сдѣлались вскорѣ фаворитками дома курфюрста.

«Красавица Аврора Кенигсмаркъ и ея братъ—самые живые и яркіе типы тогдашняго времени; въ нихъ ясно и выпукло отразилась мораль той эпохи. Они происходили изъ старой бранденбургской дворянской фамиліи, одна вѣтвь которой переселилась въ Швецію и дала нѣсколько храбрыхъ героевъ, достигшихъ высокихъ почестей и крупныхъ богатствъ.

«Родоначальникомъ семьи былъ Гансъ Кристофъ,

заслужившій въ тридцатилѣтнюю войну громкую славу за свои доблестныя военныя дѣла, но и въ такой же степени дурную славу за свое грабительство. Одинъ изъ его сыновей, по имени Отто, былъ посланникомъ при дворѣ Людовика XIV и, будучи въ первый разъ представленъ, долженъ былъ обратиться съ рѣчью къ его величеству на шведскомъ языкѣ. Но несмотря на то, что онъ былъ настолько же талантливъ, какъ свѣтскій человѣкъ, насколько храбръ, какъ военный герой,—все же въ ту минуту, когда онъ долженъ былъ обратиться со словомъ къ королю, Кенигсмаркъ почувствовалъ, что совершенно забылъ свою выученную рѣчь. Что было дѣлать?

«Ни на мгновеніе не поддавшись замѣшательству, онъ прочелъ передъ блестящимъ собраніемъ отрывокъ изъ шведскаго катехизиса,—такъ какъ по-шведски все равно никто ничего не понималъ, кромѣ его собственной свиты, которой, правда, немалаго труда стоило сохранить необходимую серьезность.

«Племянникъ Отто, старшій братъ Авроры, Карлъ Іоганнъ фонъ-Кенигсмаркъ, большой любимецъ Карла II Англійскаго, красивый мужчина, изящный кавалеръ и храбрый воинъ, но при этомъ и необыкновенный плутъ, избѣгнулъ, къ сожалѣнію, веревки, которую вполнѣ заслужилъ за убійство Тома Тинна фонъ-Лонглитъ. Въ то время въ Лондонѣ жилъ при немъ его младшій братъ, не уступавшій ему во всѣхъ его талантахъ, но и въ плутовствѣ также. Этотъ молодой парень, Филиппъ фонъ-Кенигсмаркъ, былъ также замѣшанъ въ одно убійство и также, къ большому сожалѣнію, избѣгнулъ висѣлицы. Онъ уѣхалъ въ Ганноверъ и сдѣлался тамъ полковникомъ одного курфюрстскаго драгунскаго полка.

«Въ ранней юности онъ былъ пажемъ при Целльскомъ дворѣ и въ свѣтѣ говорили, что онъ и хорошенькая принцесса Софія-Доротея, сдѣлавшаяся потомъ супругой наслѣднаго принца Ганноверскаго, тогда любили другъ друга. Когда они вновь встрѣтились, эта юношеская привязанность пробудилась снова, но ея любовь была уже теперь не прежнимъ невиннымъ чувствомъ и вскорѣ закончилась трагически.

«Недавно вышла изъ печати книга д-ра Дорана, посвященная біографіи этой супруги Георга I, и я долженъ признаться, что былъ изумленъ взглядами автора на это печальное происшествіе и тѣмъ, какъ онъ безусловно оправдываетъ несчастную принцессу. Что этотъ супругъ былъ холоднымъ эгоистомъ и развратникомъ,—въ этомъ никто сомнѣваться не можетъ, но что дурной супругъ имѣлъ въ ней такую же дурную супругу,—это также несомнѣнно.

«Ее выдали за ея двоюроднаго брата, какъ выдаютъ обыкновенно всѣхъ принцессъ: либо изъ матеріальныхъ соображеній, либо ради связей. Она была необыкновенно красива, жива, остроумна и талантлива; его грубость ее возмущала, его скупость на слова и его холодность заставляли цѣпенѣть и ея чувства, его жестокость пробудила ея ненависть. Какая могла быть рѣчь о любви въ подобномъ бракѣ? Бѣдная женщина подарила свое измученное, отвергнутое сердце Филиппу фонъ-Кенигсмарку, несмотря на то, что подобнаго плута не было во всей исторіи XVII столѣтія.

«Черезъ 180 лѣтъ послѣ того, какъ Кенигсмаркъ сошелъ въ могилу, одинъ шведскій профессоръ нашелъ въ университетской библіотекѣ въ Упсалѣ цѣлый тюкъ писемъ, оказавшійся перепиской между Филиппомъ и Доротеей, изъ которой выяснилась вся эта связь»...

Въ одну воскресную ночь, 1 іюля 1694 года, Филиппъ фонъ Кенигсмаркъ былъ убитъ, возвращаясь отъ принцессы и собираясь дѣлать приготовленія къ условленному между ними бѣгству. Графиня фонъ Платенъ, любовь которой къ Филиппу была отвергнута и которая ненавидѣла принцессу, какъ свою соперницу, узнала какъ-то о планѣ бѣгства, выдала его наслѣдному принцу, который издалъ приказъ объ арестѣ Кенигсмарка. Было выслано четыре человѣка, чтобы задержать его на томъ пути, который онъ выбиралъ обыкновенно, возвращаясь отъ принцессы, чтобы выйти незамѣченнымъ изъ дворца. Но онъ оказалъ сопротивленіе и былъ убитъ.

Когда онъ лежалъ на землѣ тяжело раненый, явилась ненавидѣвшая его теперь, обманутая имъ графиня фонъ Платенъ. Когда умирающій ее увидѣлъ, онъ бросилъ ей въ лицо проклятіе и обезумѣвшая отъ ярости женщина наступила своимъ каблукомъ на его ротъ съ уже мертвѣющими губами. Трупъ былъ быстро убранъ, на другой день тайкомъ сожженъ—и отнынѣ навѣки исчезъ послѣдній слѣдъ его. Принцессу объявили заболѣвшей, она не выходила изъ своихъ покоевъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и въ октябрѣ ее отвезли въ Альденъ.

Здѣсь двадцативосьмилѣтняя несчастная Софія Доротея протомилась въ заключеніи 32 года, пока не нашла избавленіе въ смерти. Ее называли принцессой Альденской и ея несловоохотливый супругъ ни разу больше не упомянулъ о ней.

Король Георгъ II процарствовалъ 33 года (1727—1760). «Жизнь и дѣянія Людовика XV, —говоритъ Теккерей, котораго мы на этотъ разъ цитируемъ въ извлеченіи,—изображались многочисленными мемуарами. Нашъ Георгъ II былъ, въ концѣ концовъ, не худшимъ королемъ, чѣмъ остальные сосѣдніе властелины. Подобно имъ, онъ присвоивалъ себѣ право свободы отъ подчиненія завѣтамъ нравственности.

«Намъ, англичанамъ, онъ представляется скудоумнымъ человѣкомъ съ довольно низменными чувствами. Гарвей же утверждаетъ, что этотъ властелинъ съ холерическимъ темпераментомъ былъ чувствительнымъ мечтателемъ, безчисленное множество писемъ котораго полно опаснаго обаянія. Надо думать, что эту сантиментальную сторону своей души онъ обнаруживалъ только передъ своими соотечественниками и передъ королевой; намъ же, англичанамъ, онъ никогда не открывался интимнѣе...

«Въ своей личной жизни онъ совершенно походилъ на своего отца, а въ этомъ пунктѣ мы такъ подробно говорили о Георгѣ I, что теперь мы можемъ себя избавить отъ подробнаго изложенія. Въ 1705 году онъ вступилъ въ бракъ съ выдающейся по красотѣ, уму, образованію ума и сердца принцессой (Каролиной Аншпахской), одной изъ самыхъ нѣжныхъ и преданныхъ женскихъ натуръ, когда-либо составлявшихъ счастье государя, горячо любившей его и которую и онъ любилъ, хотя и по своему, нѣсколько грубовато, до конца дней своихъ. Когда она уже была близка къ смерти и боролась съ нестерпимыми страданіями, — она еще находила въ себѣ силы для привѣтливаго слова и мягкой улыбки своему мужу. Знаете-ли вы послѣднюю сцену у смертнаго ложа ея? Она искренно просила короля жениться вторично послѣ ея кончины, а онъ, громко всхлипывая, отвѣчалъ: «Non, non, j'aurai des maitresses (нѣтъ, нѣтъ, я возьму себѣ любовницъ!)»

«Не знаю, найдется-ли другая подобная трагикомедія. Я представляю себѣ эту изумительную картину. Я подхожу къ постели умирающей и глубоко

задумываюсь надъ тѣмъ, какими неисповѣдимыми путями Господь устраиваетъ и направляетъ жизнь, любовь, страданія, успѣхъ и смерть людей, и съ омраченной душой и передъ лицомъ смерти я все же не могу не смѣяться»...

Прелюбопытный эпизодъ разсказываетъ намъ авторъ о томъ, какіе способы изобрѣтала леди Ярмутъ, одна изъ метрессъ нѣсколько скуповатаго короля, чтобы добыть денегъ. Однажды оставалось вакантнымъ одно епископское кресло; хитрая дама «побилась объ закладъ» съ однимъ духовнымъ лицомъ, предлагая пари въ 5.000 фунтовъ стерлинговъ, что онъ получитъ эту должность, въ чемъ тотъ сомнѣвался. И выиграла это «пари».

«Но, быть можетъ, это былъ единичный случай, быть можетъ онъ одинъ достигъ высокихъ ступеней подобнымъ путемъ? Когда я вглядываюсь поближе въ исторію Сентъ-Джемскаго дворца въ эпоху Георга II, я то и дѣло слышу шуршаніе рясы духовныхъ особъ по заднимъ лѣстницамъ, ведущимъ въ покои придворныхъ дамъ, на колѣни которыхъ падаютъ наполненные золотомъ кошельки... Ничего нѣтъ удивительнаго, если при такихъ условіяхъ духовенство становилось все хуже и лицемѣрнѣе, что число богохульниковъ все возростало, что страдала нравственность, пока она оставалась подъ вліяніемъ такого короля...

«Съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣлъ я на это общество, на этого короля, на этихъ придворныхъ, на это легкомысліе и на этотъ торжествующій порокъ. Гдѣ во всемъ этомъ дворѣ найдетъ глазъ хоть одного честнаго человѣка? Хоть одного нравственно-чистаго человѣка, видъ котораго далъ-бы отраду глазу?»

Король сдержалъ слово, данное имъ своей умиравшей супругѣ. Онъ больше не женился, а держалъ метрессъ, изъ которыхъ исключительной его благосклонностью пользовалась леди Ярмутъ. Еще двадцать лѣтъ велъ онъ свою жизнь султана, пока не заболѣлъ и слегъ и тогда старикъ распорядился разобрать боковую стѣнку гроба Каролины и своего собственнаго —для того, чтобы его грѣшныя кости и его прахъ могли смѣшаться съ останками этого преданнаго существа. О, неисправимый маленькій Магометъ! Въ какомъ раю блаженствуешь ты теперь со своими раскрашенными гуріями?»

Георгъ II умеръ 20 октября 1760 года и его наслѣдникомъ былъ его внукъ Георгъ III (1760—1810), въ царствованіе котораго Англія пережила самую богатую событіями часть своей исторіи: новыя колоніальныя владѣнія въ Индіи, освобожденіе Сѣверной Америки, войны противъ Наполеона. Частная жизнь его не давала повода ни для какого порицанія, и все-же «вокругъ молодого короля, лично ведшаго чистую жизнь и исполненнаго глубокаго благочестія, вращалось придворное общество, жившее такой разнузданной жизнью, которую едва-ли можно было-бы найти гдѣ-либо во всей Англіи.

«Безнравственный порядокъ жизни при Георгѣ II бросилъ свою тѣнь на первые годы царствованія его преемника, но я убѣжденъ, что примѣръ этого добраго человѣка, его умѣренность, его простота и его благочестіе очень много способствовали дѣлу улучшенія нравовъ въ королевствѣ и облагороженію націи».

Ослѣпнувъ, потерявъ слухъ, впавъ въ душевную болѣзнь, Георгъ III пересталъ, въ сущности, править страной еще въ 1810 году, за 10 лѣтъ до своей смерти. До его кончины регентствовалъ сынъ его Георгъ IV (1810—1830)—«the last but not the least on worth», какъ насмѣшливо замѣчаетъ Бай-

ронъ при упоминаніи его имени—которымъ закончился, по крайней мѣрѣ временно, рядъ правителей, носившихъ имя Георга. Еще въ бытность свою принцемъ онъ принадлежалъ къ числу самыхъ ненавистныхъ Англіи людей и частная жизнь его представляла цѣпь расточительныхъ, разнузданныхъ и безнравственныхъ поступковъ.

Вотъ что мы узнаемъ о немъ изъ «Исторіи новѣйшаго времени» Теодора Эрвина.

Георгъ, принцъ-регентъ Англіи, былъ по наружности однимъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ Англіи, обладая при этомъ въ неменьшей степени и духовными способностями, превосходными научными познаніями и такой же тонкой и вѣрной критической мыслью. Суровая узда, которую наложило на него въ молодости воспитаніе, сдерживала необыкновенно пылкій, огневой отъ природы темпераментъ принца, но тѣмъ съ большей силой онъ развивался внутренно; вотъ почему, когда онъ достигъ того возраста, при которомъ строгій надзоръ уже былъ неумѣстенъ, имъ овладѣла неукротимая жажда чувственныхъ наслажденій, превосходившая всякую мѣру.

Правда, принцъ и тогда остался вѣренъ англійскому характеру, по крайней мѣрѣ настолько, что онъ уважалъ приличія и прикрывалъ свои чувственные эксцессы покровомъ внѣшняго нравственнаго поведенія; но скрыть совсѣмъ свой образъ жизни онъ не былъ въ состояніи, конечно,—тѣмъ болѣе, что такая жизнь была сопряжена съ колоссальными денежными тратами, повергавшими время отъ времени принца въ путаницу долговъ, изъ которой выручалъ его отецъ только подъ условіемъ различныхъ обѣщаній и твердыхъ зароковъ.

Два обстоятельства вызывали, главнымъ образомъ, сильное неудовольствіе, которое питалъ Георгъ III

къ своему сыну: во-первыхъ, то, что молодой принцъ примкнулъ къ оппозиціи противъ министровъ, которымъ король дарилъ свое полное довѣріе— и во-вторыхъ, то, что принцъ Георгъ состоялъ въ нѣжной связи со вдовой принца Герберта (Fitz Herbert, т. е. побочнаго королевскаго сына), красивой ирландской католичкой и пуще всякихъ оковъ избѣгалъ брачныхъ узъ, никакими силами не давая себя склонить къ женитьбѣ.

Но въ концѣ концовъ обстоятельства принца сложились такъ, что онъ все же вынужденъ былъ подчиниться и этому. Затѣявъ постройку новаго увеселительнаго замка, онъ оказался снова обремененнымъ огромными долгами—и долженъ былъ убѣдиться, что отецъ принялъ неизмѣнно твердое рѣшеніе избавить его на этотъ разъ отъ кредиторовъ не иначе, какъ добившись его согласія на вступленіе въ бракъ. Необходимость вынудила принца уступить и ему тотчасъ было предписано выбрать себѣ супругу изъ среды европейскихъ принцессъ.

Выборъ его палъ на Амалію Каролину, дочь герцога Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскаго, соединявшую въ себѣ сокровища красоты, ума и талантовъ, одаренную пламенной впечатлительной душой; выросшая на глазахъ превосходной матери, эта принцесса по справедливости могла быть названа украшеніемъ своего пола. И вотъ эту-то женщину, предназначенную, какъ по всему можно было думать, къ наивысшему счастію, постигла самая печальная участь.

Говорили, что въ то время, когда принцесса Каролина припуждена была, по приказанію своего отца, отдать противъ своей воли свою руку принцу Георгу Уэльскому,—она состояла въ сердечной связи съ человѣкомъ, стоявшимъ, по своему положенію, несравненно ниже ея. Принцъ Георгъ встрѣтилъ ее

(въ 1795 году) въ Лондонѣ со всею страстью, вспыхнувшей въ его сердцѣ, когда видъ ея портрета воспламенилъ его фантазію. Но вскорѣ послѣ вступленія въ бракъ съ нею, онъ узналъ о ея прошлой связи и зашевелившееся подозрѣніе, питаемое всякими нашептываніями и доносами, разгорѣлось въ немъ до изступленія.

Что было въ этой исторіи правдой и что ложью— мы не беремся рѣшать. Но принцъ нашелъ въ этомъ достаточную причину и поводъ, чтобы развестись съ своей супругой. Осмѣлились было даже обвинить принцессу въ тѣсномъ родствѣ съ однимъ мальчикомъ, котораго прямо и указывали,—но публичное слѣдствіе, на которомъ настояла несчастная принцесса, доказало полную неосновательность этой клеветы.

Однако, принцъ и послѣ этого не въ силахъ былъ побѣдить антипатію, поселившуюся въ его душѣ къ супругѣ и, хотя ей снова дозволено было появиться при дворѣ, пріемъ, который былъ ей при этомъ оказанъ, былъ таковъ, что она предпочла отказаться добровольно отъ этой чести. Среди всѣхъ лицъ, составлявшихъ и окружавшихъ дворъ, она встрѣтила сочувствіе только у короля, который былъ твердо убѣжденъ въ ея добротѣ такъ-же, какъ и въ злобности ея клеветниковъ.

Замкнувшись въ романтическомъ уединеніи Бисклета въ Девонширѣ, она посвятила всю свою жизнь исключительно своей печали, своимъ научнымъ занятіямъ, дѣламъ благотворительности и, наконецъ, воспитанію своей красавицы дочери, принцессы Шарлотты, бывшей единственнымъ залогомъ брака ея съ принцемъ Георгомъ.

Прошло уже 10 лѣтъ, какъ коронованная чета жила въ разлукѣ, когда принцу-регенту случилось однажды охотиться вблизи мѣстопребыванія принцессы. Охваченный внезапнымъ порывомъ чувства, принцъ направился въ паркъ, гдѣ онъ и увидѣлъ принцессу, державшую на колѣняхъ и ласкавшую свою маленькую дочь. Тронутый этимъ зрѣлищемъ, принцъ подошелъ къ ней, былъ встрѣченъ сердечно и тутъ же рѣшился возобновить союзъ съ отвергнутой раньше супругой. Было уже даже объявлено ея появленіе вновь при дворѣ,—какъ вдругъ наушники снова овладѣли довѣріемъ принца, и они снова разстались.

Оклеветанная, поруганная и всячески оскорбленная, несчастная принцесса рѣшила вырваться изъ удушливой атмосферы ненависти и злостной клеветы и зажить абсолютно свободной жизнью, единственнымъ закономъ которой былъ бы только капризъ минуты,—и съ той поры начались тѣ полныя приключеній путешествія ея по Европѣ, Азіи и Африкѣ, которыя давали неисчерпаемую пищу клеветѣ, распространяемой на ея счетъ, такъ какъ соглядатаи и доносчики слѣдовали за нею всюду по пятамъ.

У принца-регента было еще пять братьевъ, сильно отличавшихся другъ отъ друга по своимъ политическимъ взглядамъ. Герцоги Іоркскій и Кумберлендскій были рѣшительными сторонниками консервативной системы; герцоги Кларансскій и Кембриджскій были преданы умѣреннымъ реформамъ—и, наконецъ, герцогъ Суссекскій заявлялъ свою принадлежность къ крайней либеральной партіи. Самъ же принцъ-регентъ, съ той минуты, какъ бразды правленія перешли нераздѣльно въ его собственныя руки, отказался отъ своихъ прежнихъ оппозиціонныхъ принциповъ противъ министровъ отца и послѣдовалъ самъ установленной ими системѣ.

«И природа, и обстоятельства,—пишетъ Теккерей,—сдѣлали все, чтобы испортить принца. Уны-

лое и тоскливое однообразіе отцовскаго двора, притупляющія умъ развлеченія, сухія занятія вмѣстѣ со скукой общенія съ трезвыми посредственными людьми,—все это въ совокупности могло бы сбить съ пути и натуру, менѣе жизнерадостную, чѣмъ какою былъ принцъ. Всѣ принцы въ буквальномъ смыслѣ слова бѣжали отъ скуки дворца, въ которомъ старый король Георгъ вѣчно сидѣлъ за своими дѣловыми книгами, а королева Шарлотта со своей табакеркой—за пяльцами.

«Нѣкоторые изъ любезныхъ и жизнерадостныхъ сыновей сдѣлались со временемъ, когда улеглись бурныя страсти и дикій разгулъ, спокойными, добросовѣстными подданными своего отца и затѣмъ своего брата и были очень любимы народомъ, который всегда готовъ, во имя добродушія и искренности, простить юношескія увлеченія и грѣхи».

Теккерей относится съ очень рѣзкимъ порицаніемъ къ Георгу IV, къ этому «пустому развратнику», какъ онъ его называетъ. Онъ говоритъ: «Въ общеніи съ подобной натурой, женщины обнаруживали такую же лживость и своекорыстіе, какъ и мужчины. Не составить-ли намъ, какъ Лепорелло, списокъ всѣхъ побѣдъ, одержанныхъ этимъ коронованнымъ Донъ-Жуаномъ? Не заняться-ли намъ перечнемъ поименно всѣхъ любовницъ, которымъ бросалъ принцъ Георгъ поочередно свой платокъ? Къ чему было бы сообщать, какъ добивался принцъ благосклонности, какъ побѣдилъ и затѣмъ бросилъ Продиту или какую-нибудь преемницу ея? Для чего намъ знать, что онъ былъ повѣнчанъ съ мистриссъ Fitz-Гербертъ по римско-католическому обряду, что брачное свидѣтельство видѣли въ Лондонѣ и знали свидѣтелей, присутствовавшихъ при бракосочетаніи»?

Еще въ бытность свою принцемъ онъ прилагалъ

старанія добиться развода съ своей супругой, но напрасно. Едва вступивъ на престолъ, онъ прежде всего возобновляетъ эту попытку. Въ «Исторіи новѣйшаго времени» разсказано объ этомъ слѣдующее:

«Король снова вернулся къ своей мысли о разводѣ и представилъ свое ходатайство въ парламентъ, такъ какъ онъ затѣялъ формальный процессъ о прелюбодѣяніи своей несчастной супруги.

«Мы уже упоминали о томъ, что принцесса съ перваго мгновенія своего замужества была отдана на произволъ самыхъ грубыхъ пересудовъ. Ее обвиняли въ преступной связи съ капитаномъ Мани, съ серомъ Сиднеемъ Смитомъ и т. д.

«Но послѣ того, какъ потребованное ею слѣдствіе разъяснило въ 1808 году дѣло въ ея пользу, ей опять было предоставлено подобающее ей мѣсто и значеніе при дворѣ. Широкія массы народа все время рѣшительно становились на сторону принцессы,—при этомъ надо не забывать еще того, что большинство было убѣждено въ томъ, что виновата она была, но въ отношеніи принца всѣ находили въ то же время много смягчающихъ обстоятельствъ и оправдательныхъ доводовъ.

«Когда по прошествіи времени принцессѣ снова омрачили, какъ мы уже разсказывали, пребываніе при дворѣ,—она снова расшевелила своими смѣлыми и причудливыми путешествіями по всѣмъ частямъ свѣта старыя подозрѣнія къ себѣ. «Принцесса обнаружила во время этихъ поѣздокъ (говоритъ Эрнстъ Мюнхъ, изъ сочиненія котораго мы заимствуемъ изложеніе этого знаменитаго процесса) доказательства самой благородной гуманности, щедрости и великодушія, житейской мудрости, мужества, силы духа и разсудительности; и только одной

добродѣтели, самой необходимой въ ея положеніи—цѣломудрія—у нея найти не могли.

«Одно то уже, что ее неизмѣнно сопровождалъ одинъ изъ ея слугъ, итальянецъ Бергами, человѣкъ низкаго происхожденія и званія, и что она, по всѣмъ признакамъ, оказывала ему необыкновенное вниманіе,—давало ея врагамъ неистощимый матеріалъ для нападокъ, выслѣживаній и преслѣдованій.

«Съ поразительною тщательностью собирались ими во всякое время и во всякомъ мѣстѣ доставляемыя сыщиками всевозможныя свѣдѣнія о ней—основательныя и лишенныя всякаго основанія, правдивыя, полу-правдивыя и ложныя и даже самые невинные поступки ея пріобрѣтали въ совокупности видъ проступковъ, служа средствами и орудіями при тѣхъ тайныхъ планахъ о разводѣ, которые лелѣялъ принцъ регентъ противъ принцессы, будучи самъ съ давнихъ поръ въ чужой власти. Ея легкомысліе, быть можетъ искусственно поддерживаемое изъ Лондона, являлось для супруга, нерасположеніе котораго оставалось непобѣдимымъ, даже желательнымъ,—и онъ изо всѣхъ силъ стремился освободиться отъ ненавистнаго союза.

«Когда была получена вѣсть о смерти короля Георга III, королева Каролина поспѣшила изъ Рима черезъ Францію и минуя Парижъ въ Сентъ-Омеръ, не взявъ съ собой, однако своего итальянскаго проводника, и отсюда начала переписку о своемъ будущемъ какъ со своими друзьями въ Лондонѣ, особенно съ Альдерманъ-Вудомъ и съ леди Гамильтонъ, такъ и съ лордами Ливерпульскимъ и Мельвилльскимъ. Но соглашеніе о томъ, на какихъ условіяхъ король разрѣшитъ своей супругѣ пребываніе въ Англіи и доставитъ ей необходимыя защиту и поддержку, такъ и не состоялось,—и королева, ввѣрившись только своей звѣздѣ, смѣло и храбро поѣхала изъ Калэ въ Дувръ.

«На всемъ своемъ пути оттуда до самаго Лондона она неизмѣнно встрѣчала доказательства уваженія и сочувствія народа, который въ пристрастномъ увлеченіи видѣлъ въ ней больше мученицу и жертву политической борьбы, чѣмъ нарушительницу супружеской вѣрности и чувствовалъ потребность дать исходъ, самымъ удобнымъ и въ то же время законнымъ путемъ, накопившейся враждебности къ монархамъ и ихъ министрамъ.

«Вечеромъ 6 іюня, за часъ до прибытія королевы въ столицу, лордъ Ливерпульскій передалъ въ верхней палатѣ, а лордъ Кастельриджскій—въ нижней палатѣ знаменитое порученіе, поставлявшее парламентъ въ извѣстность о рѣшеніи, принятомъ въ отношеніи королевы; одновременно съ этимъ пэрамъ былъ врученъ таинственный зеленый мѣшокъ, содержавшій вещественныя доказательства по поводу поведенія королевы.

«Верхняя палата выслушала докладъ съ полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ, палата общинъ—со смѣшанными чувствами: съ разныхъ концовъ зала раздавались выраженія страстнаго негодованія на министровъ за оскорбленія и преслѣдованія, которымъ подвергалась несчастная принцесса; но лордъ Кастельриджскій сохраняя хладнокровіе передъ всѣми нападками оппозиціи, поручилъ переданныя бумаги заботамъ секретаря палаты.

«Королева, проѣзжавшая въ открытой каретѣ, по улицамъ столицы, была встрѣчаема всюду такими взрывами энтузіазма со стороны массъ народа, какого они никогда до того не проявляли въ отношеніи самыхъ добродѣтельныхъ и самыхъ очаровательныхъ монархинь; въ парламентѣ было внесено

предложеніе объ образованіи специальной комиссіи для изслѣдованія упомянутыхъ документовъ.

«Всѣ попытки примиренія, сдѣланныя Вильберфорсомъ, разбивались объ отказъ королевы поступиться какой бы то ни было существенной прерогативой своей и признать такимъ образомъ косвенно свою вину; она заявляла, что должна добиться передъ королемъ, передъ подданными и передъ самой собой полнаго удовлетворенія и полной реабилитаціи и, требуя къ себѣ полной строгости въ случаѣ признанія ее виновной, она настаивала, до полнаго разслѣдованія возбужденнаго противъ нея дѣла, на правѣ имѣть ту защиту, какая присвоена и знатнымъ и простымъ гражданамъ.

«Комиссія, состоявшая почти сплошь изъ членовъ министерства верхней палаты, представила, наконецъ, къ 4-му іюля докладъ о результатахъ своего изслѣдованія зеленаго мѣшка. Она нашла, что бумаги заключаютъ обвиненія, опирающіяся на согласныя между собою свидѣтельскія показанія, причемъ свидѣтели принадлежатъ къ различнымъ общественнымъ кругамъ по положенію и живутъ въ различныхъ мѣстахъ Европы; обвиненія, тяжко опорочивающія честь королевы, ибо онѣ приписываютъ ея величеству прелюбодѣйную связь съ иностранцемъ, бывшимъ первоначально однимъ изъ ея слугъ и принадлежавшимъ къ низшему классу, и такое дальнѣйшее поведеніе, которое недостойно положенія и ранга ея величества и которое носитъ самый разнузданный характеръ.

«Комиссія находитъ, что такія обвиненія тяжко оскорбляютъ честь королевы, достоинство короны, нравственное чувство и національную честь и самолюбіе страны—и потому они должны сдѣлаться по необходимости предметомъ официальнаго и торжественнаго слѣдствія.

«Въ виду этого комиссія предлагаетъ произвести слѣдствіе въ формѣ парламентской процедуры, выражая при этомъ свое глубокое сожалѣніе о необходимости прибѣгнуть къ такой мѣрѣ».

На слѣдующій день лордъ Ливерпульскій внесъ билль, которымъ ея величество королева Каролина Амалія Елизавета лишалась присвоенныхъ ея титулу преимуществъ, правъ и привилегій царствующей королевы и самого этого титула, и бракъ между его величествомъ королемъ и названной королевой объявлялся подлежащимъ расторженію.

Факты, приведенные этимъ биллемъ для обоснованія постановленія, были такого циничнаго и возмутительнаго свойства, что когда они проникли въ печать въ разныя европейскія страны, многія благовоспитанныя дамы въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ не могли безъ смущенія взять въ руки газеты,—и огромное большинство людей образованныхъ и деликатныхъ относились съ крайнимъ неудовольствіемъ къ виновникамъ такого скандала, какъ бы ни было велико моральное убѣжденіе въ виновности королевы. Главное преступленіе королевы состояло въ ея интимныхъ отношеніяхъ съ Бартоломеемъ Бергами, котораго она произвела послѣдовательно въ камергеры, бароны и въ рыцари ею самою учрежденнаго мальтійскаго ордена.

Министры почувствовали себя въ большомъ затрудненіи передъ характеромъ возникающаго процесса, особенно передъ вопросомъ о расторженіи брака, больше всего интересовавшимъ короля,—между тѣмъ, по своеобразнымъ законамъ англиканской церкви, разводъ по причинѣ прелюбодѣянія могъ состояться только въ томъ случаѣ, если противъ ходатайствующей о разводѣ стороны не могла быть выдвинута встрѣчная жалоба въ подобной же невѣрности.

Министры же слишкомъ хорошо знали, насколько уязвимъ былъ съ этой стороны Георгъ IV,—вотъ почему они построили весь процессъ на политико-законодательномъ основанiи, представивъ обѣ стороны на судъ верхней палаты не какъ частныхъ лицъ, а по ихъ оффицiальному значенiю. По ихъ толкованiю, билль не былъ въ сущности бракоразводнымъ актомъ, хотя и имѣлъ силу таковаго; они увѣряли также, что предложенная въ немъ мѣра основана на однихъ только общихъ интересахъ и отнюдь не нуждается въ излишней строгости. Что до обезпеченiя будущаго королевы, по этому вопросу они предоставляютъ инициативу нижней палатѣ.

Королева, потрясенная до послѣдней степени, приняла доставленную ей копiю билля съ большимъ наружнымъ самообладанiемъ; народъ же пришелъ въ такую ярость, что отъ его расправы съ трудомъ удалось отстоять призванныхъ итальянскихъ свидѣтелей—и королевѣ выражалъ всѣми способами свое уваженiе и сочувствiе. Ей присылалось множество адресовъ съ безчисленными подписями отъ разныхъ корпорацiй изъ различныхъ мѣстъ Соединеннаго королевства; въ ихъ числѣ былъ одинъ адресъ изъ одного единственнаго округа, покрытый 15.000 подписей замужнихъ женщинъ.

Каролина воспользовалась благопрiятнымъ для нея настроенiемъ, чтобы высказаться самымъ рѣшительнымъ образомъ о своемъ преслѣдователѣ и его совѣтчикахъ. Она постаралась еще усилить общее чувство состраданiя и сочувствiя къ ней тѣмъ, что написала письмо королю, въ которомъ горячо изложила все свое прошлое, разсказала открыто и подробно всю исторiю своихъ незаслуженныхъ страданiй съ момента первой, насильственно достигнутой ея супругомъ разлуки—и обнародовала это письмо черезъ посредство газетъ.

Правда, ей не удалось добиться исполненiя ея коварно выраженнаго желанiя, чтобы дѣло ея было передано для разслѣдованiя, на основанiи общихъ англiйскихъ законовъ, обыкновенному суду и приговоръ былъ бы довѣренъ присяжнымъ изъ народа; такъ-же безплоднымъ практически оказался протестъ лондонскаго городского совѣта противъ билля, разъ онъ былъ переданъ на разсмотрѣнiе нижней палаты. Но все же въ общемъ она чувствовала за собой защиту въ этой огромной популярности,—и всѣ съ увѣренностью ожидали, что даже неблагопрiятный приговоръ верхней палаты слишкомъ строгимъ не окажется.

Не будемъ слѣдить за всѣми подробностями процесса, за обвиненiемъ и защитой (которую необыкновенно умѣло и энергично велъ Бруггемъ). Королева не присутствовала при изложенiи пластически подлинныхъ сценъ неприличiя, распущенности и безнравственности, героиней которыхъ ее изображали; она явилась только ко времени свидѣтельскихъ показанiй.

Среди всего, что ей пришлось увидѣть и услышать, ничто не потрясло ее такъ сильно, какъ черная неблагодарность нѣкоего Теодоро Майокки, который давалъ вначалѣ свои благопрiятныя показанiя плавно и связно, точно заученныя, а при перекрестныхъ допросахъ каждый разъ умолкалъ и отдѣлывался стереотипнымъ заявленiемъ: «Non mi ricordo» (не помню). Такъ же сбивчиво и противорѣчиво держалась молодая швейцарка, Луиза Дюмонъ, служившая у нея камеристкой и своимъ сообщенiемъ одного особенно важнаго факта доставившая сильную поддержку обвиненiю.

Дѣло длилось слушанiемъ отъ 24 августа до 5 сентября, послѣ чего прокуроръ разсмотрѣлъ показанiя свидѣтелей и объявилъ, что жалоба ими вполнѣ

доказана. Въ верхней палатѣ возникъ только запальчивый споръ по вопросу о томъ, должно ли быть уважено дополнительное ходатайство о расторженіи брака или нѣтъ—и долженъ-ли билль ограничиться одной деградаціей и связаннымъ съ нею наказаніемъ. Со стороны министерства было объявлено, что этотъ добавочный пунктъ внесенъ въ билль единственно изъ соображеній приличія, король же вовсе не желаетъ освобожденія отъ узъ, и правительство готово отказаться отъ этого пункта, если это противорѣчитъ религіозному чувству народа. Но предложеніе опустить этотъ пунктъ провалилось въ виду заявленія нѣсколькихъ лордовъ, что это значило бы деградировать самого короля, если-бы оставить его супругой развѣнчанную королеву.

Когда были выслушаны, наконецъ, и свидѣтели противной стороны, Бруггемъ и другіе адвокаты обвиняемой (Вилльямсъ, Денманъ и Бушингтонъ) произнесли превосходныя защитительныя рѣчи, въ которыхъ объясняли легкомысліе принцессы особенностью ея темперамента и условіями понесенныхъ ею втеченіе многихъ лѣтъ тяжкихъ оскорбленій и оправдывали ея проступки большей свободой итальянскихъ нравовъ.

Затѣмъ Бруггемъ подвергнулъ подозрѣнію и самые пункты обвиненія, какъ накопленные изслѣдованіями помѣщенной въ Миланѣ комиссіи, которой, конечно, нетрудно было согнать лжесвидѣтелей въ странѣ Августа и Нерона; отмѣтилъ онъ также частыя противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей,—частію въ ихъ собственныхъ словахъ, а частію между словами однихъ и другихъ,—и всѣ интриги и шпіонство, которыми окружена была королева. Засѣданія парламента затянулись до 2 ноября.

Наконецъ, перешли къ обсужденіямъ билля во

второмъ чтеніи. Оппозиція, особенно та партія, во ждемъ которой является лордъ Грей, старалась изобразить королеву жертвой скандальнаго заговора. Группа другихъ пэровъ, состоявшая изъ умѣренныхъ виговъ и тори, указывала на возможную опасность для страны осужденія королевы, такъ какъ энтузіазмъ народа къ обвиняемой легко можетъ превратиться во всепожирающее пламя. Всѣмъ этимъ доводамъ лордъ Ливерпульскій противопоставлялъ непоколебимую настойчивость, съ которой онъ продолжалъ отстаивать билль.

Несмотря однако на это, замыселъ развода потерпѣлъ крушеніе, благодаря тому, что много членовъ парламента въ особенности епископы, голосовали противъ него, такъ какъ однимъ письмомъ, написаннымъ королемъ къ своей супругѣ за 26 лѣтъ назадъ, было доказано, что онъ допустилъ добровольную разлуку, вопреки предписаніямъ Евангелія. Вслѣдствіе этого билль прошелъ во второе чтеніе большинствомъ только 9 голосовъ и лордъ Ливерпульскій предпочелъ совсѣмъ снять его.

Благодаря этому процессу, во время котораго публично обсуждались подробности до такой степени непристойныя, что газеты того времени невозможно было читать безъ стыда,—благодаря этому процессу, вызвавшему такой прискорбный публичный скандалъ и, не приведя ни къ какому результату, стоившему около $1^1/_2$ милліоновъ,—враги министерства умножились тѣмъ значительнѣе, чѣмъ рѣшительнѣе высказался въ общемъ народъ въ пользу королевы.

Благодаря всему этому, несчастная королева, быть можетъ и виновная, но наказанная, во всякомъ случаѣ, выше всякой мѣры, стала получать доказательства преданности и сочувствія народа, едва начала показываться оффиціально. Но и среди высшихъ круговъ у нея не было недостатка въ сто-

ронникахъ, —и едва былъ снятъ съ обсужденія вопросъ о расторженіи брака, ей сдѣлали поздравительные визиты ея собственный деверь, герцогъ Сусекскій и принцъ Леопольдъ Кобургскій.

Королева отклонила сдѣланное ей министерствомъ предложеніе объ обезпеченіи ея будущаго, заявивъ, что предоставляетъ это въ распоряженіе парламента. Но именно къ этому времени парламентъ былъ распущенъ, а вскорѣ послѣ этого (7 августа 1821 г.) королева внезапно умерла. Разумѣется, при существовавшихъ обстоятельствахъ не было недостатка въ слухахъ объ отравленіи; но неосновательность этихъ слуховъ была вполнѣ доказана врачебнымъ освидѣтельствованіемъ трупа королевы.

Самъ король потерялъ, благодаря этому процессу, значительную долю популярности, которой онъ ранѣе пользовался. Быть можетъ, въ связи съ этимъ обстоятельствомъ и былъ быстрѣе осуществленъ задолго до того задуманный планъ посѣщенія королемъ Ирландіи, этой Великобританской Польши, съ цѣлью смягчить по возможности его присутствіемъ возбужденіе католическаго населенія и примирить взаимную ненависть, существовавшую между ними и протестантами.

Но если посѣщеніе короля и оказало отчасти нѣкоторое благотворное вліяніе, то все же въ корнѣ зло не исцѣлилось: убійства и вызываемыя ими казни и ссылки, безпорядки и смута, взаимныя оскорбленія и насилія враждующихъ сторонъ, нужда простого народа, бѣдность и безнравственность, — все это оставалось въ прежней силѣ, складываясь въ ту печальную картину, въ которой всѣ привыкли съ давнихъ поръ видѣть злосчастную Ирландію.

Этотъ интересный процессъ привлекалъ вниманіе очень многихъ изслѣдователей, пересматривавшихъ и обсуждавшихъ множество мельчайшихъ подроб-

ностей, но воспроизвести всю ту грязь, какая была разворочена на судѣ, ни одинъ не рѣшается.

Наряду съ половыми излишествами, Георгу IV ставили въ упрекъ еще и страсть къ пьянству, къ игрѣ и къ расточительности. Родившись въ 1762 г., онъ умеръ сравнительно нестарымъ 26 іюня 1830 г. въ Виндорѣ, и въ могилу не провожали его ни горестные вопли, ни благословеніе народа. Дѣтей у него не было и на великобританскій престолъ вступилъ его братъ, старшій изъ остальныхъ сыновей Георга III, подъ именемъ короля Вильгельма IV.

Кратковременное царствованіе его (1830—1837) не позволяетъ сказать ничего особеннаго ни въ похвалу ему, ни въ порицаніе. Какъ мы уже раньше упомянули, онъ прожилъ свою молодость также довольно бурно. Онъ также умеръ бездѣтнымъ и за недостаткомъ мужскихъ наслѣдниковъ престола, преемницей его сдѣлалась его племянница Викторія (1837—1901), долгая жизнь которой была отмѣчена добродѣтельностью. Нѣкоторое порицаніе вызывалъ, однако, образъ жизни ея старшаго сына, принца Уэльскаго, нынѣшняго короля Великобританіи, Эдуарда VII.

ГЛАВА V.

Древніе британцы. — Общественныя бани. — Генрихъ VIII.—Бани—публичные дома.—Докторъ Граамъ.—Серали —Шарлотта Грей.—Набобы.— Лордъ Бальтиморскій. —Марія Вильсонъ.—Таверны.—Сады «Аполло», «Уоксголль», «Пантеонъ».—Кентербери-голль, Арджиль-Румсъ и т. п.—Сводни и сутенеры. — Парламентскій актъ. — Аболиціонистское движеніе. — Распоряженія врачебно-полицейскаго надзора. — Конгрессъ нравственности.

Согласно Юлію Цезарю, у древнихъ британцевъ существовалъ групповой бракъ. Тацитъ разсказы-

ваетъ въ своей «Агриколѣ», что древніе бриты напали однажды, подъ предводительствомъ Брузиккаса, съ оружіемъ въ рукахъ «на женщину изъ королевскаго племени, ибо при исполненіи высшаго приказанія они не обращали вниманія на полъ». Изъ этого, какъ и изъ многихъ другихъ сообщеній подобнаго рода, мы можемъ заключить, что общественное положеніе женщины не было у нихъ особенно плохое, по крайней мѣрѣ не хуже, чѣмъ у другихъ народовъ той же эпохи; то же самое можно сказать и о состояніи нравственности въ отношеніи полового вопроса.

Ухудшеніе этого положенія приписывается вторженію римлянъ и, позднѣе, норманновъ. Но—какъ мы уже замѣтили въ одномъ мѣстѣ—скорѣе, таково было вѣяніе времени. Въ послѣдующія эпохи мы часто встрѣчаемъ, соотвѣтственно этнографическимъ особенностямъ каждаго народа, рядомъ съ грубыми проявленіями германской строгой нравственности, безвольную и неряшливую романскую распущенность нравовъ. Изнасилованіе каралось оскопленіемъ и ослѣпленіемъ виновнаго, скотоложство—какъ всегда и всюду, сожженіемъ.

Государствомъ признанную, такъ сказать, проституцію мы находимъ еще, по свидѣтельству Генне, въ 1180 году, когда Генрихъ II издалъ разрѣшительное свидѣтельство. Какъ и почти всюду въ Европѣ, во время среднихъ вѣковъ и позже, въ Англіи также существовали общественныя бани—Bagnios, Hoghouses или, по персидски, Hummum, и здѣсь онѣ были, даже больше чѣмъ всюду, главными очагами проституціи, потому что парламентскимъ актомъ 1161 года была узаконена организація публичныхъ домовъ въ баняхъ. Сообщая это, Джонъ Стоусъ приводитъ и подлинный текстъ этого акта. Помѣщаемъ его въ дословномъ переводѣ.

«Въ парламентскомъ засѣданіи, состоявшемся въ Вестминстерѣ въ восьмой годъ царствованія Генриха II, палатой общинъ было постановлено и утверждено королемъ и лордами, чтобы и впредь были сохранены различныя учрежденія, существовавшія въ этомъ лордствѣ или въ его окружности (въ Соуттуоркѣ, расположенномъ въ то время еще за предѣлами Лондона), согласно древнимъ обычаямъ, принятымъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ, среди которыхъ находятся нижеслѣдующія: videlicet.

«Ни одинъ содержатель публичнаго дома, а равно и его жена, не имѣютъ права насильно удерживать у себя женщину, но обязаны во всякое время свободно принимать или отпускать женщинъ, согласно ихъ собственному желанію.

«Содержателямъ бань воспрещается доставлять столъ какой-либо изъ женщинъ; онѣ должны столоваться гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, по ихъ собственному желанію.

«Запрещается взимать больше, чѣмъ по четырнадцати пенсовъ въ недѣлю за комнату, занимаемую женщиной.

«Въ праздничные дни не должны отпираться двери заведеній.

«Ни одна женщина не должна оставаться въ домѣ въ праздничные дни, полицейскій служитель долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы она находилась за предѣлами лордства.

«Ни одна женщина, въ случаѣ она пожелаетъ перестать предаваться грѣху, не должна быть удерживаема противъ ея воли.

«Содержателямъ бань воспрещается принимать монахинь или замужнихъ женщинъ.

«Ни одна женщина не должна брать денегъ за то, что пробыла нѣкоторое время на ложѣ съ мужчи-

ной, исключая только тѣ случаи, если она пробыла у него всю ночь, до утра.

«Ни одинъ мужчина не долженъ быть ни зазываемъ, ни увлекаемъ въ заведеніе бань.

«Констебли, полицейскіе сыщики и другіе чины должны еженедѣльно производить осмотръ каждаго заведенія бань.

«Содержатели публичныхъ домовъ не имѣютъ права держать женщинъ, одержимыхъ опасной болѣзнью (подразумѣвается, вѣроятно, гоноррея). А также не имѣютъ права заниматься продажей хлѣба, пива, мяса, рыбы, дровъ, угля или другихъ жизненныхъ припасовъ».

Нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ почти вполнѣ согласуются съ новѣйшими предписаніями для содержателей публичныхъ домовъ. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что понадобилось особое запрещеніе для пріема женщинъ-духовныхъ, монахинь.

Какъ и въ другихъ мѣстахъ, въ Англіи было также не рѣдкимъ явленіемъ активная или пассивная связь между духовенствомъ и проституцией. Восемнадцать изъ существовавшихъ въ XII столѣтіи въ Соутуоркѣ заведеній бань, служившихъ публичными домами, находились подъ защитой и покровительствомъ Винчестерскаго епископа.

«Согласно сообщенію Фокса въ его трудѣ «Искуства и памятники»,—говоритъ Дюранъ,—англійскіе священники содержали передъ Реформаціей больше 100.000 гурій для себя (на средневѣковомъ нарѣчіи онѣ носили названіе «Lemmans», испорченное французское слово «L'amante»), не считая множества женщинъ, которыхъ они соблазняли въ исповѣдальняхъ.

«Въ сочиненіи II. Фракси «Centuria lebrorum absconditorum (Лондонъ, 1879, стр. 208)» отмѣчается

безчисленное множество дѣтскихъ скелетовъ, которые находили въ англійскихъ монастыряхъ, въ колодцахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ. Оригинальное предложеніе было сдѣлано авторомъ сочиненія «Reasons humblij offer'd for a law to enact the Castration of Popish Ecclesiastics, as the way to prevent the growth of Popery in England, London 1700»—о томъ, чтобы все католическое духовенство въ Англіи было подвергнуто кастраціи. Оригинально!—не нужно быть клерикальнаго образа мыслей, чтобы счесть подобное предложеніе за порожденіе одержимаго помѣшательствомъ мозга.

Вышеприведенныя постановленія получали утвержденіе и со стороны послѣдующихъ королей. Въ 1351 году магистратъ City издалъ постановленіе объ особой одеждѣ для проститутокъ. Генрихъ VII приказалъ уничтожить въ 1506 году всѣ эти дома, но вскорѣ пришлось дать разрѣшеніе на открытіе вновь 12 изъ нихъ. Славившійся «строгой нравственностью» Генрихъ VII, во дворцѣ котораго была отведена комната, называвшаяся «королевской дѣвичьей», приказалъ совсѣмъ уничтожить (въ 1564 году) всѣ существовавшія «заведенія бань»,—мѣра, принятая, положимъ, и въ другихъ странахъ для противодѣйствія распространенію сифилиса.

По его приказу, по улицамъ Лондона расхаживалъ, кромѣ того, герольдъ, увѣщевавшій проститутокъ подъ аккомпаниментъ барабаннаго боя вести себя прилично и добропорядочно.

Но несмотря на все это, несмотря на всѣ затѣи, послѣдовавшія строгія мѣропріятія, проституція все росла въ англійской столицѣ, все возростало, слѣдовательно, число заведеній бань. Особеннаго процвѣтанія достигли они подъ строгой острасткой господства пуританъ, въ царствованіе Карла II, отмѣчен-

наго, какъ мы уже говорили, исключительной развращенностью.

Публичные дома подъ видомъ бань группировались въ XVIII столѣтіи преимущественно въ районѣ Ковентъ-Гардена и нѣкоторые изъ нихъ обладали довольно знатной «кліентурой». Въ своемъ сочиненіи «Англія» Эхенгольтцъ такими словами описываетъ эти притоны.

«Въ Лондонѣ существуютъ особаго рода дома, носящіе названіе общественныхъ бань, «Bagnios» и долженствующіе служить для этой цѣли. Но ихъ истинное назначеніе—доставлять увеселеніе и удовольствіе лицамъ обоего пола. Дома эти великолѣпно меблированы, нѣкоторые даже по-царски. Въ нихъ есть все, или во всякое время доставляется все, что только можетъ возбуждать чувственность. Въ самихъ домахъ не живутъ женщины, но онѣ доставляются на креслахъ-носилкахъ по первому требованію. Этой чести удостаиваются только такія женщины, которыя особо выдѣляются манерами, туалетомъ и своими чарами—и адреса свои онѣ разсылаютъ сотнями въ эти заведенія Bagnios. Если доставленная женщина не понравилась, она подарка не получаетъ, оплачивается только стоимость носилокъ.

«Англичане сохраняютъ свою серьезность и положительность даже и при своихъ увеселеніяхъ,—вотъ почему и дѣла въ подобныхъ домахъ обдѣлываются съ такою серьезностью и такимъ приличіемъ, которые и представить себѣ трудно. Никакого шума или гула! Не слышно даже громкихъ шаговъ, потому что всѣ уголки устланы коврами и дорожками и многочисленные надзиратели разговариваютъ между собой всегда вполголоса».

«Пожилые люди и лица нервно-безсильные могутъ получить здѣсь по требованію возбудительныя

средства, къ чему приспособлены всѣ заведенія. Въ каждомъ Bagnio существуютъ, ради соблюденія формальности и ванны, но употребляются онѣ рѣдко».

Эти увеселительныя заведенія стоятъ очень дорого, но тѣмъ не менѣе, какъ ни много ихъ въ Лондонѣ, они каждую ночь переполнены. Что не во всѣхъ домахъ разврата въ Англіи царитъ такая тишина и порядокъ—и въ особенности, не въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя посѣщаются мужчинами низшихъ слоевъ населенія,—это едва-ли нуждается въ спеціальномъ разъясненіи, и самъ Эхенгольтцъ сообщаетъ въ своихъ «Анналахъ» за 1701 годъ, стр. 250, слѣдующее:

«Въ Дублинѣ произошли въ іюлѣ крупные безпорядки, вызванные дракой, поднятой солдатами въ одномъ публичномъ сералѣ. Чернь напала ночью на всѣ дома такого рода, произвела разгромъ, поколотила мебель, выбила двери, окна и полы. Весь городъ былъ охваченъ паникой. Наконецъ, порядокъ былъ возстановленъ усиліями гарнизона съ чинами магистрата во главѣ и съ помощью добровольцевъ».

Въ томъ же ежегодникѣ, на стр. 239 и слѣд. мы находимъ слѣдующій разсказъ.

«Прославившійся своимъ небеснымъ ложемъ и своей земной купелью докторъ Граамъ сталъ теперь въ Батѣ во главѣ новой секты, имѣвшей въ числѣ многихъ другихъ отличій ту особенность, что дѣти получали крещеніе дважды—въ первый разъ послѣ рожденія въ водѣ и въ другой разъ, когда они подростаютъ, въ землѣ.

«У этихъ сектантовъ существуетъ не десять, а одиннадцать заповѣдей, которыя они обязаны торжественно читать дважды въ день въ кругу семьи. Въ церкви не читается ничего иного, кромѣ «Отче нашъ» и сочиненнаго къ нему самимъ докторомъ

Граамомъ комментарія. При всѣхъ этихъ богослужебныхъ собраніяхъ не допускается ни въ украшеніи помѣщенія, ни въ одеждѣ собравшихся ни одинъ другой цвѣтъ, кромѣ бѣлаго и небесно-голубого; черный, какъ адоподобный, безусловно воспрещается.

«Назначена была премія въ двадцать гиней за лучшую проповѣдь, способную заставить душу таять; другая премія въ пять гиней—за умиляющій сердце голосъ въ конгрегаціи; органистъ также обязывался письменнымъ договоромъ извлекать изъ своего органа только подкупающіе сердце звуки. Богослужебное мѣсто остается открытымъ цѣлый день, съ утра до поздней ночи, чтобы оно могло служить, какъ сказано въ уставѣ учредителя, пріютомъ и убѣжищемъ для утомленныхъ рабочихъ, для блудницъ, для прелюбодѣевъ и даже для самоубійцъ, чтобы отклонить ихъ отъ ихъ дурныхъ намѣреній».

Прибавимъ къ этому, что Граамъ со своимъ ложемъ сладострастія вызвалъ во второй половинѣ XVIII столѣтія огромную сенсацію во всей Европѣ. Это было драгоцѣнное изобрѣтеніе, которому ея творецъ сулилъ все блаженст.о рая, но которое вскорѣ, однако, оказалось обманомъ.

Публичные дома обыкновеннаго типа или «серали», какъ они тогда большей частью назывались,—появились въ Лондонѣ, какъ это видно и изъ вышеприведеннаго замѣчанія, только около середины XVIII столѣтія. Первый былъ устроенъ нѣкоей госпожей Годби по парижскому образцу въ Бервиккъ-Стритѣ и предназначался для публики «высшаго круга»; онъ встрѣтилъ вскорѣ богатую поддержку и множество подражательницъ, изъ которыхъ особенной извѣстностью пользовалась пріобрѣвшая на такомъ домѣ состояніе Шарлотта Грей.

Авторъ сочиненія «Les sérails de Londres ou les amusements nocturnes» объясняетъ причины исключительнаго успѣха, котораго добилась Шарлотта Грей при поддержкѣ богатыхъ и разслабленныхъ пэровъ,—мы приведемъ это мѣсто, оставивъ его безъ перевода.

«Les visiteurs de la sérail de Charlotte étaient de pairs débiles, qui comptaient plus sur l'art et les effects de charmes femelles que sur la nature; ils avaient usé leurs passions régulières, si on peut les appeller telles; et ils étaient obligés d'avoir recours, non seulement à la pharmacie, mais encore à l'aide factice d'invention femelle; des Aldermans impotents et autres Lévites riches, qui s'imaginassent que leurs capacités amoureuses n'étaient pas en decadence, tandis qu'ils manquaient de force et de zèle pour pouvoir, sans recours, remplir leur dévotions envers la déesse de Cypris... Charlotte considérait de telle pratiques comme des amis choisis, qui pour posseder des verges oubliaient la valeur de l'or. Comme ces amoureux visaient à la jeunesse et à la beauté, elle avait toujours un magasin des vestales qui, par leur embrassements innocents, leur procuraient un plaisir inexprimable».

Позже мы еще поговоримъ подробнѣе объ этомъ особенно сильномъ въ Лондонѣ пристрастіи къ дѣвственности. По сохранившимся записямъ благородной Шарлотты мы можемъ видѣть, что у нея находили при случаѣ «посредническія» услуги не только женщины, жившія внѣ дома, но что она доставляла такимъ же образомъ любвеобильнымъ женщинамъ и мужчинъ-проститутокъ, напримѣръ, почтеннаго капитана O'Thunder'а,—разумѣется, все за приличное вознагражденіе, причемъ дамамъ приходилось оплачивать эти услуги дороже, такъ какъ подходящій мужской «товаръ» было, конечно, труднѣе доставать.

Одна посѣтительница бань, леди Левейтъ, потребовавшая отъ Шарлоты «хорошихъ» услугъ, должна была заплатить за это удовольствіе 50 гиней, тогда какъ мужчины платили всего 5, 10 иногда 20 гиней. Шарлоттой устраивались также «праздники Венеры», на которые она приглашала своихъ кліентовъ циркулярными письмами. Вышецитированный авторъ разсказываетъ объ этихъ празднествахъ:

«On avait étendu sur le carreau un beau et large tapis et on avait orné la scène des meubles nécessaires pour les differentes attitudes dans lesquelles les acteurs et actrices dévoués à Venus devaient parêatre, conformément au systeme de l'Aretin Après queles hommes eurent présenté à chacune de leur maitresse un clou au moins de douze pouces de longueur en imitation des présent reçus, en pareil les occasions par les dames d'Otaïte, qui donnaient á un long clou la préférence à tout autre chose, ils commencèrent leur devotions et passèrent avec la plus grande dexterité par toutes les différentes évolutions des rites, relativement au mot d'ordre de Santa Carlotta, en conservent le temps le plus régulier au contentement universel des spectateurs las cifs, dont l'imagination de quelquesuns d'eux fut tellement transportée, qu'ils ne purent attendre la fin de la scène pour exécuter à leur tour leur partie dans cette fête Cyprienne, qui dura près de deux heures, et obtin les plus vifs applaudissements de l'assamblée».

Ничего нѣтъ удивительнаго, что эта почтенная особа могла составить себѣ своимъ достойнымъ ремесломъ значительное состояніе.

Не мало способствовали испорченности нравовъ въ Англіи во второй половинѣ XVIII столѣтія еще и такъ называемые «набобы»—британцы, возвращавшіеся на родину изъ Индіи съ колоссальными состояніями, добытыми эксплуатаціей, вымогательствомъ и грабежомъ. Въ пользованіи и растрачиваніи этихъ сокровищъ многіе изъ нихъ такъ же мало заботились о велѣніяхъ нравственности, какъ и при добываніи ихъ—и при этомъ половыя прегрѣшенія оказывались, быть можетъ, еще сравнительно невинными.

Безудержному разврату предавались также одержимые сплиномъ богатые англичане,—какъ напримѣръ лордъ Бальтиморскій, державшій цѣлый гаремъ и непрерывно путешествовавшій вмѣстѣ со всѣмъ гаремомъ по всему континенту, всюду останавливаясь только на самое короткое время и не задумываясь о томъ, гдѣ придется сложить когда-нибудь голову. Австрійскій писатель Грессеръ приводитъ много любопытныхъ подробностей о пребываніи этого чудака-лорда со своимъ гаремомъ въ Вѣнѣ. Онъ вернулся въ Англію, гдѣ подвергся со стороны одной изъ обитательницъ его гарема обвиненію въ изнасилованіи,—какъ говорили, по наущенію одного изъ лордовъ, бывшаго съ нимъ во враждѣ. Ему пришлось пережить скверный процессъ и хотя онъ окончился оправданіемъ лорда, но охоту разыгрывать дольше пашу онъ потерялъ. Онъ распустилъ свой гаремъ, переселился въ Италію и умеръ въ Неаполѣ въ возрастѣ тридцати лѣтъ съ небольшимъ.

Въ XIX столѣтіи изъ лондонскихъ содержательницъ публичныхъ домовъ прежде другихъ заслуживаетъ быть названной «писательница» Марія Вильсонъ, дѣятельность которой относится къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ минувшаго столѣтія. Обѣ ея профессіи отлично уживались и согласовались между собой, такъ какъ литературная дѣятельность ея распространялась исключительно на порнографію, и въ этой области она заслужила себѣ извѣстную

славу. Она проектировала также учрежденіе особаго публичнаго дома въ совершенно новомъ родѣ «для дамъ»,—богатыхъ читательницъ ея произведеній.

Учрежденіе это предполагалось на основахъ абонементной системы. Почтеннымъ абоненткамъ должна была быть предоставлена возможность выбирать себѣ по своему вкусу, сами оставаясь невидимыми, любого изъ мужчинъ въ райскихъ костюмахъ, долженствовавшихъ участвовать въ ея предпріятіи. Ничего изъ этого проекта не вышло, и литературная публичная матушка умерла, въ концѣ концовъ, въ бѣдности.

Само собою разумѣется, что въ Лондонѣ, какъ и въ другихъ портовыхъ городахъ Англіи, существовало и существуетъ множество публичныхъ домовъ, спеціально предназначенныхъ для мужчинъ болѣе простого общественнаго положенія. Сверхъ того, къ этой категоріи примыкаетъ уже съ давнихъ поръ большая часть тавернъ. У нѣкоторыхъ трактирщиковъ, ихъ содержателей, существуютъ при заведеніяхъ «салоны» или «long rooms», исключительно служащія цѣлямъ проституціи. Водочныя лавки, харчевни, пансіоны, ночлежные дома («Nighthouses») и еще нѣкоторыя другія подобныя наименованія въ большинствѣ случаевъ скрываютъ за собой не что иное, какъ притоны проституціи.

Въ прежнее время таковыми могли считаться также кофейни; нѣкоторыя изъ нихъ и до настоящаго времени еще служатъ пріютомъ для проститутокъ, но происходитъ это теперь такъ же косвенно, какъ во всѣхъ другихъ заведеніяхъ такого рода большихъ городовъ или всемірныхъ центровъ. Съ развитіемъ клубовъ кофейни потеряли огромную часть своихъ посѣтителей. Одно время счастливыми соперниками кофеенъ, какъ пріютовъ и центровъ

проституціи, явились чайныя, но теперь ихъ роль въ этомъ отношеніи совершенно ничтожна.

Нечего и говорить, что въ Лондонѣ, какъ и всюду, огромную роль въ дѣлѣ распространенія проституціи играли, какъ мы уже видѣли въ предыдущей главѣ, концерты, увеселительные залы и подобныя заведенія. Сады «Аполло», «Уоксголль», «Пантеонъ» были самыми извѣстными центрами такого рода, но можно было бы назвать еще множество мѣстъ такого рода и въ прошломъ и въ настоящемъ. Подробнѣе разсказывается объ этомъ между прочимъ въ уже неоднократно цитированномъ нами сочиненіи доктора Дюрана «Половая жизнь въ Англіи». Онъ сообщаетъ слѣдующее:

«Изъ увеселительныхъ заведеній въ Лондонѣ, посѣщаемыхъ большей частью полусвѣтомъ во второй половинѣ XIX столѣтія, наибольшей извѣстностью пользуются названныя въ «Мемуарахъ одной пѣвицы» Canterbury Hall, Argyl Rooms, Piccadilly Saloon, Holborn Casino, Black Eagle Caldwell и Cremorn Garden. Объ увеселеніяхъ въ Portland Room мемуары говорятъ: «Въ Portland Room'ѣ балы устраиваются только въ теченіе зимняго сезона Начинаются они только послѣ полуночи и продолжаются до 4—5 часовъ утра. Джентльмены и леди являются сюда въ бальныхъ туалетахъ.

Здѣсь можно видѣть истинный цвѣтъ элегантной англійской богемы. Дамы уже не танцуютъ въ мантилльяхъ и шляпахъ, а декольтированы. Мужчины тоже въ полныхъ бальныхъ туалетахъ—въ черныхъ костюмахъ, бѣлыхъ туалетахъ и съ бѣлыми галстухами. Здѣсь танцуютъ также канканъ и при этомъ самымъ разнузданнымъ образомъ,—да и вообще здѣсь женщины держатся вакханками больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и полиція въ это совершенно не вмѣшивается. Самая обстановка зала от

нюдь не соответствуетъ блестящимъ туалетамъ: она самая жалкая, какую только можно себѣ представить».

Само собою разумѣется, что англійская проституція и въ особенности лондонская, до такой степени разнообразная, имѣетъ также свою собственную терминологію Сутенеръ носитъ названіе bully (буянъ) и является субъектомъ еще болѣе, если это возможно, опаснымъ, чѣмъ его континентальные товарищи по профессіи. Разумѣется, здѣсь, какъ и всюду, различные классы проституціи имѣютъ свои различные типы сутенеровъ: то совершенно опустившееся и погибшее и по наружности существо, то въ видѣ псевдо-джентльмена, въ безупречномъ фракѣ и цилиндрѣ.

Изъ почтеннаго сословія своднеи заслуживаетъ быть упомянутой прежде всего такъ называемая «bawd» (сводница), представляющая часто въ своемъ лицѣ и содержательницу публичнаго дома и старающаяся доставить мужчинамъ своихъ «монахинь» слѣдующимъ образомъ,—какъ разсказываетъ д-ръ Дюранъ по сочиненію Ричарда Кинга «The Fraunds London»:

«Эти старыя сводни («Bawds») посѣщаютъ наши религіозныя собранія и другія общественныя мѣста, появляясь подъ руку съ молодой монахиней (какъ онѣ ихъ называютъ), и пока старая вѣдьма воздѣваетъ очи горѣ, лицемѣрно погружаясь въ молитву и симулируя благочестіе, молодая выискиваетъ въ толпѣ подходящаго для ея цѣлей мужчину и старается увлечь его.

«Когда богослуженіе подходитъ къ концу, старуха вдругъ спотыкается, при выходѣ падаетъ, оступившись, или же въ обморокъ падаетъ—смотря потому, что больше подходитъ въ данномъ мѣстѣ и къ данному случаю. Джентльменъ является на помощь, предлагаетъ руку или зоветъ карету, чтобъ

проводить ее домой. Она принимаетъ услугу и помощь, извиняется за причиненное безпокойство, проситъ свою «дочь» поблагодарить господина за его большую любезность,—молодая повинуется и пожимая незнакомцу руку, старается тѣмъ или инымъ способомъ показать ему свое желаніе познакомиться поближе.

«Дома новаго знакомаго приглашаютъ принять участіе въ трапезѣ (давно заранѣе заготовленной для этой цѣли) и пока она длится, старуха находитъ какой нибудь ничтожный предлогъ выйти изъ комнаты и оставить молодыхъ людей однихъ, а молодой человѣкъ обыкновенно никогда не упускаетъ такого удобнаго случая».

Кромѣ этой разновидности сводничества существуютъ еще поставщики—«Procureur'ы» и «Procuress'ы», доставляющіе содержателямъ публичныхъ домовъ «товаръ» и пользующіеся для этой цѣли церквами, театрами, магазинами и прочими подходящими мѣстами. Подобныя же обязанности несутъ и такъ называемые «Intelligencer'ы» и «Setter'ы», часто они содержатъ посредническія конторы, иногда обманно выдаютъ жаждущему выгодной женитьбы молодому человѣку проститутку за богатую наслѣдницу, чтобы выманить у него этимъ путемъ денегъ.

Такъ называемые «Pimp'ы» — большей частію французы—вращаются въ высшемъ обществѣ, стараются завести здѣсь подходящія знакомства среди мужчинъ, чтобы затѣмъ въ разговорѣ указать имъ на ту или другую красивую женщину, съ которой они знакомы и любезно предложить свое посредничество для знакомства.

Тѣ изъ проститутокъ, которыя лицемѣрно разыгрываютъ добродѣтельныхъ и благочестивыхъ, тогда какъ въ нихъ «сконцентрированы всѣ пороки и всѣ

глупости ихъ пола», называются «Yiltd» (податливая), а облеченная довѣріемъ содержательницы дома женщина, иногда сама еще ребенокъ, обязанная наблюдать за высланной проституткой, носить названіе «Touter».

Число занимающихся въ Лондонѣ сводничествомъ достигало въ 1790 году 2.000, въ 1850 г.—5.000, между тѣмъ какъ Ryan насчитывалъ въ 1840 году лицъ, прямо или косвенно прикосновенныхъ къ проституціи, не менѣе 400 000. Но какъ ни чудовищно ужасны эти цифры, особенно серьезнаго значенія имъ, однако, придавать не слѣдуетъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, установить границы, гдѣ начинается и гдѣ кончается эта «прямая или косвенная» прикосновенность? Что огромное число проститутокъ въ городѣ съ милліоннымъ населеніемъ соприкасается, вслѣдствіе своихъ многочисленныхъ потребностей со множествомъ различныхъ людей,—это вѣдь совершенно понятно и неизбѣжно; но нельзя же считать эти, въ большинствѣ случаевъ поверхностныя и мимолетныя, соприкосновенія за позорную прикосновенность.

Въ своей книгѣ «Женщина и соціализмъ» Бебель говоритъ: «До какой степени безполезенъ всякій полицейски-медицинскій надзоръ, — этому служитъ разительнымъ примѣромъ Англія. Въ 1866 г. былъ изданъ законъ для тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ квартировали сухопутныя и морскія войска. Между тѣмъ за время отъ 1860 до 1866 года, до существованія этого закона, легкіе случаи заболѣванія сифилисомъ понизились въ числѣ съ 32,68% до 24,73%. — въ 1872 году за шестилѣтіе дѣйствія этого закона число заболѣваній составляло 24,26% — слѣдовательно, не уменьшилось и на полныхъ 1/2% въ сравненіи съ 1866 годомъ А среднее число заболѣваній за эти 6 лѣтъ было на 1/16% больше, чѣмъ въ 1866 году.

«Въ виду этого назначенная въ 1873 году слѣдственная коммисія пришла единогласно къ тому заключенію, что «періодическія освидѣтельствованія тѣхъ женщинъ, которыя обыкновенно состоятъ въ половыхъ сношеніяхъ съ персоналомъ арміи и флота, абсолютно не дали въ результатѣ ни малѣйшаго пониженія заболѣваемости»—и рекомендовала совершенное упраздненіе періодическаго освидѣтельствованія.

«На подвергавшихся же освидѣтельствованію женщинъ эти изслѣдованія вліяли совсѣмъ иначе, чѣмъ на войска: въ 1866 году на каждую 1.000 проститутокъ приходилось 121 заболѣваній, а въ 1868 г., послѣ двухлѣтняго дѣйствія закона — 202; затѣмъ число это постепенно уменьшалось, но все же превосходило въ 1874 году число заболѣваній 1866 г. на 16 случаевъ. Число смертныхъ случаевъ въ средѣ проститутокъ также страшнымъ образомъ возросло при дѣйствіи закона. Въ 1865 году смертность равнялась 9,8 на 1.000 проститутокъ, а въ 1874 г. число это увеличилось до 23 случаевъ.

«Когда англійское правительство сдѣлало въ концѣ шестидесятыхъ годовъ попытку распространить законъ объ освидѣтельствованіяхъ на всѣ англійскіе города,—среди англійскихъ женщинъ поднялась буря негодованія. На законъ этотъ посмотрѣли, какъ на оскорбленіе для всего пола. Итакъ, говорили онѣ,—законъ Habeas corpus, тотъ самый основной законъ, который защищаетъ англійскаго гражданина отъ полицейскаго произвола и превышенія власти, — этотъ законъ для женщинъ отмѣненъ? Итакъ, всякій грубый полицейскій чиновникъ, изъ побужденій мести или иныхъ низкихъ чувствъ, имѣетъ право напасть на самую уважаемую женщину, если заподозритъ ее въ томъ, что она занимается проституціей, — и при этомъ разнузданность мужчинъ

остается совершенно безнаказанной и даже ей наоборотъ, законъ оказываетъ защиту и поддержку?»

По нашему мнѣнію, выводы Бебеля основаны, какъ мы это надѣемся показать далѣе, на недостаточной освѣдомленности, не говоря уже о томъ, что приведенныя имъ статистическія свидѣтельства заслуживаютъ довѣрія не безъ оговорокъ. Заслуженный авторъ впалъ въ заблужденіе, увлекшись зародившимся въ Англіи аболиціонистскимъ движеніемъ, которое въ наивномъ упоеніи гуманностью отвергаетъ всякій санитарный надзоръ за проституціей.

До введенія этого надзора Англія въ своемъ чопорномъ лицемѣріи оффиціально совсѣмъ не признавала существованія у себя проституціи. Общество также открещивалось всячески отъ признанія наличности этого пятна на своей нравственности — а это, какъ ясно доказали обстоятельства, отнюдь не благопріятно отражалось на моральномъ состояніи страны.

Аболиціонистское движеніе возникло въ Лондонѣ, созданное г. Жезефиной Бутлеръ, которая основала въ 1875 году англійскій и международный союзъ для борьбы съ регламентаціей проституціи. На аболиціонистскомъ конгрессѣ въ Женевѣ была принята 22 сентября 1877 года резолюція, главные пункты которой мы приведемъ ниже.

Въ Англіи существуетъ уже съ 1864 года законъ, о которомъ упоминаетъ Бебель, изданный для борьбы съ сифилисомъ. Называется онъ: «An Act for the prevention of Contagious Diseases at certain Naval and Military Stations». Первоначально законъ этотъ распространялся только на одиннадцать городовъ, такъ называемыхъ «protected districts». Актомъ 1866 года это число городовъ было увеличено до тринадцати и кромѣ того въ законъ 1864 года

были внесены измѣненія. Вновь прибавлено было слѣдующее:

А) Періодическое освидѣтельствованіе медицинскимъ чиновникомъ, назначеннымъ на эту должность, всякой проститутки въ предѣлахъ указаннаго участка либо по распоряженію администраціи, либо по добровольному согласію.

В) Задержаніе въ больницѣ каждой проститутки, найденной при подобномъ освидѣтельствованіи заболѣвшей заразной болѣзнью въ теченіе періода, не превышающаго 3-хъ мѣсяцевъ—при особыхъ условіяхъ—6-ти мѣсяцевъ. Удостовѣреніе изслѣдующаго врача безъ распоряженія администраціи является достаточной гарантіей для такого задержанія».

Новымъ актомъ отъ 11 августа 1869 года еще шесть городовъ были объявлены принадлежащими къ «protected districts» (охранительными участками) и къ нимъ присоединены также окрестности приблизительно въ 5—10 англійскихъ миль и кромѣ того были внесены въ законъ большія строгости.

Движеніе, зародившееся противъ этого закона, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ 1869 году была назначена королевская комиссія изъ 23 членовъ съ цѣлью собрать свѣдѣнія и сдѣлать докладъ объ управленіи и примѣненіи закона о заразныхъ болѣзняхъ (1866—1868) съ правомъ высказаться, долженъ ли онъ быть исправленъ, утвержденъ, расширенъ или отмѣненъ. Комиссія высказалась также за то, «чтобы періодическое освидѣтельствованіе публичныхъ женщинъ было отмѣнено», что и было сдѣлано впослѣдствіи.

Упомянутыя резолюціи Женевскаго конгресса («Féderaton Britannique et Continentale pour l'abolition de la prostitution comme institution légale et tolerée») 1887 года заключаютъ въ себѣ постановленія по пяти отдѣламъ: гигиеническому, моральному

соціально-экономическому, народнаго здравія и законодательному.

По первому отдѣлу было, между прочимъ, постановлено слѣдующее:

Отдѣлъ гигіены заявляетъ:

I. Самообладаніе въ половомъ отношеніи есть необходимая основа здоровья личности и народовъ.

II. Проституція есть коренное пренебреженіе законами гигіены.

III. Истинная задача общественной гигіены состоитъ въ развитіи всѣхъ благопріятныхъ для здоровья условій, а здоровье получаетъ свое высшее выраженіе въ общественной нравственности.

IV. Всѣ нравственно-полицейскія мѣропріятія для регламентаціи проституціи и санитарнаго надзора за нею объявляются совершенно безполезными.

V. Требуется большая заботливость въ отношеніи госпиталей къ венерическимъ заболѣваніямъ и

VI. Выражается желаніе, чтобы полиція больше заботилась о всестороннемъ наблюденіи за благопристойностью на площадяхъ и улицахъ и предупреждала бы всякій общественный скандалъ.

По отдѣлу нравственности вынесена была резолюція:

I. Развратное поведеніе такъ же предосудительно со стороны мужчинъ, какъ и со стороны женщинъ,

II. Регламентація есть покушеніе разрушить понятіе единства нравственнаго закона для обоихъ половъ и подавить голосъ общественнаго мнѣнія по этому вопросу.

III. Всякая система организаціи проституціи ведетъ къ разнузданности, увеличиваетъ число внѣбрачныхъ рожденій, развиваетъ тайную проституцію и понижаетъ уровень общественной и личной нравственности

IV. Врачебные осмотры— оскорбленіе для женщины, тѣмъ болѣе возмутительное, что производится надъ женщинами, вынужденными имъ подчиняться; они ведутъ только къ тому, что несчастныя теряютъ послѣдній сохранившійся у нихъ стыдъ.

V. Регистрація есть покушеніе на свободу и право.

Далѣе слѣдуетъ утвержденіе (VI) что, допуская регистрацію, государство забываетъ, что оно обязано защитой и покровительствомъ обоимъ поламъ и портитъ этимъ женщинъ. Затѣмъ (VII), что задача государства состоитъ въ томъ, чтобы оказывать слабымъ поддержку въ борьбѣ за доброе, между тѣмъ они ихъ толкаютъ на развратъ, облегчая его посредствомъ регламентаціи.

Довольно, однако, изреченій; всѣ они, безспорно, вполнѣ благочестивы и моральны, но страдаютъ однимъ единственнымъ недугомъ: полной непричастностью и безполезностью для практической жизни. Можно только пожалѣть, что наивности такого рода могли имѣть свое вліяніе на общественныя учрежденія, которыя — какими-бы недостатками они ни обладали, все-же обязаны своимъ происхожденіемъ властнымъ, продиктованнымъ посѣдѣлымъ опытомъ завѣтамъ.

Нами уже было упомянуто раньше, что Англія является излюбленнымъ рынкомъ, поставляющимъ бѣлыхъ невольницъ. Здѣсь будетъ умѣстно привести нѣкоторыя данныя, собранныя Полемъ Марони.

«18 іюня 1881 года во «Frankfurter Presse» появилась статья подъ заглавіемъ «Конгрессъ нравственности въ Лондонѣ», изъ которой мы приведемъ наиболѣе существенныя мѣста:

«20 іюня лондонскій лордъ-мэръ вмѣстѣ съ представителями Сити и нѣкоторыми приглашенными представителями городскихъ общинъ будутъ торже-

ственнѣйшимъ образомъ принимать членовъ одного большого Общества, уже много лѣтъ посвящающаго свои силы борьбѣ за уничтоженіе торговли бѣлыми невольницами и за коренную реформу континентальной полиціи нравовъ.

«Двѣ недѣли тому назадъ, въ засѣданіи 30 мая верхняя палата единогласно постановила: образовать изъ членовъ верхней палаты комиссію и поручить ей открыть анкету по вопросу—въ общемъ и въ частности—такъ называемой торговли бѣлыми и выработать проекты, руководствуясь которыми парламентъ могъ бы внести въ законодательство британской имперіи всѣ необходимыя постановленія для оказанія защиты англійскимъ молодымъ женщинамъ, какъ на родинѣ, такъ и заграницей, а также для прекращенія позорной торговли, практикуемой въ данной области».

«Чтобы это постановленіе стало вполнѣ понятно, нужно знать о замѣчательномъ процессѣ, который предстояло вести упомянутому обществу, при дипломатической подержкѣ лорда Гренвилля и денежной помощи лондонскаго общиннаго совѣта, съ брюссельской полиціей и нѣкоторыми лицами, занимавшимися сводничеcкой торговлей дѣвушками. Значительное число англійскихъ молодыхъ дѣвушекъ было продано, путемъ позорнаго сманиванія, въ дурные дома въ Бельгію, гдѣ съ ними очень дурно обращались и гдѣ онѣ заболѣли,—брюссельская же полиція, какъ оказалось, крайне своеобразно понимала свои обязанности въ виду безчестнаго лишенія свободы этихъ дѣвушекъ, такъ же, какъ и въ виду насильственнаго обращенія съ ними.

«Процессъ этотъ, произведшій огромную сенсацію въ Брюсселѣ и на широкое веденіе котораго англичанами были затрачено около 100.000 рублей, окончился осужденіемъ (на взглядъ оскорбленныхъ

въ своемъ національномъ достоинствѣ англичанъ, слишкомъ снисходительнымъ) нѣсколькихъ содержателей дурныхъ домовъ и тѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, которые заносили въ списки юныхъ, едва вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста и совершенно не знающихъ французскаго языка англичанокъ какъ 21-лѣтнихъ француженокъ и содѣйствовали отвратительной эксплуатаціи торговцевъ людьми.

«Было доказано, что въ означенныхъ домахъ находились выложенныя матрацами комнаты, гдѣ жертвы подвергались пыткамъ, если отказывались подчиниться своей ужасной участи; было доказано, затѣмъ, и то, что въ брюссельскихъ газетахъ сообщалось о юныхъ прибывшихъ, какъ о свѣжемъ товарѣ изъ Лондона и предлагался этотъ товаръ. На судѣ же былъ прочитанъ контрактъ, который заключилъ въ свое время съ своимъ арендаторомъ брюссельскій бургмистръ, бывшій самъ владѣльцемъ дома, который служитъ извѣстнымъ цѣлямъ. Когда выяснились подробности этого договора, а также то, что онъ отказалъ обратившимся къ нему англичанкамъ въ ихъ просьбѣ освободить ихъ изъ рабства,—этотъ почтенный представитель города оказался вынужденнымъ выйти въ отставку. Но бельгійское правительство не рѣшалось принять его отставку, такъ какъ оно, вмѣстѣ съ французскимъ и итальянскимъ правительствомъ, согласно съ необходимостью благосклоннаго отношенія полиціи къ проституціи и абсолютнымъ лишеніемъ свободы ея жертвъ,—должно быть, изъ соображеній санитарно-полицейскихъ».

По вопросу торговли англійскими дѣвушками приведемъ еще одну выдержку изъ сочиненія Альфреда Дейера.

«Начальникъ полиціи въ Брюсселѣ совѣтуетъ

устраивать публичные дома въ удобно-расположенной мѣстности, въ виду того, что мужчины, для которыхъ дома разврата представляютъ необходимость, рѣдко обнаруживаютъ желаніе отправиться куда-нибудь далеко для посѣщенія ихъ и окажутся вынужденными прибѣгать къ нерегулированной проституціи, если подъ рукой не окажется достаточно закономъ разрѣшенныхъ домовъ.

«Въ соотвѣтствіи съ подобными явленіями, составляющими систему, безнравственность приняла до того всеобщее распространеніе, что всякій стыдъ исчезъ и цинизмъ дошелъ до такой степени, что утрачивается даже вѣра въ возможность добродѣтели. Женщины почтенныхъ семействъ примиряются и свыкаются съ безнравственными привычками своихъ мужей и доходятъ до убѣжденія, что такой порядокъ неизбѣженъ и нормаленъ.

«Женское населеніе публичныхъ домовъ представляетъ не что иное, какъ рабовъ. Каковы бы ни были правительственныя постановленія при регулированіи проституціи,—въ дѣйствительности, женщины и дѣти, дѣлающіяся жертвами ея, не имѣютъ ни защиты, ни правъ, ни личныхъ, ни имущественныхъ.

Съ того дня, когда они переступаютъ порогъ этихъ домовъ, имъ не разрѣшается носить свое платье; ихъ принуждаютъ носить противные костюмы, за прокатъ которыхъ, какъ и за все остальное, въ чемъ онѣ нуждаются, назначаются чудовищныя цѣны. Этимъ способомъ ихъ заставляютъ влѣзать въ долги и угрожаютъ имъ тюрьмой, если онѣ осмѣливаются пожелать уйти изъ этого дома, не заплативъ. Часто имъ приходится терпѣть самыя ужасныя грубости и даже побои, если онѣ оказываютъ малѣйшее неповиновеніе или если онѣ не

угождаютъ желаніямъ развратниковъ, посѣщающихъ эти дома.

«Наемные сутенеры (въ большинствѣ случаевъ выпущенные преступники) всегда подъ рукой, чтобы подавить всякую попытку спасенія. Чтобы затруднить бѣгство или освобожденіе, дверные запоры въ домахъ устраиваются такъ, чтобы всякій легко могъ войти, но не могъ бы выйти иначе, какъ съ помощью спеціально для этого приставленнаго лица, отпирающаго двери. Въ большей части городовъ окна этихъ домовъ снабжены снаружи венеціанскими жалузи, которыя всегда плотно заперты, чтобы обитательницы дома не могли выглядывать на улицу. Въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ женщины содержатся особенно сурово и съ ними обращаются особенно жестоко, стѣны и двойныя двери обиты войлокомъ, чтобы на улицу не были слышны крики страдающей жертвы и ни одинъ звукъ ночныхъ оргій.

«Всѣмъ извѣстно, что завсегдатаи подобныхъ мѣстъ, вскорѣ пресыщаемые обыкновенными формами разврата, изъ жажды новыхъ чувственныхъ возбужденій, подвергаютъ обитательницу домовъ самымъ безчеловѣчнымъ, самымъ противоестественнымъ, дьявольскимъ насиліямъ и жестокостямъ, характеръ которыхъ мы здѣсь не можемъ описать подробнѣе и о которыхъ въ частной бесѣдѣ даже поверхностно говорить трудно.

«Для удовлетворенія этой жажды новизны содержатели домовъ стараются доставать безпрестанно свѣжій притокъ жертвъ, въ числѣ которыхъ, ради разнообразія, бываютъ иногда негритянки. Чѣмъ юнѣе и невиннѣе жертвы, тѣмъ большую выгоду онѣ приносятъ. Богатые развратники, моральное чувство которыхъ извращается съ молодыхъ лѣтъ правительственнымъ поощреніемъ разврата, уплачи-

ваютъ огромныя суммы за доставку обманутыхъ, смертельно испуганныхъ, безпомощныхъ дѣтей.

«Вотъ почему содержатели публичныхъ домовъ не останавливаются, какъ признаетъ и самъ брюссельскій начальникъ полиціи, ни передъ какими затратами при покупкѣ новыхъ и, по возможности, совершенно невинныхъ жертвъ. И вотъ поэтому-то англійскія дѣвушки, оплачивающіяся, быть можетъ, всего дороже, такъ какъ всего больше требуются развратниками на континентѣ, и подвергаются систематическому сманиванію и продажѣ въ рабство, безконечно болѣе жестокое, возмутительное и подлое, чѣмъ невольничество негровъ, потому что въ это рабство обращаются только молодыя, безпомощныя существа, принуждаемыя не къ труду, а къ служенію страстямъ.

Публика знаетъ, что она будетъ оповѣщена посредствомъ газетныхъ анонсовъ о прибытіи новой англійской дѣвушки, кромѣ того содержатели публичныхъ домовъ имѣютъ, подобно обыкновеннымъ торговцамъ, свои карточки — порой изящно украшенныя рисунками, которыя распространяются всюду. Само искусство унижается до того, что создаетъ картины, предназначенныя для того, чтобы возбуждать страсти».

Изъ этихъ данныхъ, которыя можно было бы пополнить безчисленнымъ множествомъ другихъ подобныхъ, достаточно явствуетъ, что нравственность въ Англіи находилась и еще и теперь находится въ крайне прискорбномъ состояніи. Въ извѣстной части этого зла виноватъ высшій актъ англійскаго законодательства (Habeas-Corpus-Acte), согласно которому англійская полиція имѣетъ право вторженія въ частное жилище только въ случаѣ наличности преступленія или по судебному предписанію. Д-ръ Гюгель говоритъ въ своемъ трудѣ по исторіи и статистикѣ проституціи:

«Чтобы начать процессъ противъ содержателя

публичнаго дома, по закону нужно, чтобы два платящихъ налоги обвинителя, живущихъ въ томъ же участкѣ, что и обвиняемый подали жалобу констэблю или сборщику налога въ пользу бѣдныхъ, послѣ чего принявшіе жалобу ведутъ ихъ къ мировому судьѣ, которому обвинители вносятъ 500 франковъ залога въ обезпеченіе судебныхъ издержекъ и 1.200 франковъ за вещественныя доказательства къ процессу. Только послѣ исполненія всего этого, магистратъ издаетъ приказъ объ арестѣ обвиняемаго.

Послѣ этого обвинители являются на слѣдствіе, которое отпускаетъ обвиняемаго на свободу, взявъ съ него обѣщаніе явиться для защиты ко времени разбора дѣла. Во время разбора обвинители должны представить вещественныя доказательства. Если обвиняемый будетъ осужденъ, каждому изъ обвинителей предоставляется право искать съ него по 200 франковъ; если же онъ будетъ оправданъ, то онъ можетъ жаловаться по суду на обвинителей. Въ числѣ доказательствъ требуется, чтобы какое-нибудь лицо заявило предъ судомъ, что имъ было совершено въ означенномъ публичномъ домѣ развратное дѣяніе.

Вполнѣ понятно, какъ трудно представить подобное доказательство. Если обвяняемый опасается, что будетъ осужденъ, то онъ переселяется изъ того участка, въ которомъ на него была подана жалоба, въ другой — и тогда жалоба должна быть подана вновь, опять въ томъ же порядкѣ двумя обвинителями, имѣющими мѣстожительство въ томъ же участкѣ и съ соблюденіемъ всѣхъ поименованныхъ формальностей. И въ концѣ концовъ, если процессъ и оканчивается осужденіемъ содержателя публичнаго дома, то приговоръ сводится всего къ десятидневному аресту.

«Въ 1850 году, благодаря дѣятельности двухъ

обществъ (The Society for the snppression ofvice» и «The London Society for the protection of young femals and prevention juvenill prostitution», было, правда, осуществлено изданіе закона *), согласно которому подвергались наказанію лица, содѣйствовавшія своимъ посредничествомъ половымъ сношеніямъ мужчинъ съ женщинами моложе 21 года, но къ особенно замѣтнымъ результатамъ не привелъ и этотъ законъ.

«Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ та смѣлость, съ которой содержатели публичныхъ домовъ публикуютъ въ газетахъ безчисленное множество анонсовъ «list of Ladies», которыми увѣдомляютъ публику о снабженіи своихъ домовъ свѣжими транспортами молодыхъ дѣвушекъ со всѣхъ концовъ имперіи,--и тотъ фактъ, что и до сихъ поръ ежегодно исчезаетъ изъ самыхъ почтенныхъ семействъ множество малолѣтнихъ дѣвочекъ и мальчиковъ, которые эксплуатируются содержателями публичныхъ домовъ для цѣлей проституціи и затѣмъ выбрасываются въ одну прекрасную ночь на улицы отдаленныхъ городскихъ кварталовъ.

«Не говоря уже о томъ, что эти безнадзорные публичные дома способствуютъ въ Англіи ужасающему распространенію сифилиса (во всемъ королевствѣ—1.460.000 сифилитическихъ заболѣваній ежегодно) и оказываютъ укрывательство безчисленному множеству преступниковъ—помимо этого, они угрожаютъ и личной безопасности своихъ гостей. Посѣтителей вовлекаютъ въ покрытіе чудовищныхъ счетовъ, ихъ одурманиваютъ наркотическими напитками, ихъ чисто грабятъ и изрядно избиваютъ, вышвыривая потомъ полу-нагими на мостовую.

*) La prostitution en Engleterre, par le docteur *Richelot.*

«Въ кварталахъ Fleetdich, гдѣ помѣщается нѣсколько такихъ домовъ, существуетъ впадающій въ Темзу акведукъ, въ которомъ находятъ часто трупы. Но такія убійства обнаруживаются гораздо рѣже, чѣмъ совершаются, потому что эти трупы чаще угоняются теченіемъ прямо въ море.

«Въ Лондонѣ насчитывается 3335 тайныхъ публичныхъ домовъ и около 500 водочныхъ заведеній, трактировъ, курительныхъ павильоновъ и подобныхъ притоновъ, въ которыхъ содержатся распутныя женщины. На берегу Темзы существуютъ большіе залы (longrooms), въ которыхъ сидятъ рядами по 500 публичныхъ женщинъ, изъ нихъ посѣтителямъ представляется сдѣлать выборъ и уводить съ собою выбранную въ устроенные при залахъ отдѣльные кабинеты. Есть въ ихъ числѣ и богато убранныя элегантныя залы, въ которыхъ собирается по вечерамъ до 200 богато разодѣтыхъ и разряженныхъ женщинъ и куда являются для оргій посѣтители изъ круговъ денежной аристократіи.

«Въ Ливерпулѣ насчитывалось въ 1856 году, по изслѣдованіямъ д-ра Тэта, 770 публичныхъ домовъ, въ Манчестерѣ—263, въ Эдинбургѣ—203 и въ Глазговѣ—204».

Безспорно, подобныя статистическія данныя представляютъ довольно проблематическую цѣнность и, какъ мы это уже видѣли раньше, довольно сильно отличаются другъ отъ друга. Ріонъ, напримѣръ, насчитываетъ въ 1840 году до 5000 публичныхъ домовъ въ Англіи, причемъ въ это число не вошли многіе, дѣйствующіе подъ замаскированными названіями, а Табло насчитывалъ нѣсколько лѣтъ спустя не менѣе 5000.

При такомъ положеніи дѣла, вполнѣ понятны тѣ усердныя и иной разъ излишне усердныя старанія, какія проявляетъ частная инициатива для борьбы

съ этимъ позоромъ,—иногда даже съ успѣхомъ и во всякомъ случаѣ съ очень похвальными намѣреніями, но иногда и безъ всякой пользы и даже въ ущербъ нѣкоторымъ здоровымъ мѣропріятіямъ, какъ мы уже нѣсколько разъ имѣли случай видѣть.

Въ Англіи начали возникать позже, чѣмъ во Франціи и въ Германіи учрежденія для раскаявшихся проститутокъ,—тѣмъ не менѣе въ настоящее время ихъ тамъ больше, чѣмъ въ другихъ странахъ; почти въ каждомъ городѣ Англіи есть одинъ или нѣсколько такихъ пріютовъ, носящихъ названіе «убѣжищъ», «Пріютовъ Магдалины» и т. п. Кромѣ того, существуетъ еще много «филантропическихъ» и другихъ обществъ, посвящающихъ себя различнымъ способамъ реабилитаціи проститутокъ и улучшенія нравственности.

По словамъ доктора Гюгеля, въ Лондонѣ существуютъ слѣдующія учрежденія:

Magdalen-Hospital. Это учрежденіе основано въ 1758 году несчастнымъ королевскимъ придворнымъ проповѣдникомъ, д-ромъ Вил. Доддомъ. Оно призрѣваетъ въ настоящее время 93 женщины.

Lock-Asylums. Это убѣжище было основано въ 1787 году для раскаявшихся проститутокъ, вышедшихъ изъ больницы того же названія. Въ немъ находятъ пріютъ 18 женщинъ.

London female Penitentiary. Это заведеніе основано въ 1807 году для призрѣнія 93 женщинъ.

Guardian-Society. Оно было учреждено въ 1812 году для призрѣнія 31 раскаявшейся проститутки.

Тѣ-же цѣли преслѣдуютъ еще слѣдующія заведенія: Maritime penitent refuge (осн. въ 1819 году), British penitent female refuge, Female mission South-London penitentiary и еще нѣкоторыя.

Для борьбы съ проституціей и нравственной поддержки и спасенія проститутокъ, въ Лондонѣ существуютъ еще слѣдующія общества: «The Society for the suppresion of vice» (осн. въ 1828 году) и The London Society for the prostection of Young females and preventton of juvenil prostitution» (осн. въ 1832 году). Послѣднее общество пользуется значительной субсидіей отъ высшаго духовенства.

Затѣмъ — Distressed needlewomen Society (осн. въ 1844 году). Это общество оказываетъ поддержку молодымъ работницамъ, чтобы охранить ихъ отъ проституціи.

Въ Эдинбургѣ существуетъ еще съ 1797 года исправительный домъ, учрежденный для раскаявшихся проститутокъ и вмѣщающій 25 женщинъ.

Съ тѣхъ поръ въ Англіи возникло еще множество другихъ учрежденій этого и подобнаго рода, — въ томъ числѣ аболиціонистское движеніе, о которомъ мы уже ранѣе говорили.

ГЛАВА VI.

Разоблаченія «Pall-Mall Gazette». — Растлѣніе дѣвушекъ. — Сообщенія двухъ лицъ, мужчины и женщины, занимавшихся сводничествомъ. — Цѣны на дѣвушекъ. — Компанейская фирма. — Свидѣтельства о дѣвственности. Манія дефлораціи. — Процессъ Уайльда. — Заключеніе.

Ужасающую картину дикой и преступной безнравственности въ высшихъ общественныхъ слояхъ Лондона развернули появившіяся въ 1885 году разоблаченія «Pall-Mall Gazette», произведшія огромную сенсацію во всемъ цивилизованномъ мірѣ. При поддержкѣ многихъ замѣтныхъ по своему общественному положенію мужчинъ и дамъ, названная газета образовала секретную комиссію, собиравшую нужные матеріалы и поставившую предъ собой пять явленій для изслѣдованія:

I. Покупка, продажа и растлѣніе дѣтей.
II. Доставка невинныхъ дѣвушекъ.
III. Обольщеніе и разореніе женщинъ.
IV. Международная торговля женщинами.
V. Отвратительныя, жестокія и противоестественныя преступленія.

Въ сущности, въ этихъ разоблаченіяхъ факты, преданные гласности, не содержали ничего новаго, дотолѣ неизвѣстнаго, но никогда еще до тѣхъ поръ не было указано на нихъ съ такой убѣдительной силой, никогда еще не было подтверждено такимъ множествомъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что преступныя проявленія сладострастности и распутности достигли такихъ размѣровъ.

«Прежде чѣмъ я предпринялъ это разслѣдованіе,— говоритъ одинъ изъ сотрудниковъ комиссіи, — я имѣлъ интимную бесѣду съ однимъ изъ самыхъ опытныхъ чиновниковъ, который имѣлъ возможность знакомиться впродолженіи многихъ лѣтъ со всѣми фазами лондонскихъ преступленій. Я спросилъ его:

— Дѣйствительный-ли это фактъ, что если я только умѣло возьмусь за дѣло, то содержатели извѣстныхъ домовъ доставятъ мнѣ за наличную сумму къ указанному сроку дѣвушку,—и не поддѣльный товаръ, я разумѣю: не простую проститутку, выдаваемую за дѣвушку, а настоящую дѣвушку, не бывшую соблазненной.

— Конечно, отвѣтилъ онъ, ни на мгновеніе не поколебавшись.

— За какую цѣну? продолжалъ я.

— Это очень трудный вопросъ, сказалъ онъ. Я припоминаю одинъ случай, съ которымъ я познакомился въ Скотлэндъ-Ярдѣ по служебной обязанности, гдѣ цѣна была опредѣлена въ 20 фунтовъ стерлинговъ. За такую сумму многія предпріятія брались доставлять дѣвушекъ въ дома, извѣстные

такой репутаціей, — и я нисколько не сомнѣваюсь, что такія поставки совершаются въ Лондонѣ часто.

— Ну, а какую роль играютъ эти дѣвушки въ такомъ договорѣ,—идутъ онѣ добровольно или изъ принужденія? спросилъ я. Дѣйствительно-ли онѣ невинныя дѣвушки, т. е. являются-ли онѣ не только физически «virgo intacta», но и цѣломудренныя ли онѣ дѣвушки въ душѣ, неспособныя согласиться добровольно на свое обольщеніе?

Онъ былъ изумленъ моимъ вопросомъ и, помолчавъ, отвѣтилъ выразительно:

— Конечно, онѣ рѣдко даютъ свое согласіе и обыкновенно совершенно не знаютъ, что съ ними произойдетъ.

— Вы, значитъ, думаете, сказалъ я изумленный, что въ Лондонѣ дѣйствительно совершаются похищенія въ настоящемъ смыслѣ этого слова, при которыхъ дѣвушки покупаются противъ своей воли и уступаются содержателями своднических домовъ богатымъ мужчинамъ по такой-то цѣнѣ за голову?

— Разумѣется, сказалъ онъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

— Но одной мысли о такомъ ужасѣ довольно, чтобы весь адъ встрепенулся, воскликнулъ я.

— Это вѣрно, сказалъ онъ, и все-же это не будитъ даже сосѣдей.

— Но развѣ дѣвушки не кричатъ?

— Ну, разумѣется, кричатъ. Но какой же толкъ отъ криковъ въ тихой спальнѣ? Вспомните, что наибольшее разстояніе, на какое могутъ быть слышны необыкновенно сильные крики мужчины или женщины, какъ, напримѣръ, при покушеніи на убійство, равняется разстоянію двухъ минутъ ходьбы, а дальше разстоянія въ пять минутъ ходьбы вообще не можетъ быть слышенъ никакой человѣческій крикъ. Представьте себѣ случай, что дѣвушка под-

вергается изнасилованію въ какой-нибудь комнатѣ, примыкающей къ вашему дому. Вы слышите ея крикъ, такъ какъ собираетесь въ эту минуту уснуть. Вздумаете ли вы встать, одѣться, спуститься съ лѣстницы и потребовать, чтобы васъ впустили? Едва-ли. Но представьте себѣ даже, что крики продолжаются, васъ они начинаютъ безпокоить, вы начинаете подумывать о томъ, не слѣдуетъ ли вамъ предпринять что-либо. Но раньше чѣмъ вы рѣшились и одѣлись, крики прекратились и вы думаете про себя, что вы были бы глупцомъ, если-бы потревожили ихъ.

— Но какъ же полицейскій на посту?

— Онъ не имѣетъ права вторгаться въ домъ, даже если бы и слышалъ что-нибудь. Если-бы констебль имѣлъ право врываться во всякій домъ, въ которомъ раздаются женскіе крики, то у постелей рожденицъ присутствіе полицейскихъ было бы такимъ же обыкновеннымъ явленіемъ, какъ присутствіе врачей. Разъ уже дѣвушка попала въ подобный домъ, то она уже въ почти полной безпомошности и вѣроятность того, что она будетъ осквернена, очень велика.

— Но, вѣдь, похищеніе—несомнѣнное уголовное преступленіе, преслѣдуемое закономъ. Развѣ она не можетъ жаловаться?

— На кого же она будетъ жаловаться? Она не знаетъ имени своего насильника. Она едва-ли была-бы въ состояніи узнать его, если-бы встрѣтила его на улицѣ. А если бы она и пожаловалась,—кто повѣрилъ бы ей? Женщина, потерявшая свою невинность, не можетъ разсчитывать на довѣріе къ своимъ показаніямъ. Тотъ фактъ, что она оказалась въ домѣ, пользующемся дурной репутаціей, былъ бы, вѣроятно, принятъ за доказательство ея согласія. Содержатель дома и вся прислуга поклялись

бы, что она дала свое согласіе, они присягнули бы, что она не кричала и на жалобщицу взглянули бы, какъ на шантажистку, вымогающую денегъ.

— И такія вещи могутъ случаться и теперь?

— Разумѣется, случаются, и будутъ случаться, и ничего вы тутъ не подѣлаете, пока у мужчинъ есть деньги, пока существуютъ ловкія сводни и пока женщины слабы и неопытны».

Эти свѣдѣнія побудили автора произвести болѣе точныя разслѣдованія. Онъ завязалъ сношенія съ лицами, занимающимися сводничествомъ въ западной и восточной частяхъ Лондона и въ провинціи и получилъ такимъ образомъ много интересныхъ свѣдѣній, обѣщая сохранить ихъ втайнѣ. Одинъ содержатель публичнаго дома, оставившій свою профессію, чтобы зажить новой жизнью порядочнаго человѣка, сообщилъ ему, что на «свѣжихъ дѣвушекъ», какъ выражаются въ тѣхъ кругахъ, существуетъ постоянный спросъ и, чтобы поддержать «репутацію дома», они непрерывно добываютъ ихъ.

Охота на «свѣжихъ дѣвушекъ» отымаетъ, правда, много времени, но для понимающаго дѣло она затрудненій не представляетъ. Изъ своей собственной практики сводникъ разсказывалъ, какъ онъ, переодѣваясь, отправлялся во всевозможныхъ видахъ въ деревню, заводилъ тамъ знакомства съ дѣвушками, обѣщалъ имъ жениться, увозилъ ихъ прокатиться въ Лондонъ, подъ предлогомъ, что покажетъ имъ достопримѣчательности, здѣсь опаивалъ ихъ, устраивалъ такъ, чтобъ опоздать на послѣдній въ этотъ день поѣздъ и затѣмъ предлагалъ имъ гостепріимство у себя въ домѣ.

«Тогда все дѣло сдѣлано. Мой кліентъ получилъ невинную дѣвушку, а я получаю свои 10 или 20 фунтовъ стерлинговъ комиссіонныхъ. На другое утро, дѣвушка, потерявшая себя и не смѣющая

вернуться домой, по всей вѣроятности, примирится съ тѣмъ, чтобы вести себя, какъ другія, и превратится въ одинъ изъ моихъ «нумеровъ», т. е. она будетъ добывать себѣ средства къ существованію на улицѣ, къ выгодѣ моего дома».

Другимъ средствомъ добывать нужный матеріалъ является «разведеніе», взращиваніе малолѣтнихъ. Случается, что бѣдныя одинокія женщины или спившіеся родители, имѣющіе маленькихъ дѣвочекъ, продаютъ ихъ содержателямъ публичныхъ домовъ, которые и вскармливаютъ ихъ, пока онѣ окажутся пригодными для ихъ гнусныхъ цѣлей. Увѣряютъ, что на этотъ товаръ предложеніе иногда превышаетъ спросъ.

Чтобы убѣдиться въ правдивости этихъ свѣдѣній, авторъ поручилъ одному агенту спросить у сводника, можетъ-ли онъ ему доставить черезъ три дня «свѣжую дѣвушку», дѣвственность которой была бы удостовѣрена врачемъ. Это оказалось возможнымъ и онъ и получилъ бы ее въ срокъ, но такъ далеко не счелъ благоразумнымъ пойти. Онъ могъ быть вполнѣ убѣжденъ, что чиновникъ далъ ему вѣрныя свѣдѣнія.

Затѣмъ онъ узналъ отъ одной сводни слѣдующія свѣдѣнія о ея дѣятельности:

«Обыкновенно владѣлица пользующагося извѣстной славой дома сдаетъ комнаты «веселымъ» женщинамъ и живетъ на то, что получаетъ отъ нихъ за наемъ и на прибыль отъ напитковъ, покупать которые эти женщины заставляютъ своихъ посѣтителей въ пользу хозяйки дома. Она можетъ выходить или сидѣть дома—какъ ей угодно. Если дѣла нехороши, тогда ей приходится и самой принять участіе, обыкновенно же она довольствуется тѣмъ, что имѣетъ достаточно дѣвицъ на складѣ и слѣдитъ, чтобы онѣ приводили съ собой достаточно посѣтителей и чтобы потреблялось побольше ликеру. Нѣкоторыя изъ нихъ не могутъ рѣшиться выйти на улицу и ихъ почти приходится гнать. Если бы не водка и не квартирная хозяйка, онѣ ни за что не вышли бы.

«Нѣкоторыя изъ дѣвушекъ, живавшихъ у меня, упрямились, кричали, заявляли, что не могутъ ходить на улицу, не могутъ переносить этой жизни. Ну, мнѣ приходилось поить ихъ водкой, самой выводить ихъ и удерживать ихъ, чтобъ онѣ назадъ не возвращались. Потому что, если бы онѣ не находили себѣ мужчинъ,—откуда же я получала бы свою квартирную плату?»

— А первоначально онѣ соглашались добровольно?

— Нѣкоторыя, да. Другія же не имѣли иного исхода.

— Какъ такъ?

— Потому что раньше онѣ не имѣли никакого понятія о томъ, что съ ними сдѣлаютъ—пока мужчины не попадали къ нимъ въ спальню, ну а потомъ уже было поздно. И я, и мои женщины—мы всегда готовы заманивать «свѣжихъ дѣвушекъ» и удерживать ихъ, пока онѣ сопротивляются,—а затѣмъ имъ всыпаютъ въ пиво щепотку нюхательнаго табаку и это дѣлаетъ ихъ безоружными на то время, которое нужно джентльмену, чтобы получить свое удовольствіе.

— Часто это такъ происходило?

— Безчисленное множество разъ! Это обычный пріемъ для поддержанія дома. Каждая женщина, у которой есть дѣловая смекалка, всегда находится въ поискахъ за красивыми дѣвушками. Легче всего сманивать хорошенькихъ дѣвушекъ, если онѣ бѣдны или если у нихъ нѣтъ родителей и онѣ живутъ не дома. Какъ это происходитъ? Я помню, какъ я разъ

прошла разстояніе въ 100 миль или больше, чтобы добыть одну дѣвушку. Въ другой разъ я наняла квартиру прямехонько около одного училища, гдѣ я каждый день могла видѣть дѣвочекъ по дорогѣ ихъ въ школу или изъ школы,—и скоро замѣтила одну, пришедшуюся мнѣ очень по вкусу. Это была дѣвочка приблизительно лѣтъ 13, рослая, сложенная такъ, что глядѣла старше своихъ лѣтъ, хорошенькая и по всему обѣщавшая быть доходной. Я узнала, что она живетъ у своей матери Я наняла ее для комнатныхъ услугъ въ свою квартиру. На другой день я взяла ее съ собой въ Лондонъ, и мать больше такъ и не увидѣла ея.

— Что же съ ней сталось?

— Одинъ господинъ заплатилъ мнѣ 13 фунтовъ стерлинговъ за первый разъ, какъ только она пришла въ городъ. Она спала, когда онъ это сдѣлалъ, крѣпко-крѣпко спала. Правду сказать, ее усыпили. Это дѣлается очень часто. Я дала ей одурманивающее питье. Это была смѣсь лавдана *) съ чѣмъ-то еще; иногда употребляется хлороформъ, но я пользуюсь только нюхательнымъ табакомъ или лавданомъ. Мы называемъ это «dworse» или «black draft». Засыпаютъ онѣ отъ этого, какъ мертвыя,—и обыкновенно только утромъ узнаютъ, что съ ними приключилось.

— И что же тогда?

— О, онѣ тогда ужасно кричатъ отъ боли, но удивляются, ничего не понимая, что случилось, чувствуя только, что онѣ едва въ состояніи двигаться отъ боли. Ну, разумѣется, мы имъ говоримъ, что ничего особеннаго не случилось, что всякой дѣвушкѣ это приходится испытать; во всякомъ случаѣ все свершилось безъ ихъ вѣдома, и тутъ ужъ

*) Экстрактъ изъ опія.

никакіе крики не помогутъ. Сколько ни кричи, не вернешь, ничего не подѣлаешь. И вотъ ей остается дѣлать то, что всѣ другія дѣлаютъ. Она можетъ, если захочетъ, жить барыней, дѣлать что угодно и веселиться цѣлый день. Если она очень противится, я ее выругаю, скажу ей, что ее никто на порогъ не пуститъ, такъ какъ она теперь потерянная; я угрожаю ей, что выгоню ее изъ дому, какъ злую и неблагодарную дѣвчонку. Въ девяти случаяхъ изъ десяти или въ девяносто девяти изъ ста результатъ одинъ и тотъ же: ребенокъ, обыкновенно моложе 15 лѣтъ, испуганная и покинутая, съ отуманенной снотворнымъ напиткомъ головой, мучимая болью и страхомъ, она обыкновенно теряетъ всякую надежду,—и черезъ одну недѣлю она оказывается одной изъ приманокъ дома.

Разумѣется, не обходится и безъ насилій надъ бѣдной соблазненной жертвой, помимо уже упомянутыхъ снотворныхъ напитковъ. Крики остаются обыкновенно неслышными,—по крайней мѣрѣ, не посвященнымъ — а отчаянное сопротивленіе побѣждаютъ порой тѣмъ, что связываютъ несчастной руки. Впрочемъ, пріемы такого рода имѣютъ, повидимому, международное распространеніе,—Отто Генне разсказываетъ такія же вещи о брюссельскихъ и другихъ бельгійскихъ сводняхъ. Но и бельгійскія стоятъ въ тѣсныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ со своими англійскими товарищами по ремеслу и смотрятъ на британскую почву, какъ на излюбленную арену своей безсовѣстной дѣятельности.

Впрочемъ, пути и средства, которыми пользуются эти люди для достиженія своихъ цѣлей, чрезвычайно разнообразны и не послѣднюю роль среди нихъ играютъ газетныя объявленія, посредствомъ которыхъ отыскиваются дѣвушки для извѣстныхъ услугъ. Этотъ способъ распространяется также и

на требованія за-границу и неоднократно уже приходилось консульствамъ и различнымъ обществамъ и лицамъ предостерегать молодыхъ дѣвушекъ отъ легкомысленнаго согласія на предложенія должностей воспитательницъ и т. п. на блестящихъ условіяхъ.

Въ отчетѣ сообщается, далѣе, что цѣны на отыскиваемыхъ дѣвушекъ въ западной части Лондона установлены болѣе высокія, чѣмъ въ восточной части; за первыхъ платятъ 10 фунтовъ стерлинговъ, за вторыхъ 20; но въ общемъ установленная на этотъ «товаръ» цѣна равняется, повидимому, 5 фунтамъ стерлинговъ.

Упомянутый сотрудникъ «Pall-Mall Gazette» бесѣдовалъ съ владѣльцами занимающейся сводничествомъ «компанейской фирмы». Бесѣда велась самымъ дѣловымъ образомъ. Онъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее:

— Мнѣ разсказывали недавно,—началъ я, чтобы перейти къ интересовавшему меня вопросу,—что въ послѣднее время спросъ на невинныхъ дѣвушекъ нѣсколько уменьшился, такъ какъ сводни много разъ уличались въ обманахъ. Рынокъ наводненъ, говорятъ, «подправленными» дѣвицами, предложеніе которыхъ всегда превышаетъ спросъ на нихъ—и оттого спросъ на настоящій, неподдѣльный товаръ понизился.

— У насъ это не водится, сказала старшая компаньонка; мы не знаемъ, что такое подправленныя дѣвицы. Я даже не думаю, чтобъ стоило труда фабриковать дѣвицъ, потому что всегда можно достать настоящихъ вдоволь. Я могу сказать, наоборотъ, что рынокъ оживился и спросъ повышается. Цѣны, пожалуй, нѣсколько упали; это происходитъ отъ того, что наши кліенты требуютъ больше. Докторъ N., напримѣръ, одинъ изъ моихъ кліентовъ,

имѣвшій обыкновеніе раньше брать одну дѣвушку въ недѣлю за 10 фунтовъ стерлинговъ, беретъ теперь каждыя двѣ недѣли по три и платитъ по 5—7 фунтовъ стерлинговъ.

— Что вы! воскликнулъ я,—возможно-ли, что вы доставляете одному только господину 70 невинныхъ дѣвушекъ ежегодно?

— Конечно, сказала она; да онъ взялъ-бы сто, если-бъ мы только успѣвали добывать ихъ. Но онъ такой оригиналъ. Приказчицъ онъ не беретъ и, вдобавокъ, требуетъ, чтобы поставляемыя ему дѣвушки были непремѣнно старше 16 лѣтъ.

— Старше 16 лѣтъ?

— Ну да. Это потому, видите, что онъ хочетъ по закону. Никто не имѣетъ права уводить дѣвушку моложе 16 лѣтъ изъ дома ея родителей или законныхъ опекуновъ. Когда дѣвушкѣ минетъ 13 лѣтъ, она можетъ добровольно дать соблазнить себя. Но если ей еще не исполнилось 16 лѣтъ, то даже въ случаѣ ея согласія, мы—я и моя компаньонка, а также содержатель дома, или то лицо, куда мы ее приводимъ—подвергаемся наказанію. Вотъ почему мой старикъ-кліентъ, который очень остороженъ, ни за что не хочетъ брать дѣвушки моложе 16 лѣтъ. Это нѣсколько ограничиваетъ наши источники.

Бесѣда длилась еще нѣкоторое время въ такомъ духѣ, затѣмъ я спросилъ, вывозятъ-ли они также за границу свой «товаръ».

— Нѣтъ, экспортомъ мы не занимаемся. Мы торгуемъ дѣвственностью, а не дѣвушками. Моя компаньонка беретъ дѣвушекъ только для одного раза и послѣ этого возвращаетъ ее по принадлежности. Этимъ и ограничивается наше дѣло. Мы совершаемъ только первыя паденія, каждая дѣвушка проходитъ только разъ черезъ наши руки. Наши кліенты требуютъ дѣвственницъ, а не подержанные

экземпляры—и обыкновенно только разъ и въ глаза видятъ каждую дѣвушку.

— А какая участь постигаетъ подержанные экземпляры?

— Всѣ возвращаются по своимъ мѣстамъ и къ своимъ занятіямъ. Но—прибавила раздумчиво сводня—впослѣдствіи всѣ все-же попадаютъ на панель. Разъ уже дѣвушка пала, она навѣрное повторитъ это и станетъ, какъ всѣ. Исключенія бываютъ очень рѣдко. Помнишь ты такіе случаи?

Младшая компаньонка припомнила пару случаевъ, но подтвердила также, что дѣвушка, поддавшаяся разъ соблазну, рѣдко возвращается на честный путь.

— Рождаются ли иногда у этихъ дѣвушекъ дѣти?

— Послѣ перваго раза не часто. Ихъ мы увѣряемъ, разумѣется, что это никогда не случается. Эти дѣти такъ простодушны, онѣ всему вѣрятъ. Эта малютка, напримѣръ, которую мы вамъ доставили, вообразила, что она уже соблазнена, когда акушерка осмотрѣла ее. Но разумѣется, иногда случается, что онѣ съ перваго же раза дѣлаются матерью.

— Въ такихъ случаяхъ вы, конечно, заставляете отца признать ребенка?

— Что вы говорите! Да и какъ это было бы возможно? воскликнула старшая, смѣясь. Да вѣдь въ этомъ и особенность нашей фирмы, что дѣвушки никогда не знаютъ своихъ соблазнителей; въ большинствѣ случаевъ они не знаютъ даже его адреса. И какъ могли бы онѣ его узнать? Въ будущее воскресеніе, напримѣръ, я должна буду привести одну кухарку господину М., который держитъ одну квартиру близъ Бедфордъ-сквера и кромѣ этой еще три или четыре другихъ, куда ему доставляются

дѣвушки. Я усажу кухарку въ наемную карету и мы будемъ проѣзжать улицу за улицей,—наконецъ, мы остановимся у одного подъѣзда и войдемъ. Кухарка встрѣтитъ господина, съ которымъ проведетъ нѣсколько минутъ,—самое большее, полчаса. Втеченіе этого времени она, разумѣется, взволнована, да и страдаетъ болѣе или менѣе. Когда она снова одѣнется, я усажу ее обратно въ карету,—и этого господина она никогда больше не увидитъ. Если бы она даже и замѣтила домъ, что очень сомнительно, то все таки имени жильца она вѣдь не знаетъ, что же она можетъ сдѣлать?

Чтобы изслѣдовать дѣло основательно, упомянутый сотрудникъ газеты приказалъ себѣ доставить 5 дѣвушекъ въ трехдневный срокъ и каждую съ медицинскимъ свидѣтельствомъ. Цѣна была условлена по 5 фунтовъ стерлинговъ за каждую.

«Въ назначенный день въ половинѣ 5 вечера я поджидалъ всю компанію на условленномъ мѣстѣ въ Mary-lebon-road.

«Черезъ нѣсколько минутъ я увидѣлъ приближающихся госпожъ X. и Z., но въ сопровожденіи только троихъ дѣвушекъ. Первая была высокаго роста, красивая и, должно быть, полныхъ 16 лѣтъ; остальныя двѣ были моложе и съ нѣсколько неуклюжими фигурами. Двѣ изъ нихъ были продавщицы въ магазинахъ, третья изучала ремесло модистки.

«Сводни разсыпались въ извиненіяхъ. Онѣ отправились до самаго Highgate, чтобы добыть сполна всю заказанную «партію», но оказалось, что двѣ изъ имѣвшихся въ виду дѣвушекъ не могли уйти въ воскресенье; въ понедѣльникъ онѣ ихъ непремѣнно приведутъ. Чтобы загладить свою вину передо мной, онѣ обязываются даже доставить мнѣ въ по-

недѣльникъ три вмѣсто двухъ—всего, слѣдовательно, шесть дѣвушекъ.

«Мы отправились къ врачу. Дѣвушки, незнакомыя другъ съ другомъ и не смѣвшія другъ съ другомъ заговорить, входили по-одиночку для освидѣтельствованія, которому подвергались безъ сопротивленія. Послѣ освидѣтельствованія, онѣ подписали каждая бумажку, въ которой выражали свое согласіе отдаться. Къ большому разочарованію дѣвушекъ, двумъ изъ нихъ было отказано въ свидѣтельствѣ о дѣвственности. Врачъ не могъ сказать положительно, что онѣ не дѣвушки, но обѣ не оказались, выражаясь технически, «virgo intacta».

«Я далъ обѣимъ дѣвушкамъ по 5 шиллинговъ за безпокойство, за то, что ихъ напрасно привели, уплатилъ госпожамъ X. и Z условленную комиссіонную сумму за удостоенную свидѣтельства дѣвушку и ушелъ съ слѣдующимъ документомъ въ карманѣ.

. . . . W. 17 іюня 1885 года.

Симъ удостовѣряю, что я сего числа освидѣтельствовалъ 16-лѣтнюю D. и констатировалъ дѣвственность ея.

Докторъ. . . . въ M.

Обязательство.

Настоящимъ изъявляю свое согласіе принадлежать Вамъ за плату отъ 4 до 5 фунтовъ стерлинговъ. Обязываюсь явиться туда, куда вы мнѣ укажете, предупредивъ за два дня.

Подпись: D. 16 лѣтъ отъ роду.

Адресъ: . . . ул., № 11.

«Ничего не могло быть проще и коммерчески обыкновеннѣе этой сдѣлки, которая отличалась отъ обычныхъ операцій фирмы X. и Z. только тѣмъ, что вмѣсто соблазна было произведено медицинское освидѣтельствованіе. Вооруженный этимъ лоскуткомъ

бумаги, я могъ приказать своимъ дѣвушкамъ явиться, когда мнѣ вздумается.

Я долженъ еще оговориться, что докторъ былъ посвященъ въ мой умыселъ и согласился произвести освидѣтельствованіе тоже только въ интересахъ ознакомленія съ системой сводничества, въ которой менѣе щепетильные врачи играютъ главную роль.

«Сводни были безутѣшны отъ того, что двѣ трети ихъ товара оказались забракованными. Обѣ дѣвушки были въ свою очередь обезкуражены сомнѣніемъ въ ихъ дѣвственности—сомнѣніемъ, впрочемъ, быть можетъ, и неосновательнымъ. Какъ солидныя коммерсантки, озабоченныя безупречнымъ реномэ своей фирмы, обѣ дамы рѣшились выполнить заказъ, безъ всякаго шума.

«Въ слѣдующій понедѣльникъ обѣ дѣвушки-подростка были доставлены къ врачу и обѣ оказались невинными. Я получилъ слѣдующее свидѣтельство:

. . . . W. 20 іюня 1885 года.

Симъ удостовѣряю, что я освидѣтельствовалъ сего числа 17 лѣтнюю В. и 17 лѣтнюю К. и констатировалъ дѣвственность обѣихъ.

Докторъ. . . . въ M.

«Послѣ произведеннаго освидѣтельствованія обѣ дѣвушки подписали свое согласіе быть соблазненными. Причитающая сумма на этотъ разъ обозначена не была.

«Такимъ образомъ мнѣ были доставлены въ промежутокъ 6 дней три дѣвушки со свидѣтельствами и двѣ безъ свидѣтельствъ

«Но заказъ еще былъ не сполна выполненъ; сводни настаивали на томъ, что выполнятъ весь и просили только нѣсколько дней отсрочки.

«Въ пятницу утромъ они привели къ врачу четырехъ молодыхъ дѣвушекъ; троимъ было по 14 лѣтъ, одной—18 лѣтъ; послѣдняя была помощницей по-

вара въ одномъ изъ первыхъ отелей западнаго Лондона.

«Тремъ первымъ врачъ отказалъ въ свидѣтельствѣ— получила свидѣтельство только 18-лѣтняя.

— Ну, виданы-ли такія негодницы! воскликнула госпожа Z. раздраженно. Вѣчно самыя молодыя срамятся при освидѣтельствованіяхъ!

«Дѣвушка съ аттестаціей изъявила согласіе быть обезчещенной за 5 фунтовъ стерлинговъ. Я взялъ еще одно «обязательство» отъ одной изъ осрамившихся дѣвушекъ и заявилъ затѣмъ фирмѣ, что признаю себя удовлетвореннымъ.

«Всего мнѣ было доставлено въ теченіе десяти дней девять дѣвушекъ, изъ которыхъ четверо съ удостовѣреніемъ дѣвственности, въ которомъ остальнымъ пятерымъ было отказано.

«И вотъ я являюсь въ настоящее время обладателемъ обѣщаній принадлежать мнѣ отъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ со свидѣтельствами и отъ троихъ дѣвушекъ безъ оныхъ, въ невинности которыхъ я чувствую очень мало сомнѣнія.

«Итого 7 молодыхъ дѣвушекъ, въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ, подписали договоры, готовыя быть соблазненными кѣмъ, когда и гдѣ угодно, при томъ только условіи, что я ихъ увѣдомлю за 2 дня впередъ и уплачу имъ полностью причитающуюся сумму въ размѣрѣ не менѣе 24 и не болѣе 29 фунтовъ стерлинговъ. Гонорары, расходы и пр. могли составить еще самое большее 10 или 15 фунтовъ. Такимъ образомъ, считая все, я могъ бы переуступить дѣвушекъ въ розницу по 18 фунтовъ стерлинговъ за голову—и еще получилъ бы барышъ при этой комбинаціи».

Эти отвратительныя и ужасныя по своему внутреннему смыслу и благодѣтельныя по своему значенію разоблаченія, представляютъ въ общемъ картину

того, что происходитъ во всѣхъ большихъ городахъ, хотя надо сказать, что манія дефлорированія нигдѣ не развита до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ въ предѣлахъ чопорной Великобританской имперіи.

При чтеніи этихъ разоблаченій невольно вырывается вопросъ: что же дѣлаетъ полиція при этихъ ужасахъ? «Pall-Mall-Gazette» даетъ и на это отвѣтъ и изъ него мы видимъ, что здѣсь, какъ и всюду, полиція состоитъ въ самыхъ лучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ содержателями публичныхъ домовъ. И если только показанія названной газеты не преувеличены, то приходится съ прискорбіемъ признать, что трогательное согласіе, царящее между ними—еще сильнѣе здѣсь и еще безстыднѣе, чѣмъ въ Парижѣ, слывущемъ за наибольшее гнѣздо разврата.

— Полиція—лучшій другъ содержателей публичныхъ домовъ, сказалъ мнѣ одинъ бывшій «патронъ».

— Почему?

— Потому что она закрываетъ глаза. А содержатели домовъ—лучшіе друзья полиціи, потому что они ей платятъ.

— А сколько вы платили полиціи?

— Три фунта стерлинговъ еженедѣльно, каковы бы ни были дѣла, даже при плохихъ,—отвѣтилъ онъ послѣ непродолжительнаго раздумья. А мое заведеніе было еще не изъ крупныхъ.

«Мнѣ разсказывали, что одинъ пользующійся очень дурной славой домъ въ западномъ Лондонѣ уплачивалъ ежегодно полиціи до 500 фунтовъ стерлинговъ наличными, не считая безплатныхъ угощеній, которыми пользовались при случаѣ констебли и другіе полицейскіе чины. Что касается этого пункта, то произвести разслѣдованіе мнѣ здѣсь, разумѣется невозможно; я могу только сказать, что

это во всемъ западномъ кварталѣ—секретъ полишинеля, и при желаніи безпристрастно разслѣдовать этотъ вопросъ, имя и адресъ этого дома—во всякое время къ услугамъ желающаго. Что же изъ всего этого слѣдуетъ? А то, что между содержателями публичныхъ домовъ и полиціей существуетъ союзъ.

«Одна очень опытная въ дѣлахъ милосердія дама, слова которой стоятъ выше всякаго сомнѣнія, разсказывала мнѣ, что каждый разъ, какъ она намѣревается освободить молодую дѣвушку изъ какого нибудь извѣстнаго дома западной части города, ей приходится дѣйствовать съ величайшими предосторожностями, чтобы объ этомъ не пронюхала полиція. Стоило ей недосмотрѣть, какъ она почти каждый разъ узнавала, что содержатель этого дома оказывался предупрежденнымъ и дѣвушку переправляли въ другой домъ. Въ восточной части города дѣло обстоитъ нѣсколько лучше, а въ западной надо быть очень осторожнымъ, чтобы полиція ничего не замѣтила, если желать настигнуть по свѣжимъ слѣдамъ людей, совершающихъ изложенныя мною преступленія».

Много дурного сообщаетъ авторъ и о директорахъ театровъ и владѣльцахъ крупныхъ магазиновъ,—хотя и съ нѣкоторыми оговорками.

«Нѣкоторыхъ директоровъ театровъ обвиняютъ—справедливо-ли или нѣтъ—въ томъ, что они берутъ себѣ право соблазнять всѣхъ приглашаемыхъ ими актриссъ. Можно опасаться также, что довольно основательны и тѣ слухи, согласно которымъ владѣлецъ одного крупнаго торговаго предпріятія въ Лондонѣ смотритъ на служащихъ у него женщинъ, какъ на свою собственность, словно султанъ на своихъ гаремныхъ женщинъ, выбирая изъ нихъ для себя самыхъ красивыхъ; говорятъ, что весь его мужской персоналъ слѣдуетъ его примѣру».

Но обвиненія такого рода, особенно, когда они высказываются такъ нерѣшительно, слѣдуетъ принимать съ большой осторожностью, потому что при ближайшемъ ознакомленіи въ огромномъ большинствѣ случаевъ навѣрное окажется, что бѣдныя соблазненныя жертвы уже давно предавались тайной проституціи.

Поразительнѣе всего то, что изъ упомянутыхъ статей оказывается, что Лондонъ является самымъ крупнымъ рынкомъ по торговлѣ человѣческимъ тѣломъ,—рынкомъ, имѣющимъ огромный ввозъ и вывозъ. Что касается вывоза, то образчики этихъ операцій мы уже видѣли при разсмотрѣніи положенія вопроса въ Бельгіи. Прибавимъ еще ко всему сообщенному одну бесѣду, которую имѣлъ тотъ-же журналистъ, сотрудникъ «Pall-Mall-Gazette» съ однимъ старымъ сводникомъ, пользующимся большой извѣстностью среди экспортеровъ англійскихъ дѣвушекъ».

«Я спросилъ его: Какъ велико, по вашему, число дѣвушекъ, увозимыхъ изъ нашей страны для поступленія въ континентальные дома проституціи?

Онъ отвѣтилъ не сразу, погрузившись, повидимому, въ разсчеты и вычисленія. Черезъ нѣкоторое время онъ отвѣтилъ:

— Я могу сказать только о Бельгіи и Сѣверной Франціи. О снабженіи этимъ товаромъ Парижа, Бордо, Нидерландовъ и другихъ мѣстъ континента мнѣ ничего не извѣстно. Я думаю все-таки, что ежемѣсячно уѣзжаетъ въ эти города приблизительно съ дюжину молодыхъ англичанокъ.

— Слѣдовательно, ежегодно около 250! Это очень много. А многія ли изъ этихъ дѣвушекъ занимались еще до своего отъѣзда проституціей?

— Приблизительно одна треть; двѣ трети такихъ дѣвушекъ воображаютъ, что ѣдутъ поступать на мѣста и о томъ, какая ихъ ожидаетъ участь, узнаютъ только тогда, когда уже оказываются въ публичныхъ домахъ. Но и тогда имъ говорятъ правду не сразу, а постепенно. Путешествіе ихъ обставляютъ такъ, что ихъ сопровождаютъ чужія женщины, которымъ предписывается не возбуждать ихъ подозрѣній, пока не наступитъ пора объяснить имъ все. Мало по малу имъ открываютъ, гдѣ онѣ находятся, и дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что онѣ покоряются неизбѣжности.

— Какое число англійскихъ дѣвушекъ соотвѣтствуетъ, по вашему, обыкновенному потребленію тѣхъ домовъ, которыми вы прежде завѣдывали?

— Обычное количество для каждаго дома—одна или двѣ. Но нормальное число молодыхъ англичанокъ, требуемыхъ Брюсселемъ, доходитъ до двадцати или тридцати. Въ Антверпенѣ число это гораздо значительнѣе,—и въ общемъ во всѣхъ бельгійскихъ публичныхъ домахъ находится въ настоящее время, вѣроятно, сто молодыхъ англичанокъ. Само собой разумѣется, я прикидываю такъ только по своему соображенію. Никакихъ статистическихъ данныхъ у меня нѣтъ,—я только предполагаю такое число на основаніи всего того, что я знаю объ этихъ домахъ и объ ихъ подвижномъ составѣ.

— Какъ происходитъ доставка ихъ въ эти дома?

— Самымъ обыкновеннымъ коммерческимъ путемъ. Я лично занимался этимъ только короткое время. Экспортировалъ я за это время всего на всего одиннадцать дѣвушекъ, не считая тѣхъ, которыхъ переправила моя жена. Изъ этого числа я доставилъ 5 въ Брюссель, 3 въ Антверпенъ, 2 въ Болонью, и 1 въ Лилль. Содержательницы увеселительныхъ заведеній уплачивали мнѣ опредѣленную

сумму за каждую дѣвушку подъ условіемъ, что каждая изъ нихъ окажется при сдачѣ вполнѣ здоровой; если дѣвушка заболѣвала и ее приходилось помѣстить въ больницу, я лишался своихъ денегъ. Каждый разъ содержательницы обѣщали мнѣ уплатить полностью всю причитающуюся сумму, когда дѣвушка выздоровѣетъ, выпишется изъ больницы и поступитъ къ нимъ; но этого обѣщанія онѣ никогда не исполняютъ.

При этомъ онъ глубоко вздохнулъ о нечестности содержательницъ веселыхъ домовъ.

— Какой суммой выражалось обыкновенно ваше вознагражденіе?

— Обыкновенно я получалъ 10 фунтовъ стерлинговъ, но изъ этой суммы долженъ былъ покрывать всѣ расходы.

— А расходы были значительные?

— О, нѣтъ! желѣзнодорожный и пароходный билеты и небольшой задатокъ. Моя жена отыскивала многихъ на улицѣ. Проститутки, стремящіяся къ перемѣнамъ, воспитательницы дѣтскихъ садовъ безъ мѣста, продавщицы въ магазинахъ. Это вѣдь очень легко. Жена завязываетъ разговоръ съ ними и увѣряетъ ихъ въ чемъ угодно,—онѣ достаточно наивны, чтобъ повѣрить всему, чего бы имъ ни наплести. Имъ наобѣщаютъ и отличныя мѣста, и красивые туалеты, и постоянные безплатные билеты въ театры, и много карманныхъ денегъ,—словомъ, все такое, по чему умная дѣвушка сразу догадалась-бы, что тутъ кроется обманъ, но эти совсѣмъ не умны: онѣ тотчасъ проглатываютъ, какъ пискари, приманку и—готовы, дѣло сдѣлано.

— Какимъ путемъ везутъ ихъ обыкновенно?

— Ради экономіи времени, черезъ Дуврь на Остэндэ. Иногда же содержательница заведенія сама пріѣзжаетъ въ Дувръ и онѣ ей здѣсь передаются.

Она слѣдитъ за ними очень строго, не пробуждая при этомъ подозрѣній къ себѣ.

— А какія затрудненія встрѣчаются при этой торговлѣ?

— Во-первыхъ, можетъ случиться, что кто-нибудь на пароходѣ разговорится съ дѣвушками и какъ-нибудь намекомъ разъяснитъ имъ, куда и зачѣмъ ихъ везутъ. Если молодыя дѣвушки узнаютъ это еще на пароходѣ, чиновникъ морской полиціи испугается отвѣтственности и тогда транспортъ никогда не прибудетъ на мѣсто назначенія.

Во-вторыхъ, если даже пароходный путь и совершился благополучно, опасность грозитъ еще въ томъ, что онѣ могутъ поднять шумъ уже сойдя на берегъ, а если бы онѣ прибѣгли къ полиціи и полиція приняла бы въ нихъ участіе, послѣдствія для насъ могутъ выйти очень непріятныя. Бельгійская полиція беретъ всегда сторону молодыхъ дѣвушекъ, но бельгійская полиція не говоритъ по-англійски, а дѣвушки не понимаютъ по-французски. Въ такихъ случаяхъ переводчикомъ обыкновенно является содержательница заведенія,—ну, а эта сумѣетъ, конечно, выйти безъ ущерба изъ затрудненія.

Въ третьихъ, даже и тогда, когда онѣ уже доставлены на мѣсто, у насъ могутъ все-же отнять ихъ, если за нихъ вступится какой-нибудь благожелатель и обратится къ королевскому прокуратору. Англійскіе консулы не отличаются особенной добротой, но королевскіе прокураторы, согласно буквальному смыслу закона, существуютъ для того, чтобы освобождать всякую англичанку, удерживаемую противъ ея воли въ публичномъ домѣ—даже въ томъ случаѣ, если она не выплатила своихъ долговъ.

— Если такъ, что же все-таки удерживаетъ ихъ въ домахъ?

— Ихъ ставятъ въ такія условія жизни, что добраться до прокуратора имъ вовсе не легко. И потомъ,—вѣдь это совсѣмъ не трудно обмануть какъ-нибудь молодую дѣвушку, наболтать тамъ чего-нибудь или инымъ какимъ-нибудь способомъ отнять у нихъ возможность бѣгства. Иной разъ дѣвушки горько жалуются, особенно на посѣщенія врача. Англичанки этого очень не любятъ и бываютъ случаи, что онѣ оказываютъ серьезное сопротивленіе. Вы вѣдь знаете, что въ Англіи дѣвушки пользуются большой свободой. Въ Бельгіи онѣ не такъ свободны, но все-таки больше, чѣмъ во Франціи. Въ публичныхъ домахъ французской провинціи имъ предоставляется очень мало свободы. Здѣсь дѣвушекъ безпрестанно мѣняютъ. Случается, что какая-нибудь дѣвушка побываетъ въ теченіе одного года въ трехъ или четырехъ домахъ.

— Кто считается въ настоящее время самыми крупными экспортерами?

— Ф. отправился въ Ливерпуль, гдѣ теперь это дѣло переживаетъ очень благопріятный моментъ; моя жена теперь въ Манчестерѣ, Альфредъ и еще 5—6 человѣкъ теперь въ Лондонѣ. К., П., Х. и Ц.—всѣ родомъ бельгійцы—работаютъ теперь сообща въ этомъ дѣлѣ. Экспортъ маленькихъ дѣвочекъ, въ возрастѣ 13 или 14 лѣтъ, находится теперь преимущественно въ рукахъ нѣкоей Кэтъ, а кто теперь занимается поставкой дѣтей 8 и 9 лѣтъ, этого я не знаю. Большинство этихъ агентовъ готово во всякое время поставлять въ заграничные публичные дома ребенка какого угодно возраста, по первому требованію. Только не я! Ни за тысячу фунтовъ!

Если вы хотите воспрепятствовать этой торговлѣ, то поставьте только человѣка, заслуживающаго довѣрія, на бортъ парохода и еще другого для надзора за тѣмъ, исполняетъ-ли прокураторъ свои обя-

занности—этого будетъ совершенно достаточно, чтобъ искоренить этотъ промыселъ,— поскольку это касается, по крайней мѣрѣ, насильственно соблазняемыхъ дѣвушекъ».

Еще за нѣсколько лѣтъ до появленія этого ряда статей въ «Pall-Mall Gazette», правительство и парламентъ старались измѣнить это гнусное барышничанье людьми, но вполнѣ уничтожить его не могли. Очень слабымъ успѣхомъ увѣнчивались также всѣ усилія и правительства, и частной инициативы для борьбы со «ввозомъ» дѣвушекъ-иностранокъ,— а эти попытки, вдобавокъ, и небезопасны.

«Миссъ Стерлинъ, добрая и сострадательная учредительница нѣсколькихъ обществъ для защиты и спасенія дѣтей въ Эдинбургѣ и Лейтѣ, сообщала въ своихъ докладахъ много поразительныхъ случаевъ ввозной торговли дѣвушками. По словамъ одного офиціальнаго корреспондента, извѣстный Джорджъ Р., котораго гамбургскій священникъ охарактезировалъ, какъ «молодого нѣмецкаго рабочаго, ведущаго, безъ всякаго сомнѣнія, торговлю молодыми дѣвушками», добылъ себѣ двухъ молодыхъ дѣвушекъ, Анну и Элизу, посредствомъ слѣдующей публикаціи, появившейся въ гамбургской газетѣ «Reform».

«Знатное семейство въ Эдинбургѣ (Шотландія) желаетъ усыновить дѣвочку въ возрастѣ 12 лѣтъ; предпочтительнѣе дочь бѣдныхъ родителей или сироту. Предложенія адресовать: № 424. Стокбридтъ, почт. отд. Эдинбургъ».

И вотъ, когда миссъ Стерлинъ удалось вырвать этихъ дѣтей изъ когтей г. Р., этотъ пришелъ въ такую ярость, что миссъ Стерлинъ пришлось въ теченіе пяти мѣсяцевъ оставаться подъ охраной полиціи, такъ какъ она опасалась за свою жизнь, Р. грозилъ ей убійствомъ. Проступокъ ея состоялъ

въ томъ, что она вырвала двухъ дѣтей изъ рукъ торговца невольниками.

Эта отрасль промышленности практикуется, повидимому, вполнѣ систематически.

Велико было изумленіе гамбургскаго бургмистра, когда онъ узналъ, что англійскій законъ не вѣдаетъ такихъ дѣлъ; 8 марта 1884 года графъ Мюнстерскій напечаталъ свой докладъ, въ которомъ онъ выразилъ все негодованіе по поводу этого чудовищнаго барышничанья»...

Кромѣ всѣхъ изложенныхъ здѣсь золъ, нравственность Великобританіи страдаетъ, повидимому, еще и многимъ другимъ. Не рѣдкое явленіе здѣсь представляютъ и такія противоестественные пороки, которые были преданы гласности и надѣлали столько шума въ концѣ минувшаго XIX столѣтія, въ процессѣ Оскара Уайльда.

Было сдѣлано много попытокъ съ самыхъ различныхъ сторонъ, въ томъ числѣ и со стороны лицъ, въ высшей степени компетентныхъ и достойныхъ уваженія,—представить подобныя половыя уродливости какъ явленія болѣзненныя и не подлежащія, поэтому, тѣмъ законнымъ преслѣдованіямъ, которымъ онѣ почти всюду подвергались до сихъ поръ.

За отмѣну соотвѣтственныхъ статей закона высказался, въ числѣ другихъ, и профессоръ Крафтъ Эбингъ въ своемъ сочиненіи «Половая психопатія»— на томъ основаніи, что «предусмотрѣнныя законодательствомъ преступленія происходятъ обыкновенно отъ прирожденной душевной ненормальности» и что «отличить случаи простой распутности отъ случаевъ болѣзненной развращенности можетъ только тщательное медицинское изслѣдованіе».

Но если даже и такъ? Пусть это покажется жестокостью,—но въ концѣ концовъ, несокрушимымъ

правиломъ для всякаго законодательства должна быть забота о человѣческомъ обществѣ,—оно должно защищать его чего бы это ни стоило и какой бы то ни было цѣной должно обезпечивать его порядокъ и благополучіе. Въ этомъ основномъ стремленіи и во исполненіе этого долга своего, законодательство должно отказываться отъ всякихъ сантиментальныхъ побужденій и безстрашно пренебречь даже нѣкоторыми выводами изъ научныхъ изслѣдованій—хотя бы оно за это подверглось упреку въ несправедливости и напоминанію извѣстнаго принципа «fiat justitia». Повторяемъ: даже если-бы это было и несправедливостью въ отношеніи преступника—а это еще отнюдь не можетъ считаться рѣшеннымъ безповоротно—пусть! общество требуетъ защиты, общество—высшій законъ и высшее право.

ПОЛОВОЕ ВЛЕЧЕНІЕ

и

ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА

профессора РОЛЛЕДЕРА.

Содержаніе книги: Нормальное и извращенное половое влеченіе.- Отсутствіе или недостатокъ полового влеченія и половое извращеніе.—Недостатокъ ощущенія сладострастія со стороны мужчины и со стороны женщины.—Половое воздержаніе,—польза и вредъ его.—Чрезмѣрное половое влеченіе.—Сатиріазисъ у мужчинъ и нимфоманія у женщинъ (множество примѣровъ).—Половое влеченіе у гермафродитовъ.—Половое влеченіе у оскопленныхъ.—Половыя оргіи скопцовъ и евнуховъ.—Нормальное и ненормальное половое отправленіе.—Физіологія полового акта у мужчины.—Физіологія полового акта у женщины.—Злоупотребленіе естественными половыми сношеніями и ихъ послѣдствія.—Неврастенія на половой почвѣ.- Болѣзни органовъ чувствъ, какъ послѣдствіе истощающихъ половыхъ сношеній.—Послѣдствіе половыхъ излишествъ для половыхъ органовъ.—Вагинизмъ.—Искусственное безплодіе.- Примѣненіе презервативовъ.—Примѣненіе антисептическихъ пульверизаторовъ и предупрежденіе оплодотворенія.—Зачатіе естественное и искусственное.—Оволяція.—Случайныя и невольныя оплодотворенія.—Процессъ оплодотворенія.—Искусственное оплодотвореніе, т.-е. терапевтическое устраненіе безплодія.—Причины безплодія.—Оперативное и искусственное созданіе безплодія.

321 страница на веленевой бумагѣ, съ предисловіемъ, подъ редакціей доктора *В. К. Панченко.* Цѣна 1 рубль. СПБ., Надеждинская, 1, Редакц. «Тайны Жизни».